РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION
IN SOCIAL SCIENCES

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
INSTITUTE OF ECONOMY

РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

RUSSIA AND THE CONTEMPORARY WORLD

2(103)

В НОМЕРЕ

In This Issue:

Борьба с коррупцией в постсоветской России
The Fight Against Corruption in Post-Soviet Russia

Американская альтернатива европейской демократии
American Alternative to European Democracy

СССР: Экономика, спецслужбы, ритуальные услуги
USSR: Economy, Security Services, Funeral Services

Туризм как форма народной дипломатии
Tourism as a Form of Public Diplomacy

Издается с 1993 г.
Выходит 4 раза в год

МОСКВА
2019

УДК 009
ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
Р 75
DOI: 10.31249/rsm/2019.02.00

ИНИОН РАН

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН

Редакционная коллегия:

В.С. Мирзеханов – доктор исторических наук, профессор, главный редактор, *В.Н. Бабенко* – доктор исторических наук, профессор, *И.И. Глебова* – доктор политических наук, *В. Деннингхаус* – доктор исторических наук, профессор Гамбургского университета, *Д.В. Ефременко* – доктор политических наук, *И.В. Ильин* – доктор политических наук, профессор, *Е.Б. Калоева* – кандидат исторических наук, *О.И. Киянская* – доктор исторических наук, профессор, зам. главного редактора, *Ф. Конт* – доцент Университета Париж 1, Пантеон-Сорбонна, *А.Д. Некипелов* – доктор экономических наук, академик РАН, *Р.М. Нуреев* – доктор экономических наук, профессор, *Т.Г. Пархалина* – кандидат исторических наук, *Ю.С. Пивоваров* – доктор политических наук, академик РАН, *Л.В. Скворцов* – доктор философских наук, профессор, академик МАИ, *Б.А. Хейфец* – доктор экономических наук, *Л.Н. Шаншиева* – кандидат философских наук, *М.А. Ядова* – кандидат социологических наук

Ответственный секретарь *А.А. Халатов*
Ведущий научный сотрудник редакции
доктор филологических наук *А.Г. Готовцева*
Ведущий редактор *М.В. Виноградова*
Художник обложки *Г.И. Козубов*
Редактор сайта журнала (www.rossovmir.ru)
кандидат социологических наук *М.А. Ядова*

ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
УДК 009

ISSN 1726–5223

© ИНИОН РАН, 2019

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

А.В. Шубин
От власти Советов к партократии **6**

В.Н. Бабенко
Проблемы борьбы с коррупцией в системе органов государственной власти в постсоветской России **27**

И.И. Глебова
О россиеведении в России и Центре россиеведения ИНИОН РАН **37**

RUSSIA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

A.V. Shubin
From the Power of the Soviets to the Power of the Party **6**

V.N. Babenko
Problems of the Fight Against Corruption in the Authorities in Post-Soviet Russia **27**

I.I. Glebova
About Russian Studies in Russia and at the Russian Studies Centre of the Institute of Scientific Information for Social Sciences **37**

РОССИЯ И МИР, В XXI ВЕКЕ

А.В. Гущин, И.Е. Ханова
Постсоветское пространство: Причины, процесс и промежуточные результаты трансформации **53**

А.М. Астахов
Образ России в электронных СМИ Азербайджана (февраль-март 2018 г.) **67**

А.О. Ковалева
Военно-политические аспекты сотрудничества России и Китая в современной геополитической ситуации **82**

RUSSIA AND THE WORLD IN THE 21ST CENTURY

A.V. Gushchin, I.E. Khanova
Post-Soviet Space: Causes, Processes and Transitional Results of Transformation **53**

A.M. Astakhov
The Image of Russia in Electronic Media of Azerbaijan (February-March 2018) **67**

A.O. Kovaleva
Military and Political Aspects of Cooperation Between Russia and China in the Current Geopolitical Situation **82**

А.А. Мигранян
Перспективы развития торговых отношений ЕАЭС и Вьетнама **92**

А.В. Белокобыльский, В.С. Левицкий
Американский глобальный проект как угроза европейской демократии **112**

А.А. Стракевич
«Старые» и «новые» правые популисты в Западной Европе (На примере «Альтернативы для Германии» и «Австрийской партии свободы») **126**

О.Н. Новикова
Дети халифата **141**

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

М.А. Фельдман
«Третье сражение». Вопрос о путях социально-экономического развития СССР на Ноябрьском (1928 г.) пленуме ЦК ВКП (б) **159**

Е.В. Гиголаева
Советская похоронная индустрия в 1920-е годы: Новый быт в контексте западных градостроительных идей **178**

С.Б. Брилёв
Операция «Оранж». Загадочные испанцы – участники англо-советской разведывательно-диверсионной схемы «Ледоруб» в 1943 г. **190**

A.A. Migranyan
Prospects for the Development of Trade Relations Between the EEU and Vietnam **92**

A.V. Belokobyl'sky, V.S. Levicky
American Global Project as a Threat to European Democracy **112**

A.A. Strakevich
The «Old» and «New» Right-Wing Populists in Western Europe (On the Example of «Alternatives for Germany» and «Austrian Freedom Party») **126**

O.N. Novikova
Children of the Caliphate **141**

PHENOMENOLOGY OF SOVIET SOCIETY

M.A. Fel'dman
«The Third Battle». The Question of the Ways of Socio-Economic Development of the Soviet Union at the November (1928) Plenum of the Central Committee of the CPSU (b) **159**

E.V. Gigolaeva
Funeral Industry in the 1920s: Soviet New Life in Context Western Urbanism **178**

S.B. Brilev
Operation «Orange». Spaniards Participating in the Anglo-Soviet Intelligence and Sabotage Scheme «Pickaxe» in 1943 **190**

РАЗМЫШЛЕНИЯ. СООБЩЕНИЯ. КОММЕНТАРИИ

И.К. Богомолов
Рапорты уездных земских исправников Московской губернии о настроении населения в 1914–1915 гг. **216**

И.С. Ильин
Взаимоотношения власти и православной церкви в современной России **225**

Д.А. Волкова
Трудовая миграция в Чешскую Республику из Украины в настоящее время **236**

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

Л.А. Можаева
Пространство народной дипломатии: Туризм **243**

Т.Г. Биткова
Рец. на сб.: Россия и Румыния во время Первой мировой войны. Бухарест, 2018 **251**

REFLECTIONS. COMMUNICATIONS. COMMENTS

I.K. Bogomolov
Reports of District County Governors of the Moscow Province About the Mood of the Population in 1914–1915 **216**

I.S. Ilin
Relations Between the Authorities and the Orthodox Church in Modern Russia **225**

D.A. Volkova
Labour Migration to the Czech Republic from Ukraine Nowadays **236**

REVIEWS. SUMMARIES

L.A. Mozhaeva
Space of People's Diplomacy: Tourism **243**

T.G. Bitkova
Review on: Rusia şi România on Timpul Primului Război Mondial. Bucureşti, 2018 **251**

DOI: 10.31249/rsm/2019.02.01

А.В. Шубин

ОТ ВЛАСТИ СОВЕТОВ К ПАРТОКРАТИИ

Аннотация. *В статье анализируется эволюция Советов рабочих, солдатских (красноармейских) и крестьянских депутатов в конце 1917–1918 гг., когда они были основной властью на местах. Автор показывает, каким образом Советы прошли путь от органов, которые имели широкую самостоятельность и внутренний плюрализм, до политически монолитных подразделений централизованной партийно-государственной иерархии.*

Ключевые слова: *Советы; Совет народных комиссаров; большевики; меньшевики; эсеры; продовольственная диктатура; Гражданская война.*

Шубин Александр Владленович – доктор исторических наук,
главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН,
профессор Российского государственного гуманитарного университета
и Государственного академического университета гуманитарных наук.

A.V. Shubin. From the Power of the Soviets to the Power of the Party

Abstract. *The article analyzes the evolution of the Soviets of workers, soldiers and peasants deputies at the end of 1917–1918, when they were the main power on the ground. The author shows how the Soviets went from bodies that had wide independence and internal pluralism to politically monolithic units of the centralized party-state hierarchy.*

Keywords: *Soviets; Council of people's Commissars; Bolsheviks; Mensheviks; Esers; food dictatorship; civil war.*

Shubin Alexander Vladlenovich – Doctor of History,
Chief Researcher of the Institute of Universal History
of the Russian Academy of Sciences,
Professor of the Russian State University for the Humanities
and the State Academic University of the Humanities.

Советы, возникшие в России в революционной обстановке 1905 и 1917 гг., дали наименование целой исторической эпохе и стали символом борьбы с капитализмом по всему свету. В таких работах, как «Апрельские

тезисы», «Государство и революция», «Тезисы об Учредительном собрании» и др., В. Ленин объявил Советы принципиальной альтернативой «буржуазным» государственным системам – как авторитарным, так и парламентским. Это отношение предопределило апологетическое отношение к Советам в советской историографии, которая рассматривала их в неразрывном единстве с коммунистической партией, сосредоточивая внимание на политике последней. Другие идейные течения и партии в советах воспринимались как нечто инородное, им органически не присущее, а отклонение от заданного компартией идеала – как ошибочные тенденции (например, «местнические»), которые следовало поправить для того, чтобы Советы развивались по единственно верному пути и «стали постоянной и единственной основой государственной власти, формой организации авангарда трудящихся» [7, с. 141]. Этот подход отчасти сохраняется и в современных исследованиях, свободных от марксистко-ленинских догм, но не от идеологем вообще. Власть Советов нередко отождествляется с Советской властью, а это – не одно и то же.

Советы берут власть

Одним из первых решений Советской власти, принятых на II съезде Советов рабочих и солдатских депутатов в октябрьские дни 1917 г., была передача власти на местах Советам. Первоначально у Советов не было ни структур, ни кадров, чтобы заменить собой местные органы самоуправления – земства, городские думы и их управы. Поэтому временно было решено даже расширить полномочия городского самоуправления [1, с. 278–279]. Советы должны были пока осуществлять контрольные функции, быть представителями верховной Советской власти. Но значительная часть муниципалитетов не признавала Советскую власть и ее решения. Муниципалитеты руководили городским хозяйством прежними методами, игнорируя Советы.

Однако для ведения городского хозяйства нужны были средства. 18 декабря Совет народных комиссаров выделил на муниципальные нужды 200 млн руб. займов [1, с. 279]. Они шли через Советы, что способствовало налаживанию их отношений с муниципалитетами. Но до Учредительного собрания те думы, где у большевиков не было большинства, продолжали отстаивать свою самостоятельность по отношению к Советам.

18 ноября СНК предоставил Советам право распускать городские думы. При этом Советы должны были решать сами, в зависимости от готовности взять в свои руки хозяйство, решать, когда это лучше сделать. Но был и другой мотив распустить думу и управу – их неуступчивость. Так что Советы могли пойти на разгон надоевшего муниципалитета, который справлялся с делами лучше, чем потом Совет.

16 ноября была распущена Петроградская дума. Но 27–28 ноября были проведены перевыборы Думы. Социалисты и кадеты их бойкотировали, так что состав оказался просоветским. Формально Дума просуществовала до весны 1918 г., действуя под контролем Петросовета. Когда распускались районные думы, управы сохранялись, преобразуясь в отделы Советов. Чиновникам предстояло решить – будут ли они работать на Советы, это для многих было единственным способом прокормиться. В основном роспуск дум проходил в январе–апреле 1918 г. и к началу широкомасштабной Гражданской войны был практически завершен [1, с. 280–282].

Переходя к управленческой деятельности, Советы формировали структуры управления городской жизнью. В московских районных Советах возникли такие подразделения, как управление делами, отдел народного образования, административный отдел, отдел социального обеспечения, отдел труда, отдел рабочего контроля, финансово-контрольный отдел, жилищно-земельный, хозяйственный, транспортный, медицинско-санитарные отделы, продовольственная артель, агитационный отдел, бухгалтерия. Даже в районных Советах появились свои чрезвычайные комиссии и военные комиссариаты. В работе отделов участвовали сами депутаты. Время от времени собирались пленумы Совета, на которых иногда вспыхивали острые дискуссии по практическим вопросам, так как депутаты были вовлечены в решение дел отделами. Между пленумами решения принимал исполком и его президиум. Пока структура Советов еще не выстроилась настолько, чтобы взять на себя городскую рутину, они пытались решать экстренные вопросы, такие как поиски продовольствия (наряду со старыми продовольственными управами) и борьба с ростом цен («спекуляцией») [19, с. 4].

Советы выстраивались в иерархию, в которой границы компетенции каждого уровня были неясны. Но серьезных конфликтов пока не было – считалось, что все Советы делают общее дело, и им нечего делить. Многие местные Советы создавались «сверху» губернскими и уездными: система Советов теперь должна была стать всеобщей, проникнуть в каждый городской район и сельскую волость, в том числе и туда, где в 1917 г. массы не создали Совет.

Региональные советские органы, иногда объединявшие несколько губерний (Московский областной и Уральский Советы, Облискомзап, Центросибирь), создавали автономные государственные структуры в составе Российской Советской Республики. Они могли создавать свои Совнаркомы, проводившие политику в направлении собственного понимания исходивших из Петрограда общих указаний.

В первые месяцы Советской власти вмешательство центральных органов в деятельность местных Советов было незначительным. Связь центра с Советами на местах осуществляли Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) и иногородний отдел ВЦИК, где под общим руководством

Я. Свердлова активно работал левый эсер нарком В. Алгасов. Отдел принимал и инструктировал «ходоков» с мест, на места рассылал литературу и тысячи комиссаров и инструкторов, которые в меру своего понимания отвечали на вопросы местных активистов о том, как организовать новую жизнь.

Лишь к концу декабря было выработано понимание, как должна строиться целостная система Советов. Оно было изложено в обращении наркома внутренних дел Г. Петровского «Ко всем Советам рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов» 24 декабря 1917 г. Петровский указывал, что все старые органы власти должны быть заменены Советами соответствующего уровня. «Вся страна должна покрыться целой сетью советских организаций, которые должны находиться в тесной организационной зависимости между собой. Каждая из этих организаций, вплоть до самой мелкой, вполне автономна в вопросах местного характера, но сообразует свою деятельность с общими декретами и постановлениями центральной власти и с постановлениями тех более крупных советских организаций, в состав которых она входит. Таким путем создается связный, во всех своих частях однородный организм – Республика Советов» [5, с. 634]. Эта картина не проясняла, однако, то, каким образом будет разделяться компетенция «вполне автономных» Советов и как станут разрешаться их противоречия.

Петровский указывал, что «при таком способе организации власти, естественно, само собой падает институт назначаемых сверху комиссаров. Он сохраняется временно, как переходная форма, лишь в тех случаях, когда на месте не успела еще создаться соответствующая советская организация, или если существующая не признает полноты Советской власти. Но в таком случае первой и самой важной задачей назначенного комиссара является создание советской организации, которой он и должен передать аппарат местного управления. При этом уездные и волостные комиссары должны избираться центральной властью» [5, с. 634–635].

Таким образом, подтверждалось, что советская система является ограниченной демократией – демократией только для просоветского актива. Условием возвращения от авторитарного выстраивания властных структур, получившего позднее название «комиссародержавия», к власти Советов являлось признание Советской власти Советом и авторитета Совета – населением.

Крупные Советы должны были руководить становлением местных и следить, чтобы в них не проникали кулаки. Советы получали право решать вопросы изменения административного деления, и региональные центры должны были перемещаться туда, где сильнее развита Советская власть, т.е. крупные промышленные центры [5, с. 635].

Казалось бы, после скорого преодоления временного комиссародержавия на местах советская система должна была превратиться в сеть автономных Советов и их федераций, лишь слегка регулируемую компактной государ-

ственной надстройкой. Но в обращении Петровского было заложено централизаторское начало: «Народному комиссариату по внутренним делам надлежит объединить деятельность всех органов управления на местах, каковыми теперь являются Советы. Без такой связи Советская власть никогда не сольется в то стройное целое, которое одно в состоянии обеспечить ей наибольшую устойчивость» [5, с. 636].

«Обращение» дополнялось инструкцией, в соответствии с которой к Советам переходили функции проведения в жизнь решений центральной Советской власти, права реквизиций, конфискаций, наложения штрафов, закрытия контрреволюционной прессы, производства арестов и роспуска общественных организаций, т.е. в основном репрессивные функции. Советы должны были представить в центр информацию о своей деятельности и сметы для получения финансирования. Этой же инструкцией принималось важное решение об упразднении ВРК на местах [5, с. 637]. Оно проводилось постепенно, и в отдельных местах ВРК сохранялись еще в марте 1918 г.

Таким образом, в конце 1917 г. концепция советского строительства предполагала широкую демократию для советского актива, форму ограниченной демократии. Но в отличие от парламентско-президентской системы, которую обычно называют «демократией», советская система в конце 1917 г. не была элитократией. Она была основана на высокой вертикальной мобильности, черпая кадры и мнения с нижних этажей социальной иерархии. Однако принятие решений многочисленными форумами просоветского актива (с небольшим присутствием актива несоветского) оказалось не лучшим способом принятия решений с точки зрения эффективности. Большие форумы подвержены манипуляции со стороны трибуны и президиума, но если делегаты все же берутся вырабатывать решения, а не принимать предложенные партийными центрами проекты, то дело движется крайне медленно. Тем более – в отсутствие навыков работы. Советская система становилась перед выбором: либо создание более компактных Советов, на каждом уровне представленных делегатами нижестоящих организаций и выполняющих их волю, либо превращение Советов в совещательные органы при управленческой вертикали Совнаркома, поглощающей аппарат Советов. Эта альтернатива проявит себя весной 1918 г. в условиях острого социального кризиса.

Советы считали себя плоть от плоти рабочих и крестьян. Однако в действительности в деятельность Советов и общественных организаций, по данным СНХ Северной области, к 1 апреля 1918 г. были непосредственно вовлечены только 1,84% рабочих [3, с. 42]. Это значит, что рабочий класс, время от времени голосуя на выборах в Совет, был занят проблемами своей семьи и своего предприятия, а более широкий круг вопросов «пролетарской власти» решали активисты, фактически ушедшие с предприятий на советскую административную работу.

Внутри Советов власть концентрировалась в исполкомах. Рядовые депутаты могли участвовать в обсуждениях общих вопросов или в выработке проектов решений в отделах и комиссиях, но окончательные решения принимались исполкомом или даже его президиумом. Само по себе это не противоречит принципам демократии при условии, если бы рабочие могли в любой момент заменить представляющего их депутата, а депутаты держали бы под контролем исполнительные органы Совета. В теории преимущество Советов как раз и должно было заключаться в реальном праве отзыва депутатов и нераздельности представительной и полностью подчиненной ей исполнительной власти. Но это – в теории.

Членам исполкомов, как правило не имевшим управленческого опыта, приходилось теперь решать самые разнообразные вопросы, превышающие сферу компетенции дореволюционной администрации. Они определяли и порядок выдачи продовольственных пайков, и возможность проведения религиозных собраний, и правила обысков и арестов, и даже разбирали инциденты с хулиганами в учебном заведении – десятки пунктов повестки дня ежедневно (см., например, протоколы заседания исполкома Богородского Совета рабочих и солдатских депутатов в феврале-марте 1918 г.) [20, л. 11–16].

При такой широкой компетенции и низкой компетентности, высокой интенсивности работы и отсутствии времени на изучение решаемой проблемы качество работы Советов было невысоким. Зато депутаты, большинство из которых были выходцами из низов, непосредственно знали жизнь, которой пытались управлять, и надеялись на поддержку населения в осуществлении своих начинаний. Но выяснилось, что трудовые массы были вовсе не едины, и между территориальными Советами стали разрастаться конфликты.

Из-за конкуренции Советов в борьбе за ресурсы возникла неразбериха, о которой говорилось, в частности, на заседаниях уполномоченных рабочих Петрограда: «Большевики передали право закупок и продажи местным Советам. Один Совет покупает, а другой запрещает к вывозу купленное» [14, с. 229]. Тульские большевики перехватывали грузы, предназначенные для Новгородской губернии и ставили себе это в заслугу перед тульскими рабочими [14, с. 337].

Советы старались не выпускать ресурсы из своих рук. Бюллетень ВСНХ от 13 мая сообщал: «Исполнительный комитет лесозаготовочного союза телеграммою от 22 апреля извещает, что местные Совдепы продолжают арестовывать заготовителей, накладывать налоги и конфисковывать топливо и лесные материалы, предназначенные для железных дорог, фабрик и заводов» [21, л. 87].

Острый конфликт разгорелся в мае между Ржевом и Тверью. На заседании исполкома Ржевского Совета 10–11 мая говорилось, что Тверь захватила 20 вагонов, предназначенных для Ржевского уезда. Поскольку Ржев входил

в состав Тверской губернии, это был акт произвола со стороны вышестоящих властей. Но ржевцы не были намерены с этим мириться, и член исполкома товарищ Тимофеев предложил отделиться от Твери. Товарищ Суворов возразил ему, что ржевский исполком на это не полномочен без уездного съезда (т.е. сама возможность такого сепаратизма не исключалась). Председатель исполкома товарищ Алексеев подытожил, что пока нужно требовать свои вагоны у Твери, жаловаться в Москву и ждать реакции центра. Решили направить в Москву делегацию и требовать, чтобы грузы шли в Ржев, минуя Тверь. А «если в спешном порядке центральная власть не примет меры к устранению игнорирования Ржева Тверью, исполком снимает с себя ответственность за возможные анархистские выступления против Твери из-за несправедливого распределения вагонов хлеба на ржевский уезд» [22, л. 23–24 об.]. Для того чтобы заручиться поддержкой в борьбе против тверских властей, Ржевский исполком в мае созвал уездный съезд [22, л. 26].

Таким образом, образовался замкнутый круг, когда Советы вступали в борьбу за ресурсы, прежде всего продовольственные, и это в свою очередь вело к дезорганизации снабжения, дальнейшему нарастанию продовольственного кризиса. Это не было его причиной, но усугубляло ситуацию. До середины 1918 г. советская система была «не достроена», в ней не было единых принципов организации, зато быстро накапливались противоречия между разными уровнями власти и территориями. Весной 1918 г. пора было делать выбор – или каждый Совет получил свою ясно очерченную сферу компетенции, в рамках которой даже Совнарком должен с ним договариваться, или структуры всех Советов должны быть твердо подчинены общей иерархии с центром в Совнаркоме, и от советской демократии придется отказаться. Второе решение было логичным продолжением борьбы коммунистов за монополию на власть. Но из-за отказа от демократических механизмов происходило дальнейшее сужение социальной опоры Советской власти.

Борьба за коммунистическую монополию в Советах

В условиях социально-экономических трудностей, которые контрастировали с популистскими обещаниями большевиков осени 1917 г., перед коммунистической партией встала угроза потери большинства в Советах, особенно в голодающих городах.

В марте – начале апреля прошли перевыборы в Ярославский Совет. На 47 меньшевиков и 13 эсеров приходилось 36 большевиков. Образовался «антисоветский» Совет, нелояльный Советской власти. 9 апреля первое заседание нового Совета было разогнано красной гвардией. В городе началась забастовка протеста. Рабочие захватили на станции оружие, но не воспользовались им против большевиков. Лидеры эсеров и меньшевиков были арестованы.

18 апреля состоялся суд, который, возмутив подсудимых многочисленными нарушениями процедуры, приговорил их к общественному порицанию, а лидер меньшевиков И. Шлейфер был выслан на год из губернии [14, с. 392–397]. Однако разгон неугодного Совета в Ярославле сделал положение большевиков в городе очень шатким. Для того чтобы победить на следующих выборах, они лишили представительства ярославских железнодорожников. Эти события сказались на настроениях рабочих в преддверии восстания в Ярославле 6 июля 1918 г.

В марте в ходе перевыборов Сормовского Совета большевики получили 15 мест, левые эсеры и максималисты – по одному мандату, эсеры – 13 (по другим данным 19), меньшевики – семь, беспартийным депутатом оказался один человек. Потеряв большинство, большевики, левый эсер и максималист покинули Совет и создали Сормовское бюро Нижегородского Совета, провозгласившее себя представителем Советской власти в Сормове. В связи с этой ситуацией Лениным и Свердловым в Нижний Новгород был направлен Ф. Раскольников, который собрал совещание просоветских депутатов Нижегородской губернии и Сормова. Они решили, что власть должна принадлежать той части Совета, который стоит на платформе Советской власти. Власть Совета таким образом была заменена Советской властью как противоположным принципом. Об этом было заявлено на заседании Совета, куда явились представители просоветского актива. На этом собрании было решено, что большевики, левый эсер и максималист «берут на себя власть», потому что эсеры и меньшевики этого сделать не могут, не признавая сам принцип Советской власти. А большинство Совета, не согласное с необходимостью брать власть, может заниматься «вопросами профессионального, экономического и культурно-просветительного характера» [12, с. 97–98; 24, с. 193]. В дальнейшем социалистическая часть Сормовского Совета стала одним из центров движения уполномоченных, о котором речь пойдет ниже.

После того как социалисты (эсеры и меньшевики) 21–25 апреля победили на выборах в Костроме, большевики заявили, что не отдадут власть «контрреволюции», т.е. новому большинству Совета. 23 мая социалисты провели массовую демонстрацию под лозунгом «Долой Советскую власть и хлебную монополию!» Произошли столкновения. В ответ было введено чрезвычайное положение, а большевистско-левоэсеровская фракция Совета решила, что он может работать и без депутатов-социалистов, т.е. без большинства [12, с. 92–93].

2 мая Саратовский Совет решил не допускать на заседания депутатов, не признающих Советской власти. 18 мая Совнарком Калужской советской республики принял решение, в соответствии с которым «граждан, позволяющих себе противоправительственные, хотя бы словесные, выступления, исключать из всех списков и лишить тех возможности занимать должности… во всех

правительственных организациях. Или же, смотря по силе выступления и по его контрреволюционному размеру, арестовывать на месте, хотя бы выступление произошло на разрешенном собрании и хотя бы выступивший гражданин был делегат» [2, с. 126]. Таким образом, исполком исключал оппозиционные выступления на любых собраниях и съездах.

После победы социалистов на выборах в Златоустовский Совет были восстановлены гордума и управа, а Совет от власти отказался. Также большевики проиграли выборы в Вязниках, Касимове, Брянске, Бежеце, Макеевке, Ростове, Уфе, Ижевске [14, с. 530]. Но все же на карте страны это были точки, иногда важные, но не преобладавшие. Разбольшевизация Советов шла медленно и встречала ожесточенное силовое сопротивление большевиков – пока без террора, но уже с существенными репрессиями. Разгоняя неугодные Советы, большевики в этих пунктах теряли связь с рабочими и крестьянами, вызывали возмущение актива трудящихся. Всё меньше рабочих, не говоря уж о крестьянах, были лояльны Советской власти, все больше мечтали «посчитаться» с ней при случае.

Когда началась широкомасштабная гражданская война, рабочие Урала приняли активное участие в восстаниях против большевиков, крупнейшим из которых стало Ижевско-Воткинское.

14 июня ВЦИК голосами большевиков против левых эсеров принял решение об исключении из Советов эсеров и меньшевиков на том основании, что они участвуют в организации вооруженных выступлений «против рабочих и крестьян в союзе с явными контрреволюционерами» [4, с. 431]. Это решение готовилось с первых чисел июня – еще до образования Комуча, созданного эсерами. Роль партийных структур эсеров и особенно меньшевиков в начавшемся чехословацком выступлении была еще не ясна, так что причиной исключения были не действия социалистов, а сама обстановка гражданской войны.

16 июня Ю. Мартов писал А. Штейну: «Изгнанием нас из Советов уничтожается, собственно, вся почва “советской конституции”, ибо Советы перестают быть представительством всех рабочих, а там, где наши в больш[инст]ве, упраздняются и самые Советы. Этим решением лишь обобщается процесс, происходящий повсюду в течение последних месяцев. Повсюду рабочие требуют перевыбора Советов, избранных перед Октябрь[ским] переворотом. Советы упорно сопротивляются этому требованию и часто в борьбе из-за этого вопроса дело доходит до забастовок рабочих и разгона их демонстраций вооруж[енной] силой (Тула, Ярославль и др[угие] м[еста]). Кое-где рабочие добивались перевыборов, которые везде дали либо усиление оппозиции, либо переход Советов вновь к м[еньшевикам] и эсерам. И тогда почти повсюду либо Советы разогнаны вооруженной силой от имени “военно-

революционных комитетов", либо из Советов изгнана усилившаяся оппозиция, как "контрреволюционная"» [14, с. 547–548].

Даже часть большевиков была против исключения социалистов из Советов. Видный московский коммунистический лидер П. Смидович говорил на Московской городской конференции РКП (б) 22 июня: «Мы всегда выдвигали отличительную черту Советов – возможность свободных перевыборов, раз этого нет, где же отличительная черта советской власти[?]. Исключением рабочих из Совета вы сплачиваете меньшевиков и с.-р. Из Совета вы их не изгоните, они пройдут под флагом беспартийных. Но Советом это уже не будет» [14, с. 587].

Большевикам, особенно умеренным, было важно показать, что они попрежнему могут говорить от имени избирающих их масс трудящихся. Но теперь выборы становились все более формальными, так как в них исключалось соревнование позиций.

Последние крупные конкурентные выборы Совета прошли в Петрограде 18–20 июня. Руководство Петросовета во главе с Г. Зиновьевым отказалось от принципа, когда рабочие в любое время могли отозвать и переизбрать своего депутата. Теперь выборы проходили единовременно и сопровождались общегородской предвыборной кампанией.

Чувствуя себя неуверенно в условиях разочарования рабочих результатами их политики, большевики подстраховались, зарезервировав места не только для предприятий (в том числе уже закрытых) и воинских частей (в том числе демобилизованных), но и для профсоюзных комитетов и райсоветов, которые в это время не переизбирались, и где у коммунистов было большинство, полученное в других исторических условиях. Депутаты избирались также от остановленных предприятий, коллективы которых распались, но остались старые завкомы. В своей декларации депутаты-социалисты утверждали, что избирательная инструкция была составлена большевиками в пользу «мертвых душ» так, что «больш[евистский] чиновник получал в 500 раз больше избир[ательных] прав, чем работающий на заводе рабочий» [14, с. 359].

Как пишет симпатизирующий большевикам канадский исследователь Д. Мандель, «подвести итоги этих выборов – непростое дело, так как кроме рабочих и солдат право голоса получили организации. Совету профсоюзов Петрограда была отведена квота – один депутат от 5000 членов; отдельные профсоюзы с более чем 2000 членов избирали по два депутата; мелкие профсоюзы по одному. В целом профсоюзы избрали 144 депутата. Районные Советы избирали по три депутата, фабрично-заводские комитеты на закрытых предприятиях, где до закрытия были заняты 1000 и более рабочих, могли избрать одного депутата. Словом, было немало мертвых душ». Рабочие действующих предприятий избрали 262 депутата (что соответствует норме пред-

ставительства в 300–500 рабочих на депутата при общем количестве рабочих в 143 тыс.) [6, с. 506]. По официальным данным, от работающих предприятий были избраны 127 большевиков (48,5%), 32 левых эсера (12,2), 29 меньшевиков (11,1), 46 эсеров (17,6), 28 беспартийных (10,7%) [6, с. 508]. Например, на Путиловском заводе были избраны 11 большевиков, пять левых эсеров, девять социалистов и один беспартийный [6, с. 507].

Как рассказывал петроградский депутат-социалист Д. Захаров, «ряд предвыбор[ных] собраний показал, что масса запугана б[ольшеви]ками, но если она видит сильную оппозицию, она пойдет за нею. Мы прошли на Путиловском, Обуховском [заводах], [заводе] Арсенал, в трамвайных парках, типографиях и других заводах» [14, с. 457].

Но значительная часть рабочих продолжала голосовать за большевиков – кто-то искренне поддерживая, а кто-то опасаясь, что оппозиционные заводы не получат заказов от государства, и предприятие остановится. Как говорилось на заседании оппозиционных большевикам рабочих активистов Петрограда, лидер петроградских большевиков «…Зиновьев потому и существует, что его рабочие поддерживают» [14, с. 201].

Социалистической оппозиции было трудно использовать трибуну Петросовета для агитации. Д. Захаров рассказывал: «Нам не дают слова в Совете… Они пока терпят нас потому, что мы прошли от крупных заводов» [14, с. 457].

Июньские выборы стали переломными. Сама агитация, несмотря на наличие нарушений, все же требовала от режима умения пользоваться демократическими инструментами, убеждать, а не принуждать к голосованию за правящую партию. Несмотря на развернувшуюся широкомасштабную гражданскую войну и принятие 14 июня декрета об исключении эсеров и меньшевиков из Советов, оппозиционная социалистическая агитация на петроградских выборах разрешалась, и кандидаты от социалистических партий не были сняты с гонки. А вот после победы на выборах большевики решили, что церемониться уже нет смысла. С июля оппозиция в Петрограде действовала на заводах фактически нелегально [3, с. 142].

Коммунисты с трудом сохраняли влияние в городах, но не смогли заручиться достаточной поддержкой советского актива деревни. Коммунисты вообще не доверяли деревне и следили, чтобы пролетариат имел преимущество над крестьянством в советской системе. Конструкция объединенных Советов, создававшихся после III съезда Советов, давала преимущество солдатам над рабочими и рабочим над крестьянами. Например, Ржевский уездный съезд имел норму представительства шесть депутатов от волости, один депутат от 200–300 рабочих, до 500 рабочих – два, до 1000 – четыре, до 3000 – восемь. Красноармейцы – до 200 солдат – один, до 300 – два, до 500 – четыре [22, л. 26].

Раздел помещичьей земли повышал авторитет «партии власти». Но введение продовольственной диктатуры в мае стало менять соотношение сил в пользу левых эсеров. Партийный состав уездных Советов (по подсчетам Л.М. Спирина, данные 105 Советов) включал в марте 66% большевиков и 18,9% левых эсеров, а в апреле–августе – 44,8% большевиков и 23,1% левых эсеров [17, с. 174]. Это значит, что в апреле–июне положение для большевиков было еще хуже, потому в июле-августе левых эсеров уже вычищали из Советов.

Левые эсеры надеялись, что кризис политики большевиков позволит ПЛСР обогнать РКП (б) по влиянию в Советах. В Тверской губернии число левоэсеровских делегатов губернского съезда Советов выросло с 17 до 51. Аналогичная ситуация наблюдалась в Тульской и Рязанской губерниях. Все это, по расчетам части левых эсеров, должно было заставить большевиков восстановить советскую коалицию уже на левоэсеровских условиях. Как говорил И. Штейнберг, «мы партия, идущая к власти, которая вскорости будет гегемоном власти, поскольку в России суждено оставаться Советской власти. Но это не значит, что она будет единственной властью и только в коалиции с большевиками она будет гегемоном» [8, с. 377].

Левые эсеры пытались использовать выборы делегатов на V съезд Советов для своего возвращения к власти. Но выиграть эти выборы левые эсеры не могли. Квоты представительства для рабочих были выше, чем для «менее сознательных» крестьян – один делегат от 25 тыс. рабочих и два – от уезда. Из 47 губернских и областных городов ПЛСР победила только в четырех. По данным Наркомата внутренних дел, накануне съезда в 21 губернском исполкоме большевики располагали 70,4% мест, левые эсеры – 26,3, а другие партии – 3,3%. В 47 уездных исполкомах большевики имели 52,4%, а левые эсеры – 34,6% [16, с. 131, 210].

Летом в целом в Советской России левые эсеры имели около трети голосов в Советах. Так что шанс получить большинство на V съезде Советов был ничтожным. Динамика у левых эсеров была положительной: в марте–июне представительство ПЛСР выросло на 11,5%, а у большевиков упало на 7,5% [9, с. 10]. Это давало надежды на VI съезд, если бы Советская республика развивалась по тем же правилам, что и в первой половине года (а это уже с мая стало маловероятным).

Из-за конфликтов с большевиками левые эсеры уходили в знак протеста или выдавливались из исполкомов. При выдвижении делегатов на V съезд Советов это сыграло с левыми эсерами злую шутку, так как во многих случаях делегации направлял не местный съезд Советов, а именно исполком. Система выборов в таких случаях была мажоритарной, при которой победитель получает все. Левые эсеры по понятным причинам настаивали на пропорциональном представительстве, так как обычно были в губернских и уездных Советах

в меньшинстве. Но даже при идеальном пропорциональном представительстве они не могли рассчитывать на большинство. В V съезде Советов участвовали 1559 делегатов, из которых 1155 – имели решающий голос (статус 61 – неясен). С решающим голосом коммунистов было 694 и 50 сочувствующих (около 65%) против 317 и 42 сочувствующих у левых эсеров (около 31%) [7, с. 404]. В работе съезда участвовали также 14 максималистов, четыре анархиста, четыре меньшевика-интернационалиста, по одному представителю Поалей-Цион, дашнаков, эсеров, а также десять беспартийных. Но их значение было невелико.

По итоговым данным, в центрально-промышленной области соотношение делегатов большевиков и левых эсеров было 71,4% на 26,3%, от Северной области – 65% на 32,5, в Западной – 71% на 23,5, а вот от Поволжья – 48,5% на 45% [16, с. 221–223].

Левые эсеры оспорили 399 большевистских мандатов и признали бесспорными 350 [9, с. 31]. Часть оспоренных большевистских мандатов – это делегаты, направленные исполкомами, а не съездами. Но если бы выборы происходили по принципам, за которые выступали левые эсеры, только часть этого числа досталась бы левым эсерам, а большинство – все равно большевикам.

В разгар V съезда 6 июля произошло выступление левых эсеров, которое обернулось катастрофой для ПЛСР. В результате большевики получили возможность самостоятельно решать, кого пускать на съезд Советов, а кого нет, и в каком количестве. Практика фактического назначения состава Советов к концу года возобладала и на местах.

В условиях широкомасштабной гражданской войны в городах и на губернском уровне создавались революционные комитеты, которые действовали отдельно от Советов – к Советам теперь полного доверия не было. Ревкомы создавались коммунистическими парторганизациями (иногда в сотрудничестве с левыми эсерами, анархистами и максималистами) в прифронтовой полосе или в районах восстаний. 31 мая был создан Симбирский ревком, 11 июля – Ярославский, 1 августа – Казанский, 10 августа – Нижегородский. В сентябре-октябре, когда фронт ушел на восток, они были ликвидированы, и власть вернулась к Советам, где большинство было гарантировано коммунистам, так как представители эсеров и меньшевиков в Советы до ноября 1918 г. не допускались, а левые эсеры допускались со многими ограничениями. В 1919–1920 гг. меньшевики допускались в Советы, но также под строгим контролем. Была установлена монополия коммунистов на большинство в Советах.

Внутрикоммунистические конфликты

Победив своих противников в Советах, большевики иногда вступали в борьбу между собой. Рассмотрим здесь внутрисоветский конфликт, который произошел в Калужской советской республике в апреле 1918 г. Напряженность между сторонниками председателя Совнаркома П. Витолина и большинством Калужского горкома РКП (б) зрела давно. Витолин принимал решения, не советуясь с парторганизацией, официальная пресса восхваляла его лично, Витолин и сам любил выступать, отличаясь, по словам калужских коммунистов, «внешней сногсшибательностью» [2, с. 127]. Повод для атаки на амбициозного лидера Калужской советской республики дал его визит в Свято-Тихоновский монастырь для конфискации ценностей. 24 апреля собралось экстренное заседание горкома, на котором была изложена следующая версия событий. Прибыв в монастырь вечером 22 апреля, отряд во главе с Витолиным устроил повальный обыск, в ходе которого монахов раздевали, а красногвардейцы курили и ругались в храме, входили в алтарь. Обнаружив вино, Витолин раздал его своим бойцам и соратникам, часть из которых перепилась. Арестованных игумена и казначея допрашивали в пьяном виде и грозили расстрелять. Горком принял постановление снять с постов и арестовать Витолина и участвовавших в этой экспедиции Фомина и Ассен-Аймера. 26 апреля всех троих вывели из Совнаркома, который возглавил П. Скорбач.

Выступая на Совнаркоме уже уездного Калужского Совета, комиссар монастыря Копылов добавил красок в картину: «витолинцы» заставили монахов зарезать для них кур, которые до этого были взяты на учет Советской властью. Витолин отождествлял себя с Советом, говоря о своих действиях «Совет решит», «Совет решил и скоро приступит». Пьяные красногвардейцы во главе с Ассеном-Аймером разъезжали на лошадях и палили из оружия. В результате уездный Совнарком вынес протест губернскому [2, с. 105–108].

Однако Московское областное бюро РКП (б) пыталось замять скандал. На собрании городской парторганизации его представитель настаивал на уничтожении документов, относящихся к конфликту. Большинство калужских коммунистов настаивали на удалении Витолина в другой город. Присланная из Москвы следственная комиссия осудила поведение участников экспедиции в Тихоновскую пустынь, но также обвинила калужских коммунистов в превышении полномочий – арестовывать Витолина и его товарищей они не имели права. Достаточно снять бедокуров с постов [2, с. 105, 111–112].

Но Витолин решил не сдаваться. Его сторонники сформировали новый губернской комитет РКП (б), который он возглавил 12 мая. Губком объявил дело о Тихоновской пустыни сущей клеветой, поскольку сам Витолин лично вина не пил. Большинством шесть против пяти «витолинцы» победили. Тогда

представители городского комитета демонстративно покинули это заседание. При этом «витолинцы» вышли из Калужской городской организации и образовали районную, хотя вскоре вынуждены были отказаться от этого хода. Снова собрались калужские коммунисты, снова критиковали Витолина за самоуправство и недисциплинированность. Но с поста председателя губкома свалить его не удалось. Разрешение конфликта снова было доверено Москве. Но ей было пока не до того. Предсовнаркома Скорбач не хотел сражаться с Витолиным и попросился в отпуск. Некоторое время Витолин продолжал руководить Калужской советской республикой (это название сохранялось до принятия Конституции РСФСР). Губисполкомом Калужской губернии, по выражению его противников, «распоясался вовсю». Но затем Витолин был отправлен на фронт, где работал редактором фронтовой газеты [2, с. 113–173].

Характерно, что эта свара происходила, когда у коммунистов начинала гореть под ногами земля – была введена продовольственная диктатура и начиналась широкомасштабная гражданская война.

Ход внутрисоветских конфликтов зимы-весны 1918 г. показывает, что в это время еще нельзя говорить о существовании коммунистического режима. Коммунисты преобладали в Советах и их руководящих органах, и группировались именно в них, а не вокруг централизованной партийной организации. Публичные государственные посты были в то время еще важнее партийных, но бросать прямой вызов коммунистической парторганизации было уже опасно. Шло укрепление коммунистической структуры, которая в условиях широкомасштабной Гражданской войны вскоре подмяла под себя Советы.

Подчинение Центру

Советская система выстраивалась с двух сторон. В Петрограде создавался центральный аппарат Совнаркома и ВЦИК. На местах творчество масс формировало практику самоорганизации части рабочих и крестьян, поддерживающих Советскую власть. Ленин надеялся, что затем удастся соединить результаты творчества низового актива и центра. Но когда весной 1918 г., освободившись от других срочных дел, он и его соратники занялись этим соединением, выяснилось, что его очень трудно достичь. У центральных и региональных советских работников формировались разные практики и даже психологические установки (подробнее см.: [23, с. 108–167]).

Отсутствие ясного разделения сфер компетенции и отлаженной координации работы Советов способствовали нарастанию социально-экономического, прежде всего продовольственного кризиса. Нужно было срочно «достраивать» систему снабжения городов продовольствием, устранив ее хаотичность. Это можно было сделать двумя путями. Либо устанавливая общие правила

доступа к продукции предприятий регионов, в ней нуждающихся: с помощью кооперативов или регулируемой государством деятельности посреднических организаций и индивидуальных торговцев; либо путем жесткой централизации продовольственного дела проводить изъятие продукции у крестьян в пользу государства с последующим распределением по всей стране. Нетрудно заметить – и это потом подтвердит практика – что второй путь менее эффективен, ведь потоки продовольствия в этом случае должны управляться чиновниками, удаленными от мест заготовки на сотни и тысячи верст. Даже небольшое перемещение груза должно санкционироваться в Москве. Зато исчезают материальные стимулы для крестьян расставаться с продовольствием. Но этот путь был проще и не требовал компромиссов со специалистами, торговцами и верхами деревни.

13 мая 1918 г. был обнародован декрет «О чрезвычайных полномочиях народного комиссара по продовольствию», известный как Декрет о продовольственной диктатуре. Наркомпрод получал диктаторские полномочия в этой области в отношении аппарата Советов, что стало началом подчинения аппарата Советов Центру и в других областях. Советская демократия агонизировала.

Новая система диктаторского управления хозяйством из Центра была несовместима с советским регионализмом. 20 мая Московский областной Совнарком был ликвидирован.

27 мая был принят декрет «О реорганизации Наркомпрода и его местных органов», в соответствии с которым местные продовольственные органы Советов теперь подчинялись наркому продовольствия (Наркомпроду) А. Цюрупе. Это было только начало реорганизации Советской власти, в ходе которого отделы местных Советов переходили под контроль центральных органов и наркоматов. Советы, а точнее их руководство, сохраняли роль координаторов проведения политики Совнаркома на местах и решения текущих вопросов городской жизни. В условиях жесткой централизации власти текущее руководство на местах осуществляли президиумы Советов. Забот было невпроворот – обстановка в стране была экстремальная из-за войны, разрушения привычного уклада, эпидемий холеры, тифа и испанки. Поскольку негосударственные институты подавлялись, нужно было всем руководить в ручном режиме.

В июле-августе, например, Президиум Благуше-Лефортовского райсовета выбивал в Моссовете разрешение на временную ежедневную торговлю на Преображенской площади, занимался установкой на улицах кипятильников по случаю холеры, реквизицией торгового имущества Кутипина, организацией на архиерейской даче молочной фермы, а в доме Варнавского общества – клуба «Заря новой жизни» и детской школы. Но соломоновым решением постановили, что церковь будет сохранена. Райсовет открыл три школы для

взрослых, принял план заготовок овощей на собственных огородах. Ремонт покрытия бань поручили технически-строительному отделу райсовета [18, л. 1–10].

Такова была картина московской жизни в середине 1918 г. – смесь революционных перемен и житейского прагматизма. Как бы ни менялись государственные формы и социальные структуры, нужно было поддерживать инфраструктуру жизни. Тем более что вместе с неустроенностью и военными бедствиями на страну надвигались холера, тиф и испанка.

В деревнях многие волостные Советы поддерживали требования крестьян о свободной торговле и прекращении произвола властей, например Девятинский волостной Совет Вытегорского уезда. Требования оказались популярными и в окрестных волостях. 4 июня крестьяне собрались в Вытегре для обсуждения девятинских требований, и этот сход закончился столкновениями с красноармейцами. В итоге был распущен и Вытегорский городской Совет, часть депутатов которого не одобряла действия властей, допустивших кровопролитие [25, с. 49–51].

Проводились разгоны волостных и уездных Советов и съездов Советов, если большинство в них стояло на платформе Учредительного собрания или не поддерживало Советскую власть. Так, например, 5 июня Нолинский уездный съезд Советов Вятской губернии принял резолюцию о ликвидации власти Советов и восстановлении власти земских органов в уезде. В ответ из Вятки последовало указание: «В случае вынесения резолюции против Советов немедленно арестовать президиум и доставить в Вятку для предания суду революционного трибунала. Съезд распустить». Место проведения съезда было окружено красной гвардией, лидеры антисоветчиков арестованы, просьбы об их освобождении проигнорированы. Тогда из Нолинского исполкома ушли левые эсеры и беспартийные [15, с. 30–31]. Вскоре нолинцы перейдут к вооруженному сопротивлению Советской власти.

Согласно декрету ВЦИК и СНК «Об организации и снабжении деревенской бедноты» от 11 июня, местные Советы учреждали волостные и сельские комитеты деревенской бедноты. В их задачу входило распределение хлеба, предметов первой необходимости и сельскохозяйственных орудий, а также содействие местным продовольственным органам в проведении реквизиций у зажиточных крестьян. Со временем деятельность комбедов значительно расширилась, в сферу их полномочий стали входить, например, набор в Красную Армию, перераспределение земли между крестьянами, «очищение» Советов от «классово чуждых элементов». Часто комбеды полностью подменяли Советы. В дальнейшем сельские Советы были реорганизованы путем слияния просоветских крестьянских депутатов и комбедов.

Избиратели привыкли к избираемости власти и только на этом основании считали ее своей. Отказ от перевыборов вел к конфликтам. Об одном из них,

произошедшем в конце 1918 г., повествует жалоба жителей Семёновской волости Демянского уезда Новгородской губернии на своего председателя волостного Совета: «Народ всей волости вскричал, что нужно переизбрать состав волостного Совета, так как ему истек срок и подлежит вновь переизбранию, а прежде всего нужно переизбрать председателя. И его народ немедля просил оставить свой пост. Председатель же, выйдя в коридор помещения, занимаемого Советом, с револьвером в руке, и закричал народу таким тоном, что умру я, но не сойду с занимаемой мной должности. Тогда народ еще сильнее закричал: "Долой председателя!", он в это время почему-то из коридора стал стрелять в публику...» [25, с. 155].

10 июля 1918 г., после разгрома ПЛСР, на V съезде Советов была принята Конституция РСФСР, в соответствии с которой региональные Совнаркомы ликвидировались или преобразовывались в губисполкомы. Местные Советы по ст. 61 получали права и обязанности: «проведение в жизнь всех постановлений соответствующих высших органов Советской власти» и разрешение вопросов, имеющих «чисто местное» значение, т.е. таких, до регулирования и управления которыми руки у центральных органов не дошли. Им вменялось также в обязанность объединять всю советскую деятельность на данной территории и поднимать территорию в хозяйственном и культурном отношении (очевидно также проводя решения центральных органов).

Но, выстраивая вертикаль власти, заменяющую своевольные Советы, руководство РКП (б) не могло пока опереться на структуру собственной партии, которая для того и строилась как строго централизованная. Но именно весной 1918 г. партия оказалась дезорганизована, о чем ЦК откровенно сообщил парторганизациям в письмах 22 и 29 мая: «В силу ухода массы ответственных партийных работников в деятельность советскую… благодаря наплыву в эту партию широких масс, недавно лишь в нее вошедших, стройность и дисциплинированность наших организаций сильно нарушена» [11, с. 73]. По мере ликвидации внутрисоветской оппозиции и подчинения местных Советов центру власть перетекала в коммунистические ячейки. Сеть этих ячеек росла, в них перетекали кадры как идейно, так и карьерно мотивированные. Это было необходимо, чтобы продублировать коммунистическими организациями сеть Советов и выстроить систему руководства ими со стороны коммунистических организаций.

Окрепнув к концу года, коммунистические партогранизации монополизировали ответственные посты, запретив назначать на них как представителей других советских партий, так и беспартийных.

Таким образом, в 1917–1918 гг. Советы прошли путь от органов самоорганизации трудящихся, в которых лидеры находятся под контролем делегатов от заводов, поселений и воинских частей до политически монолитных подразделений централизованной партийно-государственной иерархии. Советы

и после этого продолжали нести на себе нагрузку текущего управления на местах, но они уже не имели и не могли иметь самостоятельного политического значения, так как стратегические и ключевые кадровые решения перешли в ведение партийных структур.

Библиография

1. Андреев А.М. Местные Советы и органы буржуазной власти (1917 г.). М.: Наука, 1983. 333 с.

2. Берговская И.Н., Филимонов В.Я. Калужская советская республика: История в документах. Калуга: Золотая аллея, 2012. 176 с.

3. Гоголевский А.В. Революция и психология. Политические настроения рабочих Петрограда в условиях большевистской монополии на власть. 1918–1920. СПб.: СПбГУ, 2005. 219 с.

4. Декреты Советской власти: в 18 т. М.: Госполитиздат, 1959. Т. 2: 17 марта – 10 июля 1918 г. 698 с.

5. Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии: в 2 т. Минск: Госиздат БССР, 1957. Т. 2: Победа социалистической революции и упрочение Советской власти в Белоруссии (октябрь 1917 г. – март 1918 г.). 1096 с.

6. Мандель Д. Петроградские рабочие в революциях 1917 года (февраль 1917 г. – июнь 1918 г.). М.: Новый хронограф, 2015. 543 с.

7. Минц И.И. Год 1918-й. М.: Наука, 1982. 576 с.

8. Партия левых социалистов-революционеров (интернационалистов). Документы и материалы: в 3 т. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 1: Июль 1917 г. – май 1918 г. 862 с.

9. Партия левых социалистов-революционеров (интернационалистов). Документы и материалы: в 3 т. М.: РОССПЭН, 2015. Т. 2. Ч. 2: Июль–октябрь 1918 г. 1182 с.

10. Питерские рабочие и диктатура пролетариата. Октябрь 1917–1929. Экономические конфликты и политический протест. Сборник документов. СПб.: Русско-балтийский информационный центр БЛИЦ, 2000. 461 с.

11. Переписка Секретариата ЦК РСДРП (б) – РКП (б) с местными партийными организациями: в 3 т. М.: Госполитиздат, 1967. Т. 3: Март–июль 1918 г. 448 с.

12. Подболотов П.А., Спирин Л.Н. Крах меньшевизма в Советской России. Л.: Лениздат, 1988. 246 с.

13. Рабинович А. Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. М.: АИРО-XX; Новый хронограф, 2007. 622 с.

14. Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. 1918 г. Собрания уполномоченных фабрик и заводов. Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2006. 654 с.

15. Романов Н.И. Борьба за власть. Нолинск: [б. и.], 2014. 103 с.

16. Соболев П.Н. Упрочение союза рабочих и крестьян в первый год пролетарской диктатуры. М.: Наука, 1977. 320 с.

17. Спирин Л.М. Классы и партии в Гражданской войне в России (1917–1920 гг.). М.: Мысль, 1968. 438 с.

18. Центральный государственный архив города Москвы (ЦГАМ). Ф. Р-2630. Оп. 1. Д. 1.

19. Центральный государственный архив города Москвы (ЦГАМ). Ф. Р-2630. Оп. 4. Введение к описи.

20. Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 2446. Оп. 1. Д. 49.

21. Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 4619. Оп. 2. Д. 75.

22. Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 6897. Оп. 1. Д. 12.

23. Шубин А.В. Старт Страны Советов. Революция. Октябрь 1917 – март 1918. СПб.: Питер, 2017. 447 с.

24. Юрьев А.И. Эсеры на историческом переломе (1917–1918). М.: Кучково поле, 2011. 333 с.

25. Яров С.В. Крестьянин как политик. Крестьянство Северо-Запада России в 1918–1919 гг.: политическое мышление и массовый протест. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 167 с.

References

Andreev A.M. Mestnye Sovety i organy burzhuaznoj vlasti (1917 g.). Moscow: Nauka, 1983. 333 p.

Bergovskaya I.N., Filimonov V.Ya. Kaluzhskaya sovetskaya respublika: Istoriya v dokumentakh. Kaluga: Zolotaya alleya, 2012. 176 p.

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv goroda Moskvy (CGAM). F. R-2630. Op. 1. D. 1.

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv goroda Moskvy (CGAM). F. R-2630. Op. 4. Vvedenie k opisi.

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Moskovskoj oblasti (CGAMO). F. 2446. Op. 1. D. 49.

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Moskovskoj oblasti (CGAMO). F. 4619. Op. 2. D. 75.

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Moskovskoj oblasti (CGAMO). F. 6897. Op. 1. D. 12.

Dekrety Sovetskoj vlasti: v 18 t. Moscow: Gospolitizdat, 1959. T. 2: 17 marta – 10 iyulya 1918. 698 p.

Gogolevskij A.V. Revolyuciya i psikhologiya. Politicheskie nastroeniya rabochikh Petrograda v usloviyakh bol'shevistskoj monopolii na vlast'. 1918–1920. St. Petersburg: St. Petersburg University, 2005. 219 p.

Mandel' D. Petrogradskie rabochie v revolyuciyakh 1917 goda (fevral' 1917 – iyun' 1918). Moscow: Novyj khronograf, 2015. 543 p.

Minc I.I. God 1918. Moscow: Nauka, 1982. 576 p.

Partiya levykh socialistov-revolyucionerov (internaciolistov). Dokumenty i materialy: 3 vol. Moscow: ROSSPEHN, 2000. Vol. 1: Iyul' 1917 – maj 1918. 862 p.

Partiya levykh socialistov-revolyucionerov (internaciolistov). Dokumenty i materialy: 3 vol. Moscow: ROSSPEHN, 2015. Vol. 2. Is. 2: Iyul'–oktyabr' 1918. 1182 p.

Perepiska Sekretariata CK RSDRP (b) – RKP (b) s mestnymi partijnymi organizaciyami: 3 vol. Moscow: Gospolitizdat, 1967. Vol. 3: Mart–iyul' 1918. XXII, 448 p.

Piterskie rabochie i diktatura proletariata. Oktyabr' 1917–1929. Ehkonomicheskie konflikty i politicheskij protest. Sbornik dokumentov. St. Petersburg: Russko-baltijskij informacionnyj centr BLIC, 2000. 461 p.

Podbolotov P.A., Spirin L.N. Krakh men'shevizma v Sovetskoj Rossii. Leningrad: Lenizdat, 1988. 246 p.

Rabinovich A. Bol'sheviki u vlasti. Pervyj god sovetskoj ehpokhi v Petrograde. Moscow: AIRO-XX: Novyj khronograf, 2007. 622 p.

Rabochee oppozicionnoe dvizhenie v bol'shevistskoj Rossii. 1918 g. Sobraniya upolnomochennykh fabrik i zavodov. Dokumenty i materialy. Moscow: ROSSPEHN, 2006. 654 p.

Romanov N.I. Bor'ba za vlast'. Nolinsk: [no pub.], 2014. 103 p.

Shubin A.V. Start Strany Sovetov. Revolyuciya. Oktyabr' 1917 – mart 1918. St. Petersburg: Piter, 2017. 447 p.

Sobolev P.N. Uprochenie soyuza rabochikh i krest'yan v pervyj god proletarskoj diktatury. Moscow: Nauka, 1977. 320 p.

Spirin L.M. Klassy i partii v Grazhdanskoj vojne v Rossii (1917–1920 gg.). Moscow: Mysl', 1968. 438 p.

Velikaya Oktyabr'skaya socialisticheskaya revolyuciya v Belorussii: 2 vol. Minsk: Gosizdat BSSR, 1957. Vol. 2: Pobeda socialisticheskoj revolyucii i uprochenie Sovetskoj vlasti v Belorussii. (Oktyabr' 1917 – mart 1918). 1096 p.

Yarov S.V. Krest'yanin kak politik. Krest'yanstvo Severo-Zapada Rossii v 1918–1919: politicheskoe myshlenie i massovyj protest. St. Petersburg: Dmitrij Bulanin, 1999. 167 p.

Yur'ev A.I. Ehsery na istoricheskom perelome (1917–1918). Moscow: Kuchkovo pole, 2011. 333 p.

DOI: 10.31249/rsm/2019.02.02

В.Н. Бабенко

ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Аннотация. *В статье рассматриваются проблемы борьбы с коррупцией в Российской Федерации, анализируются причины ее распространения в органах государственной власти и управления. Особое внимание уделяется периоду 90-х годов XX в., когда коррупция достаточно глубоко поразила высшие эшелоны власти, а руководство страны не только не занималось вопросами ее преодоления, но и нередко защищало высокопоставленных чиновников-коррупционеров. Характеристика международных и национальных законодательных актов позволяет сделать вывод, что имеется солидная нормативная правовая база для борьбы с коррупцией. Приводятся примеры коррупционных преступлений, совершенных представителями центральных и региональных органов власти, а также основания для органов правосудия беспристрастно рассматривать данные дела. Предлагаются более эффективные меры для преодоления коррупции в России.*

Ключевые слова: *Российская Федерация; постсоветский период; коррупция; проблемы борьбы с коррупцией; федеральные органы власти; региональные органы власти.*

Бабенко Василий Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории, истории государства и права и философии Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН. E-mail: vasbabenko@mail.ru

V.N. Babenko. Problems of the Fight Against Corruption in the Authorities in Post-Soviet Russia

Abstract. *This article deals with the problems of struggle against corruption in the Russian Federation. Special attention is paid to the 1990s when corruption deeply affected the highest echelons of power, while the leaders of the state not only did little to take measures against it but often protected some high-ranking officials. The description of international and national legislative acts makes it possible to come to conclusion that there is a wide normative legal base for struggle against corruption. The examples of*

corruption crimes committed by officials from the central and regional authorities and grounds for justice bodies to investigate such cases are given. The more effective actions for conquering corruption in our country are suggested.

Keywords: *the Russian Federation; post-Soviet period; corruption; problems of struggle against corruption; the federals authorities; the regional authorities.*

Babenko Vasily Nikolaevich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Faculty of State and Law Theory and History and Philosophy, the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia); Leading Researcher, INION RAN. E-mail: vasbabenko@mail.ru

Исторический опыт свидетельствует, что проблема борьбы с коррупцией сохраняла свою актуальность на всех этапах развития Российского государства. Она достигла особой остроты в России после распада СССР. В постсоветский период коррупция охватила следующие сферы деятельности: 1) государственные заказы; 2) сертификационную систему; 3) земельные отношения (распределение земельных участков и т.п.); 4) строительство; 5) здравоохранение; 6) образование; 7) жилищно-коммунальное хозяйство и др.

Для преодоления коррупции в любой стране, как считают многие эксперты, необходимо добиться создания подлинно независимых СМИ, формирования условий для политической конкуренции, образования независимой судебной системы и полноценного гражданского общества. В настоящее время в Российской Федерации предпринимаются попытки создать условия для эффективной борьбы с коррупцией.

В статье рассматриваются проблемы борьбы с коррупцией в российской системе органов государственной власти и управления. Проблемы касаются названных выше сфер жизнедеятельности общества, нормативно-правовой базы, системы правоохранительных органов, призванных вести борьбу с коррупцией, а также антикоррупционной политики государства в целом. Приводимые примеры из правоприменительной практики способствуют выявлению и осмыслению таких проблем.

Многочисленные данные о возбуждении уголовных дел в отношении руководителей законодательных и исполнительных органов власти отдельных субъектов Федерации, а также министерских чиновников высокого ранга показывают, что коррупция глубоко поразила не только органы региональной, но и центральной федеральной власти. Было бы несправедливо утверждать, что государство всегда предпринимало строгие меры в отношении выявленных коррупционных преступлений, совершенных чиновниками федерального уровня. Так, заместитель Генерального прокурора РФ В. Колмогоров, выступая с отчетом в Совете Федерации, отмечал, что незадолго до дефолта 1998 г.

«170 чиновников Центробанка и Министерства финансов РФ использовали для своего обогащения конфиденциальную инсайдерскую информацию» [8, с. 135]. Изобличенные в коррупционных преступлениях государственные служащие не были привлечены к ответственности. Однако сам В. Колмогоров по указанию президента Б. Ельцина вскоре был освобожден от занимаемой должности. Вызывает также недоумение факт освобождения от уголовной ответственности бывшего первого заместителя министра финансов А. Вавилова за причиненный ущерб государству в 1 млрд долл. во время проведения двух взаимозачетов с Беларусью и Украиной за поставленный Россией газ. После этого он стал членом Совета Федерации [8, с. 135], получив, таким образом, возможность уйти от уголовной ответственности за совершение тяжкого коррупционного преступления.

Поучителен и пример бывшего Генерального прокурора России Ю. Скуратова, который пострадал за слишком ревностное отношение в борьбе с коррупцией. Он инициировал расследование многочисленных фактов коррупционных преступлений со стороны высокопоставленных чиновников, государственных учреждений и отдельных корпораций. Имеются в виду, прежде всего, коррупционные связи Центробанка с компанией «Фимако», фирмами «Нога» и «Мабетекс», «Аэрофлотом» и «Андавой», а также «Голден АДА». В результате давления со стороны Администрации президента и самого Б. Ельцина Ю. Скуратов вынужден был подать в отставку. В то же время уличенные в крупных взятках руководители государственных учреждений не были привлечены к уголовной ответственности. В частности, управляющему делами президента П. Бородину, которого Прокуратура Швейцарии в 1999 г. обвинила в том, что он получил от строительной фирмы «Мабетекс» только за контракт по реконструкции Кремля от 26 до 70 млн долл., удалось избежать наказания. Хотя П. Бородин был арестован и отсидел три месяца в тюрьмах США и Швейцарии, вскоре после освобождения под залог и возвращения в Россию был назначен секретарем Союзного государства «Россия – Беларусь». В итоге дело, возбужденное в России против фирмы «Мабетекс», в 2001 г. было закрыто по причине отсутствия состава преступления.

Довольно показательным явилось и дело, получившее название «коробка из-под ксерокса». 19 июня 1996 г. представители избирательного штаба Б. Ельцина, возглавляемого А. Чубайсом, были задержаны Службой безопасности президента при выходе из Дома правительства с коробкой, в которой находились 538 тыс. долл. Возбужденные Генеральной прокуратурой и Главной военной прокуратурой дела, связанные с нарушением валютных операций, были вскоре закрыты. А инициаторы разоблачения данного преступления – глава Службы безопасности президента А. Коржаков, директор ФСБ М. Барсуков и первый вице-премьер О. Сосковец – были отправлены в отставку. В то же время А. Чубайс, имевший непосредственное отношение

к этому преступлению, был назначен на должность главы Администрации президента. Как видим, в 90-е годы многим представителям высших государственных органов, замешанных в коррупционных преступлениях, удавалось уходить от ответственности, используя покровительство со стороны высшего руководства страны.

В начале XXI в. после «криминальных 90-х гг.» в России начался процесс перехода к системному подходу в борьбе с коррупцией. Тем не менее вызывает удивление то, что судебному преследованию подвергались преимущественно мелкие чиновники, которые не сумели заручиться поддержкой вышестоящих чиновников. В то же время государственным служащим федерального уровня и их покровителям удавалось, как правило, уходить от наказания. Данные об осужденных за взяточничество, представленные Верховным Судом РФ, свидетельствуют о том, что в России в 2008 г. «за взятки было осуждено всего 1300 госслужащих, и подавляющее большинство – за получение незначительных сумм». Среди них 31% составляли сотрудники МВД, 20,3 – служащие Минздрава, 12 – преподаватели, 9% – муниципальные служащие [3].

Из этого следует, что существует реальная опасность того, что системы «крышевания» и отмывания преступным образом незаконно полученных доходов, созданные еще в 90-е годы, приведут к такой ситуации, в которой повсеместное взяточничество среди государственных служащих любого уровня трансформируется в привычный образ жизни. Об остроте этой проблемы свидетельствуют данные международной неправительственной организации по противодействию коррупции Transparency International за 2008 г., в соответствии с которыми Россия занимала 147-е место по Индексу восприятия коррупции [12].

Меры по борьбе с коррупцией после принятия в декабре 2008 г. Федерального закона «О противодействии коррупции» вселяли надежду на то, что прокуратуре и другим правоохранительным органам удастся добиться значительных успехов в борьбе с этим социально опасным явлением. Президент РФ Д. Медведев 25 февраля 2009 г. на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры выразил озабоченность вопросами контроля над доходами должностных лиц. 16 марта 2009 г. в интервью газете «Известия» он указал на серьезную озабоченность относительно исполнения законов о борьбе с коррупцией. Д. Медведев, в частности, сказал: «Я думаю, что здесь нам придется столкнуться с самыми разными трудностями, в том числе и с трудностями, которые связаны с нашей неготовностью реализовывать эти полномочия, с нашей неготовностью предъявлять некоторые явления, которые у нас традиционно были скрыты» [5].

Разделяя это беспокойство главы государства, хотелось бы напомнить, что в то время имелась солидная нормативно-правовая база (документы ООН, Совета Европы и Евросоюза, СНГ и других международных организаций).

Основные положения этих нормативных актов легли в основу национальных законов о борьбе с коррупцией. В то же время необходимо осознать, что бороться с коррупцией не могут государственные должностные лица, которые в той или иной мере имели причастность к таким преступлениям или оказывали покровительство коррумпированным чиновникам. К сожалению, пессимизм относительно решения этой проблемы звучит не только из уст президента, но и граждан страны. Как свидетельствует один из опросов Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), проведенный весной 2009 г., «58% опрошенных пессимистично полагают, что коррупцию полностью победить невозможно» [7].

Введение в России обязательного декларирования доходов государственными служащими и членами их семей, независимо от занимаемой должности, должно было способствовать снижению коррупционных преступлений в данной сфере. 18 мая 2009 г. Д. Медведев подписал пять указов, в которых регламентировалось предоставления государственными чиновниками любого уровня сведений о доходах и имуществе, включая и членов их семей. Причем к таким чиновникам были отнесены руководители государственных корпораций и лица, претендовавшие на замещение государственных должностей.

Особое значение имело также предложение министра юстиции РФ А. Коновалова о необходимости включения «в уголовное законодательство так называемой конфискации in rem – т.е. конфискации, при которой бремя доказывания законности приобретения подозрительного имущества ложится на виновное лицо» [6]. В ведущих странах мира данный принцип уже давно широко применяется.

Следует отметить, что только в Следственном комитете России за девять месяцев 2011 г. в производстве находилось, как отмечает его председатель А.И. Бастрыкин, около 14 тыс. уголовных дел о коррупции. За этот же период была «пресечена, – указывает он, – коррупционная деятельность около 600 лиц, обладающих особым правовым статусом». К ним относятся: «200 депутатов органов местного самоуправления, 208 выборных глав муниципальных образований, 10 депутатов законодательных органов субъектов РФ, 4 судьи, 16 прокурорских работников, 49 адвокатов» [2, с. 6–7].

Результаты исследования коррумпированности стран мира в 2012 г., проведенного Transparency International, показывают, что Россия за предыдущие пять лет несколько улучшила свои показатели в данной сфере, поднявшись со 147-го на 133-е место [12]. Очевидно, этому способствовал комплекс мер, направленных на совершенствование нормативной правовой базы и повышение требований к государственным служащим.

В 2012 г. в России начался новый этап борьбы с коррупцией. Возбуждены уголовные дела в отношении руководителей «Оборонсервиса», «Росагроли-

зинга», «Роскосмоса» и т.д. Кроме того, заявлено, что большая коррупционная составляющая присутствует при организации государственных закупок.

12 декабря 2012 г. в Послании Федеральному Собранию РФ В. Путин подчеркивал: «Мы продолжим наступление, безусловно, на коррупцию, которая уничтожает ресурс национального развития». Он отметил при этом, что «ни одна бизнес-структура не должна пользоваться привилегиями от близости к исполнительной, законодательной или судебной власти, причем любого уровня» [9]. В Послании было предложено решить следующие задачи: ввести контроль не только над доходами, но и над расходами и крупными приобретениями чиновников, руководителей госкомпаний, их ближайших родственников; усилить контроль за уровнем вознаграждения руководителей бюджетных организаций; сделать более прозрачным порядок организации госзакупок, ускорив принятие закона о федеральной контрактной системе; повысить эффективность работы Счетной палаты; активизировать гражданское участие, действенный общественный контроль; повысить роль СМИ в представлении достоверной информации о коррупции в стране [9].

В этот период сформировалась обширная нормативно-правовая база, позволявшая вести довольно эффективную борьбу с коррупцией. На сайте Верховного Суда РФ представлены три конвенции, десять резолюций Генеральной Ассамблеи ООН и другие международные правовые акты, в которых изложены нормы, обеспечивавшие необходимые средства и методы для успешной борьбы с коррупционными преступлениями. Здесь же размещены шесть федеральных законов, 22 Указа Президента РФ, шесть Постановлений и Распоряжений Правительства РФ, а также 16 правовых актов Верховного Суда РФ [4].

Уголовный кодекс РФ, принятый в 1996 г., включает следующие статьи, содержащие антикоррупционные нормы: ст. № 285 (злоупотребления должностными полномочиями); ст. № 286 (превышение должностных полномочий); ст. № 290 (получение взятки); ст. № 291 (дача взятки); ст. № 292 (служебный подлог) и т.д. Однако отсутствие в законодательных актах четкого определения понятия «коррупция» способствует созданию условий для различной трактовки коррупционных преступлений в правоприменительной практике. За последние 20 лет фактически не удалось урегулировать эту проблему.

Кроме того, в 2003 г. из УК РФ была исключена статья о конфискации имущества как одного из видов наказания. После этого конфискация имущества стала применяться лишь в форме принудительной меры уголовно-правового характера (ст. 104.1). А это предоставляет возможность судам использовать ее по своему усмотрению, «в зависимости от обстоятельств дела». И суды часто руководствуются положением данной статьи о том, что не подлежит конфискации имущество, переданное осужденным другому лицу, если

оно не знало или не должно было знать, что имущество получено в результате преступных действий. Примером этого может служить расследование крупнейшего коррупционного преступления, совершенного в 2012 г. высокопоставленным чиновником Министерства обороны РФ Евгенией Васильевой, ущерб от которого превысил 3 млрд руб., и которое в итоге не привело к реальным юридическим последствиям. В 2015 г. Е. Васильева в соответствии с решением суда была приговорена к пяти годам лишения свободы. Однако уже через два месяца она получила условно-досрочное освобождение, так как до этого находилась под домашним арестом, к слову, в достаточно комфортных условиях. Говорить о справедливости и непредвзятости судебных органов при рассмотрении этого дела не приходится.

Следует указать, что против руководителей субъектов РФ систематически возбуждались уголовные дела, имевшие коррупционную составляющую. Так, с 1996 по 2017 г. было открыто судебное разбирательство против 27 глав российских регионов. Важно заметить, что до 2006 г. в процессе расследования к ним не применялась такая мера пресечения, как арест. Только в 2006 г. первым арестованным стал руководитель Ненецкого автономного округа А. Баринов. В целом суд признал виновными лишь семь из 27 подозреваемых в коррупционных деяниях руководителей субъектов Федерации. При этом трое из них получили условное наказание, а двое были амнистированы.

Из уголовных дел, возбужденных в отношении глав российских регионов в 2015–2017 гг., следует назвать дела губернатора Брянской области Н. Денина, главы Республики Коми В. Гайзера, экс-главы Карелии А. Нелидова, губернатора Кировской области Н. Белых, бывшего главы Коми В. Торлопову, экс-губернатора Челябинской области М. Юревича, главы Удмуртии А. Соловьева и главы Марий Эл Л. Маркелова [11].

В то же время наиболее крупным уголовным делом данного периода явилось дело, возбужденное против министра экономического развития РФ А. Улюкаева. 15 ноября 2016 г. его обвинили в вымогательстве взятки в размере 2 млн долл. у исполнительного директора компании «Роснефть» И. Сечина. В результате расследования его вина была полностью доказана, и 15 декабря 2017 г. суд приговорил А. Улюкаева к восьми годам лишения свободы в колонии строгого режима и штрафу в 130 млн руб.

Наиболее резонансным коррупционным делом в системе правоохранительных органов стало дело полковника Д. Захарченко, временно исполнявшего обязанности начальника управления «Т» ГУЭБ и ПК МВД России. Он был арестован 10 сентября 2016 г. по обвинению в коррупции и злоупотреблению служебными полномочиями. В процессе следственных действий у него было выявлено имущества, драгоценностей и денежных средств более чем на 9 млрд руб.

Приведенные примеры коррумпированности государственных чиновников свидетельствуют о том, что без решения проблем, связанных с открытостью власти, прозрачностью процедур принятия государственных решений, эффективностью механизма контроля за деятельностью государственных органов со стороны институтов гражданского общества и подлинной независимостью средств массовой информации, добиться успехов в борьбе с коррупцией в России не представляется возможным.

Для преодоления коррупции в России еще в 2009 г. предлагалось предпринять следующие меры: 1) создать комплекс нормативно-правовых актов, не позволяющих государственным служащим любого уровня безнаказанно совершать коррупционные деяния; 2) установить адекватную оплату труда государственным служащим на федеральном, региональном и муниципальном уровнях; 3) усилить контроль со стороны надзорных органов за исполнением законов и должностных обязанностей всеми государственными служащими; 4) систематически осуществлять ротации кадров во всех без исключения государственных учреждениях; 5) проводить открытые судебные процессы над лицами, совершившими коррупционные преступления; 6) создать независимую общественную антикоррупционную палату; 7) широко освещать в средствах массовой информации мероприятия государства и общественных организаций по профилактике и борьбе с коррупцией [1, с. 60].

Многие из этих мер применялись в России. Однако уровень коррупции существенно не снизился. В 2016 г., по данным Transparency International, Россия занимала 131-е место из 176 стран по Индексу восприятия коррупции, а в 2017 г. стала занимать 135-е место из 180 стран [13]. В опубликованном в январе 2019 г. отчете за 2018 г. этой международной организации Россия оказалась уже на 138-м месте из 180 государств, разделив его с такими странами, как Папуа-Новая Гвинея, Ливан, Иран, Гвинея и Мексика [10].

Почему же Китай в 2016 г. занимал в этом рейтинге только 79-е место? Возможно, России следует также ввести смертную казнь за коррупционные преступления, которую широко применяют в Китае, и беспощадно наказывать всех коррупционеров независимо от занимаемой должности? Насколько это будет эффективно в России, сложно утверждать.

К предлагавшимся ранее мерам необходимо добавить следующие: ввести в УК РФ статью о полной конфискации имущества не только изобличенного в коррупции гражданина, но и имущества его ближайших родственников, независимо от их социального статуса; установить пожизненный запрет для осужденных за коррупционные преступления на работу в системе государственных органов; активизировать деятельность правоохранительных органов, направленную на возврат из зарубежных стран активов, полученных преступным путем; усилить надзор за четким соблюдением законодательства при распределении государственных заказов; до минимума сократить перечень

категорий государственных служащих, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам и др.

Думается, что данные меры не смогут оказать эффективного влияния на борьбу с коррупцией в России без сильной политической воли со стороны высшего руководства государства, а также тесного взаимодействия правительства с институтами гражданского общества.

Тем не менее хочется верить, что предпринимаемые в настоящее время меры по борьбе с коррупцией в России достигнут поставленных целей, а неотвратимость наказания за преступление и его соразмерность причиненному ущербу станут принципами антикоррупционной политики государства.

Библиография

1. Бабенко В.Н. Коррупция в России: От обычаев и традиций к образу жизни? // Россия и современный мир. 2009. № 4. С. 44–61.

2. Бастрыкин А.И. Коррупция как один из факторов угрозы национальной безопасности Российской Федерации // Право и безопасность. 2011. № 3–4. С. 5–8.

3. Буторина Е. Берут по мелочи: Верховный Суд отметил низкую результативность борьбы с коррупцией // Время новостей Online. 2009. 29 января. URL: http://www.vremya.ru/2009/14/46/221863.html (Дата обращения: 10.01.2019.)

4. Верховный Суд РФ: Официальный сайт. URL: http://www.vsrf.ru (Дата обращения: 10.01.2019.)

5. Дмитрий Медведев: «Пришло время отдавать долги» // Известия. 2009. № 42. С. 1–2.

6. Министр юстиции Александр Коновалов: «У государства наконец-то дошли руки до борьбы с коррупцией» // Известия. 2009. № 15. С. 4.

7. Миронова Ю. Воровать не надо забывать: россияне видят хорошие стороны коррупции // Время новостей. 2009. № 73. С. 4.

8. Попов В.И. Противодействие организованной преступности, коррупции, терроризму в России и за рубежом. М.: Изд-во СГУ, 2007. 581 с.

9. Послание Президента Владимира Путина Федеральному Собранию РФ // Российская газета. 2012. № 287. С. 4.

10. Россия в Индексе восприятия коррупции – 2018 // Трансперенси интернешнл Россия. URL: https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korruptsii/rossiya-v-indekse-vospriyatiya-korruptsii-2018-28-ballov-iz-100-i-138-mesto.html (Дата обращения: 29.01.2019.)

11. Уголовные дела в отношении глав российских регионов // ТАСС. 2017. 19 окт. URL: https://tass.ru/info/4179725 (Дата обращения: 10.01.2019.)

12. Цирюлик Д. Россия – самая коррумпированная страна G20 // Независимая газета. 2012. № 257. С. 7.

13. Corruption Perceptions Index 2017 // Transparency International. URL: https://www.transparency.org/news/feature/corruption_perceptions_index_2017?utm_medium=email&utm_campaign=CPI%202017%20Newsletter (Дата обращения: 10.01.2019.)

References

Babenko V.N. Korrupciya v Rossii: Ot oby`chaev i tradicij k obrazu zhizni? // Rossiya i sovremenny`j mir. 2009. N 4. P. 44–61.

Bastry`kin A.I. Korrupciya kak odin iz faktorov ugrozy` nacional`noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii // Pravo i bezopasnost`. 2011. N 3–4. P. 5–8.

Butorina E. Berut po melochi: Verxovny`j sud otmetil nizkuyu rezul`tativnost` bor`by` s korrupciej // Vremya novostej Online. 2009. Jan. 29. URL: http://www.vremya.ru/2009/14/46/221863.html (Data obrashheniya: 10.01.2019.)

Ciryulik D. Rossiya – samaya korrumpirovannaya strana G20 // Nezavisimaya gazeta. 2012. N 257. P. 7.

Corruption Perceptions Index 2017 // Transparency International. URL: https://www.transparency.org/news/feature/corruption_perceptions_index_2017?utm_medium=email&utm_campaign=CPI%202017%20Newsletter (Data obrashheniya: 10.01.2019.)

Dmitrij Medvedev: «Prishlo vremya otdavat` dolgi» // Izvestiya. 2009. N 42. P. 1–2.

Ministr yusticii Aleksandr Konovalov: «U gosudarstva nakonecz-to doshli ruki do bor`by` s korrupciej» // Izvestiya. 2009. N 15. P. 4.

Mironova Yu. Vorovat` ne nado zaby`vat`: Rossiyane vidyat xoroshie storony` korrupcii // Vremya novostej. 2009. N 73. P. 4.

Popov V.I. Protivodejstvie organizovannoj prestupnosti, korrupcii, terrorizmu v Rossii i za rubezhom. Moscow: Izd-vo SGU, 2007. 581 p.

Poslanie Prezidenta Vladimira Putina Federal`nomu Sobraniyu RF // Rossijskaya gazeta. 2012. N 287. P. 4.

Rossiya v Indekse vospriyatiya korrupcii – 2018 // Transperensi interneshnl Rossiya. URL: https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korruptsii/rossiya-v-indekse-vospriyatiya-korruptsii-2018-28-ballov-iz-100-i-138-mesto.html (Data obrashheniya: 29.01.2019.)

Ugolovny`e dela v otnoshenii glav rossijskix regionov // TASS. 2017. Oct. 19. URL: https://tass.ru/info/4179725 (Data obrashheniya: 10.01.2019.)

Verxovny`j Sud RF: Official Website. URL: http://www.vsrf.ru (Data obrashheniya: 10.01.2019.)

DOI: 10.31249/rsm/2019.02.03

И.И. Глебова

О РОССИЕВЕДЕНИИ В РОССИИ И ЦЕНТРЕ РОССИЕВЕДЕНИЯ ИНИОН РАН

Памяти В.Н. Листовской[1]

Аннотация. *В статье обсуждаются причины возникновения и перспективы развития россиеведения – нового направления в социогуманитарной науке. В его рамках Россия рассматривается как особый культурно-исторический тип. Предпринимается попытка преодолеть при ее изучении дисциплинарную ограниченность. Это предполагает уход от историко-, политико- и т.п. центричности. Взамен предлагается «россиецентричность». В статье также представлены некоторые результаты работы Центра россиеведения ИНИОН РАН. Он создан в 2008 г., с 2009 г. выходит продолжающееся издание «Труды по россиеведению».*

Ключевые слова: *Россия; россиеведение; европеизм; социокультурная целостность; социоисторическая целостность; Центр россиеведения ИНИОН РАН.*

Глебова Ирина Игоревна – доктор политических наук,
руководитель Центра россиеведения ИНИОН РАН, Москва.
E-mail: glebova.i.i@yandex.ru

I.I. Glebova. About Russian Studies in Russia and at the Russian Studies Centre of the Institute of Scientific Information for Social Sciences

Abstract. *The article explores the reasons for emergence as well as perspectives of development of a new dimension in social-human sciences – i.e. Russian studies. It provides a framework in which Russia is analyzed as a specific type of sociohistorical entity in an attempt to avoid any disciplinary limitations in research process. It suggests a move away from centricity of historical, political or any other nature. «Russian centricity» is proposed instead. The article also gives an overview of a number of research studies*

1. 28 января 2019 г. умерла Валентина Николаевна Листовская. Она была редактором, участником, соавтором всех трудов (изданий, начинаний) нашего Центра. Ее некем заменить; мы осиротели. Все наши будущие работы (если они осуществятся) – в ее память.

produced by the Institute's of Scientific Information for Social Sciences Russian Studies Centre, which was created in 2008. An edition titled «Works on the Russian studies» is published from 2009 onwards.

Keywords: *Russia; Russian studies; europeism; sociocultural integrity; sociohistorical integrity; Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Studies Centre.*

Glebova Irina Igorevna – Doctor of Political Sciences,
Head of the Center of Russian Studies, INION RAN, Moscow.
E-mail: glebova.i.i@yandex.ru

О Центре

В 2008 г. в Институте научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН был создан Центр россиеведения. Предполагалось, что он станет одним из «инструментов» решения большой задачи: изучения России как особого социоисторического, социокультурного явления, одной из дискуссионных площадок, на которой будут обсуждаться, приобретая публичный статус, адекватные этой задаче подходы, идеи, концепции.

Россиеведение не случайно появилось (и укоренилось) в ИНИОНе. Этот Институт всегда занимался: анализом современной зарубежной науки, выявлением ее новых направлений. Именно поэтому в ИНИОНе развивались дисциплины, отвергавшиеся советской наукой. Визитная карточка Института в постсоветское время (с 1990-х годов до конца второго десятилетия XXI в.) – политическая наука, культурология, науковедение. К этим новациям принадлежит и россиеведение.

К моменту создания нашего Центра в ИНИОНе был накоплен большой и во многом уникальный опыт анализа западных исследований, посвященных России. Немаловажно и то, что в Институте последовательно и профессионально изучалась советология. Рефераты, аналитические обзоры, переводы, справочно-информационные издания, здесь подготовленные, стали базой для формирования отечественного россиеведения.

Наконец за десятилетия существования в ИНИОНе было создано пространство взаимодействия разных направлений социально-гуманитарной науки. В организационной структуре Института представлены основные «отрасли» социально-гуманитарного знания (научные отделы формировались в соответствии с «дисциплинарным» и «страноведческим» принципами). Здесь появился особый – универсальный – тип исследователя, не зацикленного на узкой проблеме, каком-то одном периоде, не замкнутого в рамках определенного направления, но способного реализовать идею междисциплинарности, научного синтеза. ИНИОН «предлагал» бóльшие, чем другие подразделения РАН, возможности для исследований России полидисциплинарного

и сравнительного характера, поэтому и стал «опытной площадкой» россиеведения.

В течение вот уже десяти лет (с 2009 г.) Центр издает сборник научных работ «Труды по россиеведению»[2]. Это самый долговременный в нашей стране проект по россиеведению; его постоянные авторы – ведущие российские и зарубежные историки, политологи, юристы, специалисты по международным отношениям и др. из институтов РАН и высшей школы. Мы рассматривали «Труды…» как своего рода лабораторию по выработке современного взгляда на Россию в ее историческом бытовании. В научном отношении примером для нас являлись труды русской Академической группы, выходившие в США в середине прошлого века. В идейном – мы ориентировались на лучший, пожалуй, эмигрантский журнал – «Современные записки» (Париж, 1920–1940).

Каждый выпуск «Трудов…» строится вокруг определенных тем, но содержательно они не исчерпываются тематическими материалами. В сборнике есть постоянные рубрики: «Современная Россия», «История и историческая память», «Взгляд со стороны, «Наследие – наследникам», «Публицистическая мозаика». Особое внимание уделяется темам исторической памяти и национальной идентичности; печатаются материалы, посвященные важнейшим историческим юбилеям первой четверти XXI в. (русских революций, Первой мировой и Великой Отечественной войн и др.). Для «Трудов…» характерно смешение жанров, тем, исследовательских подходов, мировоззренческих позиций. Здесь публикуются не только строго академические тексты, но и публицистические и эссеистические, интервью и рецензии, обзоры и рефераты современной зарубежной и российской науки, малоизвестные работы отечественных мыслителей конца XIX – первой половины XX в. (Б.Н. Чичерина, А.С. Алексеева, А.С. Изгоева, П.Д. Кончаловского, П.Б. Струве, Ф.А. Степуна, Е.В. Спекторского и др.), архивные документы.

С 2008 г. Центр россиеведения ИНИОН РАН проводит семинары, на которых ведущие российские и зарубежные исследователи, общественные деятели (Ю.Н. Афанасьев, Л.Д. Гудков, К.Г. Холодковский, Ю.С. Пивоваров, Э.А. Паин, В.К. Кантор, А.С. Кончаловский и др.) обсуждают ключевые вопросы истории и современного положения России. Являясь своего рода собранием актуальных мнений, позиций, взглядов на ситуацию в стране, семинары также дают срез состояния научного сообщества (см.: [5]).

Важной вехой в деятельности Центра мы считаем издание «Хрестоматии по россиеведению» [13]. Полагая россиеведение прежде всего опытом самопознания, его первоочередную задачу мы видели в «кодификации» современ-

2. К 2019 г. вышли семь выпусков общим объемом около 250 а. л. [6; 7; 8; 9; 10; 11; 12].

ной русской мысли, обобщении накопленных ею знаний о России. Нам представляется, что вошедшие в «Хрестоматию…» тексты – такое же достояние нашей науки, как и работы русских мыслителей начала XX в. Симптоматично: в последние 25 лет, как и столетие назад, наблюдается настоящий всплеск россиеведческих исследований. Видимо, социальные катаклизмы, губительные для страны, подстегивают мысль, просвещая лучше, чем иные учебники.

Наконец в сотрудничестве с другими подразделениями ИНИОНа Центр выпустил справочно-информационное издание, посвященное россиеведению в России и российским россиеведам (инициаторы проекта – В.И. Плющев и М.С. Пальников) [3]. Мы рассматривали этот проект не только как форму привлечения к сотрудничеству исследователей со всей России, но и как возможность обсудить проблемы россиеведения (взгляды на предмет, круг авторитетных имен и исследований и т.д.).

Представляя Центр россиеведения, в заключение отметим: за годы работы вокруг него сформировалось ядро постоянных авторов, которые не только публикуются в «Трудах…» и участвуют в наших семинарах, но и популяризируют идеи, в нем разрабатываемые. В целом деятельность этого подразделения строится на сетевом взаимодействии исследователей из России и других стран мира. Это не только соответствует современным принципам организации науки (и отражает модель современного общества), но как нельзя лучше способствует развитию россиеведения. Тем самым диктуется необходимость создания временных творческих коллективов из специалистов разных отраслей социально-гуманитарного знания для разработки отдельных исследовательских проектов.

Центр россиеведения сотрудничает с ведущими институтами РАН (российской истории, экономики, мировой экономики и международных отношений и др.) и высшими учебными заведениями России (МГУ, РГГУ, ГУ-ВШЭ, Южным Федеральным университетом и проч.). Мы активно вовлечены в международное сотрудничество. Своим же главным партнером считаем Центр русистики Будапештского университета им. Лоранда Этвёша, который является одним из лидеров и координатором изучения России в Центральной и Восточной Европе.

Почему россиеведение

В последние четверть века в нашей стране появились специальные научные подразделения по изучению России. Видимо, создание таких структур – не случайность.

В СССР изучение российской социальности не стало (да и не могло стать) самостоятельным исследовательским направлением. Этим в равной мере занимались историки, экономисты, юристы, позже – социологи, демо-

графы и т.д. Ситуацию «разделенности», дискретности пытались преодолеть (правда, не с целью анализировать именно Россию) в рамках дисциплины «научный коммунизм», учрежденной в 1960-е годы. Здесь предполагалось синтезировать разные области социально-гуманитарного знания, дав им общую методологию. Эта попытка, однако, не удалась – догматический советский марксизм-ленинизм в качестве такой методологии полностью себя дискредитировал.

На рубеже 1980–1990-х годов российская наука перешла к массовой рецепции исследовательских подходов западного обществоведения. Однако практика доказала, что вырванные из контекста чужие методы не работают; с помощью одной лишь рецепции западных концепций нельзя адекватно описать российскую реальность. Таким образом, после отказа от марксистско-ленинской идеологии и осознания недостаточности западных исследовательских методологий «обнаружился» если не вакуум, то очень существенный дефицит понимания того, что происходило и происходит в России. В этих условиях и стали возникать подразделения по ее изучению. Во всяком случае по этой причине создан Центр россиеведения ИНИОН РАН.

Россиеведение, как мы полагаем, нацелено на то, чтобы исследовать Россию целостно и преодолеть узость, ограниченность «отраслевых» подходов (т.е. выйти за рамки историко-, экономо-, политико- и любой другой центричности). При этом нет нужды отказываться от традиционной классификации наук, механически сводить воедино разные области знания, прикрываясь «легендой» междисциплинарности. Работая в рамках определенного «раздела» социальной науки, следует иметь в виду Россию как целое (в качестве обязательного «фона») и соотносить различные темы с этим целым.

Следовательно, россиеведение предполагает наличие особого объекта анализа – России. В науке есть достаточно авторитетное мнение: Россия не является особой, самостоятельной цивилизацией. Отсюда попытки ее изучения в рамках Запада или Востока. Нам, однако, кажется очевидным: та «историческая субстанция», которая в разные времена называлась Московским царством – Российской империей – СССР – Россией (и имела преемственные связи с Киевской и княжеско-удельной Русью, а также Золотой Ордой), демонстрирует культурную общность и особость. Кроме того, эта целостность локализована в очень определенной (не схожей ни с какой иной) природно-географической среде.

Исторически мы имеем дело с чередой Россий – разных, но и чрезвычайно схожих. Эти России полностью не вписываются ни в европейский, ни в азиатский ход исторического развития. Отсюда и предложение изучать их

как определенный культурно-исторический тип[3]. Не раз и навсегда данный, но постоянно изменяющийся и сохраняющий при этом свои особенные черты. Существующий не отдельно от всех, но наряду с другими культурно-историческими типами – в общем темпоральном, цивилизационном контексте. Мы не предлагаем выявлять какую-то российскую исключительность («экзотичность») – нас интересует то *особенное*, что входит в ткань *исторического бытия данной культуры*.

Настаивая на необходимости россиеведения, мы вовсе не выступаем за создание какой-то интегральной науки о России. Россиеведение – это определенный *подход*, определенная *точка зрения* на Россию. В рамках такого подхода утверждается: наука не может принять какую-то культуру за норму и подходить к другим культурам с позиций этой нормы. Наука не должна рассматривать разные культуры сквозь призму некоего универсального общества и предлагать в их отношении решения, которые дало бы это универсальное общество. Россиеведение предполагает изучение России с позиций не «дóлжного», а «сущего»; исходит из необходимости признания «нормативности фактического» (т.е. «наличной» социальности – данной экономики, данной политики и т.д.); нацелено на описание этих «данностей». Все это, конечно, не означает морального релятивизма, а также искусственного выделения России из общего исторического потока, противопоставления ее человечеству и общечеловеческому, отрицания традиций русского европеизма, совместимости нашей страны со свободой и демократией и т.п.

Таким образом, в ситуации острого методологического кризиса (спроса на методологии) явление россиеведения в России вполне естественно (если не закономерно). Это, однако, не единственная методологическая находка нашего времени. В последние десятилетия в отечественной науке большое влияние обрели различные версии цивилизационного подхода. Мы говорим об этом потому, что существует соблазн путать россиеведение с цивилизационным подходом; более того, считать россиеведение его частным случаем (вариантом). Несмотря на некоторую внешнюю схожесть цивилизационных теорий и россиеведения, они, безусловно, находятся в антагонистических отношениях.

Как известно, цивилизационный подход возник в России в конце 60-х годов XIX в. Речь идет об известной книге Н.Я. Данилевского «Россия и Европа». Вскоре после выхода начались острые дискуссии вокруг ее содержания, в которых приняли участие крупнейшие представители русской мысли того времени. Дискуссия продолжилась и в конце XIX – начале XX в. Среди про-

3. Термин «культурно-исторический тип» принадлежит Н.Я. Данилевскому. Мы, однако, вкладываем в этот термин несколько иной смысл: скорее, метафорический, чем претендующий на «научность», и уж никогда – морфологический.

тивников Данилевского были такие выдающиеся представители российской науки и философии, как Н.Н. Бердяев, П.Н. Милюков, Н.Н. Кареев, Н.Ф. Федоров и др. Среди сторонников – Ф.М. Достоевский, Н.Н. Страхов, К.Н. Леонтьев, евразийцы и проч.

По своему влиянию цивилизационный подход можно сравнить с возникшим гораздо ранее формационным (скажем, с марксизмом). Это не случайно. Цивилизационный подход значительно расширяет возможности понимания эволюции социумов. Позволяя выявить специфику того или иного общества, особенно незападного типа, он является надежным оружием против «евроцентризма» («западноцентризма») современной науки. Однако с самого начала цивилизационный подход встретил жесткое сопротивление гуманистически настроенных мыслителей и ученых. Отмечалась его узость в понимании природы социумов и социального поведения человека.

Подобно формационному подходу, он страдает серьезным изъяном: подчиняет поведение человека и эволюцию общества действию некой неотменяемой субстанции. В «формационном» марксизме это – классы и классовая борьба, обязательная смена «формаций» (рабовладения – феодализмом, капитализма – социализмом и т.д.). В цивилизационном подходе такой субстанцией являются различные «органические» качества данной цивилизации. И формационный, и цивилизационный подходы, провозглашающие верховенство неких высших необходимостей и ограничений, суть классические примеры органицистского понимания общества и индивида. В них происходит (ими производится) «биологизация» социального познания.

Модные сегодня в российской науке цивилизационные теории действительно обладают значительным объяснительным потенциалом и могут быть использованы в рамках социально-гуманитарного комплекса дисциплин. Однако они не должны довлеть. Очевидно: нынешнее повышенное внимание к цивилизационной тематике связано с тем, что в нашей науке после отказа от формационного марксизма сохранилась привычная потребность в обладании универсальным и тотальным объяснением мироустройства. В этом смысле цивилизационный подход очень удобен: создает иллюзию целостного, всеохватного знания. И именно в этом смысле россиеведение и противостоит как цивилизационному, так и формационному подходам. Притом считает своей важнейшей задачей освоение богатой цивилизационной и формационной проблематики и выработку к ним творческого, критического отношения.

Следует подчеркнуть: мы особенно не держимся за термин «россиеведение». Более того, не убеждены в том, что «россиеведение» – лучшее название. Но мы пользуемся им так же, как термином «востоковедение», подчеркивая тем самым, что для изучения Востока недостаточно только традиционных научных дисциплин, евро-(западно)-центричных подходов, методологий; в Востоке есть нечто, что в них не укладывается. Мы избрали

«россиеведение», поскольку полагаем этот термин содержательно нейтральным и не имеющим каких-то «опасных» коннотаций.

Кроме того, «россиеведение» уже имеет свою историю. Этот термин активно применялся в образовательной системе России конца XIX – начала XX в. Одним из первых в постреволюционные годы его употребил Петр Савицкий – лидер евразийства, крупнейший специалист по политической, экономической географии, геополитике и т.д. В то же время (в 1920–1930-е годы) в немецкой науке появилось понятие «Russlandskunde» («россиеведение»), обозначавшее целостный подход к изучению России. Позже в послевоенной англоязычной науке возникло направление «russian studies» («русские исследования»). То есть аналоги «россиеведения» есть в языках, обеспечивающих современные научные, межкультурные коммуникации.

О России как объекте исследования

Убеждение в необходимости россиеведения разделяется далеко не всеми в России. Бóльшее число отечественных исследователей в основном удовлетворены тем научным инструментарием, который дает западная наука. В попытке сконструировать россиеведение они видят очередной эксцесс русского утопизма, преувеличивающего российскую специфику. Согласимся: встав на эту точку зрения (россиеведение в России есть необходимость), легко дойти до того, что по-немецки называется «Sonderweg». Здесь мы сталкиваемся с реальной проблемой: как бы не поддаться искушению «особого пути». Однако существует и другая, не менее серьезная опасность: не понять, не распознать того, что происходит в России, если мерить «русское» меркой Франции, Германии и т.д., не замечать особенностей этого «русского». Причем это опасно и с научной, и с социальной точек зрения. В конечном счете наука должна, насколько это в ее силах, адекватно представлять хотя бы ближайшие возможности и потенциалы изучаемого общества. Россиеведение, какие бы подходы оно ни предлагало, предназначено именно для этого – в этом и состоит его неотменяемый вызов.

Чтобы избежать эти крайности, необходимо сочетать, синтезировать разные исследовательские подходы. Мы вообще выступаем за разнообразие подходов и форм, стилей и методов; считаем, что не может быть одного нормативного исследовательского подхода, что должно быть множество точек зрения на анализируемое явление. Только при использовании разных «призм» рождается стереоскопический эффект, который и приближает нас к пониманию природы изучаемого: России.

Россия (как, впрочем, и любая другая страна) – чрезвычайно сложное социоисторическое, социокультурное образование. В ней соединяются и европейское, и евразийское, и азиатское начала. У нее может быть несколько

идентичностей, и она всегда находится перед выбором: что будет доминировать, что возобладает. Вот уже в течение нескольких столетий доминантой для России является европейская ориентация. Во многом отсюда – тяготение ученых к соответствующим познавательным методам и моделям. То, что диагнозы и прогнозы, сделанные в рамках этих подходов, часто себя не оправдывают, объясняется не их неадекватностью, а неоднозначностью (точнее, многозначностью) объекта исследования.

К России, безусловно, применима европоцентричная исследовательская логика, поскольку – и мы только что сказали об этом – в ее природе есть и европейские основы. У нас с Европой общие христианские истоки (различия православия, католичества и протестантизма не отменяют того, что все эти «виды» находятся внутри одной «семьи»). А это значит, что в сердцевине русской культуры, как и у всех европейских, тема личности. В этом смысле мы с Европой родственны. Кроме того, близость рождается из связей, из общей истории. Киевская Русь – хоть и окраинная, но значимая часть христианской ойкумены. К северо-европейской цивилизации во многом принадлежала Новгородско-Псковская Русь. Европейцы издавна присутствовали в русской истории[4]: и «по позитиву» (жили, работали, учили), и «по негативу» (конфликтовали, воевали). Начиная с эпохи Смуты контакты Московии с Западом становятся постоянными.

Петровская эпоха помогла становлению русской культуры как европейской по преимуществу. Даже в традиционной деспотической государственности стали проглядывать европейские черты – со временем все больше и больше. С начала XVIII столетия (а, может быть, даже и раньше – с XVII в.) Россия признавалась частью европейской политики. Более того, она таковой и была. Как бы ни отличалась наша страна в XVIII – начале XX в. от других европейских держав, она принимала самое активное участие в европейском концерте. Все это свидетельствует о европейскости России.

Конечно, связь «Россия – Европа» – сложная, неоднозначная; она обременена противоречиями и конфликтами. Но что несомненно, так это величие и европейский (иначе говоря, мировой) характер русской культуры и русского языка. Это главные достижения русской цивилизации, самый большой продукт русской истории. Причем продукт высшего мирового качества, мировых стандартов. Русский роман XIX в. и русская поэзия XX в. сопоставимы со всем – с греческой философией и искусством, с римским правом и государственностью, со средневековым монашеством, с Ренессансом, с немецкой философией и музыкой, с французским Просвещением. Благодаря культуре, языку Россия совершенно неповторима в мировой истории. Это абсолютно

4. Хотя, конечно, мы знаем и времена русской изоляции. Бóльшей частью – самоизоляции.

современные культура и язык, стоящие вровень с английским, французским, немецким и др.

Русская культура сопротивляется искушению антиевропеизма. В ней преодолеваются те дефициты, которые обнаруживает русская социальность: слабая потребность в свободе, в солидарности, в праве, практически полное отсутствие ощущения «другого» (невнимание, недоверие к «другому», отрицание за ним каких бы то ни было прав) и проч. В этом смысле русская культура – преодоление того неевропейского, что есть в русской социальности, того, что столетиями ее калечило, мешало и мешает ей развиваться.

И, наконец, не будем забывать: наиболее благоприятные периоды в русской истории случались тогда, когда Россия твердо выбирала европейскую ориентацию. На этом пути она становилась нормальной и современной страной. Подчеркнем: чтобы стать современной (во всех отношениях – в том числе в научном), России нужна именно европейская «прививка».

В то же время Россия, конечно, не является европейской страной в классическом смысле. Принадлежать к европейской цивилизации – значит наследовать античной цивилизации Греции – Рима, быть христианско-католической, пройти феодализм, Ренессанс, Реформацию, Просвещение, капитализм и пр. Это означает преобладание тенденции к господству права, устроение власти и на договорных отношениях, а не только на насилии. Это предполагает развитие науки, университетов и, безусловно, определенные природно-климатические условия.

Кстати, особое значение для России (для толкования ее как «не-Европы») имеют пространства: и их неевропейская природа (климат, огромность, неосвоенность), и неевропейский способ освоения (экстенсивный, эксплуатационный, «неэкологичный»). Это, пожалуй, одна из главных дилемм русской истории: «азиатские» пространства и действующий на них человек с некоторыми европейскими чертами характера.

Россия большинству условий «классической европейскости» не соответствует. Поэтому нельзя отказать в глубоком понимании российского исторического пути таким мыслителям, как Чаадаев, славянофилы, евразийцы. Это не значит, что мы с ними полностью или во многом согласны, но некоторые их наблюдения, выводы представляются вполне релевантными.

Итак, для познания такой культуры, как русская, требуется особая исследовательская оптика. Применение к России того инструментария, который выработан западной социально-гуманитарной наукой, позволяет понять «русское» в том объеме и на той глубине, на котором и в которой Россия – страна европейская. Изучение же России с *россиеведческих позиций, акцентирующих особость этого исторического развития*, – уяснить «русское» в том объеме и на той глубине, в которых Россия не есть Европа.

Нам очевидна необходимость того, чтобы ученые, даже расходясь во мнениях, говорили на *научном* языке и исходили из презумпции свободы исследования. Кроме того, при различии подходов к изучению России науке требуется общее, объединяющее целеполагание: Россия демократическая, либеральная, правовая, плюральная, социальная и т.п. Эта ориентация – единственно возможный двигатель развития страны. То есть и единственно приемлемый контекст для исследований. Вне ценностных измерений социально-гуманитарная наука теряет свои общественные роль и значение. Поэтому именно и только в таком контексте, в таком виде россиеведение в России не только возможно, но и необходимо.

О задачах россиеведния

Следует также сказать, что задачи россиеведения со временем могут меняться. Точнее, в какой-то период на первый план выходят одни, в другой – другие. Когда в 2008 г. был создан Центр россиеведения, мы хотели «научиться» рассматривать Россию как целостный социокультурный и социоисторический феномен. При этом исходили из того самого факта «недостаточности» исключительно западной науки в изучении России, о котором мы уже говорили.

По прошествии более чем десяти лет основные задачи россиеведения нам видятся несколько иначе. И это связано с поведением самого объекта исследования – России. В последние пять лет она совершила очередной исторический поворот, вновь «обманув» большинство ее исследователей. Сегодня перед нами в значительной степени другая страна, другое общество. О содержании этого поворота мы говорить не будем, поскольку он очевиден для всех – правда, с разным к нему отношением. И теперь в фокусе нашего внимания – изучение его причин и глубины. Это, в свою очередь, предполагает поиск новых подходов и к советскому прошлому, к которому, кстати, апеллируют идеологи этого поворота, и к постсоветскому историческому пути, сегодня уже четвертьвековому.

Когда-то выдающийся русский историк Р.Ю. Виппер писал: «Произошло все как раз наоборот предвидению теории – мы притягивали историю для объяснения того, как выросло Русское государство и чем оно держится. Теперь факт падения России, наукой весьма плохо предусмотренный, заставляет… проверить свои суждения. Он властно требует объяснения, надо найти его предвестия, его глубокие причины, надо неизбежно изменить толкования… науки» [1, с. 3]. Виппер имел в виду ситуацию революции 1917 г. – до и после. Только со временем стало понятно, насколько верен этот «призыв».

В XX в. в России возник особый тип общества – иной по сравнению с той социальностью, с которой имела дело наука. Его познание требовало дейст-

вительно принципиального концептуального обновления. Социальная наука на Западе в основном занималась массовым, «открытым» (в терминологии К. Поппера), плюралистическим обществом. В рамках же СССР сформировалось массовое общество «закрытого» типа, где всячески подавлялись индивидуализм и индивидуальность с их претензиями на автономию, свободу, права, право, с потребностью в их институционализации. Все строилось по преимуществу на массовых инстинктах (выживания / самозащиты), иллюзиях, энтузиазме, «вере», привычке к подчинению, страхе и т.п. И, конечно, это общество не предполагало саморефлексии. Попытки его понять имели по преимуществу ненаучный характер (как «Архипелаг ГУЛАГ»).

Хотя изучение и описание советского общества продолжается уже едва ли не столетие, многое в нем еще не уяснено. Несмотря на все усилия западных и российских исследователей, не преодолен дефицит понимания этого феномена (его истоков, генезиса, природы, причин гибели). (Во многом из потребности его восполнить и возникло россиеведение.) К примеру, по сей день нет определенной ясности в том, является ли «советский коммунизм» (советский коммунистический тоталитаризм) «домашним», внутренним делом русской истории или Россия была им инфицирована. А возможно, представляет собой комбинацию двух этих внешне противоположных причин? И т.п. Кроме того, из всего изученного и описанного пока не сделаны социальные выводы.

И, наконец, самое главное. Все убедительные и авторитетные концепции советского общества создавались либо еще в период его существования, либо сразу после *видимой* кончины. История последних двух десятилетий показала: «советизм» во многих своих сущностях сумел выжить в ходе Великой Преображенской (А.И. Солженицын) = Великой криминальной (С. Говорухин) = Великой демократической (демократы) = Великой антикоммунистической (антикоммунисты) = Великой национал-освободительной (национальные освободители) и т.д. революций. Он пожертвовал, кажется, всем – наличным государством, хозяйственным укладом, территорией, идеологией (а вместе с ней – большой гуманистической идеей, которой и оправдывался) и т.д. Но сохранился в нас – в наших головах, инстинктах, поступках. Он разлит в воздухе, которым мы дышим. То есть… оторвался от видимых «материальных» субстанций, превратившись в нечто квантоподобное. И в этом смысле «советизм» (название, повторим, весьма условное, но и символичное – в том смысле, что современный мир двигается в прямо противоположном направлении) – это призрак, который бродит по России.

То, что случилось с советским обществом, с режимами советского типа в конце XX в., стало новым вызовом для науки. Вызовом, который в полной мере осознан только теперь. Поэтому ключевой для россиеведения мы считаем задачу теоретического осмысления выхода России из того, что можно назвать

тоталитарной моделью, и попыток строительства какого-то иного (не тоталитарного и не авторитарного) типа общества. В науке существуют различные объяснительные подходы к темам происхождения и бытования тоталитарных режимов. Процессы же детоталитаризации и эволюции общества в каком-то другом направлении прописаны недостаточно. Правда, есть знаменитые теории демократического транзита, есть постсоциалистический опыт стран Центрально-Восточной Европы, который, кстати, был во многом обусловлен интеграцией этих стран в ЕС и НАТО. Русский же посткоммунистический «транзит» оказался иным. Поэтому мы и хотим его понять.

И здесь надо отметить следующее. Россиеведение объективно противостоит попыткам псевдорационально, псевдонаучно ответить на сложные вопросы российской жизни. Ярким примером таких псевдонаучных трактовок (причем примером остро актуальным, политически значимым) являются концепции «суверенной демократии» и «суверенного народа» В.Ю. Суркова. Еще в 2006 г. на презентации книги А. Чадаева «Путин: Его идеология» (редактор – Г.О. Павловский) этот идеолог режима утверждал: «Реальным инструментом власти в современной системе является не административная вертикаль, а система влияния, основанная на моральном авторитете и значимости. Президент больше “жрец” или “судья”, чем “царь”. Но мера его ответственности при этом – “царская”… Задача Путина – создание такой системы, в рамках которой русский народ сам сможет решать вопрос о власти. Решение этого вопроса может и не включать в себя сменяемость власти любой ценой каждые четыре года или ротацию партий у власти и в оппозиции. Но принципиально важно, чтобы в решении участвовало и согласилось с его результатом большинство граждан. В этом формула демократического суверенитета» [14].

Успех сурковского творчества связан не только с его высокопоставленностью, очевидным талантом идеолога, но и с тем, что имеются вопросы, на которые у российского общества либо нет ответов, либо эти ответы его не удовлетворяют. В этой ситуации такого рода «посылы» чрезвычайно опасны. Тем самым гражданам навязывается еще одна (очередная) фантастическая точка зрения, а не открываются глаза на реальное положение вещей. Повторим, концепции типа сурковских эксплуатируют реальные, наличные особенности социоисторического и социокультурного развития России и выдают их за непреодолимое препятствие установления в стране демократического правового порядка.

Тема «Россия и демократия» вообще является полем самых фантастических и опасных спекуляций. Именно поэтому она так важна для россиеведения (сейчас, пожалуй, стала первоочередной). Россиеведение должно внятно и твердо ответить на подобные утверждения: демократия в России маловероятна, а если и возможна, то только как особая ее форма, во многом отличающаяся

от классических образцов. В последнее время высказывается мнение, что и авторитаризм у нас не «как у всех», девиантный. Здесь тоже слово за россиеведением; по отдельности история, правоведение, политическая наука, социология могут дать лишь ограниченные объяснения.

Все современные дискуссии о демократии и авторитаризме имеют не столько абстрактно теоретический характер, сколько связаны с практическими задачами исторического бытования страны: куда мы идем? И почему мы идем именно туда? В какой степени российская специфика определяет направление и характер нашего движения? И как это соотносится со свободой выбора, свободой воли, этими основами христианской цивилизации?

Задача россиеведения состоит в научном объяснении отечественных «особенностей» и в выработке предложений по строительству в нашей стране цивилизованного демократического порядка с учетом этой специфики.

О будущем

Умерший пять лет назад Борис Дубин, анализируя причины поражения в 1990–2000-е годы советской демократической интеллигенции, писал: «Ситуация эпохи гласности… вывела на поверхность готовые тексты. Готовые смыслы 1920–1930-х годов. В лучшем случае – 1960-х… Но ведь не было новых точек зрения на интеллигенцию, на народ, на прошлое, на будущее, на Восток, на Запад. Все эти понятия радикально изменили свое содержание с 1920-х годов… XX век завершился… Для русской культуры и русского сознания он, конечно, не освоен. Не освоена Вторая мировая война… Память по-прежнему – монументально-героическая. И то же самое с лагерями. И то же с национальной политикой. И то же – с национальным характером. И так далее. Тут работы – на много-много поколений вперед. Я думаю, что она только начинается. Выйдет из этого что-нибудь или нет – не знаю…» [2].

Частью этой работы: фиксировать новый опыт, осмыслять его, дать образ новой реальности (состояние страны, ее место в мире, потенциалы и проблемы и проч.) – пытался стать наш Центр. Мы хотели, чтобы «россиеведение» было срезом не только интеллектуальной, но и общественной жизни. Речь идет не о политической актуальности нашей работы, а о чуткости к общественным проблемам, отклике на них – в доступных научным работникам формах. Думаю, отчасти это удалось. Потому что наши авторы, о чем бы они ни писали и ни говорили, вовлечены в сегодняшний день, остро реагируют на происходящее в стране и мире.

В своей работе мы были откровенно пристрастны («партийны»). В том смысле, что не просто собирали новые идеи, мнения, знания, но пытались «найти» ту Россию, к которой следует идти. Имеется в виду не привычная для нас утопия: «когда на Руси жить хорошо», а то, что мы действительно можем

построить. Перефразируя А.С. Хомякова, скажем: неправы те, кто сомневаются в правоте сомнения в России. Но не правы и другие, для кого аутентичная Россия изображена, скажем, в романах В. Войновича и В. Сорокина.

У современной России есть потенциал страны, которая способна обеспечить своим гражданам достойное существование. И это не нефть и газ (хотя и они нам не помешают). Но – культура, энергия созидания и опыт сопротивления злу. У нас есть чем поддержать настоящее и что вложить в будущее.

Сейчас мы переживаем очень сложный, трагический даже момент. Страна как бы забыла о будущем – живет короткими перспективами, тонет в миражах прошлого. Такого рода выпадения из времени опасны. Если человек не реализует (по разным причинам) потенциалы, в нем заложенные, он не просто останавливается в развитии, но – деградирует. Так и социальный организм: принимая логику «выживания», гася в себе потенциалы развития, он не стабилизируется, а вползает в застой.

В этом смысле показательна судьба того Института, которому принадлежит наш Центр – ИНИОНа. Она демонстрирует, каким странным путем мы (страна) движемся во времени: не эволюции, а инволюции, не развиваясь, а прерывая развитие. В результате лучшее прошлое не становится будущим (лучшее остается в прошлом).

ИНИОН все-таки надеется на продолжение. Потому что окончательное падение (распад, разложение, ликвидация) Института было бы поражением российской науки. Это означает утрату определенного типа знания, научной культуры. Более того, это стало бы и социальным поражением. Теряя в знаниях, культуре, свободе, открытости, социум лишается способности к развитию. А это невосполнимо. Утрачиваются навык, опыт, традиции, сама потребность развиваться, наконец.

Будущее ИНИОНа – в сохранении всего созданного, упрочении базового принципа его работы: поиск, обновление, постоянная научная экспансия. Наш Центр хотел бы оставаться частью этого движения.

Библиография

1. Виппер Р.Ю. Кризис исторической науки. Казань: Гос. изд-во, 1921. 37 с.
2. Потеря невосполнима: Памяти Б.В. Дубина // Новая газета. 2014. 22 авг.
3. Россиеведение: Отечественные исследователи: Справочник / Отв. ред. И.И. Глебова; Сост. М.С. Пальников, В.И. Плющев, О.В. Хмелевская. М.: ИНИОН РАН, 2014. 322 с.
4. Современная Россия: Дискуссия (Материалы семинаров Центра россиеведения ИНИОН РАН, 2008–2013) / Отв. ред. И.И. Глебова. М.: ИНИОН РАН, 2014. 324 с.
5. Социальная память в институциональном измерении: Постсоветский архив. Материалы семинара Центра россиеведения / Отв. за выпуск М.А. Арманд. М.: ИНИОН РАН, 2010. 88 с.
6. Труды по россиеведению: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр россиеведения; Гл. ред. И.И. Глебова. М.: ИНИОН РАН, 2009. Вып. 1. 426 с.

7. Труды по россиеведению: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр россиеведения; Гл. ред. И.И. Глебова. М.: ИНИОН РАН, 2009. Вып. 2. 466 с.

8. Труды по россиеведению: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр россиеведения; Гл. ред. И.И. Глебова. М.: ИНИОН РАН, 2011. Вып. 3. 490 с.

9. Труды по россиеведению: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр россиеведения; Гл. ред. Глебова И.И. Вып. 4. М.: ИНИОН РАН, 2012. 528 с.

10. Труды по россиеведению: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр россиеведения; Гл. ред. Глебова И.И. Вып. 5. М.: ИНИОН РАН, 2014. 514 с.

11. Труды по россиеведению: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр россиеведения; Гл. ред. Глебова И.И. Вып. 6. М.: ИНИОН РАН, 2016. 472 с.

12. Труды по россиеведению: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр россиеведения; Гл. ред. Глебова И.И. Вып. 7. М.: ИНИОН РАН, 2018. 600 с.

13. Хрестоматия по россиеведению / Отв. ред. И.И. Глебова. М.: ИНИОН РАН, 2015. Вып. 1. 249 с.

14. Что понравилось Владиславу Суркову и «Единой России» // Коммерсантъ. 2006. № 24. 10 февр.

References

Chto ponravilos' Vladislavu Surkovu i «Edinoj Rossii» // Kommersant. 2006. N 24. Feb. 10.

Hrestomatija po rossievedeniju / Otv. red. I.I. Glebova. Moscow: INION RAN, 2015. Is. 1. 249 p.

Poterja nevospolnima: Pamjati B.V. Dubina // Novaja gazeta. 2014. Aug. 22.

Rossievedenie: Otechestvennye issledovateli: Spravochnik / Otv. red. I.I. Glebova; Sost. M.S. Pal'nikov, V.I. Pljushhev, O.V. Hmelevskaja. Moscow: INION RAN, 2014. 322 p.

Social'naja pamjat' v institucional'nom izmerenii: Postsovetskij arhiv. Materialy seminara Centra rossievedenija / Otv. za vypusk M.A. Armand. Moscow: INION RAN, 2010. 88 p.

Sovremennaja Rossija: Diskussija (Materialy seminarov Centra rossievedenija INION RAN, 2008–2013) / Otv. red. I.I. Glebova. Moscow: INION RAN, 2014. 324 p.

Trudy po rossievedeniju: Sb. nauch. tr. / RAN. INION. Centr rossievedenija; Gl. red. I.I. Glebova. Moscow: INION RAN, 2009. Is. 1. 426 p.

Trudy po rossievedeniju: Sb. nauch. tr. / RAN. INION. Centr rossievedenija; Gl. red. I.I. Glebova. Moscow: INION RAN, 2009. Is. 2. 466 p.

Trudy po rossievedeniju: Sb. nauch. tr. / RAN. INION. Centr rossievedenija; Gl. red. I.I. Glebova. Moscow: INION RAN, 2011. Is. 3. 490 p.

Trudy po rossievedeniju: Sb. nauch. tr. / RAN. INION. Centr rossievedenija; Gl. red. Glebova I.I. Is. 4. Moscow: INION RAN, 2012. 528 p.

Trudy po rossievedeniju: Sb. nauch. tr. / RAN. INION. Centr rossievedenija; Gl. red. Glebova I.I. Is. 5. Moscow: INION RAN, 2014. 514 p.

Trudy po rossievedeniju: Sb. nauch. tr. / RAN. INION. Centr rossievedenija; Gl. red. Glebova I.I. Is. 6. Moscow: INION RAN, 2016. 472 p.

Trudy po rossievedeniju: Sb. nauch. tr. / RAN. INION. Centr rossievedenija; Gl. red. Glebova I.I. Is. 7. Moscow: INION RAN, 2018. 600 p.

Vipper R.Ju. Krizis istoricheskoj nauki. Kazan': Gos. izd-vo, 1921. 37 p.

DOI: 10.31249/rsm/2019.02.04

А.В. Гущин, И.Е. Ханова

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ПРИЧИНЫ, ПРОЦЕСС И ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена проблемам современного развития постсоветского пространства, основным тенденциям и процессам в международных отношениях, социальной жизни, интеграции стран региона. Авторы анализируют обоснованность употребления самого термина «постсоветское пространство» и высказывают мнение о том, что это пространство распадающееся. Сегодня, по мнению авторов, уже невозможно говорить о нем как о едином. С их точки зрения, процессы евразийской интеграции только частично могут преодолеть тенденции фрагментации региона, которые при активном участии внешних акторов будут усиливаться.*

Ключевые слова: *постсоветское пространство; Россия; Центральная Азия; евразийская интеграция; регион.*

Гущин Александр Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва. E-mail: aguschin78@mail.ru

Ханова Ирина Евгеньевна – кандидат философских наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва. E-mail: irkh_76@mail.ru

A.V. Gushchin, I.E. Khanova. Post-Soviet Space: Causes, Processes and Transitional Results of Transformation

Abstract. *The article is devoted to the problems of the modern development of the post-soviet space, the main trends and processes in international relations, social life, and the integration of the countries of the region. The authors analyze the validity of the use of the term «post-Soviet space» and express the opinion that this space is decaying. Today, according to the authors, it is no longer possible to define it as single space. From their point of view, the processes of Eurasian integration can only partially overcome the tendencies of fragmentation of the region, with the great role of the external actors.*

Keywords: *post-soviet space; Russia; Central Asia; eurasian integration; region.*

Gushchin Alexander Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow. E-mail: aguschin78@mail.ru.

Khanova Irina Evgenievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow. E-mail: irkh_76@mail.ru

Вот уже более 25 лет прошло с момента распада второй по мощи державы мира, занимавшей пространство, которое сегодня мы зачастую называем постсоветским. Четверть века – довольно большой срок, особенно по меркам современности. Если посмотреть на постсоветское пространство сегодня и сравнить с тем, что мы могли наблюдать в начале 1990-х годов, то четко будут видны огромные изменения, произошедшие на нем в международном, внутриполитическом и социокультурном измерениях.

Сегодня возникает вполне обоснованный вопрос о том, уместно ли вообще употребление термина «постсоветское пространство» в современных условиях и соответствует ли он международным реалиям в конце второго десятилетия XXI в.

Казалось бы, от определения мало что зависит, да и сама оценка постсоветского пространства в целом несколько абстрактна в силу его величины и множественности процессов в его пределах. Но это только на первый взгляд. Ведь обоснованность или необоснованность употребления термина в известной мере является отражением того, правомерно ли воспринимать огромный регион как нечто общее, сохраняются ли серьезные социокультурные связи между народами и странами, в какой степени реализуется на практике политическое союзничество и экономическая интеграция в форматах, охватывающих большинство стран региона.

Понятие «постсоветское пространство» возникло практически сразу вслед за распадом СССР. Принято считать, что в оборот оно было введено литовским политологом и ориенталистом Альгимантасом Празаускасом в статье «СНГ как постколониальное пространство», опубликованной в Независимой газете в 1992 г. И оно действительно на тот момент было довольно удачным [9].

Во-первых, его использование четко фиксировало тот факт, что страны региона не просто относились к постсоветской географической или исторической общности, но и в своих внутриполитических и социальных практиках использовали очень много из общего прошлого. Во-вторых, употребление термина «постсоветское пространство» постепенно, хотя надо признать и не так быстро, позволило уйти от употребления термина «новые независимые государства», которые по прошествии ряда лет, по мере укрепления своей государственности перестали быть «новыми». Но главным образом понятие

«постсоветское пространство» более соответствовало реальности, чем употребляемый в России и по сей день термин «ближнее зарубежье» или «страны ближнего зарубежья». Термин «страны ближнего зарубежья» россиецентричен, а также, по сути, географически неверен, так как такие страны, как Туркменистан или Таджикистан, отделенные от России еще одной-двумя странами сложно назвать ближними, а, например, Польшу, граничащую с Россией, или Норвегию – странами дальнего зарубежья.

Поэтому на момент 90-х годов употребление термина «постсоветское пространство» можно считать вполне соответствующим той картине, которая сложилась после распада СССР, когда тенденции к осуществлению «цивилизованного развода» доминировали и СНГ как организация, включающая большинство стран, бывших в недавнем прошлом республиками СССР, было, во многом единственным полномасштабным форматом регионального взаимодействия.

Но есть ли постсоветское пространство сегодня и обоснованно ли употребление этого термина на исходе второго десятилетия XXI в.? На этот вопрос сложно дать однозначный ответ, но можно выделить несколько факторов, говорящих как в пользу, так и против того, что регион представляет собой единую общность. Однако по прошествии вот уже почти трех десятилетий с распада СССР допустимо констатировать, что постсоветское пространство сегодня находится на стадии глубокого распада и если и существует, то скорее как термин для удобства обозначения, и все менее востребовано.

Конечно, можно привести много аргументов в пользу того, что во всех странах еще много постсоветского и даже советского, вне зависимости от того, какая политическая система действует в той или иной стране. Это постсоветское оказалось гораздо более живучим, чем могло показаться в момент крушения СССР, когда многие, особенно западные эксперты, считали, что демократический транзит и триумфальное шествие либерального миропорядка на пространствах Евразии будет обеспечено.

Но ситуация оказалась гораздо сложнее. Традиционные социальные практики и тенденции, которые существовали ранее, были воспроизведены в новых формах на новом этапе развития. Элиты вновь образованных государств, формально выполняя те или иные демократические формы и процедуры, построили различные системы, от откровенно авторитарных до олигархических, которые в реальности мало сочетаются с прописанными на бумаге нормами. Оказалось, что новая институциональность – закрепление различных форм взаимодействия с такими структурами, как ЕС и НАТО, вовсе не приводят к быстрому торжеству демократического транзита, а страны, декларативно исповедующие новые ценности, не демонстрируют примеры формирования транспарентных политических систем. С другой стороны, страны, в которых демократические тенденции вовсе не доминируют, такие

как, например, Азербайджан, Узбекистан или особенно Туркменистан, довольно продуктивно взаимодействуют с Западом.

Еще один важный индикатор того, что советское наследие присутствует и еще очень сильнó – это национально-территориальные конфликты. С возникновением и существованием этих конфликтов тесно связан феномен развития де-факто государственности на постсоветском пространстве. В этом контексте следует учитывать, что главными субъектами СССР выступали не граждане, а социалистические нации, именно этнические группы определялись в качестве субъекта политики и государственного права. На практике это означало формирование представлений о коллективном праве того или иного этноса на территорию, обозначенную как национальная республика или автономия [7].

Несмотря на относительно успешное построение новой общности в виде советского народа и официальное декларирование снятия национальной проблемы в СССР с повестки дня, по сути, и грузино-абхазский, и азербайджано-армянский, и грузино-осетинский конфликты находились в спящем состоянии в советское время, периодически вспыхивая в виде сходов, протестов, порой кровавых, против тех или иных судебных решений, в виде петиций в центр и т.д. Это спящее состояние довольно быстро перешло в активную фазу с ростом национализма в союзных республиках в годы перестройки, когда быстро обнаружилось, что национальная интеллигенция и ее лидеры, например в той же Грузии или Молдове, вовсе не желают считаться с требованиями части своего населения, не желающей выступать инициатором сепаратизма и ориентирующейся на Москву.

Хотя Беловежские соглашения и предусматривали признание территориального статус-кво, в реальности этого признания так и не наступило [1]. Образование независимых государств сопровождалось острыми территориальными конфликтами, поиском новых механизмов обеспечения региональной безопасности и форматов международного сотрудничества. При этом было бы вовсе неверным сводить образование де-факто государств и просто конфликтных зон сугубо к желанию России обеспечить себе геополитическое влияние на постсоветском пространстве еще в 90-е годы. Действительно, этот фактор во многом важен, например, то же Приднестровье вполне обоснованно считается уже долгие годы геополитическим активом Москвы, однако, во всех случаях существовали объективные причины конфликтности, приведшей к вооруженному противостоянию и образованию де-факто государственности. И сегодня именно обращение к советскому прошлому, стремление к новой оценке правомерности тех или иных решений, принятых именно в советском прошлом, является одной из важных причин серьезных политических и вооруженных конфликтов. Это дает нам довольно четкий сигнал о том, что процесс распада СССР носил вовсе не одномоментный характер

и более того, происходил не только до 8 декабря 1991 г., но и после. Отдельные его проявления мы видим и сегодня в виде территориальных споров и межэтнических противоречий.

Постсоветскость пространства бывшего СССР во многом определяется Россией, которая остается доминирующим актором в регионе. Под ее влиянием зачастую рассматривается постсоветская интеграция. Кроме того, Россия является важнейшим реципиентом мигрантов из сопредельных государств, особенно из таких стран, как Узбекистан, Кыргызстан, Армения, Молдова. Многие российские города и районы России стали местом проживания мигрантов. Относительно поддерживается значение русского языка как языка межнационального общения, а также сохраняется в известной мере общая историческая память, которая определяет схожесть переживаний о прошлом и образов прошлого, особенно у старших поколений.

Все это говорит о том, что общее в том или ином виде присутствует в жизни пространства, которое мы называем постсоветским. Можно также констатировать и наличие некоторых новых черт, которые считаются индикаторами сохранения прежде всего социокультурных связей. Однако позволяет ли сохранение этих черт говорить о единстве пространства? На наш взгляд, нет, говорить о таком единстве было бы большим преувеличением, ввиду того что целый комплекс факторов, свидетельствующий о распаде постсоветского мира, представляется заметно более весомым.

Конечно, Россия является скрепляющим звеном, цементирующим фактором для постсоветских стран, но между народами, населяющими сами постсоветские страны, связи довольно слабые, а в некоторых случаях, таких как Армения и Азербайджан, Туркменистан, можно говорить либо о враждебных отношениях, либо об изоляционизме, поддерживаемом властями страны.

За последние почти три десятилетия выросло и приступило к активной трудовой деятельности поколение людей, рожденных не в СССР. Вместе с теми, кто родился в СССР, но всю сознательную часть жизни провел в независимых государствах, они составляют бóльшую часть населения. Связи между людьми в соседних странах при этом незначительны. Напротив, бóльшая часть их активности проходит либо в своих странах, в контактах с согражданами зачастую из одного региона или города, либо в случае социального успеха в контактах с партнерами на Западе, в Китае и т.д. При этом большое число мигрантов в России, как правило, не способствует сближению межгосударственных отношений и тем более не усиливает пророссийские элиты на родине мигрантов.

Серьезный удар по постсоветскому единству в гуманитарном плане нанесло сокращение употребления русского языка как в силу отъезда русских, так и по причине политики новых национальных элит, которые особенно в первые годы независимости выстраивали политику государств на отталки-

вании от «бывшей метрополии» и создании собственного исторического нарратива. Общее прошлое вовсе не только соединяет, но и разъединяет.

Если же говорить об ориентации людей в области образования и достижения социального успеха через образование, то не секрет, что образовательные и научные связи между постсоветскими странами оставляют желать лучшего, а трамплином для достижения социального успеха является зачастую западная образовательная модель, западные вузы и образовательные программы. Иногда же тренд получения российского образования вызывает вопросы. В случае Казахстана, например, при довольно большом потоке абитуриентов в Россию есть опасения оттока кадров [11].

Внешняя политика постсоветских стран развивалась по двум моделям – модели многовекторности в ее разных национальных интерпретациях от Беларуси до Азербайджана и модели одностороннего ориентирования, как правило, через разрыв с прошлым в виде «цветных революций», на Запад. И в том и в другом случае роль России уравновешивалась или полностью нивелировалась посредством влияния внешних акторов, которые оказывали либо балансирующее действие, либо практически полностью замещали российское влияние.

Серьезным дезинтегрирующим фактором стали также конфликты на постсоветском пространстве, которые хотя и имеют общие «советские» причины, но все же заметно усилили напряженность на пространстве бывшего СССР и определили векторы распада. Россия при этом не проводила одинаковую политику в отношении тех же де-факто государств, как это можно зачастую услышать от представителей экспертного сообщества Запада или от российских экспертов либерального направления. Напротив, был задействован дифференцированный подход к признанию государственности. В одних случаях были приняты необратимые решения, как в случаях с Абхазией и Южной Осетией, в других Россия не шла на признание, а на определенных этапах даже предлагала реинтеграционные планы, план Козака по Приднестровью и Молдове в 2003 г.

Тем не менее политика признания де-факто государств и их поддержки Россией, очевидно, беспокоит национальные элиты постсоветских государств, вызывает опасения возможного ревизионизма со стороны Москвы. Это, конечно, оказывает негативное влияние и препятствует политической интеграции, созданию отдельных наднациональных структур в процессе евразийской интеграции.

Большое значение в анализе роли и содержания понятия «постсоветское пространство» имеет институциональный подход. В этом контексте возникает вопрос, способны ли интеграционные процессы и институты на территории бывшего СССР скрепить это пространство воедино? Если сравнивать постсоветскую ситуацию с положением в Европе, то, по меткому замечанию А. Ис-

кандаряна, между странами Европы общность и сходство вызревали в рамках длительного процесса, который только был подкреплен институционализацией ЕС, а постсоветские государства сегодня вряд ли связаны друг с другом настолько, чтобы обеспечить быстрое развитие институтов [5].

Следует отметить, что с первой половины 2000-х годов действительно интеграционные инициативы стали набирать силу и выразились в создании Евразийского экономического союза, наиболее глубокого формата интеграции. Однако ЕАЭС и другие союзы затрагивают только некоторые страны того пространства, которое мы называем постсоветским. Несмотря на отдельные успехи в создании и развитии этого союза, выразившиеся, в частности, в недавнем принятии Таможенного кодекса, в ЕАЭС до сих пор не преодолены такие проблемы, как внутригосударственный лоббизм, протекционизм и невозможность полноценного выхода на рынки России продукции ее партнеров. Наконец, нет никаких индикаторов того, что партнеры России хотят в какой-то степени активизировать процесс политической интеграции. Более того, многие эксперты считают, что именно излишняя политизация ЕАЭС является минусом, когда страны-партнеры, прежде всего Казахстан и Беларусь, озабочены скорее сохранением суверенитета, чем делегированием полномочий в наднациональные структуры, которые в виде ЕЭК пока довольно слабые в институциональном плане и не идут ни в какое сравнение с оргструктурами ЕС. Кроме того, предполагается, что ЕАЭС, развиваясь экономически, постепенно обретет и политические, и социокультурные формы. Однако сегодня ни о какой евразийской идентичности, хоть сколько-нибудь сходной с европейской, речи не идет, и создание ее остается не более чем прожектом. Зачастую интеграция воспринимается новыми поколениями в штыки, ассоциируясь с советским прошлым, в отличие от интеграции с ЕС [8, с. 28].

СНГ, несмотря на то что организация охватывает 11 стран (если принимать в расчет страны с ограниченным членством, как Украина и Туркменистан), сыграв свою роль для «цивилизованного развода» в 90-е годы, сегодня скорее является переговорной площадкой для двусторонних и многосторонних переговоров в рамках саммитов [10].

Еще одна форма интеграции – Организация договора коллективной безопасности (ОДКБ), посредством которой обеспечивается в значительной мере влияние России в Центральной Азии и зонтик безопасности, который Россия раскрывает над этим регионом. Но при всех позитивных моментах развития ОДКБ ситуация вокруг армяно-азербайджанских противоречий показывает, что в ее рамках есть трудности с принятием коллективных решений. Организация сегодня оформляет три зоны военного присутствия России – на Южном Кавказе, точнее, в Армении, на западном фланге – в Беларуси и на юго-восточном фланге – в Центральном Азии. По сути дела, у той же Беларуси

в рамках ОДКБ мало функций применительно к юго-восточному флангу, а на Южном Кавказе для Минска Азербайджан как альтернативный поставщик нефти гораздо важнее, особенно в контексте споров с Москвой.

Таким образом, притом что невозможно не признать важность реинтеграционного тренда, выражающегося в создании нескольких союзных структур, можно отметить, что интеграция охватывает только отдельные сегменты пространства бывшего СССР. Принятие новых членов в ЕАЭС под большим вопросом, да и возникает вопрос, необходимо ли оно и не лучше ли отладить формы и инструментарий взаимодействия в существующем составе?

Еще одним важным элементом, препятствующим созданию единого пространства, является продолжение и усиление активности внешних игроков. Роль Запада в украинском кризисе, при всей важности внутриукраинских причин в событиях в 2013–2014 гг., невозможно недооценивать, а между тем выход Украины, по крайней мере институционально и политически из постсоветского состояния, отказ от интеграции с Таможенным союзом нанесли очень серьезный удар по интеграционным инициативам России, серьезно ослабили ЕАЭС, ведь ЕАЭС с Украиной и без – это два принципиально разных интеграционных союза. Влияние политики Запада с целью «мягкой трансформации» Беларуси также становится отчетливым трендом. Что же касается Центральной Азии и Кавказа, то Китай в Центральной Азии, Турция и ЕС на Южном Кавказе в значительной степени уже сейчас серьезным образом влияют на внешнеполитические векторы стран этих регионов. Если напрямую китайское экономическое влияние не угрожает российскому, то в долгосрочной перспективе, несмотря на все позитивные планы по сопряжению, оно все равно будет доминировать и уже сейчас позволяет некоторым экспертам говорить о том, что влияние России южнее Ферганской долины, прежде всего в Таджикистане, заметно уступает китайскому [4].

То, что мы называем постсоветским пространством, конструируется в соответствии с теми или иными концепциями или идеологией той или иной страны – проект Большого Турана, иранские проекты форматирования Центральной Азии, проект Балто-Черноморского региона и Междуморья. Однако как бы ни конструировалось это пространство с точки зрения Москвы или внешних акторов, можно выделить три субрегиона – Центральную Азию, Южный Кавказ и Восточно-Европейский регион. Однако ни один из них, по сути, не является единым. Все они в разной степени разрознены.

Если говорить о Центральной Азии, то это наиболее цельная общность стран. Но, по сути, регионального единства в Центральной Азии не сложилось. Свидетельство этому – противоречия между странами в области спорных территорий, гидроэнергетики, неучастие ряда стран в интеграционных проектах, таких как ЕАЭС, отсутствие внутрирегиональной интеграционной группировки и неудача попыток ее создания, разница политико-

экономических систем стран региона и потенциалов этих государств. В последнее время есть основания говорить о новых импульсах развития внутрирегиональной интеграции, связанных с переходом Узбекистана к новой многовекторности, политике открытости, экспорториентированной экономики. Скорее всего, это приведет просто к усилению роли Узбекистана, но не к полноценной внутрирегиональной интеграции, которая во многом невыгодна и внешним игрокам, выступающим с различными проектами, такими как ТАПИ, CASA 1000, и другими, пока далекими от своего практического воплощения. В регионе актуальным остается вопрос способности к активизации внутрирегиональной повестки, ключевыми вопросами которой стали бы смягчение визовой политики, урегулирование пограничных вопросов, расширение взаимной торговли. Однако пока ответы на эти вопросы скорее будут точечными и тактическими. Говорить о создании общей региональной идентичности слишком рано. При этом риски межгосударственных конфликтов хотя и минимизировались за последние годы, но все же сохраняются. Вполне вероятно дальнейшее продолжение активной политики Узбекистана, направленной на развитие партнерства как внутри региона, так и вне его. Однако Ташкент будет сталкиваться при этом как с внутренними рисками, так и с внешними ограничителями, далеко не все трансграничные проекты выгодны ряду внутрирегиональных игроков.

Практически все страны региона стоят перед серьезными внутренними вызовами. Для Казахстана – это предстоящий транзит власти, рост националистических настроений, экономические проблемы и вопросы диверсификации экономики. Для Таджикистана – активизация религиозного экстремизма, проблема которого вовсе не решена запретом Партии исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ), а также рост оппозиционных настроений внутри таджикского общества. Для Кыргызстана – проблемы коррупции, неэффективности власти, необходимость новой инфраструктурной политики и новые риски, связанные с формированием новой клановой системы. Для Туркменистана – перманентный социально-экономический кризис, изоляционизм, газовая зависимость от одного импортера и отсутствие возможностей для практической реализации в обозримой перспективе альтернативных энергетических проектов. Для Узбекистана – риски слишком быстрых реформ, угроза внутренней стабильности, проблемы, связанные с территориальной клановостью, труднореализуемый характер ряда громких внешнеполитических и внешнеэкономических инициатив [4].

Что касается двух других регионов, то они выделяются во многом благодаря географическому принципу, можно говорить скорее о негативной или позитивной сумме двусторонних отношений, но никак не о региональной интеграции.

В Армении новые власти декларируют сохранение стратегического курса на союз с Россией. Однако только время может показать, насколько реальны эти декларации. Во многом эта стабильность курса обеспечивается наличием неурегулированного конфликта с Азербайджаном и сложной социально-экономической ситуацией, оставшейся в наследство от прежних властей. Несмотря на определенное воодушевление общества, видно, что далеко не все оно сплотилось вокруг новых властей, и это показала относительно низкая явка на последних выборах. Непонятна экономическая программа нового руководства, получившего аванс на ближайшее время, который будет очень рискованным с точки зрения сохранения высокого уровня поддержки. В этих условиях возможный кризис доверия к Н. Пашиняну породит новую волну политической нестабильности в стране. При этом на линии соприкосновения в среднесрочной перспективе угроза возобновления боевых действий будет сохраняться [3].

Что касается Грузии, то внутриполитический кризис здесь будет только усугубляться. Однако Грузия будет продолжать сохранять лояльность идее европейской и евроатлантической интеграции, поддерживать имидж страны – лидера программы «Восточное партнерство», а также статус ключевого стратегического партнера НАТО на Южном Кавказе.

В Азербайджане в ближайшие пять лет можно также ожидать угроз внутренней стабильности, прежде всего из-за роста цен, отсутствия рабочих мест, коррупции. Эта ситуация может обостриться в случае падения цен на энергоносители. Баку будет продолжать многовекторную политику, не связывая себя интеграционными союзами. При этом если проект Южного газового коридора имеет высокие шансы на выполнение, то вероятность создания Транскаспийского газопровода из Туркменистана пока откладывается на отдаленную перспективу и остается призрачной.

В обозримой перспективе динамичной будет ситуация в Восточно-Европейском регионе. Внутриполитические процессы и борьба за влияние будут обусловливать особую важность региона в международной повестке. Конфликтность в аспекте, связанном с функционированием де-факто государств, будет, особенно в случае Украины, оставаться достаточно высокой. Внутриполитическая жизнь, прежде всего в Украине и Молдове, обещает быть бурной и чреватой риском эскалации гражданского противостояния или же применения, особенно в украинском случае, силовых мер со стороны властей. В Молдове для Партии социалистов Республики Молдова (ПСРМ) и президента 2019 год будет решающим с точки зрения их политического будущего. Для достижения успеха социалисты нуждаются не только во внешней помощи, но и в серьезном переформатировании и усилении своей кадровой структуры, отказе от ряда одиозных фигур, общей активизации, что в условиях существующей системы сделать очень сложно. В целом же можно

констатировать, что вероятность дробления парламента и создания ситуативных коалиций очень велика, как вероятны и новые парламентские кризисы с перспективой еще одних выборов.

Украинская повестка, по крайней мере до выборов президента страны, вновь выходит на первый план, и в ближайшие месяцы очень сложное электоральное положение действующей власти диктует необходимость виртуальной и реальной эскалации отношений с Россией. Однако даже в случае смены власти может измениться нюансировка политики Киева, но стратегический антироссийский курс и зависимость от США в принятии внешнеполитических решений сохранится. Украинский кризис надолго провел новые линии противостояния в Восточной Европе, что вместе с деградацией системы ограничения вооружений (прежде всего договоры о ПРО и РСМД) серьезно эскалирует напряжение на западных рубежах России.

Беларусь, оставаясь островком стабильности, тем не менее подвержена риску усиления западного влияния с целью мягкой трансформации и отрыва страны от России. Кроме того, в рамках российско-белорусских отношений и интеграции двух стран накопился ряд проблем, которые начинают оказывать негативное влияние и требуют скорейшего решения. В этом контексте многое будет зависеть от международной обстановки в целом. В случае ее ухудшения необходимость еще большей интеграции вооруженных сил, размещения дополнительных систем на территории Беларуси, вероятно, и актуализация вопроса о размещении военной базы России вновь выйдут на повестку дня и будут инициироваться Москвой, что сузит возможности маневра для Минска, который не сможет активно разыгрывать миротворческую карту. Тем не менее при всей важности военно-стратегических вопросов важным аспектом отношений станет проблема модернизации союзного государства. В противном случае инерционные тренды возьмут верх, пока же в условиях споров о налоговом маневре России перспективы дальнейшего развития проекта становятся еще более туманными [2].

На исходе второго десятилетия XXI в. постсоветское пространство является пространством распадающимся. При этом можно сказать, что происходит как распад некоторых постсоветских структур, так и процесс распада СССР во многих аспектах еще незакончен. В общественно-политической жизни ряда государств сохранилось многое из наследия прошлого, которое сказывается и сегодня, однако это не говорит о том, что эти страны образуют некогда единое пространство в новом формате. Дезинтеграционные тенденции, особенно если смотреть в целом на пространство бывшего СССР, доминируют, несмотря на отдельные успехи интеграции. Постсоветскость и реинтеграция связаны прежде всего с Россией, которая в значительной степени является главным оператором и вдохновителем реинтеграционного процесса.

На современном этапе можно говорить скорее не о существовании постсоветского пространства, а о существовании трех субрегионов: Центральной Азии, Южного Кавказа и Восточно-Европейского, которые, однако, мало связаны между собой, да и внутренне не представляют регионального единства. Логистические проекты, в частности Китая, могут содействовать укреплению единства между ними, но это уже будет не постсоветский проект и роль России в этом процессе по-прежнему неопределенная. Тем не менее сам факт существования и определенные тактические успехи евразийской интеграции показывают, что есть объективные предпосылки для ее проведения и развития, которые сегодня зависят скорее от укрепления интеграции, развития технологической и промышленной базы членов ЕАЭС и их сопряжения, нежели от вхождения новых членов.

Важность для России государств, которые мы условно относим к постсоветским, сохранится и это зафиксировано в концепции внешней политики РФ [5]. Однако подход к этим государствам будет дифференцированным. Двусторонние форматы взаимодействия есть и будут в обозримой перспективе наиболее действенными. При этом влияние региональных держав, Китая, ЕС, будет возрастать, что делает вероятным продолжение конкуренции с очень вероятным блокированием субъектности многих соседей России. Это требует от России помимо военно-политического усиления активизации собственного экономического роста, новых подходов к геоэкономическому развитию страны, более современному, а не архаичному восприятию многих стран бывшего постсоветского пространства. Нехватка в России моделей развития, способных конкурировать с предлагаемыми внешними акторами, пока не позволяет реинтеграционному тренду стать доминирующим. Однако объективные условия все больше актуализируют задачи выработки позитивного образа будущего, обеспечения более интенсивного и качественного внутреннего роста как важнейшего фактора внешнеполитического успеха, стратегического подхода к обозначению своих конкурентных преимуществ в рамках интеграции в Малой и Большой Евразии как общего блага во имя соразвития.

Библиография

1. Алма-Атинская декларация 21 декабря 1991 г. // Кодекс. URL: http://docs.cntd.ru/document/1900101 (Дата обращения: 06.01.2019.)

2. Гущин А.В. Западный фланг постсоветского пространства в 2018 г. Итоги и перспективы // Портал РСМД. URL: http://russiancouncil.ru/2019-easterneurope (Дата обращения: 08.01.2019.)

3. Девятков А. Южный Кавказ: Дилемма стабильности и перемен. Глобальный прогноз 2019–2024. Портал РСМД // URL: http://russiancouncil.ru/2019-caucasus (Дата обращения: 08.01.2019.)

4. Князев А. Живы будем – не помрем: прогнозы – дело неблагодарное // URL: https://www.youtube.com/watch?v=7pC3u7bkEcw (Дата обращения: 10.01.2019.)

5. Колесников А., Дубнов А., Искандарян А. Конец постсоветского пространства // Портал Московского центра Карнеги. 2017. 2 февр. URL: http://carnegie.ru/2017/02/02/ru-event-5502 (Дата обращения: 10.01.2019.)

6. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) // Портал МИД РФ. URL: www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (Дата обращения: 07.01.2019.)

7. Маркедонов С. «Прощание с “постсоветским пространством”»? // Портал РСМД. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/proshchanie-s-postsovetskim-prostranstvom-/ (Дата обращения: 29.12.2018.)

8. Пивовар Е.И. Постсоветское пространство: альтернативы интеграции. Исторический очерк. СПб.: Алетейя, 2009. 400 с.

9. Празаускас А.А. СНГ как постколониальное пространство // Независимая газета. 1992. 7 февр. С. 5.

10. СНГ перед лицом новых вызовов и угроз: уроки прошлого и взгляд в будущее // Россия сегодня. 2016. 24 мая. URL: http://pressmia.ru/pressclub/20160524/950985211.html (Дата обращения: 10.01.2019.)

11. Смирнов С. Казахстан: новая волна эмиграции? // Ритм Евразии. 2018. 17 сент. URL: https://www.ritmeurasia.org/news--2018-09-17--kazahstan-novaja-volna-emigracii-38556 (Дата обращения: 30.12.2018.)

12. Тренин Д. «Россия и страны СНГ: “взросление” отношений» // Эволюция постсоветского пространства: прошлое, настоящее, будущее: хрестоматия. М.: НП РСМД, 2017. С. 7–9.

13. Gabuev A. Russian – US flashpoints in the postsoviet space: The view from Moscow // Carnegie Moskow Center. URL: http://carnegie.ru/publications/75631 (Дата обращения: 09.01.2019.)

References

Alma-Atinskaya deklaraciya 21 December 1991 g. // Kodeks. URL: http://docs.cntd.ru/document/1900101 (Data obrashhenija: 06.01.2019.)

Devyatkov A. Yuzhny`j Kavkaz: Dilemma stabil`nosti i peremen. Global`ny`j prognoz 2019–2024. Portal RSMD // URL: http://russiancouncil.ru/2019-caucasus (Data obrashhenija: 08.01.2019.)

Gabuev A. Russian – US flashpoints in the postsoviet space: The view from Moscow // Carnegie Moskow Center. URL: http://carnegie.ru/publications/75631 (Data obrashhenija: 09.01.2019.)

Gushhin A.V. Zapadny`j flang postsovetskogo prostranstva v 2018 y. Itogi i perspektivy` // Portal RSMD. URL: http://russiancouncil.ru/2019-easterneurope (Data obrashhenija: 08.01.2019.)

Knyazev A. Zhivy` budem – ne pomrem: prognozy` – delo neblagodarnoe // URL: https://www.youtube.com/watch?v=7pC3u7bkEcw (Data obrashhenija: 10.01.2019.)

Kolesnikov A., Dubnov A., Iskandaryan A. Konecz postsovetskogo prostranstva // Portal Moskovskogo centra Karnegi. 2017. Feb. 02. URL: http://carnegie.ru/2017/02/02/ru-event-5502 (Data obrashhenija: 10.01.2019.)

Koncepciya vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (utverzhdena Prezidentom Rossijskoj Federacii V.V. Putiny`m 30 November 2016 g.) // Portal MID RF. URL: www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (Data obrashhenija: 07.01.2019.)

Markedonov S. «Proshhanie s “postsovetskim prostranstvom”»? // Portal RSMD. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/proshchanie-s-postsovetskim-prostranstvom-/ (Data obrashhenija: 29.12.2018.)

Pivovar E.I. Postsovetskoe prostranstvo: al`ternativy` integracii. Istoricheskij ocherk. Saint Petersburg: Aletejya, 2009. 400 p.

Prazauskas A.A. SNG kak postkolonial`noe prostranstvo // Nezavisimaya gazeta. 1992. Feb. 7. P. 5.

SNG pered liczom novy`x vy`zovov i ugroz: uroki proshlogo i vzglyad v budushhee // Rossiya segodnya. 2016. May 24. URL: http://pressmia.ru/pressclub/20160524/950985211.html (Data obrashhenija: 10.01.2019.)

Smirnov S. Kazaxstan: novaya volna e`migracii? // Ritm Evrazii. 2018. Sept. 17. URL: https://www.ritmeurasia.org/news--2018-09-17--kazahstan-novaja-volna-emigracii-38556 (Data obrashhenija: 30.12.2018.)

Trenin D. «Rossiya i strany` SNG: "vzroslenie" otnoshenij» // E`volyuciya postsovetskogo prostranstva: proshloe, nastoyashhee, budushhee: xrestomatiya. Moscow: NP RSMD, 2017. P. 7–9.

DOI: 10.31249/rsm/2019.02.05

А.М. Астахов

ОБРАЗ РОССИИ В ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ АЗЕРБАЙДЖАНА (февраль-март 2018 г.)

Аннотация. *Работа посвящена образу России в СМИ Азербайджана. Используя методологию контент- и интент-анализа, автор исследует материалы, опубликованные в электронных СМИ. Исследование проводилось на основании анализа русскоязычных сайтов азербайджанского сегмента сети Интернет (пять изданий). Временной охват – с 1 февраля по 31 марта. Использовались материалы, опубликованные в следующих изданиях: http://www.1news.az/, http://abc.az/ru, https://www.day.az/, http://www.vesti.az/, https://www.trend.az/. Все источники являются лидерами информационного поля страны.*

Анализируется смысловая наполненность, контекст публикаций, тематические блоки. Автор статьи пришел к выводу о неоднозначном образе России в азербайджанских СМИ этого периода.

Ключевые слова: *Россия; Азербайджан; образ; СМИ; контент-анализ.*

Астахов Александр Михайлович – кандидат социологических наук, руководитель аналитического отдела ООО «Агентство информационно-социологических технологий», Ростов-на-Дону. E-mail: mu87–11@mail.ru

A.M. Astakhov. The Image of Russia in Electronic Media of Azerbaijan (February-March 2018)

Abstract. *The paper is devoted to the image of Russia in the Azerbaijan media. The study is based on an analysis of the Russian-language websites of the Azerbaijani segment of the Internet (5 editions). The semantic content, context publications and topical units are analyzed. The author comes to the conclusion about an ambiguous image of Russia in the Azerbaijani media.*

Keywords: *Russia; Azerbaijan; representation; media; content analysis.*

Astakhov Alexander Mikchailovich – Candidate of Sociological Sciences, Head of the Analytical Department, LLC «Agency of Information and Sociological Technologies». E-mail: mu87–11@mail.ru

Кавказ – один из самых важных для России регионов как с точки зрения безопасности государства, так и экономических интересов [14; 15; 29]. Азербайджан – экономически развитое государство этого региона, отличающееся удобным географическим положением, тесными культурными, историческими и социальными связями с Россией и Турцией, сочетает в себе две роли – союзника и конкурента России [10; 13; 18; 32]. Конфликт из-за Нагорного Карабаха крайне осложняет перспективы построения взаимоотношений обоих государств.

Информация, транслируемая через азербайджанские СМИ, формирует представление о России, процессах, происходящих в ней, о состоянии двусторонних отношений. СМИ не только отражают настроения общества и элит, но и формируют их. Тем самым они оказывают влияние на внешнюю и внутреннюю политику Азербайджана.

Исследование основывается на выявлении, анализе и сравнении материалов, посвященных России (за исключением публикаций, содержащих рекламу, законы или имеющие исключительно спортивную направленность). На первом этапе из общего количества публикаций были выделены материалы с присутствием в них ключевого слова «Россия» (рус*, РФ* и т.д.) и его словоформы, обозначенные как первичная выборка. Общее количество выявленных публикаций составило 2695.

На втором этапе была проведена дополнительная выборка публикаций, в которых Россия играла ключевую роль или имела важное значение для информационного наполнения. Эта группа материалов непосредственно участвовала в анализе; они обозначены как «единицы анализа» – 2220. В дальнейшем показатели этих групп сравнивались, выделялись тематические блоки и контекст освещения России.

Основные информационно-тематические блоки представлены в таблице 1[1].

Исходя из анализа тематических блоков были выделены основные векторы интереса СМИ. «Внешний круг» включает в себя взаимоотношения России с другими странами, а также военными, политическими и экономическими блоками (ЕС, НАТО). «Внутренний» – образует публикации о внутренних проблемах России и вопросах взаимоотношений обеих стран (диагр. 1[2]).

1. Более 50 публикаций.

2. Там же.

Таблица 1

**РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПУБЛИКАЦИЙ
ПО ТЕМАТИЧЕСКИМ БЛОКАМ В СМИ АЗЕРБАЙДЖАНА**

Информационно-тематические блоки	*Количество публикаций*
Взаимоотношения Армении и Азербайджана	343
Культурное сотрудничество России и Азербайджана	127
Внутренние вопросы России	120
1. Президентские выборы в России	87
2. Пожар в Кемерове	68
Деятельность России в Сирии	102
Противостояние России и США	99
Азербайджанцы в России	76
Высылка дипломатов вследствие инцидента в Солсбери	73
Взаимоотношения России и Турции	68
Взаимоотношения России и Армении	54
Развитие инфраструктуры Азербайджана	53
Экономическое сотрудничество России и Азербайджана	50

**Диаграмма 1. Распределение публикаций
(входящих в информационные блоки) по «вектору» интереса СМИ**

Внешний круг. Исходя из сообщений СМИ, интерес Азербайджана вызывают два направления внешнеполитической активности России. Первое направление, восточное (южное), состоит из вопросов сотрудничества с Турцией,

Сирией и Ираном. Второе, западное, – акцентирует внимание на контактах с европейскими странами и США (табл. 2[3]).

Таблица 2

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМАТИЧЕСКИМ БЛОКАМ В СМИ АЗЕРБАЙДЖАНА (ВНЕШНИЙ КРУГ)

Информационно-тематические блоки	*Количество публикаций*
Деятельность России в Сирии	102
Противостояние России и США	99
Высылка дипломатов вследствие инцидента в Солсбери	73
Взаимоотношения России и Турции	68
Взаимоотношения России и Ирана	30
Взаимоотношения России и Британии	26
Взаимоотношения России и других стран ЕС (страны Прибалтики, Германия, Финляндия и т.д.)	20
Взаимоотношения России и Украины	12

В первой группе информационное наполнение состояло в основном из поиска путей решения конфликта в Сирии и связанных с этим вопросов двусторонних и трехсторонних встреч между представителями Турции, России и Ирана. Обсуждались проводимая турецкими Вооруженными силами операция на территории Сирии, участие Ирана и России в борьбе против ИГИЛ и других террористических организаций.

В отношениях с Турцией интерес вызывала тема поставок в эту страну комплексов С-400. Этой инициативе противостояли США и структуры НАТО. Они указывали, что подобная система ПВО не подходит под стандарты НАТО и фактически разрушает техническое единство сообщества.

В меньшей степени азербайджанские СМИ интересовало экономическое сотрудничество России и Турции. Из затронутых тем можно выделить вопросы транспортировки газа, инфраструктурных проектов, туризма.

На европейско-американском направлении значительную роль играют ситуативные информационные поводы. Во взаимодействии России с США – это вновь вводимые санкции, в случае с Британией и Европейским союзом это отравление в Солсбери и последовавшие за этим обвинения в адрес России, высылка части российских дипломатов из Европы и Америки.

Остальные направления представлены практически равномерно с небольшим перевесом в сторону соседних стран и основных экономических партнеров: Китая, Узбекистана, Казахстана, Белоруссии. Значительно выделяется в этой связи только Украина.

Во всех случаях фиксировалось минимальное количество аналитических и оценочных публикаций. Преобладали информационные материалы, зачас-

3. Более десяти публикаций.

тую заимствованные из сторонних ресурсов («РИА Новости», «Рамблер. Новости», «ИА REGNUM» и т.д.).

Внутренние вопросы России. Этот вектор представлен достаточно широко. Фактически СМИ Азербайджана транслируют информационную картину дня, главные события, произошедшие в России, включая новости культуры, политики, социальной сферы.

Выделяются два информационных повода, ставших безусловными лидерами по количеству публикаций.

– *Выборы президента в Российской Федерации.* Было выявлено более 80 публикаций, акцентировавших внимание на предвыборной кампании, деятельности претендентов на этот пост, их политических штабов, ключевых моментов программ, работе избирательных комиссий различных уровней, произошедших конфликтов. В большинстве случаев контекст азербайджанско-российских взаимоотношений не рассматривался.

– *Пожар в «Зимней Вишне».* Не меньший интерес вызвали трагические события в Кемерове (68 публикаций). Освещение событий велось практически в прямом эфире, соболезнование выразили как первые лица государства, так и обычные граждане. Фонд Гейдара Алиева отправил помощь пострадавшим при пожаре.

Взаимодействие между Азербайджаном и Россией (табл. 3[4]).

Таблица 3

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМАТИЧЕСКИМ БЛОКАМ В СМИ АЗЕРБАЙДЖАНА (ПУБЛИКАЦИИ, КАСАЮЩИЕСЯ НЕПОСРЕДСТВЕННО ВОПРОСОВ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ДВУХ СТРАН)

Информационно-тематические блоки	*Количество публикаций*
Взаимоотношения Армении и Азербайджана	343
Культурное сотрудничество	127
Азербайджанцы в России	76
Конфликтный потенциал во взаимоотношениях России и Армении	54
Развитие инфраструктуры	53
Экономическое сотрудничество России и Азербайджана	50
Туризм	49
Взаимодействие Армении и России	24
Мир и сотрудничество	24
Катастрофа Ан-128	22
История	16
Научное сотрудничество	15
Военное сотрудничество Азербайджана и России	13
100-летие геноцида	12
Дипломатическое взаимодействие	11

4. Более десяти публикаций.

Вполне ожидаемо конфликт Армении и Азербайджана становится центральной темой в азербайджанских СМИ.

Можно выделить ряд основных блоков, объединяющих публикации по следующим основаниям.

1. *Исторический аспект* – в подавляющем большинстве случаев контакты двух народов рассматриваются в негативном контексте, это касается не только событий последнего времени, но и всей истории взаимоотношений. К примеру, часть событий 1918 г. трактуется как геноцид азербайджанского народа, совершенный «дашнакско-большевистскими вооруженными отрядами, действовавшими под мандатом Бакинского совета» [16], «во имя химеры “великой Армении”» [16]. Выделяются несколько этапов геноцида: «Только в XX веке при прямом участии армянских националистов азербайджанцы четырежды – в 1905–1907, 1918–1920, 1948–1953 и 1988–1993 годах подвергались геноциду и этнической чистке» [3].

Публикуются исследования, в которых дается достаточно специфичное понимание истории Армении. В них говорится, что армянский этнос является переселением на территорию Кавказа [12], выдвигается тезис об ошибочном принятии в советской историографии концепции разделенной Армении, мифичности конструкта «Великой Армении» [20]. В поддержку заявления Ильхама Алиева об исторических землях Азербайджана – Иреванского ханства, Зангезура, Гейчи – опубликованы многочисленные материалы, обосновывающие исторические претензии на территорию современной Армении, включая Ереван [9].

2. *Конфликт вокруг Нагорного Карабаха* остается в центре внимания. В рассматриваемый период СМИ делали акцент на Ходжалинской трагедии, которая рассматривается как акт геноцида [31]. При этом значительная часть усилий СМИ, политических и общественных организаций была направлена на признание этих действий международным сообществом именно как геноцид.

Современное состояние конфликта оценивается двойственно. С одной стороны, официальные лица подтверждают приверженность мирным договоренностям, выполнению решений международных организаций. С другой стороны, делаются заявления о необходимости усиления своих собственных вооруженных сил, их подготовки для решения любых поставленных задач.

Есть и третья сторона, призывающая к решению вопроса Нагорного Карабаха военным путем: «Баку даже не настаивает на том, что этот процесс обязательно должен носить военный характер. Но те же государства, те же страны-сопредседатели (единственным исключением является Турция!) не оказывают даже политического или экономического давления на Армению. В таком случае вновь возникает резонный вопрос: как же изменить нынешний статус-кво?.. Поэтому заявление российского генерала в каком-то смысле является первым признаком согласия и понимания того, что Азербайджан

имеет право восстановить свою территориальную целостность даже военными средствами» [28].

Армения, соответственно, обвиняется в срыве переговоров и отказе от диалога. Кроме оценок современного состояния конфликта продолжается анализ его причин. Конфликт оценивается как агрессия, осуществленная Арменией. В частности, сумгаитские события рассматриваются как «одна из крупнейших и коварнейших провокаций спецслужб Армении и СССР за всю историю армянской агрессии против Азербайджана» [4].

3. Постоянно появляются публикации, критикующие *социально-экономическое и политическое состояние Армении*. Если сконцентрировать все материалы в одном абзаце, то получится примерно следующее.

Экономика страны в кризисе, у власти клан олигархов и коррупционеров под предводительством президента, который привел государство к разрухе. Несбалансированная внутренняя и внешняя политика приводит к обеднению народа, миграции населения в более успешные страны. Ильхам Алиев, выступая на VI съезде партии «Ени Азербайджан», назвал Армению «политическим, экономическим, энергетическим, транспортным тупиком» [9], что в целом отражает представление средств массовой информации о перспективах развития Армении. При этом отсутствие успехов в ее экономическом развитии усугубляется проводимой Азербайджаном политикой международной изоляции Армении.

4. Активно обсуждается вопрос об *армянской диаспоре*, которая рассматривается как значительный фактор во внешней и внутренней политике. Отмечается, что в Америке, России, в ряде европейских стран присутствуют группы выходцев из Армении, которые лоббируют ее международные интересы, оказывают ей экономическую и информационную поддержку. Многие события, имеющие негативное значение для Азербайджана, рассматриваются через призму деятельности диаспоры. В то же время отмечаются конфликты внутри диаспоры по экономическим и историческим мотивам, противоречия между руководством Армении и диаспорой по поводу нецелевого расходования средств и т.п.

Позитивные информационные поводы, отражающие взаимодействие двух стран (народов), практически отсутствуют. Можно выделить единичные материалы, затрагивающие в основном культурные и социальные контакты [1; 8].

Неоднозначно оценивается роль России в азербайджано-армянском противостоянии. Отмечается, что исторически Россия и ее руководители способствовали появлению и развитию армянской государственности на Кавказе. Политика Российской империи, СССР, Ленина, Сталина, а в дальнейшем Горбачёва была направлена на появление национального объединения армян на Кавказе, и, соответственно, Россия способствовала, поддерживала, игно-

рировала противоправные действия Армении и армян против Азербайджана и азербайджанцев: «Беспощадно истребив более 200 тыс. азербайджанцев, армяне под покровительством царизма продолжали чинить варварские расправы над мирным азербайджанским населением и в годы Первой мировой войны» [3].

Заявляется, что именно «российские части» участвовали в нагорно-карабахском конфликте: «25–26 февраля 1992 года армянские вооруженные формирования при поддержке расквартированного в Ханкенди 366-го российского мотострелкового полка осуществили акт геноцида против жителей азербайджанского города Ходжалы» [33]. Этот тезис неоднократно повторяется в публикациях, посвященных конфликту.

Признается, что мнение России крайне важно для разрешения нагорно-карабахского конфликта и конфигурации будущих государственных границ.

Достаточно часто появляются материалы, в которых армянская сторона обвиняется в планах устроить провокацию, чтобы привлечь Российскую армию к участию в конфликте.

Азербайджанская сторона резко реагирует на различные заявления представителей российского истеблишмента. Был зафиксирован ряд информационных поводов, вызвавших острую реакцию азербайджанских СМИ. Это, прежде всего, критика высказывания депутата Госдумы К.Ф. Затулина. Затулин скептически высказался о заявлении президента Алиева об исторических землях Азербайджана. По тому же самому поводу критики подвергся А.Г. Невзоров. Активно обсуждалось заявление А.Г. Дугина о возможном возвращении «пяти захваченных районов Азербайджана» [27]. Азербайджанская сторона прилагает немало усилий для противодействия распространению представлений армянской стороны в российском обществе. В СМИ периодически появляются публикации о противодействии Азербайджана армянским и нагорно-карабахским «провокациям» в России, таким как «армянская провокация» на научно-практическом семинаре по проблемам кавказоведения в Московском государственном институте международных отношений» [6], «провокация» на международной продовольственной выставке ПродЭкспо-2018 в Москве [21]. Столь резкая реакция может служить косвенным подтверждением тезиса о важном значении позиции России для Азербайджана.

Во взаимоотношениях России и Армении СМИ, эксперты, политические и общественные деятели Азербайджана усматривают значительный конфликтный потенциал. Более 50 публикаций акцентировали внимание на этой проблеме, в то время как непосредственно взаимодействию двух стран – только 24. СМИ отмечают три точки напряженности.

1. Высокая степень зависимости от России. Некоторые эксперты считают ее полной, другие и вовсе называют взаимоотношения двух стран оккупацией. Утверждается, что Россия имеет возможность влиять на политические и эко-

номические вопросы, включая распределение властных полномочий, политических и экономических выгод и т.д. [24; 25].

2. Выделяются противоречия в позиции армянского политического руководства, заключающиеся в попытках активно взаимодействовать с институтами ЕС, НАТО, США, одновременно декларируя союзнические взаимоотношения с Россией. Отмечается, что в условиях конфликта с Западом Армения не демонстрирует желания даже формально выполнять свои обязательства.

3. Противоречия в трактовке исторических событий и личностей. Попытки героизации Гарегина Нжде, установка ему памятника не вызвала понимания со стороны России. Азербайджанские источники видят в этих действиях армянской стороны попытку формирования неофашистского государства [17].

Отдельно стоит отметить сообщения о невозможности вмешательства ОДКБ в конфликт в Нагорном Карабахе. По мнению начальника объединенного штаба ОДКБ, обязательства у организации есть только перед Ереваном. По мнению эксперта, «это реакция официальной Москвы на то, что Армения развивает отношения с США, а это, в свою очередь, не устраивает Россию. Это было ожидаемо. Россия в очередной раз дала понять Еревану, что он зависим от Москвы» [30].

Активно комментируют азербайджанские СМИ сотрудничество в сфере продажи вооружения. В условиях продолжающегося военного конфликта Россия поставляет вооружение как в Армению, так и в Азербайджан. Позиция России, транслируемая СМИ, выглядит следующим образом: ВПК готов поставлять вооружения, не запрещенные международным правом, любой платежеспособной стороне, МИД поддерживает концепцию паритета вооружений.

Азербайджанская сторона отмечает, что она более платежеспособна и имеет длительный опыт взаимовыгодного сотрудничества, в том числе в получении новейших образцов вооружения, в то время как Армения, не имея значительных финансовых ресурсов, может рассчитывать только на устаревшие виды оружия, получаемые со значительными скидками, по кредитам России [7; 26]. Вместе с тем новости о поставках Россией оружия Армении по новому кредиту в 100 млн долл. вызвали явное возмущение части экспертного сообщества [2; 11].

Культурное сотрудничество. Этой теме азербайджанские СМИ отводят значительное место. Они отмечают, что на постоянной основе проводятся мероприятия, отражающие связь между Россией и Азербайджаном в сфере культуры – такие как выступления эстрадных артистов, приезд театральных трупп, музейные экспозиции, форумы («Testene Art Baku», концерт имени Растроповича и т.д.).

Активно развивающееся *экономическое сотрудничество* между двумя странами также находит отражение в СМИ. Они обращают внимание на

большой взаимный интерес к развитию традиционной торговли (сельхозпродукция, машиностроение, вагоностроение и т.д.), туризму, добыче и транспортировке энергетических ресурсов. Прилагаются значительные усилия по развитию транспортной инфраструктуры (международный транспортный коридор «Север-Юг», строительство автомобильной дороги Баку – Губа – граница России). Значение этих проектов отмечают представители обеих сторон [22].

Отмечается желание двух сторон развивать экономические, политические и культурные контакты на принципах равноправия и добрососедства, традициях дружбы и взаимного уважения [19].

Тематический блок, объединивший публикации, посвященные *жизни азербайджанцев в России*, занимает значительную часть информационного пространства. Большинство материалов подаются в ярко выраженном негативном контексте. Они акцентируют внимание на преступлениях, совершенных представителями азербайджанской диаспоры или преступлениях против этих представителей (убийства, ограбления, нападения, изнасилования). Характерно, что СМИ активно интересуются жизнедеятельностью криминальной субкультуры, регулярно публикуют материалы с сообщениями о происходящих в этой субкультуре изменениях, роли представителей этнических группировок в ней. СМИ не обходят вниманием негативные стереотипы, существующие в российском обществе [5], фиксируют сообщения о переходе этих стереотипов в реальные случаи нарушения прав человека [23].

Анализ азербайджанских СМИ подтверждает факт наличия хорошо развитых культурных связей России и Азербайджана, выявляет стратегическую цель Азербайджана стать экономическим, научным, культурным и социальным центром Кавказа, логистическим мостом между Россией, Индией, Китаем, Европой. Россия в этих публикациях предстает в качестве одной из опор такой политики.

В целом образ России в СМИ Азербайджана выглядит противоречиво. С одной стороны, она – важнейший экономический и культурный партнер, инструмент решения проблемы Нагорного Карабаха. С другой стороны, союзник Армении, исторически защищавший ее интересы на территории Кавказа, в определенном смысле бенефициар конфликта в Нагорном Карабахе, получающий выгоду от продажи оружия всем противоборствующим сторонам.

Библиография

1. Али К. Ирина Берчиян: «Азербайджанцы и армяне не могут враждовать» // Vesti.az: Информационный портал. 2018. 7 марта. URL: https://web.archive.org/web/20180622211131 / http://vesti.az/news/356393 (Дата обращения: 02.09.2018.)

2. Алиев Я. «Подлец и скотина»: хамство депутата Госдумы Затулина как способ отработки армянских денег // 1 news.az: Информационный портал. 2018. 28 марта. URL: http://www.1news.az/news/podlec-i-skotina-hamstvo-deputata-gosdumy-zatulina-kak-sposob-otrabotki-armyanskih-deneg (Дата обращения: 02.09.2018.)

3. Багирова Ф. «18-й несчастный год»: Как 100 лет назад армяне и большевики топили в крови Азербайджан // 1 news.az: Информационный портал. 2018. 31 марта. URL: http://www.1news.az/news/18-yy-neschastnyy-god-kak-100-let-nazad-armyane-i-bol-sheviki-topili-v-krovi-azerbaydzhan (Дата обращения: 02.09.2018.)

4. Багирова Ф. «Бей своих»: Для чего Армении нужны были «сумгайытские погромы»? // 1 news.az: Информационный портал. 2018. 28 февр. URL: http://www.1news.az/news/bey-svoih-dlya-chego-armenii-nuzhny-byli-sumgayytskie-pogromy (Дата обращения: 02.09.2018.)

5. Байков А. Диванные расисты: когда Россия избавится от стереотипов на этнической почве? // 1 news.az: Информационный портал. 2018. 19 февр. URL: http://www.1news.az/news/divannye-rasisty-kogda-rossiya-izbavitsya-ot-stereotipov-na-etnicheskoy-pochve-foto (Дата обращения: 02.09.2018.)

6. В МГИМО пресекли армянскую провокацию против Азербайджана // Vesti.az: Информационный портал. 2018. 4 февр. URL: https://web.archive.org/web/20180620055613 / http://vesti.az/news/353761 (Дата обращения: 02.09.2018.)

7. Вот кому была выгодна «утка» о «недовольстве» Баку Москвой // Vesti.az: Информационный портал. 29 марта. URL: https://web.archive.org/web/20180707062054 / http://vesti.az/news/358033 (Дата обращения: 02.09.2018.)

8. Дагестанское небо «побратало» армян и азербайджанцев // Vesti.az: Информационный портал. 2018. 30 марта. URL: https://web.archive.org/web/20180330182934 / http://vesti.az/news/358113 (Дата обращения: 02.09.2018.)

9. Долуханов Ф. Брёвна в глазах: проармянская истерия в российских СМИ // Day.az: Информационный портал. 2018. 12 февр. URL: https://news.day.az/politics/976984.html (Дата обращения: 02.09.2018.)

10. Дудайти А.К. Политика России в конфликтных регионах постсоветского пространства: Большой Кавказ. Владикавказ: Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова (Владикавказ), 2016. 221 с.

11. Ибрагимов З. Обещания Затулина подставляют Армению под ядерный удар // Day.az: Информационный портал. 2018. 29 марта. URL: https://news.day.az/politics/990287.html (Дата обращения: 02.09.2018.)

12. Исабалаева И., Сеидов К. Ягуб Махмудов: Исследования доказали, что до 1918 г. на Кавказе никогда не было армянского государства // Trend.az: Информационный портал. 2018. 12 февр. URL: https://www.trend.az/azerbaijan/society/2859825.html (Дата обращения: 02.09.2018.)

13. Караваев А.В. Азербайджан в международных транспортных коридорах // Мир перемен. 2018. № 1. С. 67–78.

14. Койбаев Б.Г. Южный Кавказ в контексте современных геополитических вызовов // Современная наука и инновации. 2015. № 2. С. 175–180.

15. Мансуров Т.З. Южный Кавказ в системе национальной безопасности Российской Федерации // Казанский педагогический журнал. 2015. № 1. С. 136–143.

16. Милли Меджлис выступил с заявлением в связи со 100-летием геноцида азербайджанцев // Day.az: Информационный портал. 2018. 31 марта. URL: https://news.day.az/politics/990756.html (Дата обращения: 02.09.2018.)

17. Михайлов Е. «Ода» Нжде: маленькой, но «гордой» стране не хватает настоящих героев? // Vesti.az: Информационный портал. 2018. 12 февр. URL: https://web.archive.org/web/20180626143230 / http://www.vesti.az/news/354447 (Дата обращения: 02.09.2018.)

18. Набиев Б.Э. Геополитические аспекты стратегических перспектив во взаимоотношениях Азербайджана и России // Вопросы политологии. 2017. № 4. С. 143–150.

19. Насибова Н. Выставка в Госдуме показала мощный потенциал сотрудничества России и Азербайджана // Day.az: Информационный портал. 2018. 8 февр. URL: https://news.day.az/politics/975753.html (Дата обращения: 02.09.2018.)

20. Нифталиев И. «Историческая призма»: 1828 г. Что армянство боится видеть в Туркменчайском договоре // Day.az: Информационный портал. 2018. 11 марта. URL: https://news.day.az/politics/984517.html (Дата обращения: 02.09.2018.)

21. Нурмамедов З. Армяне все-таки устроили провокацию в Москве, а спонсор… Азербайджан // Vesti.az: Информационный портал. 2018. 8 февр. URL: https://web.archive.org/web/20180708123815 / http://vesti.az/news/354094 (Дата обращения: 02.09.2018.)

22. Потенциал сотрудничества между Россией и Азербайджаном очень высок // Day.az: Информационный портал. 2018. 19 февр. URL: https://news.day.az/economy/979095.html (Дата обращения: 02.09.2018.)

23. Рзаев Т. Моего брата держат в СИЗО в Сочи, так как он азербайджанец. Говорят, «чурке помогать не нужно» // 1 news.az: Информационный портал. 2018. 7 марта. URL: http://www.1news.az/mobile/news/moego-brata-derzhat-v-sizo-v-sochi-tak-kak-on-azerbaydzhanec-govoryat-churke-pomogat-ne-nuzhno-foto (Дата обращения: 02.09.2018.)

24. Россия планирует вынудить Армению сдать Карабах, уверены в Ереване // 1 news.az: Информационный портал. 2018. 28 марта. URL: http://www.1news.az/news/rossiya-planiruyut-vynudit-armeniyu-sdat-karabah-uvereny-v-erevane (Дата обращения: 02.09.2018.)

25. России плевать на «суверенитет» Армении // Vesti.az: Информационный портал. 2018. 31 марта. URL: https://web.archive.org/web/20180605021753 / http://www.vesti.az/news/358159 (Дата обращения: 02.09.2018.)

26. Рустамов Э. «Россия не хотела бы потерять крупнейшего покупателя вооружения в лице Баку» // 1 news.az: Информационный портал. 2018. 30 марта. URL: http://www.1news.az/news/rossiya-ne-hotela-by-poteryat-krupneyshego-pokupatelya-vooruzheniya-v-lice-baku (Дата обращения: 02.09.2018.)

27. Салимов Г. Дугин послал секретный месседж Азербайджану // Vesti.az: Информационный портал. 2018. 19 марта. URL: https://web.archive.org/web/20180626132131 / http://vesti.az/news/357369 (Дата обращения: 02.09.2018.)

28. Салимов Г. Москва должна понять, что Баку не оставили выбора – ВОЙНА! // Vesti.az: Информационный портал. 2018. 14 марта. URL: https://web.archive.org/web/20180627094045 / http://www.vesti.az/news/356941 (Дата обращения: 02.09.2018.)

29. Троулис М. Кавказ в эпоху после окончания холодной войны: от советских республик к ключевой буферной зоне // Центральная Азия и Кавказ. 2017. № 1. С. 15–25.

30. Фараджова В. Россия в очередной раз дала понять Еревану, что он зависим от Москвы // Vesti.az: Информационный портал. 2018. 7 марта. URL: https://web.archive.org/web/20180616121537 / http://vesti.az/news/356376 (Дата обращения: 02.09.2018.)

31. Хафизоглу Р., Мустафаев М. В Турции не забыли о Ходжалинском геноциде – лидер партии // Trend.az: Информационный портал. 2018. 20 февр. URL: https://www.trend.az/azerbaijan/karabakh/2863445.html (Дата обращения: 02.09.2018.)

32. Чернявский С.И., Мехдиев Э.Т. Азербайджан – признанный лидер Южно-Кавказского региона // Евразийский юридический журнал. 2017. № 8. С. 81–84.

33. Эрдоган: Турция не забыла и никогда не забудет Ходжалинскую трагедию // Day.az: Информационный портал. 2018. 20 февр. URL: https://news.day.az/politics/979305.html (Дата обращения: 02.09.2018.)

References

Ali K. Irina Berchijan: «Azerbajdzhancy i armjane ne mogut vrazhdovat'» // Vesti.az: Informacionnyj portal. 2018. March 7. URL: https://web.archive.org/web/20180622211131 / http://vesti.az/news/356393 (Data obrashhenija: 02.09.2018.)

Aliev Ja. «Podlec i skotina»: hamstvo deputata Gosdumy Zatulina kak sposob otrabotki armjanskih deneg // 1 news.az: Informacionnyj portal. 2018. March 28. URL: http://www.1news.az/news/podlec-i-skotina-hamstvo-deputata-gosdumy-zatulina-kak-sposob-otrabotki-armyanskih-deneg (Data obrashhenija: 02.09.2018.)

Bagirova F. «18-j neschastnyj god»: Kak 100 let nazad armjane i bol'sheviki topili v krovi Azerbajdzhan // 1 news.az: Informacionnyj portal. 2018. March 31. URL: http://www.1news.az/news/18-yy-neschastnyy-god-kak-100-let-nazad-armyane-i-bol-sheviki-topili-v-krovi-azerbaydzhan (Data obrashhenija: 02.09.2018.)

Bagirova F. «Bej svoih»: Dlja chego Armenii nuzhny byli «sumgajytskie pogromy»? // 1 news.az: Informacionnyj portal. 2018. Feb. 28. URL: http://www.1news.az/news/bey-svoih-dlya-chego-armenii-nuzhny-byli-sumgayytskie-pogromy (Data obrashhenija: 02.09.2018.)

Bajkov A. Divannye rasisty: kogda Rossija izbavitsja ot stereotipov na jetnicheskoj pochve? // 1 news.az: Informacionnyj portal. 2018. Feb. 19. URL: http://www.1news.az/news/divannye-rasisty-kogda-rossiya-izbavitsya-ot-stereotipov-na-etnicheskoy-pochve-foto (Data obrashhenija: 02.09.2018.)

V MGIMO presekli armjanskuju provokaciju protiv Azerbajdzhana // Vesti.az: Informacionnyj portal. 2018. Feb. 4. URL: https://web.archive.org/web/20180620055613 / http://vesti.az/news/353761 (Data obrashhenija: 02.09.2018.)

Vot komu byla vygodna «utka» o «nedovol'stve» Baku Moskvoj // Vesti.az: Informacionnyj portal. March 29. URL: https://web.archive.org/web/20180707062054 / http://vesti.az/news/358033 (Data obrashhenija: 02.09.2018.)

Dagestanskoe nebo «pobratalo» armjan i azerbajdzhancev // Vesti.az: Informacionnyj portal. 2018. March 30. URL: https://web.archive.org/web/20180330182934 / http://vesti.az/news/358113 (Data obrashhenija: 02.09.2018.)

Doluhanov F. Brjovna v glazah: proarmjanskaja isterija v rossijskih SMI // Day.az: Informacionnyj portal. 2018. Feb. 12. URL: https://news.day.az/politics/976984.html (Data obrashhenija: 02.09.2018.)

Dudajti A.K. Politika Rossii v konfliktnyh regionah postsovetskogo prostranstva: Bol'shoj Kavkaz. Vladikavkaz: Severo-Osetinskij gosudarstvennyj universitet im. K.L. Hetagurova (Vladikavkaz), 2016. 221 p.

Ibragimov Z. Obeshhanija Zatulina podstavljajut Armeniju pod jadernyj udar // Day.az: Informacionnyj portal. 2018. March 29. URL: https://news.day.az/politics/990287.html (Data obrashhenija: 02.09.2018.)

Isabalaeva I., Seidov K. Jagub Mahmudov: Issledovanija dokazali, chto do 1918 g. na Kavkaze nikogda ne bylo armjanskogo gosudarstva // Trend.az: Informacionnyj portal. 2018. Feb. 12. URL: https://www.trend.az/azerbaijan/society/2859825.html (Data obrashhenija: 02.09.2018.)

Karavaev A.V. Azerbajdzhan v mezhdunarodnyh transportnyh koridorah // Mir peremen. 2018. N 1. P. 67–78.

Kojbaev B.G. Juzhnyj Kavkaz v kontekste sovremennyh geopoliticheskih vyzovov // Sovremennaja nauka i innovacii. 2015. N 2. P. 175–180.

Mansurov T.Z. Juzhnyj Kavkaz v sisteme nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii // Kazanskij pedagogicheskij zhurnal. 2015. N 1. P. 136–143.

Milli Medzhlis vystupil s zajavleniem v svjazi so 100-letiem genocida azerbajdzhancev // Day.az: Informacionnyj portal. 2018. March 31. URL: https://news.day.az/politics/990756.html (Data obrashhenija: 02.09.2018.)

Mihajlov E. «Oda» Nzhde: malen'koj, no «gordoj» strane ne hvataet nastojashhih geroev? // Vesti.az: Informacionnyj portal. 2018. Feb. 12. URL: https://web.archive.org/web/20180626143230 / http://www.vesti.az/news/354447 (Data obrashhenija: 02.09.2018.)

Nabiev B.Je. Geopoliticheskie aspekty strategicheskih perspektiv vo vzaimootnoshenijah Azerbajdzhana i Rossii // Voprosy politologii. 2017. N 4. P. 143–150.

Nasibova N. Vystavka v Gosdume pokazala moshhnyj potencial sotrudnichestva Rossii i Azerbajdzhana // Day.az: Informacionnyj portal. 2018. Feb. 8. URL: https://news.day.az/politics/975753.html (Data obrashhenija: 02.09.2018.)

Niftaliev I. «Istoricheskaja prizma»: 1828 g. Chto armjanstvo boitsja videt' v Turkmenchajskom dogovore // Day.az: Informacionnyj portal. 2018. March 11. URL: https://news.day.az/politics/984517.html (Data obrashhenija: 02.09.2018.)

Nurmamedov Z. Armjane vsjo-taki ustroili provokaciju v Moskve, a sponsor… Azerbajdzhan // Vesti.az: Informacionnyj portal. 2018. Feb. 8. URL: https://web.archive.org/web/20180708123815 / http://vesti.az/news/354094 (Data obrashhenija: 02.09.2018.)

Potencial sotrudnichestva mezhdu Rossiej i Azerbajdzhanom ochen' vysok // Day.az: Informacionnyj portal. 2018. Feb. 19. URL: https://news.day.az/economy/979095.html (Data obrashhenija: 02.09.2018.)

Rzaev T. Moego brata derzhat v SIZO v Sochi, tak kak on azerbajdzhanec. Govorjat, «churke pomogat' ne nuzhno» // 1 news.az: Informacionnyj portal. 2018. March 7. URL: http://www.1news.az/mobile/news/moego-brata-derzhat-v-sizo-v-sochi-tak-kak-on-azerbaydzhanec-govoryat-churke-pomogat-ne-nuzhno-foto (Data obrashhenija: 02.09.2018.)

Rossija planirujut vynudit' Armeniju sdat' Karabah, uvereny v Erevane // 1 news.az: Informacionnyj portal. 2018. March 28. URL: http://www.1news.az/news/rossiya-planiruyut-vynudit-armeniyu-sdat-karabah-uvereny-v-erevane (Data obrashhenija: 02.09.2018.)

Rossii plevat' na «suverenitet» Armenii // Vesti.az: Informacionnyj portal. 2018. March 31. URL: https://web.archive.org/web/20180605021753 / http://www.vesti.az/news/358159 (Data obrashhenija: 02.09.2018.)

Rustamov Je. «Rossija ne hotela by poterjat' krupnejshego pokupatelja vooruzhenija v lice Baku» // 1 news.az: Informacionnyj portal. 2018. March 30. URL: http://www.1news.az/news/rossiya-ne-hotela-by-poteryat-krupneyshego-pokupatelya-vooruzheniya-v-lice-baku (Data obrashhenija: 02.09.2018.)

Salimov G. Dugin poslal sekretnyj messedzh Azerbajdzhanu // Vesti.az: Informacionnyj portal. 2018. March 19. URL: https://web.archive.org/web/20180626132131 / http://vesti.az/news/357369 (Data obrashhenija: 02.09.2018.)

Salimov G. Moskva dolzhna ponjat', chto Baku ne ostavili vybora – VOJNA! // Vesti.az: Informacionnyj portal. 2018. March 14. URL: https://web.archive.org/web/20180627094045 / http://www.vesti.az/news/356941 (Data obrashhenija: 02.09.2018.)

Troulis M. Kavkaz v jepohu posle okonchanija holodnoj vojny: ot sovetskih respublik k kljuchevoj bufernoj zone // Central'naja Azija i Kavkaz. 2017. N 1. P. 15–25.

Faradzhova V. Rossija v ocherednoj raz dala ponjat' Erevanu, chto on zavisim ot Moskvy // Vesti.az: Informacionnyj portal. 2018. March 7. URL: https://web.archive.org/web/20180616121537 / http://vesti.az/news/356376 (Data obrashhenija: 02.09.2018.)

Hafizoglu R., Mustafaev M. V Turcii ne zabyli o Hodzhalinskom genocide – lider partii // Trend.az: Informacionnyj portal. 2018. Feb. 20. URL: https://www.trend.az/azerbaijan/karabakh/2863445.html (Data obrashhenija: 02.09.2018.)

Chernjavskij S.I., Mehdiev Je.T. Azerbajdzhan – priznannyj lider Juzhno-Kavkazskogo regiona // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. 2017. N 8. P. 81–84.

Jerdogan: Turcija ne zabyla i nikogda ne zabudet Hodzhalinskuju tragediju // Day.az: Informacionnyj portal. 2018. Feb. 20. URL: https://news.day.az/politics/979305.html (Data obrashhenija: 02.09.2018.)

DOI: 10.31249/rsm/2019.02.06

А.О. Ковалева

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КИТАЯ В СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

Аннотация. *В статье проводится анализ военно-политического сотрудничества России и Китая в Тихоокеанском регионе в контексте глобальной трансформации мироустройства. На смену однополярной системе приходит многополярность, возникают новые центры мирового влияния. При этом США не желают мириться с утратой глобального доминирования. В Тихоокеанском регионе Соединенным Штатам противостоят Россия и Китай как ведущие державы формирующегося многополярного мира. В настоящее время Россия и Китай успешно развивают военно-политическое сотрудничество. Военный союз России и Китая может стать базисом новой структуры региональной безопасности.*

Ключевые слова: *Россия; Китай; Тихоокеанский регион; многополярность; геостратегия; военно-политическое сотрудничество.*

Ковалева Анастасия Олеговна – аспирант кафедры социологии международных отношений Социологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: ndm-88@mail.ru

A.O. Kovaleva. Military and Political Aspects of Cooperation Between Russia and China in the Current Geopolitical Situation

Abstract. *The article is devoted to the military and political cooperation between Russia and China in the Pacific region in the context of the world order's global transformation. The unipolar system is being replaced by multipolarity, new centers of global influence are emerging. At the same time, USA as a leader of the unipolar world does not want to put up with the loss of global dominance. Russia and China, as the leading powers of the emerging multipolar world, are confronting USA in the Pacific. At present, Russia and China are successfully developing military and political cooperation. Russia and China's military alliance can become the basis of a new regional security structure.*

Keywords: *Russia; China; Pacific region; multipolarity; geostrategy; military-political cooperation.*

Kovaleva Anastasiya Olegovna – Postgraduate Student of the Department of Sociology of International Relations, Sociological Faculty of Lomonosov Moscow State University. E-mail: ndm-88@mail.ru

Россия и Китай вступили в противоречивую эпоху кризиса однополярного мироустройства, альтернатива которому – многополярность. Очень важно, что многополярное мироустройство находится пока на стадии формирования, и то, каким будет новый порядок, зависит во многом от России и Китая, его главных «идеологов». Тихоокеанский регион, чей удельный вес в мировой политике и экономике на протяжении последних десятилетий непрерывно возрастает, можно назвать ареной формирования многополярных отношений, сопутствуемого рядом сложных тенденций глобального уровня. Поэтому ведущие геополитические субъекты Тихоокеанского региона, прежде всего США и Китай, и другие стремятся увеличить свое политическое, экономическое, военное влияние в нем.

Геополитические процессы, протекающие в Азиатско-Тихоокеанском регионе (далее – АТР), геостратегии крупнейших акторов АТР имеют множество точек пересечения, сложно и тонко влияя друг на друга.

В этом исследовании рассматривается геополитическая комбинация «Россия – Китай – США». В настоящее время и Россия, и Китай стремятся выстраивать собственную внешнеполитическую повестку в рамках глобальной трансформации мировой системы. Напротив, США, будучи ведущей державой уходящего однополярного мира, стремятся диктовать свою политическую волю другим субъектам мировой политики. Поэтому анализируемые субъекты геостратегического действия находятся в оппозиции по линии Россия и Китай – США. Эта оппозиция до недавнего времени имела прежде всего военно-политический характер, так как экономическое сотрудничество между Китаем и США развивалось достаточно успешно. В то же время и в экономической сфере между Китаем и США возникает все больше противоречий.

Если центром однополярного мира был Евро-Атлантический регион, то теперь центры мирового влияния достаточно быстро смещаются в АТР. Сегодня АТР – это больше половины населения земного шара и свыше 40% мировой торговли. Хотя Евро-Атлантическая система находится в кризисе, есть вероятность, что США продолжат диктовать свои правила игры в АТР, считая его зоной своих интересов: «АТР же, по общему мнению, практически уже стал ареной экономического и политического соперничества КНР и США. Доля этого региона в мировой экономике неуклонно растет, одновременно увеличивается его удельный вес в мировой политике. <…> Вот почему в военно-политических и деловых кругах Соединенных Штатов активно

ищут способы закрепления американского влияния в АТР – регионе, который стал одним из самых быстрорастущих и важнейших рынков, привлекательных для американского бизнеса» [6, с. 10]. Штаты проводят политику «возвращения в АТР», объявленную Б. Обамой [8, с. 12]. Она предполагает размещение до 60% военного потенциала США в АТР и бассейне Тихого океана, дальнейшее совершенствование стратегической и тактической системы ПРО в Азии [15, с. 292].

Для сохранения и усиления влияния в АТР США опираются на своих региональных союзников, в первую очередь Японию, Австралию, Новую Зеландию, Южную Корею, Тайвань, а также Индонезию, Филиппины, Таиланд, Малайзию, Сингапур и др. Интеграционный механизм форума 21 экономики Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (далее – АТЭС) позволяет одновременно и контролировать «младших партнеров», и «снизить бремя» их поддержки [11, с. 20]. В контексте американского курса на «возвращение в АТР» Россия и Китай воспринимаются рядом американских аналитиков как главные конкуренты США, так как эти страны заинтересованы в ослаблении американского глобального лидерства [17, p. 66]. Например, совместные российско-китайские военные учения в Южно-Китайском море в июле 2016 г. трактуются как «сигнал об опасности» для США [18, p. 51].

Важнейшая геополитическая комбинация региона: Россия – США – Китай сложилась еще в эпоху биполярного мира (все три государства – члены Совбеза ООН) и продолжает эволюционировать. «Большой стратегический треугольник» включает политический, военный, экономический и другие аспекты. В военном аспекте Россия, США и Китай – три державы, обладающие ядерным оружием (из них Россия и США имеют самые крупные ядерные арсеналы в мире), а также самыми большими и мощными в мире армиями. При этом у Китая самая многочисленная армия, а США обладают системой военных баз по всей планете [8, с. 11].

В военной сфере для России и Китая особенно выгодно быть союзниками, это позволит им выстраивать конфигурацию безопасности в регионе на взаимовыгодных началах. В случае если США продолжат претендовать на глобальное доминирование, российско-китайская коалиция станет достойным противовесом таким претензиям в рамках АТР. В перспективе возможно создание российско-китайского военного блока, в котором примут участие и другие государства региона. Наиболее благоприятным вариантом развития событий будет независимое сосуществование России и Китая в качестве крупнейших региональных центров силы с опорой друг на друга.

В планах США трехстороннее партнерство с Японией и Республикой Корея, затрудняемое негативным отношением к Японии со стороны Кореи. Кроме того, в военное сотрудничество с США вовлечены такие страны, как

Филиппины, Сингапур, Таиланд, Малайзия, Камбоджа, Индонезия, Мьянма, Лаос [18, p. 12–18].

Напротив, в сфере экономики три державы имеют совершенно разное положение. США в экономическом отношении – это кластер транснациональных корпораций, стремящийся контролировать региональных акторов. Китай – держава с мощнейшим, всевозрастающим экономическим потенциалом, способным угрожать влиянию США в регионе. На долю этих стран приходится более 30% мирового ВВП. Набирающий силы Китай не сможет примириться с попытками ограничить свой экономический суверенитет. Формально считаясь «развивающейся страной», фактически Китай является одной из ведущих стран мира [3, с. 39].

Россия же в экономической сфере существенно уступает и США, и Китаю: «…слабым звеном являются экономические позиции РФ в АТР, для которого экономический вес и роль страны в интеграционных процессах имеют первостепенное статусное значение. На Россию приходится не более 1,5% внешнеэкономических операций АТР. Несопоставимы объемы ВВП ведущих стран региона с ВВП России: в 2010 г. объем ВВП США составил по официальному обменному курсу 14,86 трлн долл. (около четверти мирового ВВП), КНР – 6,48 трлн долл. (8,5% мирового ВВП), а России – лишь 1,48 трлн долл. (3,2% мирового ВВП)» [13, с. 23]. Из этого следует, что для равноправного участия в региональных процессах в долгосрочной перспективе России следует укреплять национальную экономику, достигнуть промышленного суверенитета. В настоящий момент наиболее перспективным представляется военно-политическое сотрудничество России и Китая.

В США также приходят к пониманию, что единолично гегемонию в мире удерживать не удастся. Поэтому Штатам хотелось бы привлечь Китай для совместной реализации политических планов в АТР и мире. Такая концепция получила название «кимерика». В частности, данную концепцию разрабатывал американский стратег Генри Киссинджер. В своей работе «О Китае» он последовательно исключает из «треугольника» Россию, говоря о двустороннем диалоговом формате США – Китай: «Будущее Азии будет формироваться в значительной степени благодаря тому, как Китай и Америка будут его видеть, и в зависимости от степени способности каждой страны добиться какого-то согласия с исторической ролью другой стороны в этом регионе» [9, с. 563]. Концепция американо-китайской «большой двойки» отражает стремление США удержать Китай в орбите своего влияния [13, с. 69–70].

Разумеется, Россия не может допустить нивелирования своей политической роли в регионе. Тем не менее нужно понимать, что Киссинджер представляет realpolitic, меняя свои взгляды на проблему в зависимости от политической конъюнктуры. Если возобладает линия Киссинджера, то США будут действовать и по отношению к России, и по отношению к Китаю праг-

матично, что будет означать равноправное взаимодействие субъектов и баланс сил в рамках «большого треугольника».

Сам Китай относится к идее «большой двойки» настороженно, предпочитая искать региональных партнеров [15, с. 280]. Китайское руководство понимает, что «кимерика» на деле предполагает для Китая статус «младшего партнера» и проводника американских инициатив в регионе. Подобные американские предложения совмещаются с мерами по сдерживанию и удушению Китая: это укрепление военно-политических союзов в регионе, создание новых «стратегических партнеров» из числа недовольных Китаем стран, поощрение сепаратизма в самом Китае [10, с. 161–162].

Даже утрачивая безусловное экономическое лидерство, США продолжают оставаться «силовым центром глобального мира» и готовы провоцировать мировую гибридную войну для удержания контроля над теми регионами, которые они считают периферией глобального мира [3, с. 88–89]. В такой ситуации потенциальным лидерам многополярного мира нужно формировать антивоенную коалицию [там же]. Как было сказано выше, у России и Китая в контексте формирования многополярного мира имеется общность стратегических интересов, выражающаяся в неприятии претензий на однополярное доминирование со стороны США. «Российско-китайское стратегическое взаимодействие и доверительное партнерство» – одна из основ современного миропорядка [14, с. 23].

Противоречия между Пекином и Вашингтоном нарастали с начала 2000-х годов, тем не менее КНР проводит по отношению к лидеру западного мира взвешенную и осторожную внешнюю политику. Уже тогда китайские аналитики говорили о невозможности наладить «подлинные дружеские отношения» с США на межгосударственном уровне [1, с. 114]. Китай все в большей степени осознает себя в качестве глобальной державы, тем не менее в его государственной идентичности существует определенный комплекс «квазисверхдержавы», занимающей второе место в мире после США [4, с. 167].

Политическое партнерство России и Китая развивается успешно. Руководство обеих стран признает наличие взаимных интересов как на региональном, так и на мировом уровнях. В 2014 г. Россия в контексте резкого ухудшения отношений с Западом осуществила политический маневр, который многие аналитики охарактеризовали как «поворот на Восток». Китай выразил солидарность с Россией по вопросам урегулирования украинского кризиса. В настоящий момент именно Китай является для России ключевым партнером в международной политике в АТР. Однако здесь России выгодно не ограничиваться только Китаем, развивая полноценное сотрудничество с другими региональными державами. В то же время нельзя допускать превращения Дальневосточного региона России в сырьевой придаток Китая (и других более развитых в экономическом отношении держав АТР). Такая

вероятность существует на фоне слабой освоенности и малой заселенности огромных дальневосточных пространств России.

Возможны различные сценарии российско-китайского взаимодействия. В случае если Запад постарается выстроить с Китаем равноправные партнерские отношения, у этой страны будет большое пространство для маневра. Если же Запад, в первую очередь США, оттолкнет Китай попытками давления, Китай будет опираться прежде всего на Россию. Оценить все риски и выгоды российско-китайских отношений вряд ли представляется возможным – настолько эта проблема комплексна и обусловлена динамическими показателями мирового политического процесса. Тем не менее усиление Китая не представляет прямой угрозы для России, так как оба государства заинтересованы в стабильности многополярной системы мироустройства [15, с. 97]. России необходимо контролировать баланс между государствами Тихоокеанского региона, максимально расширяя сотрудничество с каждым из них. Нарастание стратегической конкуренции между Китаем и США способствует пересмотру другими странами региона своих геостратегических приоритетов [5, с. 90].

В настоящее время в регионе существует две модели безопасности: китайская и американская [5, с. 91]. Если американская модель безопасности – это продвижение своего политического ви́дения от центра к периферии, то китайская модель предполагает многостороннюю дипломатию в таких форматах, как ШОС, АСЕАН+1, АСЕАН+3. Китай также активно участвует в переговорах по корейскому конфликту. Но помимо корейского конфликта в АТР, существует еще ряд крупных международных проблем. Периодически обостряется обстановка в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, что обусловлено наличием взаимных территориальных претензий расположенных там государств. Одной из заинтересованных сторон в них является и Китай (территориальный спор с Японией из-за островов Сенкаку, а также с Вьетнамом из-за архипелага Спратли и Парасельских островов).

Как уже было отмечено, важным аспектом российско-китайских отношений является военная сфера. Россия и Китай регулярно проводят совместные военные учения. Первые совместные военно-морские учения были проведены странами в августе 2005 г. Китайские военные приняли участие также в масштабных военных учениях «Восток-2018», которые проводились в сентябре 2018 г. Во время учений состоялись переговоры глав военных ведомств двух стран, по итогам стороны договорились проводить совместные учения российской и китайской армий на регулярной основе [16].

В задачи Вооруженных сил Китая помимо защиты суверенитета и территориальной целостности страны входит «обеспечение безопасности на морях, в мировом океане, в воздушном, космическом и в электронном информационном пространстве». Китай следует стратегии «активной обороны», которая

выражается в принципе: «Китай не нападает первым, но в случае агрессии ответит контрударом» [7, с. 47].

Военно-техническое сотрудничество между Россией и КНР развивается с 1990 г. Оно базируется на положениях межправительственного Соглашения о военно-техническом сотрудничестве (подписано 24 ноября 1992 г.) и Меморандуме о понимании между правительствами России и КНР о военно-техническом сотрудничестве (подписан 18 декабря 1992 г.). 11 ноября 1993 г. было подписано Соглашение о военном сотрудничестве между министерствами обороны России и Китая. С тех пор Россия поставила в Китай большое количество различной боевой техники и вооружений, в том числе истребители СУ-27, комплексы ПВО «Бук», «Тор», «Тунгуска», РСЗО «Смерч», ракетные системы С-300 (а в 2018 г. – С-400) и др. Кроме того, специалисты из России приняли участие в проектах китайских истребителей J-10, JF-17, учебного самолета L-15 [2].

В настоящее время Китай активно развивает свои военно-морские силы. На XVIII съезде КПК была принята установка на превращение Китая в морскую державу. В связи с этим разработана программа создания надводных кораблей с атомной силовой установкой, в первую очередь авианосцев, а также меры по повышению боеспособности китайских ВМС [7, с. 47–48]. В обновлении своих ВМС и повышении их боеспособности Китай сотрудничает с Россией.

К новым разработкам относятся, в частности, многоцелевые торпедные АПЛ типа 093 «Шань» и 094 «Цзинь». Конструкции этих субмарин почти целиком основаны на опытно-конструкторских российских разработках, сконструированы при технической помощи российских специалистов. Надводные корабли ВМФ КНР (эсминцы типа 956 «Современный», типа 052 «Ланьчжоу», типа 051 В «Люхай») также задействуют российские вооружения. «Современный» вооружен противокорабельными ракетами П-270 «Москит», также может нести более новые ПКР российского производства П-800 «Оникс». Они способны успешно атаковать американские авианосцы и сопровождающие их крейсера, оснащенные системой «Иджис». Первыми китайскими эсминцами нового поколения стали миноносцы типа 051 С, оснащенные российскими зенитными комплексами С-300 Ф. Эсминцы типа 052 В «Гуанчжоу» и 052 С «Ланчжоу» также несут на борту комплексы С-300 Ф [12, с. 241–242].

Определение геополитических горизонтов России в контексте взаимодействия с Китаем – открытый вопрос. Цель России – стать центром политического, экономического, культурного притяжения для республик бывшего СССР. В качестве ядра Евразийского полюса Россия будет способна выстраивать равноправные отношения с другими субъектами формирующегося многополярного мира, в частности с такой мощной державой, как Китай.

Плодотворное сотрудничество тем более вероятно, что оба субъекта представляют собой больше, чем просто национальные государства. Россия и Китай – это цивилизации с собственным уникальным культурным кодом, которые не готовы мириться с однополярной гегемонией.

Библиография

1. Ван Цзисы. Китай в поисках стабильных отношений с Америкой // Россия в глобальной политике. 2005. Т. 3. № 5. С. 103–116.

2. Военное и военно-техническое сотрудничество России и Китая // РИА Новости. 2014. 20 мая. URL: https://ria.ru/spravka/20140520/1008416110.html (Дата обращения: 05.11.2018.)

3. Глазьев С.Ю. Битва за лидерство в XXI веке. Россия – США – Китай. Семь вариантов обозримого будущего. М.: Книжный мир, 2017. 352 с.

4. Грачиков Е.Н. Проблемы новой формирующейся идентичности Китая в мировой политике // Вестник Московского университета. 2013. Сер. 18. Социология и политология. № 1. С. 159–171.

5. Гурулева Т.Л., Макаров А.В. Китай: многостороннее сотрудничество в системе безопасности Северо-Восточной Азии (Россия, США, РК, Япония, Монголия, КНДР). М.: Юрист, 2011. 336 с.

6. Давыдов А.С. Пекин, Вашингтон, Москва: взаимоотношения в контексте трансформации глобальной архитектоники. М.: ИДВ РАН, 2015. 400 с.

7. Каменнов П.Б. Военная политика Китая // Китай в эпицентре глобальных проблем АТР: Тезисы докладов XX Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». Москва, 16–18 октября 2013 г. М.: ИДВ РАН, 2013. С. 46–49.

8. Киреев А.А. Место, роль и политика России, США и Китая в современных международных отношениях: общая характеристика // Россия, США и Китай в современном мире: взаимные представления российской, американской и китайской молодежи. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2015. С. 11–24.

9. Киссинджер Г. О Китае / пер. с англ. М.: АСТ, 2015. 635 с.

10. Клименко А.Ф. Угрозы национальным интересам Российской Федерации в Азиатско-Тихоокеанском регионе в области безопасности, их соотношение с интересами других акторов в регионе // Северо-Восточная Азия: региональные измерения безопасности и российско-китайское сотрудничество. М.: ИДВ РАН, 2014. С. 150–162.

11. Кременюк В.А. Стареющий демиург: США в современной мировой системе // Лидерство и конкуренция в мировой системе: Россия и США. М.: КРАСАНД, 2010. С. 25–40.

12. Степанов А.С. Особенности роста военно-морской мощи Китайской Народной Республики // Северо-Восточная Азия: региональные измерения безопасности и российско-китайское сотрудничество. М.: ИДВ РАН, 2014. С. 232–242.

13. Титаренко М.Л. Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы. М.: Форум, 2012. 544 с.

14. Титаренко М.Л. Россия и Китай: стратегическое партнерство и вызовы времени. М.: Форум, 2014. 224 с.

15. Титаренко М.Л., Петровский В.Е. Россия, Китай и новый мировой порядок. Теория и практика. М.: Весь Мир, 2016. 304 с.

16. Шойгу: военные учения России и Китая теперь будут регулярными // Военное обозрение. 2018. 12 сент. URL: https://topwar.ru/146892-shojgu-voennye-uchenija-rossii-i-kitaja-teper-budut-reguljarnymi.html (Дата обращения: 01.11.2018.)

17. Dueck Colin. The Obama doctrine. American Grand Strategy today. Oxford; New York: Oxford University Press, 2015. 324 p.

18. Mills D.K., Rosefielde S. The Trump Phenomenon and The Future of US Foreign Policy. London: World Scientific Publishing Co. Pte. Ltd., 2017. 200 p.

19. The US strategy of «rebalancing» in Asia Pacific and Russia's national security interests. RISS Discussion Paper. No 2/2015. November 2015. Russian Federation. Moscow: Russian Institute for Strategic Studies. P. 12–18.

References

Davydov A.S. Pekin, Vashington, Moskva: vzaimootnoshenija v kontekste transformacii global'noj arhitektoniki. Moscow: IDV RAN, 2015. 400 p.

Glaz'ev S.Ju. Bitva za liderstvo v XXI veke. Rossija – SShA – Kitaj. Sem' variantov obozrimogo budushhego. Moscow: Knizhnyj mir, 2017. 352 p.

Grachikov E.N. Problemy novoj formirujushhejsja identichnosti Kitaja v mirovoj politike // Vestnik Moskovskogo universiteta. 2013. Ser. 18. Sociologija i politologija. N 1. P. 159–171.

Guruleva T.L., Makarov A.V. Kitaj: mnogostoronnee sotrudnichestvo v sisteme bezopasnosti Severo-Vostochnoj Azii (Russia, USA, RK, Japan, Mongolija, KNDR). Moscow: Jurist, 2011. 336 p.

Kamennov P.B. Voennaja politika Kitaja // Kitaj v jepicentre global'nyh problem ATR: Tezisy dokladov XX Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Kitaj, kitajskaja civilizacija i mir. Istorija, sovremennost', perspektivy». Moscow, 16–18 oktjabrja 2013 g. Moscow: IDV RAN, 2013. P. 46–49.

Kireev A.A. Mesto, rol' i politika Rossii, SShA i Kitaja v sovremennyh mezhdunarodnyh otnoshenijah: obshhaja harakteristika // Rossija, SShA i Kitaj v sovremennom mire: vzaimnye predstavlenija rossijskoj, amerikanskoj i kitajskoj molodezhi. Blagoveshhensk: Izd-vo BGPU, 2015. P. 11–24.

Kissindzher G. O Kitae / per. s angl. Moscow: AST, 2015. 635 p.

Klimenko A.F. Ugrozy nacional'nym interesam Rossijskoj Federacii v Aziatsko-Tihookeanskom regione v oblasti bezopasnosti, ih sootnoshenie s interesami drugih aktorov v regione // Severo-Vostochnaja Azija: regional'nye izmerenija bezopasnosti i rossijsko-kitajskoe sotrudnichestvo. Moscow: IDV RAN, 2014. P. 150–162.

Kremenjuk V.A. Starejushhij demiurg: SShA v sovremennoj mirovoj sisteme // Liderstvo i konkurencija v mirovoj sisteme: Russia and USA. Moscow: KRASAND, 2010. P. 25–40.

Mills D.K., Rosefielde S. The Trump Phenomenon and the Future of US Foreign Policy. London: World Scientific Publishing Co. Pte. Ltd., 2017. 200 p.

Shojgu: voennye uchenija Rossii i Kitaja teper' budut reguljarnymi // Voennoe obozrenie. 2018. 12 sent. URL: https://topwar.ru/146892-shojgu-voennye-uchenija-rossii-i-kitaja-teper-budut-reguljarnymi.html (Data obrashhenija: 01.11.2018.)

Dueck Colin. The Obama doctrine. American Grand Strategy today. Oxford; New York: Oxford University Press, 2015. 324 p.

Stepanov A.S. Osobennosti rosta voenno-morskoj moshhi Kitajskoj Narodnoj Respubliki // Severo-Vostochnaja Azija: regional'nye izmerenija bezopasnosti i rossijsko-kitajskoe sotrudnichestvo. Moscow: IDV RAN, 2014. P. 232–242.

The US strategy of «rebalancing» in Asia Pacific and Russia's national security interests. RISS Discussion Paper. No 2/2015. November 2015. Russian Federation. Moscow: Russian Institute for Strategic Studies. P. 12–18.

Titarenko M.L. Rossija i ee aziatskie partnery v globalizirujushhemsja mire. Strategicheskoe sotrudnichestvo: problemy i perspektivy. Moscow: Forum, 2012. 544 p.

Titarenko M.L. Rossija i Kitaj: strategicheskoe partnerstvo i vyzovy vremeni. Moscow: Forum, 2014. 224 p.

Titarenko M.L., Petrovskij V.E. Rossija, Kitaj i novyj mirovoj porjadok. Teorija i praktika. Moscow: Ves' Mir, 2016. 304 p.

Van Czisy. Kitaj v poiskah stabil'nyh otnoshenij s Amerikoj // Rossija v global'noj politike. 2005. Vol. 3. N 5. P. 103–116.

Voennoe i voenno-tehnicheskoe sotrudnichestvo Rossii i Kitaja // RIA Novosti. 2014. 20 maja. URL: https://ria.ru/spravka/20140520/1008416110.html (Data obrashhenija: 05.11.2018.)

DOI: 10.31249/rsm/2019.02.07

А.А. Мигранян

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ ЕАЭС И ВЬЕТНАМА*

Аннотация. *В условиях качественного перехода от классической интеграции к формам интеграционного партнерства развитие сотрудничества в формате расширенного и всеобъемлющего Соглашения о зоне свободной торговли позволяет не только укреплять позиции Евразийского экономического союза, но и существенно расширять диапазон интеграционного сотрудничества со странами других интеграционных блоков. В статье исследуются перспективы развития сотрудничества ЕАЭС с Вьетнамом в условиях зоны свободной торговли, оцениваются возможности и потенциал развития торговых отношений стран ЕАЭС с точки зрения их ресурсного потенциала, ценовой и конкурентоспособности, деловой активности и структуры внешнеторгового портфеля стран.*

Ключевые слова: *интегральный коэффициент взаимной торговли; агрегированный индикатор индексов торговли; индексы схожести экспорта и комплементарности; индекс интенсивности торговли; индекс концентрации торговли; либерализация торговли; торговая активность.*

Мигранян Азгануш Ашотовна – доктор экономических наук,
ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований,
Института экономики Российской академии наук (ИЭ РАН).
E-mail: n.mihranyan@yandex.ru

A.A. Migranyan. Prospects for the Development of Trade Relations Between the EEU and Vietnam

Abstract. *In the context of a qualitative transition from classical integration to the forms of integration partnership, the development of cooperation in the format of an expanded and comprehensive FTA allows not only to strengthen the position of the Eurasian*

** Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Проблемы имплементации и ожидаемые эффекты Соглашения о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и Социалистической Республикой Вьетнам» № 16-27-09001.*

economic Union but also to significantly expand the range of integration cooperation with the countries of other integration blocks. The article examines the impact and prospects of development of cooperation between the EEU and Vietnam in the free trade zone, assesses the opportunities and potential for the development of trade relations of the EAEU countries in terms of their resource potential, price and competitiveness, business activity and structure of the foreign trade portfolio of the countries.

Keywords: *integral coefficient of mutual trade; the aggregated indicator indices trading; indices of similarity of exports and the complementarity index; the intensity of trade; the concentration index of trade liberalization.*

Migranyan Azganush Ashotovna – Doctor of Economic Sciences,
Leading Researcher of the Center for post-Soviet Studies,
Institute of Economics, RAS. E-mail: n.mihranyan@yandex.ru

Подписанному в мае 2015 г. Соглашению о зоне свободной торговли (ЗСТ) между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и Вьетнамом (СРВ) исполнилось два года, что позволяет оценить первые результаты действия этого документа. Как показал анализ основных параметров (индексов торговли по факторам конкурентоспособности, индикаторов взаимной торговли, объемов и структуры внешней торговли), либерализация взаимной торговли обеспечила ускоренный рост объемов взаимной торговли, но не оказала существенного влияния на качественные изменения торгового потенциала стран – участниц соглашения.

По итогам 2017 г., объем взаимной торговли между ЕАЭС и СРВ вырос на 36,5% (экспорт – на 39,5, импорт – на 34,7%), в первом квартале 2018 г. темпы роста несколько снизились (10,6% – оборот, 19,4 – импорт, экспорт сократился на 6,1%), хотя скорость торговли осталась выше по сравнению с 2016 г. (1,6% темп роста оборота) [4; 5]. Лидерами по темпам роста объемов взаимной торговли были Армения и Киргизия (причем с опережающими темпами роста экспорта во Вьетнам) (табл. 1). Несмотря на увеличение темпов роста объемов взаимной торговли, ее доля в общем объеме торговли всех сторон Соглашения о ЗСТ остается незначительной в общем объеме торговли (от 0,09 до 0,90%). Наибольший удельный вес по-прежнему занимает торговый оборот России с Вьетнамом – 0,78–0,98%, т.е. менее 1%. Для стран – партнеров по ЕАЭС значимость торговли с Вьетнамом остается на прежнем уровне, менее 0,5%, за исключением Казахстана – 0,6–0,76%. Примечательно, что рост объемов торговли не повлиял на изменение доли торгового оборота с Вьетнамом и в целом по ЕАЭС – 0,85–0,93%. Незначительный удельный вес торговли предопределяет сложность экономической оценки влияния Соглашения о ЗСТ на экономику стран-участниц, а также проблематичность количественной оценки параметров измерения полученных экономических эффектов. При оценке прогнозируемых эффектов влияния Соглашения ЗСТ

на экономики стран ЕАЭС проведены расчеты и исследованы количественные показатели (объемы взаимной торговли, темпы роста взаимной и внешней торговли) и показатели, позволяющие оценить качественные изменения по влияниям Соглашения (индекс удельной стоимости, индекс условий торговли, доля взаимной торговли и доля в мировой торговле, индекс покупательной способности, а также индексы, характеризующие состояние торговли: индекс корреляции торговли, индекс специализации, индекс комплементарности, индекс концентрации).

Таблица 1

ОБЪЕМ ВЗАИМНОЙ ТОРГОВЛИ ЕАЭС И ВЬЕТНАМА, млн долл.

	2016 год				*2017 год*				*2018 год*			
	январь–декабрь			*доля в обороте*	*январь–декабрь*			*доля в обороте*	*январь–декабрь*			*доля в обороте*
	оборот	*экспорт*	*импорт*		*оборот*	*экспорт*	*импорт*		*оборот*	*экспорт*	*импорт*	
ЕАЭС	4341,32	1616,74	2724,58	0,85	5924,25	2254,58	3669,67	0,93	1266,81	371,49	895,32	0,74
Армения	12,47	0,02	12,44	0,35	15,19	0,16	15,04	0,33	4,17	0,03	4,15	0,35
Беларусь	120,91	76,72	44,19	0,5	135,32	76,33	58,99	0,45	22,07	8,83	13,23	0,27
Казахстан	366,29	167,48	198,81	0,76	542,74	274,25	268,49	0,9	101,31	37,17	64,15	0,60
Киргизия	3,28	0,22	3,05	0,09	3,65	0,63	3,02	0,09	1,50	0,36	1,14	0,14
Россия	3838,38	1372,29	2466,08	0,89	5227,35	1903,22	3324,13	0,98	1137,76	325,10	812,66	0,78

Источник: Составлено по данным статистической базы ЕЭК. Статистический сборник. Внешняя торговля ЕАЭС. Статистика 2017 [5].

Методологические подходы оценки результатов сотрудничества по Соглашению ЗСТ

Расчет прогнозных параметров проведен с использованием метода линейной экстраполяции, которая дает наиболее точный прогноз для показателей линейной функции f (x) при заданных параметрах факторных значений (x), от которых зависит результативный показатель f (x). В качестве факторных параметров, влияющих на взаимную торговлю между ЕАЭС и Вьетнамом в условиях ЗСТ, были отнесены следующие параметры: темп роста взаимной торговли, темп роста внешней торговли, индекс удельной стоимости, индекс условий торговли, индекс покупательной способности, доля в мировой торговле, доля взаимной торговли, индекс корреляции торговли, индекс специализации торговли, индекс комплементарности торговли, индекс концентрации торговли, а также валовые объемы взаимной торговли.

В расчете прогноза каждого показателя рассматривался временно́й период 2005–2017 гг. с прогнозом на три года в перспективе (временно́й ряд прогнозного расчета определяет ограничение степени точности расчета

в пределах не более 30% от количества временны́х периодов ретроспективы), т.е. прогнозируемый период с 2018 по 2020 г. Расчет прогнозных значений объемов взаимной торговли позволил оценить фактор снижения торговых барьеров в условиях зоны свободной торговли, а расчеты торговых индексов позволили провести оценку по интегральному коэффициенту взаимной торговли (влияние Соглашения на условия торговли и объемы взаимной торговли) и агрегированному индикатору индексов торговли (изменение факторов конкурентоспособности под влиянием Соглашения) изменения уровня конкурентного потенциала стран ЕАЭС при условии либерализации торговли с Вьетнамом.

Прогноз объемов взаимной торговли

При подписании Соглашения в 2015 г. ЕЭК прогнозировал двукратный рост объемов взаимной торговли для стран ЕАЭС с Вьетнамом к 2020 г. (до 7–8 млрд долл.) при поэтапном снижении торговых барьеров. Суммарное значение торгового оборота интеграционной группы ЕАЭС в 2016–2017 гг. составило 4339,84 и 5934,41 млн долл. (темп роста 33 и 36%) соответственно по годам. Оправдался также прогноз ЕЭК по преимущественному росту торговых потоков из Вьетнама в ЕАЭС (табл. 1): вьетнамский экспорт на протяжении периода действия Соглашения превышал экспорт стран ЕАЭС во Вьетнам на 68% в 2016 г., на 62,8% в 2017 г. и в 2,4 раза в первом квартале 2018 г.

Собственные расчеты прогнозных значений показывают рост валовых объемов торговли между странами ЕАЭС и Вьетнамом (попарная оценка по странам и Союзу в целом) с 6,297 млрд долл. в 2018 г., 6,669 млрд долл. в 2019 г. и до 7,041 млрд долл. в 2020 г. (рис. 1). По расчетам прогнозной модели, использованной в данном исследовании, прослеживается циклический характер изменения темпов роста взаимной торговли. Эффект масштаба, обеспечивающий рост торговли в 2,16 раз и основанный на либерализации торговли, в 2020 г. исчерпает себя. Темпы роста торговли сократятся в 4–6 раз и будут составлять не более 5–7% ежегодного прироста после 2020 г., а удельный вес стран ЕАЭС в общем объеме взаимной торговли с Вьетнамом изменится незначительно, лишь у Казахстана и Беларуси возможно прогнозировать рост на 3–4 п.п. в общем объеме за счет высокого уровня комплементарности торговли у этих стран с Вьетнамом [4; 5].

Рост объемов взаимного торгового оборота в паре Армения – Вьетнам в 2020 г. составит 123,3% по сравнению с 2015 г., или 18,496 млн долл., в паре Беларусь – Вьетнам – 105,6%, или 157,043 млн долл., в паре Казахстан – Вьетнам – 312,4%, или 643,438 млн долл., в паре Киргизия – Вьетнам – 91,4%, или 4,81 млн долл., в паре Россия – Вьетнам – 215,9%, или 6217,58 млн долл. Таким образом, эффект масштаба на основе снижения торговых барьеров

обеспечивается ростом объемов торговли на казахстанском и российском рынках, как наиболее емких и привлекательных, с сохранением опережающих темпов роста вьетнамского импорта в страны ЕАЭС. Следовательно, снижение торговых барьеров по Соглашению обеспечивает рост торговых потоков без изменения товарной и географической структуры торговли. Качественных сдвигов, обеспечивающих рост конкурентного потенциала стран ЕАЭС, возможно достигнуть лишь при условии перехода от торговых связей к производственной кооперации.

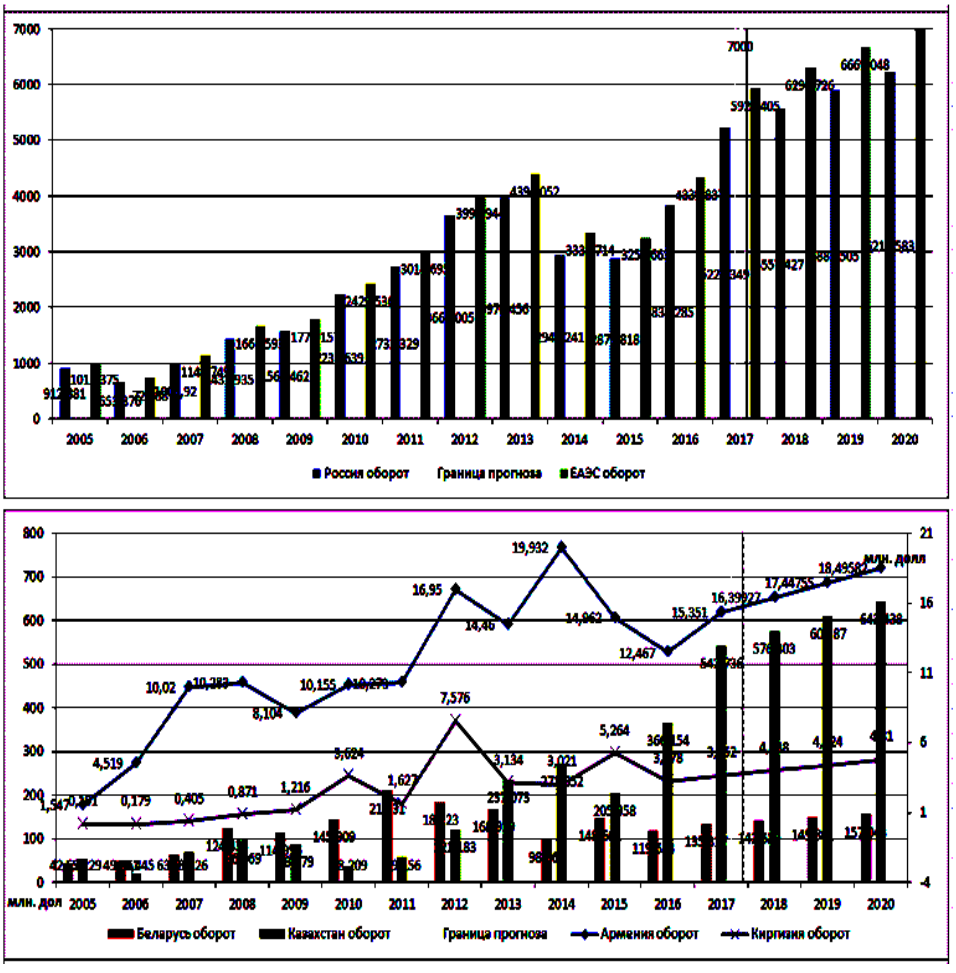

Рис. 1. Объем взаимной торговли ЕАЭС и Вьетнама в 2005–2020 гг.

Источник: Составлено по расчетам автора. База статистических данных официального сайта ЕЭК. Статистический сборник. Внешняя торговля ЕАЭС. Статистика 2016, 2017 [4; 5].

Прогноз интегрального коэффициента взаимной торговли

Интегральный коэффициент взаимной торговли (формула 1 [6]) показывает потенциал торговли в зависимости от факторов, влияющих на величину торгового обмена между сторонами Соглашения о ЗСТ. Данный интегральный показатель демонстрирует совокупное влияние состояния национального рынка, уровня конкуренции на нем и уровня развития национальной экономики, макрорегулирования торговых отношений. Прогнозная оценка интегрального коэффициента взаимной торговли позволяет определить характер и качество торговых отношений между странами в условиях свободной торговли, произведена для всех стран ЕАЭС и Вьетнама попарно.

$$I_t = D_t/(D_{tw} - D_t) + I_c + I_{tc} + I_{pp} * (W_t/W_{wt}), \ (1)^1,$$

где:
I_t – интегральный коэффициент взаимной торговли,
D_t – темп роста взаимной торговли,
D_{tw} – темп роста внешней торговли,
I_c – индекс удельной стоимости,
I_{tc} – индекс условий торговли,
I_{pp} – индекс покупательной способности,
W_t – доля в мировой торговле,
W_{wt} – доля взаимной торговли.

В паре Армения – Вьетнам (табл. 2) наблюдаются высокий уровень и скорость изменения интегрального показателя взаимной торговли от (–82,8) п.п. в 2015 г. до 342,3 п.п. в прогнозе 2020 г. Отрицательное значение в 2015 г. этого показателя было обусловлено негативной динамикой темпов роста внешней и взаимной торговли (начиная с 2005 г.) и незначительной долей торговли с партнером в общем объеме внешней торговли республики, т.е. низким уровнем экспортного потенциала и фактическим отсутствием устойчивых торговых связей с Вьетнамом. Последний факт обусловил высокий темп роста торговли в 2016 и 2017 гг. после снятия торговых барьеров на фоне крайне низкой базы взаимной торговли.

1. Составлено автором.

Таблица 2

ПРОГНОЗ ИНДЕКСОВ ПО ИНТЕГРАЛЬНОМУ КОЭФФИЦИЕНТУ ВЗАИМНОЙ ТОРГОВЛИ ПАРЫ АРМЕНИЯ – ВЬЕТНАМ, п.п.

	2015	*2016*	*2017*	*2018*	*2019*	*2020*
Темп роста взаимной торговли	0,99	1,20	36,50	37,66	38,83	39,99
Темп роста внешней торговли	–2,119	19,891	19,482	19,073	18,663	18,254
Индекс удельной стоимости	176,85	172,05	176,479	180,909	185,339	189,770
Индекс условий торговли	116,604	123,964	125,152	126,340	127,528	128,716
Доля взаимной торговли	0,01	0,00	0	–0,0063	–0,01	–0,0137
Доля в мировой торговле	0,0090	0,01117	0,01131	0,01145	0,01159	0,01173
Индекс покупательной способности	333,26	436,64	448,67	460,687	472,707	484,727

Источник: Составлено по расчетам автора. База статистических данных официального сайта UNCTAD [1].

Положительное влияние на значение интегрального коэффициента взаимной торговли в этой паре оказали индекс удельной стоимости взаимной торговли, индекс условий торговли и индекс покупательной способности, причем для всех перечисленных индексов перелом наблюдался в 2016 г. Рост индекса интегральной торговли свидетельствует об улучшении пропорций внешнеторговых операций Армении (т.е. опережающий рост цен по экспорту над импортными ценами). Расценивать рост данного индекса как устойчивый эффект, обеспечивающий рост внешнеторговой конкурентоспособности, пока не представляется возможным из-за небольшого временно́го ряда прогноза и низкого уровня экспорта по сравнению с импортом из Вьетнама, но как база роста она может сформировать выгодную платформу развития. Рост был обеспечен поставками из Вьетнама составных элементов электроники, что востребовано развивающимся сектором информационных услуг. Рост индекса удельной стоимости характеризует улучшение соотношения цен произведенных, ввезенных и вывезенных из страны товаров, т.е. свидетельствует об улучшении ценовой конъюнктуры на вьетнамский импорт, что обеспечивается снижением таможенных пошлин и нетарифных барьеров в условиях ЗСТ, достигнутых в рамках Соглашения. Рост индекса удельной стоимости обусловливает повышение покупательной способности на 45% в 2020 г. по сравнению с 2015 г. Следовательно, для пары Армения – Вьетнам рост взаимной торговли может быть обеспечен за счет ценовых параметров, стимулирующих покупательную способность (что имеет определяющее значение при условии, что около 90% торгового оборота формируется за счет вьетнамского импорта в республику).

В паре Белоруссия – Вьетнам интегральный коэффициент взаимной торговли (табл. 3) изменился незначительно (самый низкий уровень роста среди

всех стран ЕАЭС) от 68,5 п.п. в 2015 г. до 66,1 п.п. в прогнозе 2020 г. Прогнозные значения индексов интегрального коэффициента показывают самые противоречивые тренды. Невысокий уровень роста интегрального коэффициент обусловлен ценовыми факторами:

- снижением индекса удельной стоимости (со 175 п.п. в 2015 г. до 167 п.п. в 2020 г.), что обусловлено снижением ценовой конкурентоспособности произведенной и экспортируемой в республике продукции;
- следствием ухудшения ценовой конъюнктуры в Беларуси стал спад темпов экспорта национальной продукции, что привело к существенному спаду темпов роста внешней торговли в 2015 г. В исследуемом периоде отрицательная динамика темпа роста внешней торговли снижается (по прогнозу в 3,25 раза), но при этом не может быть достигнут докризисного уровня 2014 г.;
- еще одним фактором, влияющим на рост интегрального коэффициента, является снижение индекса условий торговли с 98,8 п.п. в 2015 г. до 94,3 п.п. в 2020 г., что свидетельствует об ухудшении пропорции внешней торговли РБ в сторону опережающего роста импорта по сравнению с экспортом.

Таблица 3

ПРОГНОЗ ИНДЕКСОВ ПО ИНТЕГРАЛЬНОМУ КОЭФФИЦИЕНТУ ВЗАИМНОЙ ТОРГОВЛИ ПАРЫ БЕЛОРУССИЯ – ВЬЕТНАМ, п.п.

	2015	*2016*	*2017*	*2018*	*2019*	*2020*
Темп роста взаимной торговли	1,33	0,68	21,7	22,37	22,97	23,61
Темп роста внешней торговли	–26,203	–12,455	–11,455	–10,455	–9,4552	–8,4552
Индекс удельной стоимости	175,494	154,435	157,782	161,129	164,476	167,823
Индекс условий торговли	98,810	92,997	93,317	93,636	93,9556	94,275
Доля взаимной торговли	0,0041	0,0032	0,0033	0,0034	0,0035	0,0036
Доля в мировой торговле	0,16167	0,14627	0,14738	0,14848	0,14959	0,15069
Индекс покупательной способности	204,886	191,837	197,983	204,129	210,274	216,420

Источник: Составлено по расчетам автора. База статистических данных официального сайта UNCTAD [1; 3].

Положительное значение интегрального коэффициента по прогнозу 2020 г. для пары Белоруссия – Вьетнам обеспечивается за счет кратного роста взаимной торговли с Вьетнамом (темп роста взаимной торговли при нулевой базе составил 20 раз) и росту импорта покупательной способности. Следовательно, в этой паре рост взаимной торговли практически полностью обеспечивается эффектами Соглашения о ЗСТ с Вьетнамом, так как он создает благоприятные условия для формирования новых для Беларуси торговых контактов, что крайне важно в условиях претворения в жизнь стратегии мак-

симальной диверсификации внешней торговли при понижательном тренде ценовой конкурентоспособности белорусского экспорта.

В паре Казахстан – Вьетнам изменения интегрального показателя взаимной торговли, по прогнозным расчетам, составят 1,4 п.п. (от 3,9 п.п. в 2015 г. до 5,3 п.п. в прогнозе 2020 г.), что обусловлено самой низкой долей взаимной торговли с Вьетнамом среди всех стран ЕАЭС, практически стремящейся к нулю (табл. 4). Незначительный рост интегрального коэффициента взаимной торговли обусловлены невысокими темпами роста показателей торговли (ценовой фактор, условия торговли, рост покупательной активности и падающими темпами внешней торговли республики).

Таблица 4

ПРОГНОЗ ИНДЕКСОВ ПО ИНТЕГРАЛЬНОМУ КОЭФФИЦИЕНТУ ВЗАИМНОЙ ТОРГОВЛИ ПАРЫ КАЗАХСТАН – ВЬЕТНАМ, п.п.

	2015	*2016*	*2017*	*2018*	*2019*	*2020*
Темп роста взаимной торговли	6,05	16,08	40,8	42,59	44,39	46,18
Темп роста внешней торговли	–42,165	–19,976	–25,937	–31,901	–37,864	–66,015
Индекс удельной стоимости	215,970	182,641	187,412	192,184	196,956	201,728
Индекс условий торговли	146,034	128,56	128,901	129,242	129,583	129,924
Доля взаимной торговли	0	0,0002	0,00006	–0,00007	–0,0002	–0,0003
Доля в мировой торговле	0,27868	0,23048	0,23153	0,23257	0,23362	0,23466
Индекс покупательной способности	204,886	191,837	197,983	204,129	210,274	216,420

Источник: Составлено по расчетам автора. База статистических данных официального сайта UNCTAD [1].

Несмотря на кратное увеличение темпов роста взаимной торговли в паре Казахстан – Вьетнам (в 2,4 раза в 2017 г.) с последующим сохранением высоких темпов роста в прогнозном периоде, чему явно способствовали либеральные условия торговли в формате ЗСТ, для Казахстана эти достижения не окажут ощутимого влияния из-за крайне низкого значения по удельному весу этого направления торговли.

В паре Киргизия – Вьетнам наблюдается высокая скорость сокращения отрицательного значения интегрального показателя взаимной торговли с (–2,1) п.п. в 2015 г. до (–1,2) п.п. в прогнозе 2020 г. В данной паре выявлена уникальная ситуация отрицательного значения интегрального коэффициента взаимной торговли, что обусловлено наложением нескольких факторов: практически нулевое значение доли взаимной торговли для Киргизии (в расчетах прогнозной модели этот показатель в пределах арифметической погрешности обнуляет его значение) и снижающимся темпом роста внешней торговли (табл. 5).

Таблица 5

ПРОГНОЗ ИНДЕКСОВ ПО ИНТЕГРАЛЬНОМУ КОЭФФИЦИЕНТУ ВЗАИМНОЙ ТОРГОВЛИ ПАРЫ КИРГИЗИЯ – ВЬЕТНАМ, п.п.

	2015	*2016*	*2017*	*2018*	*2019*	*2020*
Темп роста взаимной торговли	1,13	0,14	11,1	11,77	12,43	13,1
Темп роста внешней торговли	–22,478	5,06054	1,92851	–1,2035	–4,3355	–7,4676
Индекс удельной стоимости	200,471	203,341	210,000	216,66	223,319	229,978
Индекс условий торговли	108,109	116,814	117,654	118,493	119,333	120,173
Доля взаимной торговли	0	0	0	0	0	0
Доля в мировой торговле	0,00892	0,00968	0,00982	0,00997	0,01011	0,01025
Индекс покупательной способности	155,185	173,68	177,863	182,046	186,228	190,411

Источник: Составлено по расчетам автора. База статистических данных официального сайта UNCTAD [1].

Для Киргизии ситуация развивается аналогичным образом, как и во всех странах ЕАЭС. Соглашение о ЗСТ стимулирует рост объемов взаимной торговли на фоне снижения торговых барьеров, но ввиду низкой внешнеэкономической конкурентоспособности (потеря потенциала реэкспорта и высокого уровня импортной зависимости от китайской продукции) эффекты положительного влияния от роста взаимной торговли нивелируются. В целом Киргизия имеет худшие показатели по параметрам торговли: пропорций внешней торговли – соотношение экспорта и импорта и низкий уровень переработки произведенной продукции приводят к росту импортозависимости, индекс удельной стоимости также растет в пользу повышения ценовой конкурентоспособности импорта (в стране фактически действует рынок конкуренции импортной продукции, что создает благоприятные условия вхождения на киргизский рынок вьетнамской продукции), рост киргизского экспорта во Вьетнам обусловлен нулевой базой сравнения. Следовательно, несмотря на быстрый темп роста взаимной торговли в паре Киргизия – Вьетнам, эффекты влияния преимуществ либеральной торговли с партнером по ЗСТ размыты внутренними проблемами в республике, тем не менее ускоренное сокращение отрицательных значений по интегральному коэффициенту дает основание положительно оценивать перспективы развития зоны свободной торговли между Киргизией и Вьетнамом при условии кооперации внешнеторгового потенциала республики с партнерами по ЕАЭС.

В паре Россия – Вьетнам прогнозируется незначительное снижение интегрального показателя взаимной торговли на 0,3 п.п от 47,4 п.п. в 2015 г. до 47,1 п.п. в 2020 г. (табл. 6). Однако, учитывая определяющее значение объемов взаимной торговли в этой паре, следует отметить, что даже незначительное

изменение интегрального коэффициент оказывает большое влияние на перспективы развития ЗСТ и ее влияния на экономики стран ЕАЭС.

Таблица 6

ПРОГНОЗ ИНДЕКСОВ ПО ИНТЕГРАЛЬНОМУ КОЭФФИЦИЕНТУ ВЗАИМНОЙ ТОРГОВЛИ ПАРЫ РОССИЯ – ВЬЕТНАМ, п.п.

	2015	*2016*	*2017*	*2018*	*2019*	*2020*
Темп роста взаимной торговли	1,28	1,67	36,2	37,3695	38,539	39,709
Темп роста внешней торговли	–31,2681	–17,4659	25,048	22,247	19,493	16,74
Индекс удельной стоимости	184,893	157,751	161,081	164,411	167,741	171,072
Индекс условий торговли	138,668	133,042	133,406	133,769	134,133	134,496
Доля взаимной торговли	0,0017	0,004	0,004206	0,0040413	0,00406	0,00408
Доля в мировой торговле	2,07069	1,76622	1,735921	1,705622	1,67532	1,64502
Индекс покупательной способности	243,824	226,293	229,9511	233,6088	233,609	240,924

Источник: Составлено по расчетам автора. База статистических данных официального сайта UNCTAD [1].

Колебания значений интегрального показателя взаимного торгового оборота между Россией и Вьетнамом на протяжении всего исследования с 2005–2020 гг. показывает циклическую динамику незначительных амплитудных колебаний с шагом в три-четыре года в интервале 47,7–47 п.п., что свидетельствует о насыщенности рынков стран партнеров при сохранении имеющейся товарной структуры импорта и экспорта. В силу специфики товарной структуры российского экспорта во Вьетнам росту коэффициента может способствовать более глубокая интеграция на уровне производственной кооперации. При сохраняющейся товарной структуре взаимной торговли в паре Россия – Вьетнам факторами роста интегрального коэффициента сохранится улучшение ценовой конкурентоспособности российского экспорта (рост индекса удельной стоимости), индекса покупательной способности, стимулирующей спрос на вьетнамский импорт. При этом определяющим фактором роста интегрального коэффициента остается собственно ускоренный темп наращивания объемов взаимной торговли в паре, динамика которого непосредственно зависит от колебаний на мировом рынке, что связано с товарной структурой российских поставок во Вьетнам. Следовательно, перспективы развития взаимной торговли в паре Россия – Вьетнам зависят от двух факторов ценовой конкурентоспособности российского экспорта и роста покупательной способности в России (на временно́м отрезке в 2016–2017 гг. ценовые

преимущества российского экспорта были обусловлены волатильностью валютного курса), стимулирующего вьетнамский импорт.

Обобщая, можно сделать вывод, что стимулирующие факторы роста интегрального коэффициента взаимной торговли – первичный эффект снятия торговых барьеров по Соглашению ЗСТ, повышение ценовой конкурентоспособности экспорта стран ЕАЭС (особенно российского вследствие падения курса рубля), рост покупательной способности населения в восстановительный период 2016–2018 гг. При этом указанные факторы обеспечивают ускоренное развитие вьетнамского экспорта в страны ЕАЭС, что требует дополнительных усилий со стороны ЕАЭС для выравнивания ситуации.

Прогноз по агрегированному индикатору индексов торговли

Прогноз по агрегированному индикатору торговли позволяет оценить эффекты влияния динамики взаимной торговли в условиях зоны свободной торговли и факторы, стимулирующие или сдерживающие рост торговли исходя из уровня конкурентного потенциала наращивания экспорта. Расчеты также произведены по парам стран ЕАЭС и Вьетнама методом экстраполяции по исходной формуле 2 [2].

$$I_{TAct} = I_{tcor} + I_{tsp} + I_{comp} + I_{tc} + I_{pp} \ (2)^2,$$

где:
I_{tcor} – индекс корреляции торговли,
I_{tsp} – индекс специализации торговли,
I_{comp} – индекс комлементарности торговли,
I_{tc} – индекс концентрации торговли,
I_{pp} – индекс условий торговли (покупательной способности).

Для пары Армения – Вьетнам индекс торговой активности по прогнозным расчетам снизится на 0,012 п.п. к 2020 г. (0,044 п.п. в 2015 г. и 0,0312 п.п. в 2020 г.), что обусловлено отрицательными значениями индекса комплементарности, крайне низких значений индексов специализации и концентрации (табл. 7).

2. Составлено по расчетам автора.

Таблица 7

ПРОГНОЗ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ИНДЕКСА ТОРГОВОЙ АКТИВНОСТИ ПАРЫ АРМЕНИЯ – ВЬЕТНАМ, п.п.

	2015	*2016*	*2017*	*2018*	*2019*	*2020*
Индекс корреляции торговли	0,01265	0,03826	0,03448	0,03069	0,02690	0,02312
Индекс специализации	0,00022	0,00066	0,0006	0,00053	0,00047	0,0004
Индекс комплементарности	–0,0336	–0,0326	–0,0343	–0,0359	–0,037	–0,0394
Индекс концентрации	0,0024	0,00173	0,0017	0,00176	0,0017	0,00179
Индекс покупательной способности	0	0,00494	0,0050	0,0051	0,00519	0,0052

Источник: Составлено по расчетам автора. База статистических данных официального сайта UNCTAD [1].

По этой паре расчет прогнозных показателей продемонстрировал отсутствие прямой связи влияния либерализации торговли в формате ЗСТ на качественные параметры внешней торговли, которые могли бы способствовать наращиванию факторов конкурентоспособности из-за малых объемов торгового оборота. Прямым эффектом, полученным от действия Соглашения о ЗСТ, для пары Армения – Вьетнам в прогнозном периоде ожидается лишь только рост по темпам роста взаимной торговли и индекса покупательной способности. Следовательно, наращивать торговый потенциал взаимной торговли по Соглашению о ЗСТ для Армении в целях развития конкурентного потенциала возможно при условии использования потенциала партнеров по ЕАЭС и общего рынка, создания более тесных торговых и экономических отношений с Вьетнамом.

В паре Беларусь – Вьетнам расчетные значения индекса торговой активности в прогнозном периоде характеризуются ростом отрицательных значений (–8,105) п.п. в 2015 г. и (–8,58) п.п. в 2020 г., несмотря на наличие прироста взаимной торговли в паре на 11,9% и преобладанием белорусского экспорта над вьетнамским (единственная пара в ЕАЭС). В этой паре складывается уникальная ситуация, при которой как в ретроспективе, так и по прогнозным расчетам наблюдается рост отрицательного значения индекса при положительных трендах по количественным показателям взаимной торговли (рост объемов, преимущественно экспорта). Противоречивость показателей обусловлена снижением индексов корреляции, специализации, комплементарности и концентрации (табл. 8).

Таблица 8

ПРОГНОЗ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ИНДЕКСА ТОРГОВОЙ АКТИВНОСТИ ПАРЫ БЕЛАРУСЬ – ВЬЕТНАМ, п.п.

	2015	*2016*	*2017*	*2018*	*2019*	*2020*
Индекс корреляции торговли	0,09416	0,098886	0,09229	0,0857	0,07913	0,07249
Индекс специализации	–0,0498	–0,00373	–0,0054	–0,007	–0,0087	–0,0103
Индекс комплементарности	0,3405	0,39964	0,390	0,3808	0,3714	0,3619
Индекс концентрации	0,6762	0,77405	0,7976	0,8214	0,8446	0,8681
Индекс покупательной способности	204,886	191,836627	197,837	204,129	210,275	216,420

Источник: Составлено по расчетам автора. База статистических данных официального сайта UNCTAD [1].

Факторами положительного роста в прогнозной модели остаются индексы покупательной способности и концентрации, по которым в перспективе ожидается устойчивый рост. Уникальность ситуации обусловлена спецификой экономической модели Беларуси, основанной на экспорториентированной модели продвижения продукции с высокой степенью переработки и высоким уровнем ценовой конкурентоспособности. Прогнозные расчеты показывают, что в среднесрочной перспективе в республике не удастся преодолеть кризисный спад в полной мере по большинству показателей. Выравнивание условий торговли при ЗСТ для всех стран создали наиболее благоприятные условия тем производителям, которые, помимо ценовых, обладают дополнительными конкурентными преимуществами (сервисное обслуживание, услуги и т.п.). Освоение новых рынков, в том числе и вьетнамского, создало условия, при которых белорусский экспорт потерял свой главный фактор конкурентного успеха – уровень специализации. Отрицательные значения этого фактора в прогнозируемой перспективе сказываются на уровне корреляции и комплементарности. Причиной отрицательного значения индекса торговой активности для пары Беларусь – Вьетнам в схожести товарной структуры пары, поэтому специализация белорусского экспорта (машины, оборудование, компьютерные программы) не находят взаимодополняемости во Вьетнаме, что приводит к низкому уровню индекса комплементарности. Следовательно, для преодоления отрицательного тренда торговой активности во взаимной торговле этой пары необходима диверсификация товарной структуры и поиск ниши в условиях высокой конкуренции, в том числе и с российскими производителями.

В паре Казахстан – Вьетнам так же, как и в предыдущей паре прогнозируется отрицательные значения индекса торговой активности, но с трендом на положительный рост: (–1,19) п.п. в 2015 г. и (–1,26) п.п. в 2020 г. Отрица-

тельное влияние на итоговые прогнозные значения индекса торговой активности в этой паре оказывают отрицательный фактор индекса корреляции и понижательный тренд индекса комплементарности, положительные эффекты будут обеспечиваться за счет роста индекса специализации (табл. 9).

Таблица 9

ПРОГНОЗ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ИНДЕКСА ТОРГОВОЙ АКТИВНОСТИ ПАРЫ КАЗАХСТАН – ВЬЕТНАМ, п.п.

	2015	*2016*	*2017*	*2018*	*2019*	*2020*
Индекс корреляции торговли	–0,1306	–0,1500	–0,1639	–0,1777	–0,1915	–0,2053
Индекс специализации	0,3972	0,3490	0,3656	0,3822	0,3988	0,4154
Индекс комплементарности	0,1364	0,1487	0,1488	0,1489	0,1491	0,1492
Индекс концентрации	0,8272	0,6022	0,5707	0,5391	0,5076	0,4761
Индекс покупательной способности экспорта	352,6281	293,7531	304,0268	314,3005	324,5742	334,8480

Источник: Составлено по расчетам автора. База статистических данных официального сайта UNCTAD [1].

Фактор индекса специализации для пары Казахстан – Вьетнам имеет решающее значение для успешного развития конкурентного потенциала Казахстана во взаимной торговле с Вьетнамом, так как сырьевая специализация по поставкам урана и редкоземельных металлов удачно взаимодополняет потребности этих видов сырья при производстве электроники. Это создает благоприятные перспективы в среднесрочной перспективе при развитии конкурентоспособности во взаимной торговле этой пары, при одновременном наращивании комплементарности и покупательной способности. Следовательно, имеющийся конкурентный потенциал во взаимной торговле в паре Казахстан – Вьетнам в перспективе имеет высокий уровень наращивания тесноты торгового взаимодействия при условии наращивания казахстанского экспорта и диверсификации его товарной структуры в пользу товаров с глубокой степенью переработки.

В паре Киргизия – Вьетнам прогнозные значения индекса торговой активности будут характеризоваться устойчивым трендом роста на 5 п.п. за 2015–2020 гг. (20,7 п.п. в 2015 г. и 25,7 п.п. в 2020 г.), что обусловлено реэкспортной моделью киргизской экономики. Даже при отрицательном торговом сальдо (а в случае с Вьетнамом киргизский экспорт в 13 раз меньше импорта) за счет высокого уровня комплементарности и растущего уровня покупательной способности обеспечивается высокий уровень торговой активности. При этом стоит отметить, что в расчетной модели четко прослеживается потеря конкурентных преимуществ в период 2005–2015 гг. по индексу специализации,

корреляции и концентрации (табл. 9). Этот тренд будет обусловлен ростом конкуренции с рынками партнеров по ЕАЭС, у которых условия торговли улучшаются, особенно по индексу покупательной способности экспорта.

Таблица 10

ПРОГНОЗ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ИНДЕКСА ТОРГОВОЙ АКТИВНОСТИ ПАРЫ КИРГИЗИЯ – ВЬЕТНАМ, п.п.

	2015	*2016*	*2017*	*2018*	*2019*	*2020*
Индекс корреляции торговли	0,051	–0,014	–0,018	–0,022	–0,025	–0,029
Индекс специализации	–0,366	–0,479	–0,514	–0,549	–0,584	–0,619
Индекс комплементарности	0,320	0,343	0,351	0,359	0,367	0,375
Индекс концентрации	0,000	0,000	–0,008	–0,016	–0,025	–0,033
Индекс покупательной способности экспорта	155,185	173,680	177,863	182,046	186,228	190,411

Источник: Составлено по расчетам автора. База статистических данных официального сайта UNCTAD [1].

С учетом высокого уровня комплементарности взаимной торговли в этой паре ставка на рост специализации вьетнамского экспорта в Киргизию при сохранении модели реэкспорта может обеспечить высокие темпы роста взаимной торговли с растущим значением отрицательного сальдо. Следовательно, сохранение действующей модели отношений с Вьетнамом будет зависеть от двух параметров – индекса покупательной способности и ценовой конкурентоспособности вьетнамского экспорта в республику по сравнению с китайским экспортом, что увеличивает риски потерь для Киргизии, особенно с учетом подписанного рамочного соглашения с Китаем.

Прогноз оценки торговой активности для пары Россия – Вьетнам имеет определяющее значение для развития торгово-экономического сотрудничества ЕАЭС и Вьетнама в рамках Соглашения о ЗСТ, так как взаимная торговля этой пары формирует около 90% всего торгового оборота (в 2017 г. он составил 88,2%). По прогнозным расчетам, индекс торговой активности этой пары в 2020 г. составит 49,95 п.п., с момента подписания Соглашения в 2015 г. значение индекса по сравнению с прогнозным периодом снизится на 0,85 п.п. (50,8 п.п. в 2015 г.), что обусловлено резким спадом торговой активности между Россией и Вьетнамом в 2016 г. до 46,94 п.п. Начиная с 2017 г. торговая активность между странами начала расти на 0,75 п.п. (47,69 п.п.), и в прогнозном периоде 2018–2020 гг. – на 2,26 п.п. (табл. 11).

Таблица 11

ПРОГНОЗ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ИНДЕКСА ТОРГОВОЙ АКТИВНОСТИ ПАРЫ РОССИЯ – ВЬЕТНАМ, п.п.

	2015	*2016*	*2017*	*2018*	*2019*	*2020*
Индекс корреляции торговли	–0,1560	–0,1978	–0,1988	–0,1999	–0,2009	–0,2020
Индекс специализации	0,2562	0,2481	0,2445	0,2409	0,2373	0,2337
Индекс комплементарности	0,2771	0,3040	0,2956	0,2872	0,2788	0,2703
Индекс концентрации	0,3529	0,7229	0,7457	0,7684	0,7912	0,8140
Индекс покупательной способности экспорта	243,8243	226,2934	229,9511	233,6088	237,2665	240,9242

Источник: Составлено по расчетам автора. База статистических данных официального сайта UNCTAD [1].

Волатильность индекса торговой активности в паре Россия – Вьетнам в 2016–2017 гг. была обусловлена влиянием ряда факторов: падением индекса корреляции, индекса специализации и индекса покупательной способности экспорта. Рост прогнозного значения индекса практически полностью будет обеспечен за счет существенного увеличения значения индекса концентрации. При сохранении имеющейся структуры взаимной торговли (все прогнозные расчеты были проведены исходя из данного предположения) драйвером роста индекса торговой активности между Россией и Вьетнамом останется именно рост индекса концентрации.

Специфика развития торгово-экономических отношений между Россией и Вьетнамом обусловлена следующими факторами:

- традиционная структура торговли между странами (российский экспорт преимущественно минеральное сырье, зерновые, металлы и изделия из них; вьетнамские поставки в Россию – телефонные аппараты для мобильной связи, микропроцессоры, бытовая техника, вычислительные машины, одежда и экзотические продукты) после снижения торговых барьеров стали расти объемы поставок с учетом имеющегося спроса на рынке. Именно емкость российского рынка и низкий уровень промышленной переработки основной доли российских экспортных поставок обусловили инерционный сценарий развития отношений в условиях взаимной либерализации рынка;
- пролонгация ведения тарифных преференций до 2027 г. со стороны Вьетнама по чувствительным группам товаров (сельскохозяйственная продукция, драгоценные камни, шины, асбест, трубы, прокат, корабли, механическое оборудование, электронное оборудование, детали для автомобилей, изделия из стали, сельскохозяйственная техника, автобусы, легковые автомобили, грузовики, нефтепродукты) затрагивает основные экспортные позиции России. Поэтому, несмотря на предоставление Вьетнамом режима наиболь-

шего благоприятствования, российскому экспорту на вьетнамском рынке приходится конкурировать с подобной продукцией из других стран, что в условиях насыщенного рынка и одинаковом уровне конкурентоспособности с аналогичными товарами из Индии, Австралии, Японии и Китая складывается не в пользу российских экспортеров;

- рост вьетнамского экспорта в Россию был ограничен спросом на их продукцию (неблагоприятные экономические условия в РФ в 2014–2015 гг.), падением курса рубля, обеспечившего рост ценовой конкурентоспособности российских производителей на внутреннем рынке, и снижение инвестиционной активности.

С учетом того что свободный доступ на вьетнамский рынок российские товары промышленной переработки получат только в 2022 г., а рынок ЕАЭС сохранит торговые тарифы до 3% в соответствии с условиями Соглашения о ЗСТ, можно утверждать, что основные тенденции и структура взаимной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом останется неизменной в прогнозируемом периоде. В связи с этим стоит отметить, что прогнозные расчеты как агрегированного индекса торговой активности, так и его составляющих сохранят имеющиеся тренды.

На этом фоне единственным ощутимым драйвером роста взаимной торговли между Россией и Вьетнамом остается индекс концентрации торговли, рост которого в прогнозном периоде составит 2,3 раза в 2015–2020 гг., что в полной мере соответствует описанным выше трендам. Рост индекса концентрации обусловлен монополизацией рынка как со стороны российских, так и со стороны вьетнамских поставщиков. То есть рост индекса концентрации обусловлен мультипликативным эффектом, полученным от либерализации условий торговли в рамках Соглашения о ЗСТ. Этот фактор роста торговой активности свидетельствует о наращивании конкурентных преимуществ в исследуемой паре в кратко- и среднесрочном периоде, так как эффект масштаба будет исчерпан уже к концу 2018 г. при условии сохранения низкого уровня покупательского спроса на российском рынке, о чем свидетельствует темп роста доходов. Рост торговой активности за счет концентрации без сопоставимого уровня роста индекса специализации (в прогнозном периоде наблюдается небольшой спад на 0,022 п.п.) позволяет уверенно прогнозировать инерционный сценарий развития торгово-экономического сотрудничества между Россией и Вьетнамом, при котором рост будет обеспечиваться исключительно за счет экстенсификации (наращивания объемов) без изменения ассортиментной структуры торговли. Следовательно, либерализация условий торговли в паре создает конкурентные преимущества для вьетнамских поставщиков, экспортный потенциал которых отличается большей конкурентоспособностью (диверсифицированной товарной структурой экспорта, основанной на поставках продукции промышленной переработки с высоким уровнем

добавленной стоимости, наукоемкости и технологичности). Перспективы российских экспортеров в этой паре будут сводиться к сужению диверсификации товарного ассортимента, с преимущественно сырьевой продукцией, потерей корреляции и комплементарности взаимной торговли (табл. 11). Сохранение инерционного сценария для России во взаимной торговле с Вьетнамом чревато потерей конкурентных позиций, так как эффект масштаба будет быстро исчерпан, а при неблагоприятной ценовой конъюнктуре на сырьевые товары и ужесточения конкуренции в данном сегменте (минеральные ресурсы, зерновые и металлы и т.п.), в том числе и со стороны партнеров по ЕАЭС, может привести к потере своей рыночной ниши на вьетнамском рынке. Несколько сглаживают негативные эффекты по отрицательным трендам развития индексов корреляции, комплементарности и специализации, небольшой, но устойчивый тренд роста индекса покупательной способности экспорта на 3–4 п.п. ежегодно, но не решают указанных проблем преодоления сырьевого экспорта. Следовательно, данный прогноз по перспективам роста торговой активности в паре Россия – Вьетнам позволяет констатировать, что в перспективе до 2020 г. экстенсивный рост взаимной торговли будет обеспечивать преимущество вьетнамских экспортеров. Для российских экспортеров получение положительных эффектов от действия ЗСТ с Вьетнамом сопряжено со снижением торговых барьеров на продукцию машиностроения (начнется в 2020 г.). Учитывая высокий уровень концентрации торговли по сырьевым товарным позициям, целесообразнее подкреплять взаимную торговлю различными формами промышленной кооперации по переработке экспортируемого сырья на территории Вьетнама, что особенно актуально с учетом инкорпорированности СРВ во многие интеграционные блоки.

Таким образом, прогнозные оценки влияния зоны свободной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом в 2018–2020 гг. по индексу торговой активности рост в зоне ЗСТ с Вьетнамом для стран ЕАЭС в прогнозируемом периоде ожидается только по России в основном за счет концентрации торговли и Киргизии (за счет реэкспортного потенциала этой республики), по Беларуси, Казахстану и Армении ожидается замедление спада.

Прогноз основных индикаторов (факторов) этого индекса также не дает больших оснований для оптимизма. Рост индекса концентрации ожидается в основном только по России и Армении (незначительно в Беларуси), что при сырьевой структуре российского экспорта можно расценивать как фактор роста зависимости от конъюнктурных колебаний цен. Рост индекса комплементарности в паре Беларусь – Вьетнам, индекса специализации в паре Казахстан – Вьетнам можно рассматривать небольшой прирост конкурентоспособности этих стран во взаимной торговле. В целом же рост показателей торговой активности во всех странах с Вьетнамом на прогнозируемый период до 2020 г. будет обеспечен за счет роста индекса покупательной способности,

что при сложившейся торговой структуре будет стимулировать опережающие темпы роста вьетнамского экспорта.

Библиография

1. База данных статистики // UNCTAD. База статистических данных. URL: http://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en (Дата обращения: 20.09.2018.)

2. Мигранян А.А. Торгово-экономические отношения стран ЕАЭС и Вьетнама. Факторы развития // Observer. 2018. № 2. С. 48–66.

3. Россия в цифрах. Крат. стат. сб. М.: Росстат. 2017. 511 с. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/rusfig/rus17.pdf (Дата обращения: 20.08.2018.)

4. Статистический сборник. Внешняя торговля товарами. Статистика Евразийского экономического союза. 2016 год // База статистических данных официального сайта ЕЭК.М.: Сам Полиграфист, 2017. 516 с. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/publications/Documents/Ext_2016.pdf (Дата обращения: 15.08.2018.)

5. Статистический сборник. Внешняя торговля ЕАЭС. Статистика. 2017 г. // Евразийская экономическая комиссия. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Pages/2017/12-.aspx (Дата обращения: 15.08.2018.)

6. Balassa B. Trade Liberalisation and Revealed Comparative advantage // The Manchester School. 1965. N 33. P. 99–123.

7. Balassa B. The Theory of Economic Integration. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1961. 304 p.

References

Baza dannyh statistiki // UNCTAD. Baza statisticheskih dannyh. URL: http://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en (Data obrashhenija: 20.09.2018.)

Migranjan A.A. Torgovo-jekonomicheskie otnoshenija stran EAJeS i V'etnama. Faktory razvitija // Observer. 2018. N 2. P. 48–66.

Rossija v cifrah. Krat. stat. sb. Moscow: Rosstat. 2017. 511 p. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/rusfig/rus17.pdf (Data obrashhenija: 20.08.2018.)

Statisticheskij sbornik. Vneshnjaja torgovlja tovarami. Statistika Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza. 2016 god // Baza statisticheskih dannyh oficial'nogo sajta EJeK. Moscow: Sam Poligrafist, 2017. 516 p. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/publications/Documents/Ext_2016.pdf (Data obrashhenija: 15.08.2018.)

Statisticheskij sbornik. Vneshnjaja torgovlja EAJeS. Statistika. 2017 g. // Evrazijskaja jekonomicheskaja komissija. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Pages/2017/12-.aspx (Data obrashhenija: 15.08.2018.)

Balassa B. Trade Liberalisation and Revealed Comparative advantage // The Manchester School. 1965. N 33. P. 99–123.

Balassa B. The Theory of Economic Integration. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1961. 304 p.

DOI: 10.31249/rsm/2019.02.08

А.В. Белокобыльский, В.С. Левицкий

АМЕРИКАНСКИЙ ГЛОБАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ КАК УГРОЗА ЕВРОПЕЙСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Аннотация. *В статье предлагается дополнить мир-системную методологию представлениями о центральной роли онтологических убеждений для формирования унифицированного цивилизационного пространства миросистем вообще и пространства западной цивилизации, в частности. Происходящие сегодня глобальные трансформации можно описать (если воспользоваться хайдеггеровской терминологией) как смену «времени картины мира» «временем конструкции мира». Эта трансформация сопровождается изменением всего ландшафта социальных практик и легитимаций, включая религиозные, политические, экономические, технологические и т.д. регионы реальности. В статье делается акцент на изменении культурного места религии и типа религиозности, которые в начале XXI в. вызывают к жизни антизападные религиозно-мотивированные проекты глобального развития; речь, в частности, идет о нескольких вариантах исламского проекта, а также о китайском и российском. Каждый из них отрицает право западных ценностей и цивилизационных стратегий на глобальную гегемонию и продвигает собственные ценностно-мировоззренческие платформы. В рамках указанного подхода анализируются особенности американского цивилизационного проекта, а изменения в риторике американского политикума после 9.11.2001 (которая становится все более насыщенной религиозными символами и аллюзиями) маркируются как начало нового этапа глобализации – конкуренции религиозно-мотивированных проектов цивилизационного развития. Проводимые под лозунгом «Америка прежде всего!» изменения во внешней политике США, включая новые редакции основополагающих документов, наподобие «Стратегии национальной безопасности», говорят о том, что мы являемся свидетелями оформления американского антизападного проекта, подобного китайскому, российскому и исламскому. Он вдохновляется полурелигиозной миссией защиты западных ценностей, эксклюзивным владельцем которых объявляется американская демократия, но направленного на продвижение партикулярных национальных интересов в мире вообще и Европе, в частности. США, оставаясь номинально западом, относится скорее к религиозно фундированным культурным реципиентам европейских идей. Учитывая же мощь первой экономики мира, американскую альтернативу следует считать главной угрозой европейской демократии.*

Ключевые слова: *реальность; глобальный проект; американская исключительность; религиозность; права человека.*

Белокобыльский Александр Владимирович – доктор философских наук, Украинский институт стратегий глобального развития и адаптации, Брюссель.
E-mail: alexwh@yandex.ru

Левицкий Виктор Сергеевич – кандидат философских наук, Украинский институт стратегий глобального развития и адаптации, Брюссель.
E-mail: victor2609@ukr.net

A.V. Belokobyl'sky, V.S. Levicky. American Global Project as a Threat to European Democracy

Abstract. *The article proposes to supplement the world-system methodology with the ideas about the central role of ontological beliefs for the formation of a unified civilizational space of world systems in general and the space of Western civilization in particular. Global transformations, which are happening, today can be described (using Heideggerian terminology) as a change of the «time of World Picture» by the «time of the Construction of the World». This transformation is accompanied by a change in the entire landscape of social practices and legitimations, including religious, political, economic, technological, etc., aspects of reality. Within the framework of this approach, the features of the American civilization project are analyzed, and the changes in the rhetoric of American politicians after November 9, 2001 (increasingly saturated with religious symbols and allusions) point to the beginning of a new stage of globalization. Considering the power of the first economy of the world, the American alternative should be considered as the main threat to European democracy.*

Keywords: *reality; global project; American exceptionality; religiosity; human rights.*

Belokobyl'sky Aleksandr Vladimirovich – Doctor of Philosophical Sciences, Ukrainian Institute of Strategies of Global Development and Adaptation, Brussels.
E-mail: alexwh@yandex.ru

Levicky Viktor Sergeevich – Candidate of Philosophical Sciences, Ukrainian Institute of Strategies of Global Development and Adaptation, Brussels.
E-mail: victor2609@ukr.net

Состояние «постправды» в некотором смысле подводит черту под процессом секуляризации реальности, начатым в позднем Средневековье и составлявшим сердцевину просвещенческой рационализации культуры. Завершается эпоха, в которой за сохранение канонических «эталонов» мышления о реальности несли ответственность «объективистские» институции – вначале церковь, а позднее храмы естествознания, наподобие национальных

академий наук. С их подачи в обществе царила непререкаемая вера в Истину спасения или познания, вокруг которой формировалось тело общественных практик. Очевидно, что постправда является вызовом этой объективистской позиции: вместе с верой в единственность истины разрушается и вера в наличие объективного порядка, нерушимых законов природы и социума, которые должны быть открыты учеными. Мы вплотную приблизились к моменту, когда знаменитый образ реальности как картины, предложенный М. Хайдеггером в работе «Время картины мира», утрачивает свою актуальность, а ему на смену приходит другой образ – мира как конструкции, собираемой историческими акторами в соответствии со своими стратегическими целями. Такая онтологическая революция по своей значимости превосходит любые другие революционные трансформации, так как затрагивает практически все виды существующих легитимаций. Нечто подобное происходило при переходе от христианского мировосприятия к светскому, вызвавшему социальное цунами войн и революций, прокатившееся по Европе в XVI–XVIII вв., – изменение онтологических аксиом, выступающих исходным пунктом любых рациональных построений, включая основополагающие документы эпохи, необходимым образом сказывается на обустройстве всего социального пространства.

Трансформацию «усредненных» представлений об окружающем мире следует считать важнейшим фактором изменения нашей повседневной жизни. Наглядной иллюстрацией этой мысли могут служить средневековые изображения мироздания, включающие рай и ад как части реальности. Соответственно и способы жизни в те времена предполагали такие практики, которые ориентировались на нежелание человека попасть в ад или, наоборот, его желание снискать райскую жизнь. Современные фотографии космоса или молекулярных структур заставляют нас иначе смотреть на окружающие вещи. И этот взгляд, коротко говоря, не способен увидеть места, в которых могли бы располагаться ангелы или демоны. Как и во всех других случаях, то что появляется в голове, постепенно становится частью повседневной жизни, способствуя поступательной трансформации всего ландшафта социальных практик, включая религиозные, политические, экономические, технологические и т.д. регионы реальности. Поэтому именно эти фундаментальные трансформации следует считать основанием и главной причиной сегодняшних изменений миросистемы. Такой шаг позволит дополнить «классический» валлерстайновский вариант мир-системного подхода [14], который в конце XX в. подвергся серьезной критике за чрезмерный экономизм. В нашем случае акцент в процессе формирования миросистемы делается не на экономических отношениях, а на унифицированных формах культурной деятельности (в том числе мышления) по поддержанию определенного облика реальности (подробнее см.: [1]).

Новая перенастройка умов миллионов и даже миллиардов людей, осуществляющаяся с помощью новейших технологий и средств коммуникации, проявляется в наиболее важных областях культуры, в первую очередь в отношении к религии. С одной стороны, прагматизация науки (гипертрофированное развитие прикладных ее сфер) и ослабление ее теоретического авторитета средствами постправды оживляет интерес к религии даже в наиболее секуляризированных государствах. С другой стороны, можно наблюдать и то, как трансформируется взгляд на религию, которая в «сконструированной» реальности становится значимой не только в, так сказать, трансцендентном смысле, но и в качестве резервуара традиционных ценностей и императивов. В глобальном мире, в котором сами ценности и общекультурные цели с недавних пор рассматриваются как инструмент мобилизации масс и продвижения партикулярных, например, национальных интересов, значимость религии как исторического источника подобных ценностей и целей превращается в главный национальный капитал. С относительно недавнего времени можно констатировать появление нескольких глобальных проектов, которые позиционируют себя в качестве конкурентов классической модерной парадигме (т.е. классическому Западному проекту цивилизационного развития) и опираются на собственные религиозные традиции. В частности, речь идет о нескольких вариантах исламского проекта, а также китайском и российском проектах.

Внутри самого исламского мира происходит борьба за право представлять его в глобальной конкурентной борьбе. Сегодня выделяются как минимум четыре возможных претендента: Иранский, Арабский и Турецкий проекты и наиболее радикальная версия, представленная «Исламским государством» (см. детальнее: [1])[1]. При всем различии (даже религиозном – шииты и сунниты) центром всех проектов является ислам (иногда его интерпретации, не поддерживаемые официальными религиозными структурами), противопоставляемый бездуховному Западу и претендующий на «спасение» всего человечества путем исламизации. В России к середине нулевых сформировалось понимание необходимости глобального продвижения, которое реализовалось в проекте «Русского мира». Идею Русского мира поддержали Президент РФ В. Путин и Патриарх Кирилл, заявив о консолидирующей функции русского слова, русской культуры и русского православия. Проект Русского мира является по своей сути глобалистским и направленным, в том числе, на обширные территории вне России, связанные с ней исторически. Китайский проект, инициированный и поддержанный КПК, апеллирует не только к коммунистическим ценностям, но к традиционной конфуцианской аксиологии.

1. Деятельность организации запрещена на территории России.

В ноябре 2012 г. в отчетном докладе ЦК на XVIII съезде КПК был официально представлен список «сердцевинных социалистических ценностных воззрений», опирающихся на принципы раннего конфуцианства. Следует отметить, что система «сердцевинных ценностей» рассчитана как на «внутреннего потребителя», будучи призвана консолидировать нацию и успешно противостоять идеологической экспансии Запада, так и на внешних партнеров, в первую очередь непосредственных соседей, по отношению к которым объявлена политика «родственности» и «инклюзивности». Появление Си Цзиньпина на форуме в Давосе в 2017 г. (он стал первым китайским лидером, посетившим Давос) свидетельствует о полноценном включении Китайского проекта в конкурентную борьбу глобальных альтернатив.

Каждый из указанных проектов ставит под сомнение универсальность западных ценностей и предписаний, интерпретируя их в качестве средства политического и экономического продвижения, а также обращается к собственным религиозным традициям как источнику культурных ценностей и норм. Истоком антизападных глобальных проектов является противоречие между религиозным мировоззрением достаточно развитых незападных культурных традиций и светского типа цивилизации (собственно, «западной культуры»), сложившегося в процессе секуляризации латинского христианства. Сами проекты формировались на границах западного мира в местах длительного, иногда многовекового, соприкосновения культурных миров. Симбиоз западного универсализма (с его оборотной стороной – глобализмом) и религиозно-традиционалистской партикулярности и вылился в невиданные ранее религиозно мотивированные идеологии, претендующие на глобальное доминирование. При этом, по крайней мере с недавнего времени, указанные альтернативы используют весь арсенал современных средств идеологического продвижения, включая социальные сети, глобальные СМИ, think tank и т.д. [1].

История артикуляции религиозно мотивированных глобалистских проектов – отдельная тема, углубляться в которую в данной статье нецелесообразно. Можно лишь указать, что артикулирующее осмысление вызревало в незападной среде по мере усвоения ее представителями инструментария западного мышления, чаще всего непосредственно в западных же университетах. При этом культурная среда сохраняла свою «незападную» природу и собственные религиозно окрашенные системы ценностей.

В отличие от России, Китая и стран исламского мира Соединенные Штаты Америки по политическим, экономическим и, главное, ценностно-мировоззренческим характеристикам являются частью глобального Запада. Впрочем, есть несколько важных исторических моментов, которые нельзя игнорировать. Во-первых, обращает на себя внимание уникальная судьба

религии и религиозных институций в истории Штатов, во-вторых, роль самих США в формировании и продвижении светских ценностей.

Образование независимых США можно считать одним из конституирующих новую эпоху событий. Именно с Декларации независимости и Декларации прав человека и гражданина начинается новая эпоха в истории человеческого духа. Однако в отрицании старой эпохи, без которой невозможно утверждение нового, нельзя не видеть и определенной зависимости от этого старого. Если провести параллель с философией, то именно младогегельянцы водрузили на знамя своего похода к «изменению мира» рациональный атеизм, который следовал из гегелевской философии, тогда как сам Гегель может считаться вполне религиозным философом. Поэтому следует с осторожностью относиться к констатациям, подобным приведенной ниже мысли Х. Казановы, в которой, бесспорно, присутствует рациональное зерно: «Американское государство родилось как модерное и секулярное, не нуждаясь ни в каких процессах деконфессионализации, а двойная конституционная формула о запрете внедрения какой-либо религии на государственном уровне и свободное исповедание религии в обществе гарантировало развитие деноминационализма как системы свободного и открытого религиозного плюрализма в обществе» [4, p. 29].

Религиозное мировосприятие, свойственное для человека XVIII в., тем более в столь отдаленной и необъятной части цивилизованного мира, коей была Америка в то время, не могло вдруг обрести все те атрибуты «модерности» и «секулярности», о которых говорит Казанова. В этом легко убедиться, если обратиться к такому важнейшему документу эпохи, как «Декларация независимости». В ней недвусмысленно излагаются те аксиомы мышления эпохи, которые служат основанием предпринимаемых эпохальных действий. Во-первых, это религиозная вера (как бы ее ни интерпретировать), во-вторых, уже вполне модерное, но имеющее религиозные же корни убеждение в равенстве людей и наличии у них неотчуждаемых прав: «Когда ход событий приводит к тому, что один из народов вынужден расторгнуть политические узы, связывающие его с другим народом, и занять самостоятельное и равное место среди держав мира, на которое он имеет право по законам природы и ее Творца, уважительное отношение к мнению человечества требует от него разъяснения причин, побудивших его к такому отделению. Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью» [11].

Исходя из этих фундаментальных для национальной идентичности положений, принимая во внимание дух эпохи и зная дальнейшую историю становления США, можно утверждать, что «отсутствие необходимости прибегать к процессам деконфессионализации», о которых говорит Казанова,

были связаны с убежденностью во вторичности, «устарелости» религиозных отличий перед лицом той новой цели, к которой нация устремляется в едином религиозном порыве: «С твердой уверенностью в покровительстве Божественного Провидения мы клянемся друг другу поддерживать настоящую Декларацию своей жизнью, своим состоянием и своей незапятнанной честью» [11].

Более оправданным, следовательно, будет предположение о том, что сам «проект» США воспринимался его создателями как религиозный акт обновления социального бытия, а возможно, и архаических форм религии, отступавших в прошлое перед набирающим ход модерном.

Религиозный пафос характеризует продвижение «американского символа веры» на протяжении всей истории США. В частности, речь идет об американской исключительности, которая всегда была атрибутивной чертой американского самосознания и которая вполне может быть интерпретирована в религиозном ключе.

В процессе формирования этих представлений можно выделить несколько этапов. Первый начинается с проповеди Джона Уинтропа «Модель христианского милосердия», которую губернатор Колонии прочитал в 1630 г. на борту корабля Арабелла, следующего к берегам Нового Света, где указал на уникальность момента – с этой поры, по заверению Уинтропа, переселенцы вступили в завет с Господом, «чтобы исполнять Его работу». Закончил же он свою проповедь символом города на холме, который и сегодня вдохновляет многих американофилов: «…будем, – говорит Уинтроп, – подобно городу на Холме, взоры всех народов будут устремлены на нас» [16].

Следующий этап можно связать с памфлетом «Здравый смысл» (1776) «крестного отца американской нации» Томаса Пейна, главный пафос которого сводится к простой формуле «Америка – не Англия». Он суммирует это тезисом: «С каждым днем исчезают последние остатки родства между нами и ими» [2]. Особое место в кристаллизации американской идентичности занимает Геттисбергская речь А. Линкольна (полный текст высечен на плите Мемориала Линкольна в Вашингтоне). В ней президент не только вспомнил погибших в Гражданской войне, но и указал, что сама нация обязана своим рождением свободе. Здесь важно отметить, что в дискурсе Линкольна свобода еще всецело «представительница» платоновского царства идей, существующая сама по себе и лишь иногда воплощающаяся в действительности, как это произошло в случае с американской нацией. Столетие спустя, Р. Рейган подчеркнет прямую ответственность США за сохранение свободы во всем мире. В своей известной речи «Империя зла» он укажет, что такой империей является Советский Союз, призовет не путать тех, кто сражается на стороне добра и отстаивает правду и тех, кто потворствует злу и лжи, и выразит роль США в XX столетии следующими словами: «Америка держала освященный

факел свободы не только для нас, но и для миллионов других людей во всем мире» [9].

Новейший этап открывается официальной реакцией Вашингтона на события 9/11 и объявлением президентом Бушем-младшим «крестового похода против зла нового типа». Речи Дж. Буша-младшего после событий 11 сентября переполнены примерами апелляции к свободе, демократии и т.д. как абсолютной форме оправдания любых действий: императив сохранения свободы превращается в инструмент защиты и продвижения национальных американских интересов. Выступая в Конгрессе 29 января 2002 г., 43-й президент США заявил, что это большая ответственность и привилегия сражаться за свободу, что Америка будет это делать повсеместно в мире, а американцы увидят «победу свободы» [12]. А в обращении к нации, посвященному началу военной операции в Ираке, которая, кстати, официально называлась «Иракская свобода», американский лидер в первых своих словах сказал, что операция направлена на освобождение иракских людей. Завершил же свое послание Дж. Буш-младший следующим заверением: «Мы принесем свободу другим, и мы восторжествуем» [7]. Схема данной конструкции выглядит следующим образом: мы, американцы, ответственны за свободу во всем мире, поэтому любыми доступными средствами мы можем (обязаны) принести ее туда, где видим в ней недостаток.

Следующие администрации вместе с Белым домом унаследовали эту формулу. Выступая в Лиме 20 ноября 2016 г. и уже зная, что на президентских выборах победил кандидат от республиканцев, Б. Обама дал ему напутствие: «Главный совет, который я даю избранному президенту, заключается в том, что Соединенные Штаты действительно являются незаменимой страной для нынешнего миропорядка» [8]. А далее разъяснил, что дело даже не столько в экономической или военной мощи, как в том, что США всегда сражаются на стороне того, что правильно, и занять их место никто не в состоянии. Еще более выпукло была видна эта позиция в Прощальном послании 44-го президента США, в котором он заявил, что Америка играет исключительную роль в продвижении демократии во всем мире [10].

Нетрудно заметить, что нарратив американской эксклюзивности густо замешан на религиозных идеях и абсолютизме. Однако если на заре американской демократии иначе и быть не могло в силу особенностей эпохи, то необходимость апелляции к религиозной, а зачастую конкретно христианской символике и образности в новейшую эпоху не столь очевидна. Тем не менее и эта образность, и все более категорические формы демонстрации приверженности демократическим ценностям и свободам, граничащие с религиозной нетерпимостью, отличают речи американских политиков именно в XXI столетии.

В то же время исследования показывают, что американское общество идет по общему с Европой пути поступательной секуляризации общественной жизни [15; 13], при которой изменения восприятия религии сопровождались ее индивидуализацией и обмирщением. Это снижение, если угодно, религиозности религии, совпадает во времени с отмеченными выше расширением и радикализацией религиозной риторики американского руководства, которая после событий 11 сентября 2001 г. достигает своего апогея. Объявленный Бушем-младшим «крестовый поход» против «зла нового типа» постепенно разросся в констатацию избранности народа США в деле защиты демократии Б. Обамы и «Америку прежде всего» Д. Трампа. Вырисовывающаяся тенденция позволяет говорить о том, что мы являемся свидетелями изменения отношения к религии в США и все более последовательного использования религиозной символики и риторики в глобальном продвижении. Однако именно подобное использование религии и позволяет маркировать религиозно-мотивированные проекты глобального развития, альтернативные Западному.

Европейская культура, европейский разум сформировались вокруг либерально-демократических принципов, и они стали краеугольным камнем этого способа жизни и мышления. Другие культуры усвоили многое из того инструментария, который европейцы создали за свою историю, но ни одна из них не стала европейской. Более того, пожалуй ни одна культура, кроме европейской, не смогла самостоятельно выйти за пределы тех религиозных идей, из которых культуры исторически произрастают. Те вызовы, с которыми столкнулся глобальный мир, по большому счету являются вызовами со стороны религиозных в своей сердцевине культур европейскому секуляризму. Эти вызовы обычно сформулированы на светском языке, а манифесты претендующих на глобальное лидерство культур зачитывают люди, одетые в костюмы европейского кроя. Но каждый из них заявляет о собственной исключительности – как носителей особой религиозной истины, высшей миссии или культурной специфики. Никто из неевропейцев не может до конца почувствовать принципиального, чуть ли не биологически уже закрепленного убеждения в равенстве всех людей, которые именно в силу отсутствия «привилегированных систем отсчета» (религиозных, расовых, классовых) потому и равно- правны, и равно- свободны. Неевропейцы берут на вооружение демократию и либерализм как готовый продукт, как инструмент построения развитого общества, как, впрочем, и другие европейские изобретения – науку, СМИ, искусство. В необходимых количествах и собственной интерпретации.

Анализ религиозной ситуации в США позволяет утверждать, что всплеск религиозной риторики и полурелигиозных действий вокруг темы «попираемых» во всем остальном мире прав человека и его базовых свобод связан не столько с ростом классической религиозности, сколько с изменением

религиозности и фокуса религиозного сознания. В этом фокусе с недавних пор находятся не трансцендентные горизонты вечного блаженства, божественной благодати или спасения, а их просвещенческие, т.е. секуляризированные двойники – те самые права и свободы человека, абсолютная ответственность за сохранение и продвижение которых осознается американцами в качестве своей религиозной миссии.

До того момента, пока значимость модерных максим имела в западной культуре практически религиозный статус, американский проект видимо совпадал с западным. Однако начиная, как минимум, с официальной реакции Вашингтона на события 9/11 и крестового похода Буша-младшего ситуация меняется. Обособление американского проекта, артикуляция его религиозной природы в противоборстве с религиозным же вызовом со стороны ислама стали началом зримого противостояния американского и европейского модернов и положили начало эксплицитной стадии существования альтернативных проектов глобального развития. Процесс религиозного переосмысления и культурной «квантификации» ранее единого просвещенческого модерного проекта, в границах которого получали содержательное наполнение категории цивилизации, прогресса, общечеловеческих ценностей и т.д., перешел в новую фазу вместе с кризисом классических представлений об истине, символическое проявление которого приходится на начало 2000-х. В качестве своеобразной точки отсчета начала эпохи постправды можно принять знаменитую пробирку Колина Пауэлла в ООН, столь же важную для начала новой эпохи в политической жизни планеты, сколь и с точки зрения начала эры «фейк ньюс».

Если посмотреть на проект «Америка прежде всего» с точки зрения указанных религиозных трансформаций, то многие жесты, интенции и поступки американских политиков покажутся не такими уж хаотичными и непредсказуемыми. Во-первых, речь идет об изменении глобального позиционирования США. В новой Стратегии национальной безопасности в качестве основных противников США названы страны, угрожающие Штатам не столько в военном отношении, сколько с точки зрения глобальной конкуренции. Что же касается потенциальных союзников, то и здесь налицо произошедшие изменения: США сегодня видят себя в качестве оплота и главного защитника либерально-демократических ценностей, а все остальные государства, включая «устоявшиеся демократии», как их называет вице-президент Heritage Foundation Джеймс Карафано, могут лишь «присоединиться к лидеру». В том числе для противостояния Китаю и России. В статье «Демократия будет продолжать переживать политические потрясения в мире» он, в частности, пишет: «Пришло время отказаться от неудачных стратегий. Америка не может уговорить государства выстроиться в демократическую колонну; она не может сделать неудавшиеся государства состоявшимися, и она не может

построить демократические нации из хаоса. Вместо этого Соединенным Штатам необходимо объединить крепкие союзы из устоявшихся свободных наций в качестве бастиона свободы, оставляя другим возможность сплотиться вокруг наших валов» [3]. А Колин Дуик и Мин Ван, оба профессора Школы политики и правительства Университета Джорджа Мейсона в статье «Эра великих лидеров» для «The National Interest» предлагают свой, но очень схожий рецепт: «Сегодня большинство основных держав мира – это демократические страны с демократически избранными лидерами. Китай и Россия – нет. Поэтому Соединенные Штаты и их демократические союзники должны позаботиться о том, чтобы проводить политику, которая ограничивает и противодействует китайско-российскому сотрудничеству, а не разрешает или одобряет его. Это было бы конструктивным ответом Запада в эру великих лидеров» [5].

Во-вторых, религиозный абсолютизм в деле защиты высших ценностей человечества превращает эту защиту в религиозное же действо, не ведающее ни компромиссов, ни сомнений. Этим можно пояснить готовность Америки в случае разногласий даже с ближайшими союзниками действовать таким образом, словно речь идет о заклятых врагах – выходить из международных соглашений (например, о безъядерном статусе Ирана или Парижского соглашения по климату) и союзов (как в случае с выходом из Совета ООН по правам человека). Внутренний настрой делает речи политиков менее сдержанными. Хорошим примером здесь может послужить презентация последнего отчета Госдепа США о религиозной свободе в мире (которая, заметим, понимается как одно из неотчуждаемых прав человека) Майка Помпео. Уровень религиозного пафоса этой презентации был вполне сравним с заявлениями Буша-младшего по поводу нового крестового похода – в его выступлении звучали такие фразы, как «Завет (testament) исторической роли США в защите религиозной свободы по всему миру», «Религиозная свобода у американцев в крови», «Продвижение религиозной свободы продвигает американские интересы», «Наши Основатели считали религиозную свободу не государственным изобретением, а даром Бога каждому человеку».

В-третьих, нельзя не заметить, что подспудно страдательным объектом реализации проекта «Америка прежде всего», против которого направлены пафос религиозного радения о правах и свободах человека и с кем происходят всевозможные «разрывы» и «выходы» Соединенных Штатов, все чаще становится Старый Свет – Европа. Разногласия в геополитическом клубе G7, возникшие на последнем саммите Большой семерки между США и остальными членами группы, торговые противоречия между теми же США и ЕС, резкие высказывания представителей американского истеблишмента в адрес европейских лидеров, а также «недружественные» шаги США, наподобие очередного штрафа в 205 млн долл., наложенного в июне 2018 г. Департаментом финансовых услуг штата Нью-Йорк (DFS) на немецкий Deutsche

Bank, свидетельствуют о растущем противостоянии между Старым и Новым Светом. Политическая мысль в США сегодня дозрела до того, чтобы усомниться в глобальной значимости Европы и настаивать на убогости ее стратегического ви́дения мировой политики, а также острой необходимости учиться реалполитике у США – об этом, в частности, идет речь в статье Эльмара Хеллендоорна «Призыв к реализму в Европе» [6].

Но, как уже было сказано выше, альтернативные классическому Западному проекту религиозно-мотивированные проекты глобального развития маркируются: 1) сомнением в праве Запада единолично представлять общечеловеческие ценности и предписания, 2) религиозно фундированным продвижением собственных убеждений в качестве основы культурного, политического и экономического доминирования, которое 3) производится с привлечением всего арсенала современных средств идеологической пропаганды. Хотя при этом молчаливо подразумевается, что сами США являются частью Запада и разделяют со Старым Светом общие глобальные установки, с недавнего времени появились веские причины усомниться в этой, вроде бы очевидной, истине: практически религиозная приверженность либерально-демократическим принципам, уверенность в априорном владении истиной, готовность любыми средствами утверждать собственную интерпретацию либерализма и демократии в любой точке планеты, осознание собственной избранности и мессианского предназначении, культурно-обрядовый символизм – все это маркирует американскую культурную парадигму в качестве религиозно-мотивированной глобалистской идеологии, альтернативной либерально-демократическому западному проекту.

«Америка прежде всего» все более превращается в проект продвижения партикулярных интересов, наподобие китайского проекта «Один пояс – один путь», который предполагает, что заинтересованные партнеры присоединятся к лидеру и будут следовать в фарватере его интересов. Собственные цели европейцев – антиядерная сделка с Ираном, энергетические проекты, борьба с глобальным потеплением, нормализация ситуации вокруг Украины, ослабление антироссийских санкций или снижение влияния популистов в ЕС – Америку не слишком волнуют. Новосветская демократия, таким образом, оставаясь по названию западом, относится скорее к религиозно фундированным культурным реципиентам европейских идей. Учитывая же мощь первой экономики мира, американскую альтернативу следует считать главной угрозой европейской демократии.

Библиография

1. Белокобыльский А., Левицкий В., Халиков Р. и др. Водоразделы секуляризации: западный цивилизационный проект и глобальные альтернативы. М.: Академический проект, 2018. 215 с.

2. Пейн Т. Здравый смысл // История США в документах. URL: http://www.grinchevskiy.ru/17-18/zdraviy-smisl.php (Дата обращения: 16.06.2017.)

3. Carafano J.J. Democracy Will Continue to Survive the World's Political Turmoil // The National Interest. 2017. Oct. 8. URL: http://nationalinterest.org/feature/democracy-will-continue-survive-the-worlds-political-turmoil-22634 (Дата обращения: 01.02.2018.)

4. Casanova J. Secularisation, Religion and Multicultural Citizenship // The Berkley Center for Religion, Peace, and World Affairs: Official Website. 2014. Jan. 1. P. 29. URL: https://berkleycenter.georgetown.edu/publications/secularisation-religion-and-multicultural-citizenship (Дата обращения: 10.02.2018.)

5. Dueck C., Wan M. An Era of Great-Power Leaders // The National Interest. 2017. Nov. 7. URL: http://nationalinterest.org/feature/era-great-power-leaders-23094 (Дата обращения: 01.02.2018.)

6. Hellendoorn E. A Call for Realism in Europe // The National Interest. 2018. May 27. URL: http://nationalinterest.org/feature/call-realism-europe-25991/ (Дата обращения: 29.08.2018.)

7. President Bush Addresses the Nation // The White House: President George W. Bush. 2003. March 19. URL: https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/03/20030319-17.html (Дата обращения: 19.08.2017.)

8. Press Conference by President Obama in Lima, Peru // The White House: President Barack Obama. 2016. Nov. 20. https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2016/11/20/press-conference-president-obama-lima-peru (Дата обращения: 20.02.2018.)

9. Reagan R. Evil Empire Speech. 8 march 1983 // The Voices of Democracy: The U.S. Oratory Project. URL: http://voicesofdemocracy.umd.edu/reagan-evil-empire-speech-text/ (Дата обращения: 3.06.2014.)

10. Remarks by the President in Farewell Address // The White House: President Barack Obama. 2017. Jan. 10. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2017/01/10/remarks-president-farewell-address (Дата обращения: 20.02.2018.)

11. The Declaration of Independence. In Congress, July 4, 1776 // National Archives: Official Website. URL: https://www.archives.gov/founding-docs/declaration-transcript (Дата обращения: 01.07.2017.)

12. The President's State of the Union Address // The White House: Officious Website of President George W. Bush. 2002. Jan. 29. URL: http://whitehouse.georgewbush.org/news/2002/012902-SOTU.asp (Дата обращения: 9.03.2016.)

13. U.S. Public Becoming Less Religious // Pew Research Center. Religion & Public Life. 2015. Nov. 3. URL: http://www.pewforum.org/2015/11/03/u-s-public-becoming-less-religious/ (Дата обращения: 18.03.2017.)

14. Wallerstein I. The modem world-system: capiraiist agriculture and the origins of the European world-economy in the sixteenth century. New York: Academic Press, 1974. 410 p.

15. When Americans Say They Believe in God, What Do They Mean? // Pew Research Center. Religion & Public Life. 2018. Apr. 25. URL: http://www.pewforum.org/2018/04/25/when-americans-say-they-believe-in-god-what-do-they-mean/ (Дата обращения: 05.06.2018.)

16. Winthrop J. A Model of Christian Charity // The Winthrop Society: Descendants of the Great Migration. URL: https://www.winthropsociety.com/doc_charity.php (Дата обращения: 15.08.2017.)

17. Wuthnow R. After Heaven: Spirituality in America Since the 1950 s. Berkeley: University of California Press, 1998. 277 p.

References

Belokobyl'skij A., Levickij V., Halikov R. i dr. Vodorazdely sekuljarizacii: zapadnyj civilizacionnyj proekt i global'nye al'ternativy. Moscow: Akademicheskij proekt, 2018. 215 p.

Carafano J.J. Democracy Will Continue to Survive the World's Political Turmoil // The National Interest. 2017. Oct. 8. URL: http://nationalinterest.org/feature/democracy-will-continue-survive-the-worlds-political-turmoil-22634 (Data obrashhenija: 01.02.2018.)

Casanova J. Secularisation, Religion and Multicultural Citizenship // The Berkley Center for Religion, Peace, and World Affairs: Official Website. 2014. Jan. 1. P. 29. URL: https://berkleycenter.georgetown.edu/publications/secularisation-religion-and-multicultural-citizenship (Data obrashhenija: 10.02.2018.)

Dueck C., Wan M. An Era of Great-Power Leaders // The National Interest. 2017. Nov. 7. URL: http://nationalinterest.org/feature/era-great-power-leaders-23094 (Data obrashhenija: 01.02.2018.)

Hellendoorn E. A Call for Realism in Europe // The National Interest. 2018. May 27. URL: http://nationalinterest.org/feature/call-realism-europe-25991/ (Data obrashhenija: 29.08.2018.)

Pejn T. Zdravyj smysl // Istorija SShA v dokumentah. URL: http://www.grinchevskiy.ru/17-18/zdraviy-smisl.php (Data obrashhenija: 16.06.2017.)

President Bush Addresses the Nation // The White House: President George W. Bush. 2003. March 19. URL: https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/03/20030319-17.html (Data obrashhenija: 19.08.2017.)

Press Conference by President Obama in Lima, Peru // The White House: President Barack Obama. 2016. Nov. 20. https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2016/11/20/press-conference-president-obama-lima-peru (Data obrashhenija: 20.02.2018.)

Reagan R. Evil Empire Speech. 8 march 1983 // The Voices of Democracy: The U.S. Oratory Project. URL: http://voicesofdemocracy.umd.edu/reagan-evil-empire-speech-text/ (Data obrashhenija: 3.06.2014.)

Remarks by the President in Farewell Address // The White House: President Barack Obama. 2017. Jan. 10. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2017/01/10/remarks-president-farewell-address (Data obrashhenija: 20.02.2018.)

The Declaration of Independence. In Congress, July 4, 1776 // National Archives: Official Website. URL: https://www.archives.gov/founding-docs/declaration-transcript (Data obrashhenija: 01.07.2017.)

The President's State of the Union Address // The White House: Officious Website of President George W. Bush. 2002. Jan. 29. URL: http://whitehouse.georgewbush.org/news/2002/012902-SOTU.asp (Data obrashhenija: 9.03.2016.)

U.S. Public Becoming Less Religious // Pew Research Center. Religion & Public Life. 2015. Nov. 3. URL: http://www.pewforum.org/2015/11/03/u-s-public-becoming-less-religious/ (Data obrashhenija: 18.03.2017.)

Wallerstein I. The modem world-system: capiraiist agriculture and the origins of the European world-economy in the sixteenth century. New York: Academic Press, 1974. 410 p.

When Americans Say They Believe in God, What Do They Mean? // Pew Research Center. Religion & Public Life. 2018. Apr. 25. URL: http://www.pewforum.org/2018/04/25/when-americans-say-they-believe-in-god-what-do-they-mean/ (Data obrashhenija: 05.06.2018.)

Winthrop J. A Model of Christian Charity // The Winthrop Society: Descendants of the Great Migration. URL: https://www.winthropsociety.com/doc_charity.php (Data obrashhenija: 15.08.2017.)

Wuthnow R. After Heaven: Spirituality in America Since the 1950 s. Berkeley: University of California Press, 1998. 277 p.

DOI: 10.31249/rsm/2019.02.09

А.А. Стракевич

«СТАРЫЕ» И «НОВЫЕ» ПРАВЫЕ ПОПУЛИСТЫ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ (На примере «Альтернативы для Германии» и «Австрийской партии свободы»)

Аннотация. *Автор рассматривает динамику применимости основных характеристик популизма, упоминаемых в литературе (нарушение дихотомии правые / левые; способность преуспеть, используя замалчиваемые темы; востребованность среди экономически слабых групп населения), к описанию старых (Австрийская партия свободы) и новых (Альтернатива для Германии) популистских партий. Установлено, что популистские партии сохраняют правую ориентацию, несмотря на заигрывание с левой повесткой. Вхождение в правящие структуры ослабляет антиэлитарный компонент их программ. На фоне кризиса партий центра популисты перестают быть маргинальными партиями, включая в свой электорат «среднего» избирателя. В условиях стремительно расширяющейся базы сторонников решение стигматизировать успехи АПС и АдГ представляется контрпродуктивным.*

Ключевые слова: *популизм; правые партии; Германия; Австрия; «Альтернатива для Германии»; «Австрийская партия свободы».*

Стракевич Анастасия Алексеевна – аспирант,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Факультет международных отношений.
E-mail: a-stra.tomsk@yandex.ru

A.A. Strakevich. The «Old» and «New» Right-Wing Populists in Western Europe on the Example of «Alternatives for Germany» and «Austrian Freedom Party»

Abstract. *The article explores the applicability of the main academic characteristics of populism (not following the left / right dichotomy) to the description of old (Freedom Party of Austria) and new (Alternative for Germany) populist parties. It was established that the above-mentioned parties still belong to the right side of the political spectrum, in spite of their references to the left agenda. When populist parties join the ruling groups, the anti-elitist component of their programs gets eroded. The crisis around the centrist parties makes populist forces stop being marginal – the latter tend to embrace «average» voters.*

Keywords: *populism; right parties; Germany; Austria; «Alternative for Germany»; «Freedom Party of Austria».*

Strakevich Anastasia Alekseevna – Postgraduate Student,
Saint Petersburg State University, School of International Relations.
E-mail: a-stra.tomsk@yandex.ru

«Десятилетие назад, когда новые государства обретали независимость, вставал вопрос: сколькие из них станут коммунистическими? Сегодня этот вопрос, имевший прежде такую актуальность, кажется устаревшим. Дело в том, что лидеры новых государств зачастую выбирают популистские идеологии. И это касается не только новых государств» [16, p. 1]. Именно с этих слов начинается сборник «Популизм: его значение и национальные характеристики», опубликованный в 1969 г. Г. Ионеску и Э. Геллнером. Как и сегодняшние политические аналитики, исследователи конца 1960-х годов видели в популизме угрозу и силились понять его природу.

Уже в ходе первых дебатов о природе популизма, инициированных Лондонской школой экономики в мае 1967 г., было сформулировано несколько основных подходов к проблеме. Часть исследователей определяла популизм как идеологию или группу идеологий, воспевающих «народ» или апеллирующих к нему, другая – как некий поведенческий паттерн, возникающий на фоне определенных социальных условий. Исследователи, работающие в поле политической психологии, увязывали популизм с растущим страхом антинародного заговора со стороны внешних сил (колониалистов, интернационального капитала, представителей определенных этнических групп и т.п.) [16, p. 3].

В последующие десятилетия формулировки, впервые возникшие при описании левого популизма, перейдут в характеристики партий правого спектра. Так, в духе своих предшественников, сегодняшний теоретик К. Мудде обозначает популизм как идеологию, разделяющую общество на антагонистические группы – «народ» и «коррумпированные элиты» – и требующую превратить политику в выражение общей воли первой из групп [20, p. 543]. Более того, речь заходит о том, что популизм размывает горизонтальные разделы (к примеру, границу между левыми и правыми) [17, p. 12]. Сохраняются и более частные характеристики: современных популистов обвиняют в стремлении «разрубить гордиев узел политики мечом простых решений» [4, p. 624] и нарушении сложившихся в обществе дискурсивных табу [2, с. 215].

Следует отметить, что вопрос о причинах электоральных успехов популистов занимает современных исследователей даже больше вопроса о сущности популизма. По мнению левого теоретика Ш. Муфф, правый популизм усиливается отсутствием реальных политических дебатов: в условиях доминирования «либерального компромисса» все несогласные с доминирующими

дискурсивными практиками объявляются «неразумными» и вытесняются за рамки политического поля. Именно эти голоса в дальнейшем канализируют популистские партии [19, p. 3–10]. С изменениями современного партийного поля увязывают рост популизма, к примеру Е.А. Волкова и Ю.И. Лаптева, отмечающие снижение идентификации избирателей с определенными партиями и растущую зависимость электоральных предпочтений от позиций партий по отдельным актуальным вопросам [1, с. 39]. Р. Штёсс обращается к социальным корням популизма: основываясь на западногерманском материале, он утверждает, что лица, не принадлежащие к крупным социальным объединениям (профсоюз, церковь и т.п.), более склонны голосовать за правых популистов [29, S. 76]. Х.-Г. Бетц углубляется также в экономические характеристики и указывает, что сторонники правых популистов, как правило, имеют доход нижнего и среднего сегмента, более низкий образовательный уровень в сравнении с электоратом центристов [5, p. 421–422].

В рамках настоящей статьи рассматриваются два «лица» правого популизма. В качестве первого «лица» выступает «Австрийская партия свободы», несколько десятков лет присутствующая в австрийской политике; вторым «лицом» выбрана недавно образованная «Альтернатива для Германии». Сближает партии не только географическое положение соответствующих стран, но и заявляемая ими политическая повестка: евроскептицизм, противодействие миграции, возрождение традиционной немецкой идентичности. Между тем одна из них успела побывать в составе правящей коалиции и превратиться в неотъемлемую часть политического ландшафта своей страны, в то время как другая впервые достигла выдающегося результата на выборах лишь в 2017 г. Строго говоря, наша цель состоит не в том, чтобы сравнить АПС и АдГ по всем возможным критериям; некоторые значимые моменты (к примеру, структура партий) и вовсе остаются за скобками. Анализ партий осуществляется нами в рамках трех тезисов, отражающих характеристики, приписываемые исследователями правым популистам:

1) правые популисты выигрывают от сужения поля политических дебатов;

2) популисты не вписываются в традиционную дихотомию «правые / левые»;

3) правых популистов избирают представители определенных социальных слоев.

Наша цель не только проверить применимость данных тезисов к конкретному эмпирическому материалу, но и установить, насколько значима в контексте соответствующих характеристик длительность присутствия партии на политической арене.

1. Правые популисты выигрывают от сужения поля политических дебатов

Формальное вступление «Альтернативы для Германии» в политическое поле страны состоялось в 2013 г. и стало, как считается, результатом объединения трех основных сил: евроскептиков (выходцев из промышленных, академических элит; как правило, бывших свободных демократов), христианских консерваторов (вытесненных из ХДС сдвигом политики партии влево под руководством А. Меркель), националистов и иных антисистемных групп [9, S. 161–162, 8, S. 14]. Последние – на фоне развернувшейся в конце 2014 г. активности движения ПЕГИДА (аббревиатура от немецкого «Патриотические европейцы против исламизации Западной Европы») – быстро превращаются в «лицо» АдГ, воспринимаемой преимущественно как антииммиграционная партия. Следует, впрочем, отметить, члены АдГ не выступали единым фронтом в поддержку ПЕГИДА. Либеральное крыло партии и вовсе предлагало дистанцироваться от «расистских» протестов, вылившихся в многотысячные демонстрации в городах Германии [31, S. 39–40].

Во время региональных выборов 2013–2017 гг. АдГ сумела набрать заметный политический вес практически во всех ландтагах ФРГ. Наибольшие значения были достигнуты в восточных землях (24,3% в Саксонии-Анхальте и 20,8% в Мекленбурге-Передней Померании), однако прорывы случались и на западе страны (так, Баден – Вюртемберг подарил партии рекордные 15,1% голосов) [33]. В 2017 г. группа исследователей, действовавшая по заказу федерального правительства, подготовила доклад о причинах восприимчивости жителей восточных земель к праворадикальным идеям. Среди последних были названы более высокая экономическая незащищенность, сравнительно меньший демократический опыт, а также особенности самоидентификации в условиях государства, функционирующего по «чужим» для жителей бывшей ГДР правилам [35]. Подобные выводы озвучивались в академической среде и ранее – при этом подчеркивалось, что доля иммигрантов в регионе не коррелирует напрямую с секьюритизацией иммиграции [28, S. 178–179].

Осенью 2017 г. «Альтернатива для Германии» добилась впечатляющего электорального успеха на федеральном уровне, став третьей политической силой в стране. Достигнутый результат обернулся серьезными разногласиями как для собственно партийных структур (выход из партии Ф. Петри, раскол и основание «Синего поворота»), так и для политического ландшафта Германии в целом. Основные партии фактически отказались от коалиционного сотрудничества с АдГ, как следствие, формирование правительства затянулось на многие месяцы. Подобная реакция политического поля во многом лишь подтверждает рассматриваемый в этом разделе тезис. Так, АдГ сумела не только нормализовать специфический характер восточногерманской иден-

тичности на региональном уровне, но и открыто апеллировать к теме иммиграции, обсуждаемой на федеральном уровне лишь в обтекаемых терминах.

В отличие от «Альтернативы для Германии», «Австрийская партия свободы» присутствует в соответствующем политическом пространстве с середины 1950-х годов. Партия сознательно создавалась в качестве альтернативы «Социалистической партии Австрии» и «Австрийской народной партии». Именно в рамках АПС, подчеркивавшей, к примеру, принадлежность австрийцев к германскому культурному пространству, бывшие функционеры национал-социалистического режима сумели вернуться в политику [13, S. 64]. По мнению М. Вилльямс, АПС помогла проработать проблему национальной идентификации австрийцев, будто зависшую в воздухе после окончания Второй мировой войны, когда союзники по антигитлеровской коалиции навязали австрийцам роль коллективных жертв гитлеровской политики. Кроме того, в последующие годы партия сумела стать рупором коллективного недовольства внутренней политикой двух основных партий (в том числе сложившимися коррупционными схемами) [36, p. 154–155].

В 2000-е годы одной из центральных тем для АПС становится борьба с исламизацией. В 2006 г. партия инициирует не слишком удачный сбор подписей против приема Турции в ЕС. Возврат к этой проблематике будет происходить и в последующие годы, в том числе на европейском уровне. В тот же период активизируется критика иммиграции; иммигранты объявляются одной из основных угроз государству всеобщего благоденствия [18, p. 188–191]. Наконец, усиливается антиевропейская риторика, призывающая, как и в случае с внутренними делами, вернуть голос условному «европейскому гражданину». Подходящим инструментом решения этой проблемы «свободным» виделись национальные референдумы по всем значимым интеграционным вопросам [21].

Успех АПС на президентских выборах 2016 г. (тогда кандидат от крайне правых Н. Хофер получил 35,1% голосов в первом туре, в то время как его главный конкурент, представлявший «Зелёных» А. Ван дер Беллен, завоевал лишь 21,3%) сопровождался комментариями аналитиков, в целом вписывающимися в рассматриваемый тезис. Так, Ф. Плассер и Ф. Зоммер называют в качестве одной из основных причин успеха АПС размывание традиционной партийной лояльности. По их данным, лишь треть австрийских избирателей чувствует связь с определенной партией – ситуация, обусловленная размытостью и синонимичностью их повестки. При этом электоральное ядро оппозиционных партий представляется более консолидированным; кроме того, дополнительные шансы последним дает обращение к беспартийным группам. Наконец, отмечается общая разочарованность избирателей в партиях и политиках как акторах, эффективно решающих общественные проблемы, – ситуация, благоприятствующая расцвету популистских сил [25, S. 3–6].

2. Популисты не вписываются в традиционную дихотомию «правые / левые»

На протяжении первых десятилетий существования «Австрийской партии свободы» ее принадлежность к крайне правой части политического спектра представлялась исследователям вполне очевидной. В те годы идеология партии формировалась в рамках переосмысления идей национал-социализма: АПС неизменно подчеркивала «немецкость» австрийцев, хотя речь об отказе от австрийской государственности уже не шла [5, p. 667]. В первой половине 1980-х годов происходит поворот АПС в сторону либерализма. Часть партийной элиты стремилась этим превратить АПС в «уважаемую и полностью интегрированную» силу, однако столкнулась с активным противодействием более радикальных соратников [24, S. 26]. В 1983 г. партия впервые оказывается в составе возглавляемой социалистами правящей коалиции, что только обостряет противоречия внутри партии. В результате в 1986 г. руководство АПС переходит в руки Й. Хайдера, вокруг которого в предшествующие годы сплотились «пронемецкие» группы [13, S. 64].

Парадоксальным образом именно главенство Хайдера приводит партию к новой политической идентичности. Исследователи все чаще называют деятельность АПС «постмодернистской политикой», где термин «постмодернизм» ассоциируется с фрагментарностью программ, размытостью идеологических границ и перформативностью партийных практик [26, p. 6–8]. Действительно, риторика АПС была и остается мозаичной по своему характеру и характеризуется высокой изменчивостью. В одни периоды партия стремилась дистанцироваться от прямых ассоциаций с национал-социализмом; в другие – ее лидеры восхваляли ветеранов СС [14, p. 15] и расшифровывали «НАЦИ» (нацист) как акроним «новый, привлекательный, целеустремленный, инициативный». Подобные лозунги, очевидно, способствовали удержанию в сфере влияния тех радикальных правых, которые не могли быть приняты в нормальном политическом поле. Иные протестные силы привлекались АПС посредством агрессивной антиэлитарной риторики (правительство СПА и АНП партия именовала «красно-черной пиявкой», евробюрократов – «самопровозглашенными палачами Европы») [26, p. 11–12].

В 1999 г., обогнав АНП на несколько сотен голосов, АПС впервые становится второй политической силой в стране и входит в состав «черно-синего» правительства. По мнению авторитетного австрийского исследователя А. Пелинки, секрет успеха АПС следует искать в ее способности возглавить не только правый, но и левый протест. Так, с одной стороны, их лозунги были направлены против монополизации политической и экономической власти представителями основных партий. С другой стороны, АПС пошли по типично правому пути нормализации неравенства через дискурсивное исключение

иммигрантов [23, S. 285]. Электоральный успех АПС обернулся жесткой реакцией со стороны Европейского союза: 14 стран ЕС заявили, что не будут поддерживать двусторонних контактов с австрийским правительством в случае вхождения в него АПС. Таким образом, АПС сохранила в глазах объединенной Европы устойчивый имидж «слишком правой» партии [30, S. 456–457].

В 2002 г. АПС столкнулась с чередой внутренних конфликтов. Скандалом обернулся визит в Ирак Й. Хайдера и состоявшаяся там встреча политика с С. Хусейном. Позднее противоречия возникали по вопросам сотрудничества с иными европейскими правыми (проект, который горячо поддерживал Хайдер и не одобряла новая глава партии С. Рисс-Пассер), а также проведения налоговой реформы. Разногласия достигли своего пика во время партийного собрания в Книттельфельде 7 сентября 2002 г. На следующий день несколько крупных политиков АПС во главе с вице-канцлером Рисс-Пассер ушли в отставку.

На последовавших выборах АПС существенно сдала позиции, однако сумела вновь войти в правящую коалицию, сформированную в феврале 2003 г. Впрочем, достигнутое с АНП соглашение не встретило единогласной поддержки в партии, разрывавшейся меж двух альтернатив – стать обычной правительственной партией или вернуться в ряды непримиримой оппозиции. В 2005 г. вновь происходит раскол: несколько крупных фигур АПС во главе с Й. Хайдером покидают партию, чтобы основать «Союз за будущее Австрии». В результате все члены правительства и большинство членов парламента от АПС меняют партийную принадлежность – «синие» автоматически утрачивают статус одной из правящих партий и возвращаются к своему традиционному антиэлитарному курсу [15, S. 241–246].

Анализ опубликованной в 2017 г. программы АПС не оставляет сомнений: несмотря на все попытки заигрывать с нетипичной риторикой, «свободные» остаются правой по своему духу партией. Красной линией через весь документ проходит идея «справедливости», понимаемой в правом, т.е. консолидирующем неравенство, смысле. АПС признает необходимость сохранить социальное государство, гарантировать всеобщий доступ к образованию и доступному жилью, но достижение этих целей требует, по мнению АПС, исключения иммигрантов из доступа к соответствующим «привилегиям». Показательна позиция АПС по женскому вопросу: хотя в целом партия соглашается с необходимостью достичь равенства между мужчинами и женщинами, «свободные» по-прежнему апеллируют к материнской роли женщины как неотъемлемой части ее жизни [12].

Новые популисты в лице «Альтернативы для Германии», напротив, исходно не имели четкой привязки к крайне правой повестке. Как отмечалось ранее, создание АдГ стало результатом слияния нескольких сил. Все они – от

преимущественно ориентированных на средний класс евроскептиков и консервативных христианских демократов до радикальных националистических сил – так или иначе принадлежали к правой части политического спектра в том смысле, что апеллировали к «привилегированным» экономическим / этническим классам и отрицали необходимость уравнительных практик. Тем не менее выбор политической ориентации объединения отнюдь не был решенной задачей. Одним из наиболее острых вопросов долгое время остается взаимодействие с правыми радикалами и «группами улицы» – как и члены АПС, представители АдГ то сближались с ними, то демонстративно дистанцировались, стремясь защитить себя от обвинений в расизме и антисемитизме [11].

Важнее, впрочем, другое: по мере включения в избирательную гонку АдГ все чаще обращалась к антиэлитарной риторике, приемлемой как для правых, так и для левых избирателей. Значительная часть программы АдГ посвящена проблеме возвращения утраченного голоса народу: «Альтернатива» предполагает ограничить всевластие партий и ввести референдумы по швейцарскому образцу. Общность «мы» формулируется по этническому признаку: по мнению партии, государство должно поддерживать производство в собственных, а не европейских границах (без чрезмерного вмешательства в экономику), обязать иностранцев интегрироваться в германское культурное пространство, следовать во внешней политике собственным интересам (включающим, среди прочего, сохранение особых отношений с США и прекращение антироссийских санкций). Подход АдГ к школьному образованию предполагает сохранение дифференцированного обучения («Успеваемость, а не инклюзия!») и в целом согласуется с позицией австрийской АПС. В разделе, посвященном экономике, АдГ неожиданно выступает за сохранение минимальной заработной платы, поскольку та «усилит относительно слабую позицию лиц, имеющих низкий доход, перед лицом работодателей» [34, S. 52]. Здесь следует заметить, что в программе отколовшегося от АдГ после выборов «Синего поворота» законодательно закрепленная минимальная заработная плата объявляется следствием «ошибочной социальной политики»; в качестве альтернативы предлагается введение «базового дохода» [3].

Позволяет ли подобная риторика отказаться от наименования «правая» при упоминании АдГ? На наш взгляд, подобное решение нерационально, поскольку исключает из фокуса тот факт, что АдГ претендует на право занять в политическом поле место, освободившееся в результате «полевения» традиционной правой партии ХДС. Впрочем, всякие попытки назвать АдГ *еще одной* крайне правой партией (исключая популистскую составляющую) также не отражают всей полноты картины. На последних федеральных выборах АдГ смогла привлечь чуть менее 1 млн избирателей, голосовавших прежде за левые партии (СДПГ и «Левые») [7]. Подобный результат нельзя объяснить

через упоминание минимальных зарплат (тему, успешно представляемую и в левом поле). На наш взгляд – и здесь мы вновь возвращаемся к первому тезису – успех АдГ является результатом игнорирования традиционными элитами назревших в обществе дебатов.

3. Правых популистов избирают представители определенных социальных слоев

Во время первого серьезного успеха 1999 г. портрет среднего избирателя АПС в целом соответствовал тенденциям, описанным в литературе. Так, указывает А. Пелинка, за АПС чаще всего голосовали молодые мужчины-рабочие, не имеющие высшего образования и религиозной подготовки, не состоящие в профсоюзной организации. Впрочем, мобилизующим моментом в этот период становится не религия и не классовая принадлежность, а модернизация. По мнению А. Пелинки, АПС успешно апеллировала к страхам тех, кто рисковал проиграть от внедрения новых технологий [23, S. 9–10]. Анализ избирательных потоков показывает, что большинство электората, сменившего свои предпочтения в 1999 г. (176 тыс. человек), пришло к АПС от социал-демократов. Еще 138 тыс. человек, голосовавших за АПС, поддерживали ранее умеренную Народную партию [21].

Рассматривая исход выборов 2016 г., исследователи преимущественно указывали на раздраженность избирателей нынешним ходом политического процесса в качестве мотива, руководившего действиями избирателей. Действительно, общий спад доверия к политике представляется наиболее вероятной причиной отказа от поддержки основных партий. Обращаясь к результатам второго тура, нельзя не отметить социально-экономический разлом, разделяющий сторонников Н. Хофера (АПС) и А. Ван дер Беллена («Зелёные»). Электорат Ван дер Беллена имеет заметно более высокий уровень образования; среди электората Хофера сравнительно больше рабочих и меньше госслужащих (в случае с пенсионерами и предпринимателями разрыв практически отсутствует). Наконец – и этот признак исследователи называют базовым – сторонники Хофера уверены, что их качество жизни в будущем будет ухудшаться, тогда как сторонники Ван дер Беллена проявляют в этом отношении оптимизм [32, S. 5–7].

Портрет среднего избирателя АдГ в 2017 г., напротив, заметно отличается от набора характеристик, отличавших прежний электорат немецких правых популистов (Немецкого народного союза, Национал-демократической партии Германии, Партии Шилля, Республиканской партии). Так, среди избирателей правых по-прежнему преобладают мужчины, однако речь не идет о явно очерченной группе, слабой в социально-экономическом смысле. Тенденции, связанные с образованием и уровнем дохода сторонников АдГ,

в целом типичны для избирателей основных партий (за исключением «Зелёных» и «Левых») [27]. Таким образом, в гипотетической ситуации австрийского сценария – при прямом противостоянии АдГ и «Зелёных» – социально-экономический разрыв показался бы столь же значительным, однако в условиях реально реализовавшегося сценария акцент сместился в сторону мнений. Вполне ожидаемо, избиратели АдГ сильнее иных избирателей секьюритизируют иммиграцию и критикуют интеграционные процессы в Европе.

Несмотря на общую «нормализацию» характеристик избирателя АдГ на федеральном уровне, сохранились региональные диспропорции, выявленные на предшествовавших выборах в ландтаги. Ни в одной из западных земель АдГ не сумела перейти отметку в 15%, тогда как в восточных землях ее показатели, напротив, не опускались ниже этой границы. Как и в случае с региональными выборами, корреляция между численностью иммигрантов в федеральной земле и симпатиями к АдГ не абсолютна [6, S. 16]; сравнение данных на местном уровне (в том чисде с учетом данных о безработных мигрантах) также не позволяет сделать однозначных выводов [37]. Единственной тенденцией, практически без исключений наблюдаемой на всей территории ФРГ, является зависимость симпатий к АдГ от уровня урбанизации: жители крупных городских центров, как правило, реже голосуют за правых популистов. Объяснение этой тенденции требует анализа дополнительных данных; может основываться как на реально существующих экономических проблемах, так и на особенностях восприятия – к примеру, присущей жителям сельской местности более низкой мобильности.

* * *

Развитие «Австрийской партии свободы» и «Альтернативы для Германии» следовало по совершенно разным сценариям. Одна из них была создана оппозиционными силами в качестве противовеса игнорирующему проблемы центру; другая – учреждена с согласия правящих сил как необходимый системе противовес. Парадоксально, но именно во втором случае противовес долгое время оставался невостребованным со стороны массового избирателя – и добился успеха лишь в момент, когда электорат утратил доверие к партиям центра. Успех к АдГ пришел гораздо быстрее, поскольку ее появление само по себе сопровождалось кризисной ситуацией, вызванной общим «полевением» традиционных правых.

Из партий, избираемых экономически слабыми слоями населения, популисты превращаются в партии с широкой электоральной базой. Действительно, ядром их электората остаются наименее защищенные в условиях рыночной экономики группы, однако, по мере нормализации соответствующих партий, к числу их сторонников все чаще примыкают условные «средние»

граждане. Дальнейшее обсуждение правых популистских партий как маргинальных сил автоматически исключает из диалога широкие слои населения – и представляется в связи с этим контрпродуктивным.

Справедливо ли сказать, что популисты не вписываются в дихотомию «правые / левые»? И да, и нет: популисты в лице АПС и АдГ одновременно заигрывают с левой и правой повесткой, делают упор на антиэлитарные лозунги, стремясь максимизировать электоральную поддержку. Подобный сценарий хорош для партии одних выборов, однако закрепление в политическом поле требует стационарности базовых положений. В этом смысле для прогнозирования развития АдГ полезно вспомнить ситуацию, произошедшую с АПС в 2005 г., когда члены, настаивавшие на сохранении популистского компонента, автоматически оказались за пределами правящей коалиции.

Библиография

1. Волкова Е.А., Лаптева Ю.И. Правый популизм и перспективы выборов в Европейский парламент 2014 года // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История, политология, социология. 2014. № 2. С. 38–41.

2. Ланко Д.А. Популизм и политическое участие: уличные беспорядки в странах Балтийского региона в 2007–2009 гг. // Политическая экспертиза: ПолитЭкс. 2009. Т. 5. № 2. С. 209–230.

3. Außen- & Sicherhertspolitik. Programm // Blaue Wende. URL: https://www.blauewende.de/programmatik/ (Дата обращения: 5.10.2018.)

4. Bergsdorf H. Rhetorik des Populismus am Beispiel rechtsextremer und rechtspopulistischer Parteien wie der «Republikaner», der FPÖ und des «Front National» // Zeitschrift für Parlamentsfragen. 2000. Vol. 31. N 3. S. 620–626.

5. Betz H.-G. The New Politics of Resentment: Radical Right-Wing Populist Parties in Western Europe // Comparative Politics. 1993. Vol. 25. N 4. P. 413–427.

6. Bevölkerung und Erwerbstätigkeit. Ausländische Bevölkerung – Ergebnisse des Ausländerzentralregisters // Destatis. URL: https://www.destatis.de/GPStatistik/servlets/MCRFileNodeServlet/DEHeft_derivate_00035266/2010200177004_korr13062018.pdf (Дата обращения: 29.09.2018.)

7. Blickle P. et al. Merkel-Enttäuschte und Nichtwähler machen die AfD stark // Zeit Online. 2017. 24 Sept. URL: https://www.zeit.de/politik/deutschland/2017-09/wahlverhalten-bundestagswahl-wahlbeteiligung-waehlerwanderung (Дата обращения: 29.09.2018.)

8. Decker F. «Die Alternative für Deutschland» aus der vergleichenden Sicht der Parteienforschung // Häusler A. (Hrsg.). Die Alternative für Deutschland Programmatik, Entwicklung und politische Verortung. Wiesbaden: Springer Fachmedien, 2016. S. 7–23.

9. Decker F., Neu V. (Hrsg.). Handbuch der deutschen Parteien. Wiesbaden: Springer VS, 2018. 533 S.

10. Endgültige Ergebnisse nach Wahlkreisen. Wahl zum 19. deutschen Bundestag am 24. September 2017 // Der Bundeswahlleiter. URL: https://www.bundeswahlleiter.de/dam/jcr/3f3d42ab-faef-4553-bdf8-ac089b7de86a/btw17_heft3.pdf (Дата обращения: 10.11.2018.)

11. Fiedler M. «Wir wollen eine bundesweite CSU sein» // Der Tagesspiegel. 2017. 11 Nov. URL: https://www.tagesspiegel.de/politik/frauke-petry-im-interview-wir-wollen-eine-bundesweite-csu-sein/20569778.html (Дата обращения: 10.11.2018.)

12. Freiheitliches Wahlprogramm zur Nationalratswahl 2017 // PdfKurs.com. URL: http://www.pdfkurs.com/Download_PDF_10.php?PDF_Kurs=117036&PDF_Corriges=nationalratswahl_2017_wahlprogramm (Дата обращения: 20.09.2018.)

13. Geden O. Diskursstrategien im Rechtspopulismus. Freiheitliche Partei Österreichs und Schweizerische Volkspartei zwischen Opposition und Regierungsbeteiligung. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2006. 246 S.

14. Hainsworth P. The Extreme Right in Western Europe. Abingdon: Routledge, 2008. 160 p.

15. Hämmerle W. Die Spaltung der FPÖ: Annus horribilis für das freiheitliche Lager // Österreichisches Jahrbuch für Politik 2005. Politische Akademie der ÖVP, 2006. S. 239–252.

16. Ionescu G., Gellner E. (eds.) Populism: Its Meaning and National Characteristics. NY: Palgrave Macmillan, 1969. 263 p.

17. Mény Y., Surel Y. Democracies and the Populist Challenge. Palgrave Macmillan UK, 2002. 258 p.

18. Meret S. The Danish People's Party, the Italian Northern League and the Austrian Freedom Party in a Comparative Perspective: Party Ideology and Electoral Support. Aalborg: Institut for Historie, Internationale Studier og Samfundsforhold, Aalborg Universitet, 2010. 322 p.

19. Mouffe Ch. The Limits of John Rawls' Pluralism // Theoria: A Journal of Social and Political Theory. 2009. Vol. 56. N 118. Democracy, Morality and Punishment. P. 1–14.

20. Mudde C. The Populist Zeitgeist // Government and Opposition. 2004. N 39 (4). S. 541–563.

21. Nationalratswahl 1999. SORA Institute for Social Research and Consulting // SORA. URL: http://www.sora.at/themen/wahlverhalten/wahlanalysen/nrw99.html (Дата обращения: 10.11.2018.)

22. Pelinka A. Die FPÖ im internationalen Vergleich. Zwischen Rechtspopulismus, Deutschnationalismus und Österreich-Patriotismus // Conflict & communication online. 2002. Vol. 1. N 1. S. 1–12.

23. Pelinka A. Die FPÖ in der vergleichenden Parteienforschung: zur typologischen Einordnung der Freiheitlichen Partei Österreichs // Österreichische Zeitschrift für Politikwissenschaft. 2002. N 31 (3). S. 281–290.

24. Pelinka A. Die kleine Koalition SPÖ–FPÖ 1983–1986. Wien: Böhlau, 1993. 129 S.

25. Plasser F., Sommer F. Bundespräsidentenwahlen 2016: Politische Einstellungen und Motive der Wähler, regionale Trends und Wählerströme // Österreichisches Jahrbuch für Politik 2016. Politische Akademie der ÖVP, 2017. S. 3–35.

26. Preglau M. Umbruch der politischen Kultur in Österreich: von der schwarz-blau / orange Wende 2000 über das rot-schwarze Interregnum 2006–2017 zu Schwarz / Türkis-Blau 2.0. Max Preglau's Regierungs-Watch // 350 Jahre Universität Innsbruck. 2019. 8 Feb. URL: https://www.uibk.ac.at/soziologie/team/max-preglau/regierungsbeobachtung/info_fpoe_preglau_max.pdf (Дата обращения: 8.02.2019.)

27. Steffen T. Nicht nur die kleinen Leute // Zeit online. 2017. 23 Aug. URL: https://www.zeit.de/politik/deutschland/2017-08/afd-waehler-terrorbekaempfung-integration (Дата обращения: 10.11.2018.)

28. Steglich H. Rechtsaußenparteien in Deutschland: Bedingungen ihres Erfolges und Scheiterns. Göttingen: Vandenhoek & Ruprecht. 2011. 463 S.

29. Stöss R. Rechtsextremismus im Wandel. Bonn: Bonner Universitäts Buchdruckerei, 2010. 239 S.

30. Van der Bellen A. Die Torheit der Regierenden: Die EU-Sanktionen und ihr Ende // Österreichisches Jahrbuch für Politik 2000. Politische Akademie der ÖVP, 2001. S. 455–472.

31. Vorländer H., Herold M., Schäller S. PEGIDA. Entwicklung, Zusammensetzung und Deutung einer Empörungsbewegung. Springer Fachmedien Wiesbaden, 2016. 165 S.

32. Wahlanalyse Stichwahl Bundespräsidentschaft 2016. SORA / ISAim Auftrag des ORF // SORA. URL: http://www.sora.at/fileadmin/downloads/wahlen/2016_BP-Stichwahl_Wahlanalyse.pdf (Дата обращения: 10.11.2018.)

33. Wahlergebnisse. Landesparlamente // Wahlrecht. URL: http://www.wahlrecht.de/ergebnisse/index.htm (Дата обращения: 10.11.2018.)

34. Wahlprogramm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum Deutschen Bundestag am 24. Sept. 2017 // Alternative für Deutschland. URL: https://www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2017/06/2017-06-01_AfD-Bundestagswahlprogramm_Onlinefassung.pdf (Дата обращения: 10.11.2018.)

35. Walter F. (Her.). Ursachen und Hintergründe für Rechtsextremismus, Fremdenfeindlichkeit und fremdenfeindlich motivierte Übergriffe in Ostdeutschland sowie die Ballung in einzelnen ostdeutschen Regionen. Göttinger Institut für Demokratieforschung, 2017. 232 S.

36. Williams M.H. The Impact of Radical Right-Wing Parties in West European Democracies. NY: Palgrave Macmillan, 2006. 236 p.

37. Zuwanderungs- und Integrationsstatistik // Staatskanzlei des Landes Nordrhein-Westfalen. 2017. 13 Feb. URL: https://www.land.nrw/de/pressemitteilung/43-millionen-menschen-mit-migrationshintergrund-nrw-fortschritte-bei-bildung-und (Дата обращения: 5.10.2018.)

References

Bergsdorf H. Rhetorik des Populismus am Beispiel rechtsextremer und rechtspopulistischer Parteien wie der «Republikaner», der FPÖ und des «Front National» // Zeitschrift für Parlamentsfragen. 2000. Vol. 31. N 3. S. 620–626.

Betz H.-G. The New Politics of Resentment: Radical Right-Wing Populist Parties in Western Europe // Comparative Politics. 1993. Vol. 25. N 4. P. 413–427.

Bevölkerung und Erwerbstätigkeit. Ausländische Bevölkerung – Ergebnisse des Ausländerzentralregisters // Destatis. URL: https://www.destatis.de/GPStatistik/servlets/MCRFileNodeServlet/DEHeft_derivate_00035266/2010200177004_korr13062018.pdf (Data obrashhenija: 29.09.2018.)

Blickle P. et al. Merkel-Enttäuschte und Nichtwähler machen die AfD stark // Zeit Online. 2017. 24 Sept. URL: https://www.zeit.de/politik/deutschland/2017-09/wahlverhalten-bundestagswahl-wahlbeteiligung-waehlerwanderung (Data obrashhenija: 29.09.2018.)

Decker F. «Die Alternative für Deutschland» aus der vergleichenden Sicht der Parteienforschung // Häusler A. (Hrsg.). Die Alternative für Deutschland Programmatik, Entwicklung und politische Verortung. Wiesbaden: Springer Fachmedien, 2016. S. 7–23.

Decker F., Neu V. (Hrsg.). Handbuch der deutschen Parteien. Wiesbaden: Springer VS, 2018. 533 S.

Endgültige Ergebnisse nach Wahlkreisen. Wahl zum 19. deutschen Bundestag am 24. September 2017 // Der Bundeswahlleiter. URL: https://www.bundeswahlleiter.de/dam/jcr/3f3d42ab-faef-4553-bdf8-ac089b7de86a/btw17_heft3.pdf (Data obrashhenija: 10.11.2018.)

Fiedler M. «Wir wollen eine bundesweite CSU sein» // Der Tagesspiegel. 2017. 11 Nov. URL: https://www.tagesspiegel.de/politik/frauke-petry-im-interview-wir-wollen-eine-bundesweite-csu-sein/20569778.html (Data obrashhenija: 10.11.2018.)

Freiheitliches Wahlprogramm zur Nationalratswahl 2017 // PdfKurs.com. URL: http://www.pdfkurs.com/Download_PDF_10.php?PDF_Kurs=117036&PDF_Corriges=nationalratswahl_2017_wahlprogramm (Data obrashhenija: 20.09.2018.)

Geden O. Diskursstrategien im Rechtspopulismus. Freiheitliche Partei Österreichs und Schweizerische Volkspartei zwischen Opposition und Regierungsbeteiligung. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2006. 246 S.

Hainsworth P. The Extreme Right in Western Europe. Abingdon: Routledge, 2008. 160 p.

Hämmerle W. Die Spaltung der FPÖ: Annus horribilis für das freiheitliche Lager // Österreichisches Jahrbuch für Politik 2005. Politische Akademie der ÖVP, 2006. S. 239–252.

Ionescu G., Gellner E. (eds.) Populism: Its Meaning and National Characteristics. NY: Palgrave Macmillan, 1969. 263 p.

Lanko D.A. Populizm i politicheskoe uchastie: ulichny`e besporyadki v stranax Baltijskogo regiona v 2007–2009 gg. // Politicheskaya e`kspertiza: PolitE`ks. 2009. Vol. 5, N 2. P. 209–230.

Mény Y., Surel Y. Democracies and the Populist Challenge. Palgrave Macmillan UK, 2002. 258 p.

Meret S. The Danish People's Party, the Italian Northern League and the Austrian Freedom Party in a Comparative Perspective: Party Ideology and Electoral Support. Aalborg: Institut for Historie, Internationale Studier og Samfundsforhold, Aalborg Universitet, 2010. 322 p.

Mouffe Ch. The Limits of John Rawls' Pluralism // Theoria: A Journal of Social and Political Theory. 2009. Vol. 56. N 118. Democracy, Morality and Punishment. P. 1–14.

Mudde C. The Populist Zeitgeist // Government and Opposition. 2004. N 39 (4). S. 541–563.

Nationalratswahl 1999. SORA Institute for Social Research and Consulting // SORA. URL: http://www.sora.at/themen/wahlverhalten/wahlanalysen/nrw99.html (Data obrashhenija: 10.11.2018.)

Pelinka A. Die FPÖ im internationalen Vergleich. Zwischen Rechtspopulismus, Deutschnationalismus und Österreich-Patriotismus // Conflict & communication online. 2002. Vol. 1. N 1. S. 1–12.

Pelinka A. Die FPÖ in der vergleichenden Parteienforschung: zur typologischen Einordnung der Freiheitlichen Partei Österreichs // Österreichische Zeitschrift für Politikwissenschaft. 2002. N 31 (3). S. 281–290.

Pelinka A. Die kleine Koalition SPÖ–FPÖ 1983–1986. Wien: Böhlau, 1993. 129 S.

Plasser F., Sommer F. Bundespräsidentenwahlen 2016: Politische Einstellungen und Motive der Wähler, regionale Trends und Wählerströme // Österreichisches Jahrbuch für Politik 2016. Politische Akademie der ÖVP, 2017. S. 3–35.

Preglau M. Umbruch der politischen Kultur in Österreich: von der schwarz-blau / orange Wende 2000 über das rot-schwarze Interregnum 2006–2017 zu Schwarz / Türkis-Blau 2.0. Max Preglau's Regierungs-Watch // 350 Jahre Universität Innsbruck. 2019. 8 Feb. URL: https://www.uibk.ac.at/soziologie/team/max-preglau/regierungsbeobachtung/info_fpoe_preglau_max.pdf (Data obrashhenija: 8.02.2019.)

Steffen T. Nicht nur die kleinen Leute // Zeit online. 2017. 23 Aug. URL: https://www.zeit.de/politik/deutschland/2017-08/afd-waehler-terrorbekaempfung-integration (Data obrashhenija: 10.11.2018.)

Steglich H. Rechtsaußenparteien in Deutschland: Bedingungen ihres Erfolges und Scheiterns. Göttingen: Vandenhoek & Ruprecht. 2011. 463 S.

Stöss R. Rechtsextremismus im Wandel. Bonn: Bonner Universitäts Buchdruckerei, 2010. 239 S.

Van der Bellen A. Die Torheit der Regierenden: Die EU-Sanktionen und ihr Ende // Österreichisches Jahrbuch für Politik 2000. Politische Akademie der ÖVP, 2001. S. 455–472.

Volkova E.A., Lapteva Yu.I. Pravy`j populizm i perspektivy` vy`borov v Evropejskij parlament 2014 goda // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya, politologiya, sociologiya. 2014. N 2. P. 38–41.

Vorländer H., Herold M., Schäller S. PEGIDA. Entwicklung, Zusammensetzung und Deutung einer Empörungsbewegung. Springer Fachmedien Wiesbaden, 2016. 165 S.

Wahlanalyse Stichwahl Bundespräsidentschaft 2016. SORA / ISAim Auftrag des ORF // SORA. URL: http://www.sora.at/fileadmin/downloads/wahlen/2016_BP-Stichwahl_Wahlanalyse.pdf (Data obrashhenija: 10.11.2018.)

Wahlergebnisse. Landesparlamente // Wahlrecht. URL: http://www.wahlrecht.de/ergebnisse/index.htm (Data obrashhenija: 10.11.2018.)

Wahlprogramm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum Deutschen Bundestag am 24. Sept. 2017 // Alternative fur Deutschland. URL: https://www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2017/06/2017-06-01_AfD-Bundestagswahlprogramm_Onlinefassung.pdf (Data obrashhenija: 10.11.2018.)

Walter F. (Her.). Ursachen und Hintergründe für Rechtsextremismus, Fremdenfeindlichkeit und fremdenfeindlich motivierte Übergriffe in Ostdeutschland sowie die Ballung in einzelnen ostdeutschen Regionen. Göttinger Institut für Demokratieforschung, 2017. 232 S.

Williams M.H. The Impact of Radical Right-Wing Parties in West European Democracies. NY: Palgrave Macmillan, 2006. 236 p.

Zuwanderungs- und Integrationsstatistik // Staatskanzlei des Landes Nordrhein-Westfalen. 2017. 13 Feb. URL: https://www.land.nrw/de/pressemitteilung/43-millionen-menschen-mit-migrationshintergrund-nrw-fortschritte-bei-bildung-und (Data obrashhenija: 5.10.2018.)

DOI: 10.31249/rsm/2019.02.10

О.Н. Новикова

ДЕТИ ХАЛИФАТА

Аннотация. *В статье обобщена и проанализирована информация, касающаяся вербовки и эксплуатации детей террористическими и насильственными экстремистскими группировками. Завербованных детей используют для сбора разведывательной информации, для транспортировки вооружения и для непосредственного участия в военных действиях. Дети направляются в районы, контролируемые насильственными экстремистскими группировками, чтобы присоединиться к ним. Необходимо воспринимать социализацию детей в «исламском государстве» как виктимизацию, включающую жестокие методы вербовки, рабскую зависимость, сексуальную эксплуатацию, пребывание в постоянном страхе, идеологизацию и постоянное психологическое давление. В то же время эти дети – потенциальные правонарушители, способные совершать преступления насильственного характера. Тот факт, что они представляют собой угрозу обществу, не исключает того, что они являются жертвами. Чтобы облегчить интеграцию таких детей в нормально функционирующее общество, государство должно развивать реабилитационные практики защитного характера. Обычно эти дети страдают от обусловленных войной психологических травм и посттравматического стрессового расстройства. Если надлежащие долгосрочные реабилитационные программы отсутствуют, некоторые дети, которые ранее уже могли привыкнуть к насилию, потенциально могут в дальнейшем быть подвержены процессу радикализации. Одна из проблем состоит в том, чтобы понять, как несовершеннолетние преступники, обвиненные в насильственном экстремизме, отличаются от несовершеннолетних уголовных преступников и от взрослых преступников из числа экстремистов, практикующих насилие.*

Ключевые слова: *террористические организации; насильственные экстремистские группировки; вербовка; идеологизация; виктимизация; реабилитация; реинтеграция; несовершеннолетние преступники; практикующие насильственный экстремизм; молодые «репатрианты» из ИГИЛ*[1].

1. Деятельность данной организации запрещена на территории Российской Федерации.

**Новикова Ольга Николаевна – кандидат исторических наук,
зав. отделом Европы и Америки ИНИОН РАН, Москва.
E-mail: inionnovikovagmail.com**

O.N. Novikova. Children of the Caliphate

Abstract. *The article summarizes and analyzes existing knowledge on the recruitment and exploitation of children by terrorist and violent extremist groups. The recruited children are used to act as spies, to transport military equipment, to actively engage in attacks. Children are travelling with their families or by themselves from their state of residence to areas controlled by terrorist and violent extremist groups, in order to join them. We need to understand child socialisation into the Islamic State as a type of victimization which includes ferocious recruitment methods, enslavement, sexual exploitation, exposure to constant fear, indoctrination and psychological pressure. At the same time these children are potential perpetrators of violent crimes. The fact that they pose a threat does not lessen the fact that they were victims. The states have to develop protection-oriented rehabilitation activities for these children, so as to facilitate their reintegration into society. Usually these children suffer from war-related trauma and post-traumatic stress disorder. If proper long-term rehabilitation programmes are absent some of the children that might therefore have become accustomed to violence, would be potentially vulnerable to radicalisation later on. One of the key challenges is to understand how juvenile violent extremist offenders are different from either regular juvenile criminal offenders or from adult violent extremist offenders.*

Keywords: *terrorist organizations; violent extremist groups; recruitment; indoctrination; victimization; rehabilitation; reintegration; juvenile violent extremist offenders; young IS returnees.*

**Novikova Olga Nikolayevna – Candidate of Historical Sciences,
Head of the Department of Europe and America, INION RAN,
Moscow. E-mail: inionnovikovagmail.com**

Власти Чечни сегодня работают над возвращением в Россию 117 российских детей, незаконно вывезенных на территорию Сирии, еще 300 остаются в лагерях, подконтрольных западной коалиции [2]. Эта благородная инициатива требует, однако, проведения всестороннего анализа информации, касающейся феномена детей халифата.

Сколько их, детей халифата?

Число возвращающихся в Россию детей очень велико, особенно если мы сопоставим их с данными по странам ЕС. Считается, что на территории ИГИЛ оказались 400 несовершеннолетних граждан Франции (они поехали в «исламское государство» или родились там), 77 (19%) вернулись. Из Бельгии

последовали в ИГИЛ 162 ребенка (или родились там), вернулись 24 (15%). Из Нидерландов уехали 175 детей (или родились там), а вернулись только четыре (2%). Большинство детей моложе десяти лет [10, p. 3].

Весь мир облетели кадры, изображающие вооруженных и безжалостных мальчиков, участвующих в казнях «врагов халифата». Несовершеннолетние боевики-террористы, девочки, перевозящие оружие, готовящие еду и ухаживающие за террористами. В соответствии с данными ООН число завербованных для участия в вооруженных конфликтах детей остается очень высоким. Например, в Сирийской Арабской Республике в 2017 г. число детей, завербованных и участвующих в конфликте, составило 961 человек [11, p. 2]. Притом 90% из них непосредственно участвовали в вооруженных столкновениях [11, p. 26]. В Ираке сотрудники ООН задокументировали наличие 523 детей, завербованных сторонами конфликта. В 2017 г. в Ираке по меньшей мере 1036 детей оставались в местах заключения по обвинению в основном к принадлежности к ИГИЛ. 279 детей в Ираке были убиты и 438 – изувечены [11, p. 12]. По данным Совместной объединенной оперативной группы, которая занимается борьбой с ИГ, сейчас у боевиков, только по подтвержденным данным, находится 1175 мальчиков и 294 девочки. От 1500 до 2000 детей прошли тренировочные лагеря ИГИЛ в период с 1 января 2015 г. по 31 декабря 2016 г. [17]. В октябре 2018 г. из-под власти Боко Харам освободили 800 детей. Напомним, что в 2016 г. военным удалось освободить еще более 200 захваченных боевиками школьниц, которых они удерживали в плену почти два года. Всего, по данным ЮНИСЕФ, в плену боевиков продолжают находиться около полутора тысяч детей [1].

Трудно установить общее число детей в халифате, еще труднее определить, сколько было рождено на территории ИГИЛ. В документах ЕС все дети делятся на четыре группы: несовершеннолетние беженцы; несовершеннолетние боевики; дети, рожденные европейскими боевиками-террористами в Сирии и Ираке; дети, оставшиеся на территории ЕС, родители или братья и сестры которых уехали в Сирию и Ирак [14]. Существует и другая классификация: 1) дети, сопровождающие родителей, опекунов или старших братьев и сестер в «исламское государство»; 2) дети, родители которых добровольно отпустили своих детей в ИГИЛ; 3) дети, насильно отнятые у местных родителей; 4) дети-сироты на территориях, контролировавшихся ИГИЛ; 5) дети, бежавшие из семей одни или с близкими друзьями из прилегающих районов или даже из-за границы [17]. Приводим еще одну возможную классификацию, где все дети делятся на категории: дети-иностранные боевики; брошенные дети; дети, вынужденные вступить в члены организации (из числа сирот под контролем ИГИЛ или похищенные дети); добровольцы.

Очевидно, что среди всех этих групп есть категория детей, которые предстают исключительно как жертвы вооруженных конфликтов. Это, например,

дети-беженцы. В 2015 г. ЮНИСЕФ объявил, что Сирия – самое опасное в мире место для детей. Начиная с 2011 г. почти 4,8 млн человек покинули страну, а 6 млн – вынужденные переселенцы внутри страны. В то время как некоторые беженцы осели в Северной Америке и Европе, многие остались в лагерях для беженцев. Почти половина из общего числа всех беженцев – 6 млн – это дети [19, p. 34]. Многие из этих детей страдают психическими расстройствами [19, p. 35]. В 2015 г. в исследовании, проводившемся Федеральной палатой психотерапевтов, отмечалось, что почти половина всех беженцев в стране страдают психическими заболеваниями. И только 4% из них получают медицинскую помощь. В Центре для беженцев в Мюнхене профессор П. Хеннингсен обследовал приблизительно 100 сирийских детей и подростков до 14 лет, 22% получили диагноз посттравматическое стрессовое расстройство [там же].

Но есть и категории детей, которые не только вызывают жалость и сочувствие, но и представляют опасность для общества.

Были ли прецеденты в истории?

Подмечено, что роль детей была тесно связана не только с их систематической идеологической обработкой, но и с насильственной вербовкой. При этом игиловцы утверждали, что в деле вербовки детей опираются на традиции последнего, по их мнению, истинного халифата – Оттоманской империи. Речь идет о системе девширмé [8, p. 23]. Эта система, своеобразный налог с немусульманского населения, подразумевала принудительный набор мальчиков из христианских семей для их последующей службы в качестве «слуг Порты». Такие мальчики часто становились воинами, янычарами, выполняли полицейские и охранные функции.

В ИГИЛ были многочисленные примеры изъятия детей из семей национальных меньшинств для включения их в воинские формирования. С августа 2014 по июнь 2015 г. сотни мальчиков, включая езидов и туркмен, были насильно отняты у семей в Найнаве, провинции на севере Ирака, и отправлены в тренировочные центры. Там детей обучали Корану, владению оружием, тактике вооруженной борьбы.

Но нельзя не отметить отличия в подходах к насильственной вербовке детей в ИГИЛ и в Оттоманской империи раннего периода. В Оттоманской Порте одновременно существовали разные исламские верования, разнообразные религиозные понятия, обычаи и традиции. Такой подход нетипичен для жесткого салафизма «исламского государства». Кроме того, в Оттоманской империи в рамках системы девширмé для мальчиков не был ограничен доступ к богатству и высокому социальному статусу. В «исламском государстве» ввиду скудости получаемого образования мальчики не могли на такое

рассчитывать. Нужно учесть также, что система девширмé носила чисто политический характер и осуждалась богословами Оттоманской империи как нарушающая права немусульманских подданных. Не выявлено фактов, подтверждающих, что исламские богословы ИГИЛ защищают права «неверных». Так что с практикой своего так называемого «исторического предшественника» – Оттоманской империи – у ИГИЛ не так много общего.

Система рекрутирования детей, которая действительно сходна с игиловской, – эта та, которая существовала в Ираке. В конце 1970-х годов партия Баас создала военизированную детскую организацию, где дети начиная с 12 лет проходили военную подготовку и идеологическую обработку. Эти подразделения принимали участие в ирано-иракской войне. С середины 1990-х годов в Ираке при Саддаме Хусейне были организованы летние учебные лагеря для тысяч десятилетних мальчиков [23]. Там их учили обращаться с оружием и формировали их мировоззрение. Самая крупная детская организация, созданная в 1991 г., называлась Львята Саддама (Saddam's Lion Cubs = Ashbal Saddam). Ее членами были дети от 10 до 15 лет, их тоже направляли в учебные лагеря военизированного типа, где занятия продолжались по 14 часов в день. Опыт создания и функционирования иракских военизированных детских организаций, идеологической обработки детей был полностью использован ИГИЛ. Даже их названия похожи: «Львята Саддама» и «Детёныши Халифата» (Cubs of the Caliphate).

Как дети оказываются в халифате

Если какая-либо община полагает, что необходимо защищать свою этническую или религиозную идентичность, под влияние этих соображений попадают и дети этой общины. Они могут захотеть отомстить за унижение или смерть своих родных. Бывают и экономические мотивы присоединения к террористическим группировкам. Ввиду крайней нищеты родители могут сами направлять детей в вооруженные отряды, где им предоставят еду и одежду. Некоторых детей, так же как и взрослых, может привлечь идея мученичества, жертвы. Девочки-подростки иногда устремляются в зоны конфликта, когда «влюбляются по переписке» в «воинов Аллаха».

Часто детей вербуют насильно, но даже «добровольная» вербовка находится в зоне ответственности взрослых, именно они принимают окончательное решение об участии детей в вооруженном конфликте. Так что граница между насильственной и добровольной вербовкой детей довольно зыбкая.

При вербовке террористические группы активно используют Интернет. В процессе институционализации в «халифате» ребенок проходит несколько стадий: социализация, обучение, отбор, подчинение, специализация и позиционирование. В халифате им оказывают теплый прием. Там они восприни-

мают маркеры идентичности (например, лексику, форму одежды) своей новой социальной группы. Ребенок учится пересматривать свое прошлое, с тем чтобы быть готовым воспринять новые нормы. Это помогает ребенку понять, кто друг, а кто новый враг. Самоотречение и трудности (например, при прохождении военной подготовки) сочетаются с каждодневной проверкой на лояльность и дисциплиной. Казнь пленника часто бывает последним тестом на лояльность. Учитывая все это, мы должны понимать, что в данном случае социализация детей – это особый тип их «виктимизации». То есть они, подвергаясь такому агрессивному воздействию, приобретают статус жертвы.

Многие террористические группы пользуются тем, что для детского возраста характерны поиски идентичности. Взрослые террористы предлагают им роли, считающиеся престижными, почетными – роли солдат, героев, лидеров, защитников. Эти посылы особенно заманчивы для детей, жизнь которых тяжела. Дети стремятся стать уважаемыми членами группы и иметь оружие [22].

Особого рассмотрения заслуживает вопрос, связанный с вербовкой девочек. Девочек вербуют по целому ряду причин. Присутствие их в террористических организациях делают эти структуры более привлекательными для будущих рекрутов. «Халифат» приобретает признак обычного государства, где есть женщины и дети. По данным Общей службы разведки и безопасности Нидерландов, девочки не вербовались для непосредственного участия в вооруженных действиях, лишь незначительное их число, возможно, научили обращаться с оружием. Они могут использовать эти знания, только когда халифату угрожает опасность. Эти указания распространяются и на взрослых женщин. До 2017 г. ИГИЛ не выпустила ни одной официальной директивы (фетвы), где бы женщинам разрешалось участвовать в боях или других насильственных действиях [25, p. 13]. Однако эти сведения противоречат информации Детского Фонда ООН (UNICEF), в соответствии с которой три четверти из числа детей, осуществивших самоподрыв, – девочки [9, p. 2]. Но бесспорно то, что если девочки выживают в «халифате» и возвращаются домой, они подвергаются дискриминации и гонениям в своих общинах.

Почему в джихад вовлекаются дети?

Дети находились в центре внимания халифата. Вовлечение детей в насильственные действия происходит потому, что это выгодно террористическим организациям. И если раньше дети использовались взрослыми во время военных конфликтов, *несмотря* на свой возраст, то ИГИЛ начало их вовлекать в зону военных действия *из-за* возраста.

В стратегическом плане дети халифата воспринимаются террористическими организациями как продолжатели джихада, как будущие борцы за веру, которые обеспечат выживание идеи глобального халифата в долгосрочной

перспективе. Формирование будущих продолжателей джихада велось в школах на территориях, подконтрольных ИГИЛ; обучение в этих школах было обязательным для всех детей и раздельным. Занятия проводились с воскресенья по четверг. Обучение начиналось с шестилетнего возраста и должно было длиться девять лет. Такие предметы, как всеобщая история (изучалась только исламская история), философия, обществоведение, а также музыка и рисование были исключены из программы. Зато было введено заучивание Корана, монотеизм, исламское право, изучение вопросов веры, жизни Пророка Мухаммада [8, p. 31]. Если дети приехали со своими родителями из западных стран, им дополнительно давали уроки арабского языка. Были специальные школы, где учились дети иностранных боевиков, где детей учили на английском языке, там были специальные классы для детей-уйгуров и детей с Кавказа [25, p. 8]. Занятия физкультурой включали стрельбу (с девяти лет для мальчиков), плавание и борьбу.

Идеологическая обработка детей начиналась очень рано. У них нет ранее сформированного мировоззрения, которое надо ломать или изменять, а следовательно, любая идеология, даже экстремистская, воспринимается ими как нормальная. Большинство детей, повзрослев, остаются этой идеологии верны. К тому же зазубривание детьми идеологических догм не означает, что они их понимают. Идеологизация детей на территории «халифата» происходила довольно легко еще и потому, что поддерживалась и одобрялась либо находящимися здесь же членами их семей, либо заботящимися о них людьми. Дети, исповедующие ислам, воспринимаются мусульманами как непорочные существа, у которых больше шансов попасть в рай, чем у взрослых бойцов, у тех, которые совершили *хиджру* (переселились из территории неверия на территорию ислама или на территорию боевых действий во имя ислама). Кроме того, если дети рождены были в «исламском государстве», они не были «испорчены» жизнью в странах, где были распространены светские ценности. И это касается даже арабских государств, где исламские ценности соседствуют со светскими.

Дети халифата становятся жестокими воинами, поскольку их детство проходило в атмосфере насилия. Они к нему привыкли. Их заставляли наблюдать жестокие наказания и казни, а потом и самим в них участвовать. Это особенно способствовало радикализации несовершеннолетних. Обучение носило религиозный характер, целью которого было *создание нового поколения моджахедов*. Однако представляется, что религиозная обработка детей – не самая главная дорога, которая вела их к насильственному экстремизму: социальные и психологические аспекты кажутся более значимыми. Большую роль играют и полученные ими психологические травмы. Дети видели лицо смерти, гибель близких, раненых и убитых. Эти впечатления ведут к депрессиям, посттравматическим расстройствам, различным психозам. Но

в мусульманской культуре душевные болезни – частное дело человека, обращение к психиатрам и психологам крайне редки. Вместо этого поддержку ищут у членов семьи и у друзей, а также у муллы. Если дети в условиях вооруженного конфликта изолированы от родителей, семьи, т.е. от системы социальной поддержки, их психические расстройства только усугубляются.

В тактическом отношении привлечение детей к джихаду используется игиловцами для роста популярности экстремистских группировок, информация об участии детей шокирует людей, приковывает внимание всего мира и устрашает его. Кроме того, для вооруженной группы содержание ребенка обходится дешевле, чем взрослого бойца. Научить детей пользоваться легким стрелковым оружием нетрудно. Ребенка легче контролировать, чем взрослого, им проще манипулировать, особенно если в этой же группировке воюют его отец или другие родственники.

Что они там делают?

Какие функции отвели взрослые детям в халифате? Они участвуют в насильственных действиях, т.е. непосредственно в боях, становятся смертниками, участвуют в экзекуциях и казнях, учатся в военных школах и тренировочных лагерях. Дети используются взрослыми как разведчики, связные, патрульные, охранники [7, p. 85]. При проведении разведывательных операций ребенок вызывает меньше подозрений, чем взрослые. Параллельно дети играют с оружием и учатся им угрожать, наблюдают за публичными наказаниями и казнями, слушают исламистскую пропаганду. Они привыкают к насилию, оно становится для них нормой жизни. Дети воспринимают халифат как государство, где они занимаются религиозным обучением, где могут получить медицинскую и социальную помощь, где они живут по законам шариата, отмечают мусульманские праздники, ведут каждодневную жизнь.

До какого возраста они дети?

Употребляя термин «дети», нужно иметь в виду, что в соответствии с Конвенцией о правах ребенка ООН дети – человеческие существа до достижения 18-летнего возраста [12]. Но уголовная ответственность – в соответствии с законами и культурными особенностями каждой конкретной страны – наступает раньше, в 10–15-летнем возрасте [18].

Вопрос о возрасте, с которого наступает уголовная ответственность, приобретает особенную остроту, когда речь идет о фактах использования детей в качестве боевиков. Большинство международных конвенций запрещает поступление детей до 15 лет на военную службу. Однако сейчас набирает

обороты тенденция установить минимальный возраст комбатанта – 18 лет. Этот возраст указан в «Парижских принципах»[2] и в Факультативном протоколе к Конвенции о правах ребенка, касающемся участия детей в вооруженных конфликтах [5]. Эта тенденция доминирует не только в западных странах, но и, например, в Африканской хартии прав и благополучия ребенка, которая была принята в 1990 г. и вступила в силу 29 ноября 1999 г. [6, Art. 2]. В США на воинскую службу могут поступить 17-летние граждане, в Великобритании – 16-летние при условии, что это будет сделано добровольно, с согласия родителей или опекунов и что возраст должен быть документально подтвержден.

Нужно иметь в виду, что дети могут быть одновременно и жертвами, и преступниками. Притом угрозу для окружающих они могут представлять либо в краткосрочной (если им 13–15 лет), либо в долгосрочной перспективе, когда они из маленьких мальчиков, в случае продолжения процесса радикализации, превратятся в убежденных бойцов-моджахедов. Здесь будет иметь значение и боевой опыт, полученный несовершеннолетним, и уже совершенные преступления, и полученные моральные травмы, и пагубное влияние взрослых джихадистов.

Какие существуют программы?

В некоторых странах в отношении бывших боевиков действуют программы разоружения, демобилизации и реинтеграции. Напомним определения этих понятий, которые сформулированы ООН. ***Разоружение*** включает сбор, документирование, контролирование и уничтожение стрелкового оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и легкого и тяжелого вооружения, изъятого у комбатантов и зачастую у гражданского населения. ***Демобилизация*** – это официальное и контролируемое увольнение активных комбатантов из вооруженных сил и группировок, включая этап «восстановления», во время которого комбатантам предоставляется краткосрочная помощь. ***Реинтеграция*** – это процесс, в рамках которого бывшие комбатанты получают гражданский статус, находят работу и источники дохода. Этот процесс политического и социально-экономического характера не имеет ограничений по времени и происходит главным образом в общинах на местном уровне [4]. Предполагается, что реинтеграция – это безболезненное вхождение в общество, посредством которой индивидуум переходит к законопослушной жизни после своего освобождения из заключения и приобретает взгляды и поведение,

2. «Парижские принципы» – это свод правил и рекомендаций по борьбе с насильственным вовлечением детей в боевые действия, а также по оказанию содействия тем детям, которые уже стали жертвами принудительной вербовки в солдаты.

которые, как правило, ведут к продуктивному функционированию в обществе [16, p. 8]. Кроме программ разоружения, демобилизации и интеграции, существуют и программы реабилитации. ***Реабилитация*** – это целенаправленное, запланированное вмешательство, которое направлено на изменение сущностных характеристик преступника (взглядов, когнитивных навыков, индивидуальности или психического здоровья, образования или профессиональных навыков), тех характеристик, которые, как считается, становятся причиной криминального поведения индивидуума. Реабилитация имеет целью уменьшить риск рецидива насилия. Программы реабилитации имеют различное содержание и зависят от различных факторов. Они должны учитывать целевую аудиторию (правых экстремистов, религиозных экстремистов, другие формы экстремизма). Участие в программах может носить как принудительный, так и добровольный характер. В зависимости от конкретных обстоятельств программы могут включать в себя психологическое тренинги, образовательные курсы, консультации по религиозным вопросам. Существуют также программы, цель которых – воспрепятствовать процессу радикализации тех групп в обществе, которые могут быть особенно восприимчивы к экстремистским идеям. Очевидно, что такие программы носят превентивный характер и направлены на тех индивидуумов, которые еще не совершили преступлений.

Все эти программы ориентированы на широкую категорию террористов, они не предполагают специальную работу с несовершеннолетними. Как же их преломить для работы с детьми халифата? Необходимо учитывать, что такого рода программы должны отличаться как от тех, что используются для работы со взрослыми бывшими террористами, так и от тех, которые созданы для работы с малолетними правонарушителями, совершившими преступления неэкстремистского характера.

Программы реабилитации и реинтеграции детей халифата, участвовавших в боевых действиях, должны иметь «тонкую настройку», их параметры обусловливаются многими факторами. Прежде всего необходимо определить «целевую аудиторию» таких программ: подростки-боевики, «добровольные возвращенцы» или группы детей, особенно уязвимых для радикализации. Нужно также определить время реализации программ: они должны осуществляться до момента задержания, во время заключения под стражу или после этого. Со временем реализации программы связан и вопрос добровольного или принудительного участия детей в таких программах.

Необходимо определить ответственных за реализацию этих программ: будут ли это сотрудники правоохранительных органов, социальные работники, психологи или научные работники, занимающиеся исследованиями в области религии? Необходимо также установить форму осуществления таких программ: будут ли они существовать как психологические консультации,

как образовательный процесс или консультации в сфере религии? Например, эффективными могут быть санкционированные беседы с религиозными деятелями. Они проводятся, исходя из того, что детям до этого внушалась ложная, основанная на насилии, интерпретация ислама. Можно применять также когнитивно-поведенческую терапию или организовывать курсы управления гневом. Еще один компонент программ реабилитации и реинтеграции детей – вовлечение их в образовательный процесс: оказание помощи при получении среднего, специального и высшего образования. Кроме того, необходимо создать условия для полноценного отдыха детей – занятий спортом, музыкой, посещения театров.

Как правило, программы реабилитации и реинтеграции взрослых джихадистов включают финансовую поддержку, поскольку считается, что бедность и несправедливое распределение доходов – одна из причин проявлений насильственного экстремизма. Как быть с детьми? Представляется, что финансовая помощь должна быть оказана их родственникам или опекунам. Также – для успешной реинтеграции детей – можно привлекать к процессу работы с ними местные общины и иного рода сообщества.

Когда подобные программы касаются взрослых комбатантов, они обычно длятся недолго – до трех месяцев. И зачастую они не могут решить важнейшую задачу *дерадикализации* взрослых участников вооруженных конфликтов. В ряде стран – в Саудовской Аравии, Голландии и в Великобритании – запущены специальные программы дерадикализации. Все они предназначены для взрослых преступников. Программы дерадикализации для *детей* должны быть направлены на то, чтобы поменять их образ жизни, излечить их от психологических травм, которые они получили в «исламском государстве». Наблюдая насилие на протяжении длительного периода, дети, становясь взрослыми, будут стремиться решить все свои проблемы насильственным путем, привыкнув к мысли, что пролитие крови – нормальное явление. Необходимо внушить им правильное, неискаженное представление об истинных национальных ценностях, провести религиозную и идеологическую переориентацию, обеспечить интеллектуальную, социальную и эмоциональную поддержку. Хорошо, если в этих процессах будет участвовать бывший экстремист или исламский проповедник.

Как эти программы должны работать

Теоретически правосудие по делам несовершеннолетних должно опираться на стандарты и нормы содержания, реабилитации и реинтеграции несовершеннолетних преступников, обвиненных в насильственном экстремизме. В соответствии с этими нормами приоритетными являются меры по реабилитации, специальный надзор и защита детей, находящихся в заключении. Эти

меры необходимо предпринимать, исходя из их особой уязвимости детей в условиях заключения и риска злоупотреблений в отношении этой группы преступников. Среди такого рода стандартов и норм заключение под стражу рассматривается как крайняя мера, а в случае необходимости применения этой меры – постулируется отдельное от взрослых содержание [21, p. 1].

Однако на практике оказывается, что разные страны применяют различные подходы к малолетним экстремистам.

В некоторых странах, например Перу и Саудовской Аравии, если речь идет о террористических нападениях, к несовершеннолетним правонарушителям применяются те же меры, что и к взрослым преступникам – вплоть до смертной казни. И даже тогда, когда применяется ювенальная юстиция, из общих правил делаются исключения в сторону ужесточения. Иногда несовершеннолетние, обвиненные в терроризме, содержатся в тюрьмах вместе со взрослыми, несмотря на наличие специальных мест содержания для детей. Не секрет, что в таких случаях дети могут подвергаться насилию и запугиванию со стороны взрослых заключенных.

В Австрии осуществляется другой подход. Дела малолетних преступников, обвиненных в терроризме, рассматриваются в судах для обычных несовершеннолетних правонарушителей, и в отношении них применяется специальное законодательство. Этот подход имеет свои слабые стороны. Если несовершеннолетние преступники, обвиненные в терроризме, содержатся с другими несовершеннолетними нарушителями законов, то в этом случае не используется особый контингент сотрудников, обученных иметь дело с радикализированной молодежью. Кроме того, эти идеологически зашоренные молодые преступники могут преуспеть в вербовке и радикализации своих сверстников.

И жесткий, и мягкий подходы имеют свои недостатки. Представляется, что оба они могут с успехом применяться при условии, что для категории несовершеннолетних преступников, обвиненных в терроризме, будут созданы специальные, отдельные помещения как при местах заключения обычных несовершеннолетних правонарушителей, так и при обычных тюрьмах для взрослых. Казалось бы, такой выход из положения позволяет преодолеть негативные последствия применения двух вышеуказанных альтернатив. Однако во многих странах число несовершеннолетних, обвиненных в терроризме, незначительно, поэтому создание для них особых условий содержания, а также специализированных программ реабилитации – дорогостоящие мероприятия. Для работы с такой категорией осужденных требуются особые навыки и знания, в частности умение разбираться в проблемах радикализации и насильственного экстремизма религиозного характера. Каждое правительство задумывается о минимальном числе обвиненных в терроризме несовер-

шеннолетних преступников, для которых есть смысл создавать особые условия содержания.

Реальная проверка успешности программ реабилитации в местах заключения происходит после освобождения детей. При интеграции детей в общество они могут подвергаться остракизму и осуждению, что еще усугубит их ситуацию. Процесс реинтеграции состоит из трех периодов: подготовительная работа во время заключения, работа с детьми во время стадии переезда из мест заключения в сообщество по месту жительства и интеграция в данное сообщество [14, p. 21]. – The Hague.

Считается, что в первые полгода-год после освобождения существует наибольшая опасность рецидива, возвращения к насильственным действиям, поэтому в этот период очень важно продолжать способствовать процессу реинтеграции. Для ребенка особенно важно чувство принадлежности к сообществу, его отношения со взрослыми, с семьей. При этом в арабских странах не принято прибегать к помощи профессиональных психиатров. В исламском мире есть альтернатива этой помощи: люди обращаются за поддержкой к родственникам и к муллам. Мусульмане верят, что муллы могут излечить психические заболевания с помощью молитв и заклинаний от «дурного глаза» [20, p. 12].

При осуществлении программ реабилитации и реинтеграции девочек должны быть обеспечены особые условия. Девочки должны быть размещены отдельно от мальчиков. Помощь им должен оказывать женский персонал, должны поставляться товары женской гигиены и детское питание для самых маленьких. При работе с девочками необходимо учитывать, что в мусульманских сообществах существует особое отношение к девочкам-подросткам, возвращающимся из зон боевых действий, где они могли «познать мужчин». Такие девочки теряют свой социальный статус. Необходимо предпринять целый ряд мер, благодаря которым сообщество может их принять.

Рекомендуется вовлекать девочек в жизнь сообщества. Если девочка получит какое-то задание, которое она будет выполнять в составе группы людей, особенно если инициатива исходит от влиятельного члена сообщества, то это могло бы помочь изменить отношение к ней ее семьи и общины. Такого рода меры не потребуют особых затрат, и они должны быть приоритетны. Нужно помочь девочкам, ранее связанным с вооруженными группировками и подвергнутым остракизму, вернуться в школы по месту жительства. В этом им должны оказать помощь родители, учителя и сами учащиеся. Такие занятия можно проводить в классных комнатах после уроков, и вести эти занятия могут учителя на добровольной основе.

Рекомендуется предоставить девочкам возможность заняться подработкой во время каникул. Это поможет экономически поддержать семью и сделает их более экономически независимыми, что поднимет их социальный

статус. Девочки, живущие в сельской местности, могли бы заняться животноводством и сельскохозяйственными работами, что положительным образом повлияет на их положение в общине [15, p. 127–128].

Заключение

Кто они, дети халифата? Преступники или жертвы?

Анализ проблемы позволяет сделать вывод, что детей, находившихся ранее и находящихся еще теперь на территории ИГИЛ, нужно рассматривать не только как потенциальных малолетних преступников, но и как жертв вооруженного конфликта. В детстве человек особенно восприимчив ко всякого рода влияниям. Поэтому джихадистам удавалось легко воспитывать детей в духе исламского экстремизма. Но, с другой стороны, еще не полностью сформированная в детстве идентичность дает возможность и позитивно воздействовать на ребенка: прививать ему правильные взгляды на религию, обеспечивать доступ к хорошему образованию, всесторонне развивать его личность. При этом очень большое – пожалуй, даже большее, чем для взрослого бывшего боевика в стадии реинтеграции – значение для ребенка будет иметь его социальное окружение. По отношению к ребенку его окружение (часто община) должно быть не только доброжелательно настроено, что не всегда бывает в отношении вернувшихся из ИГИЛ, но и выполнять функцию защиты. При воздействии на ребенка в целях его социализации и идеологической переориентации необходимо учитывать степень его способности усваивать новые модели поведения и его отношение к насилию. Над этим надо тщательно работать, чтобы не допустить возвращения детей к криминальному поведению.

Библиография

1. Из плена боевиков «Боко Хаарам» в Нигерии освободили 800 детей // Российская газета. 2018. 12 окт. URL: https://rg.ru/2018/10/12/iz-plena-boevikov-boko-haram-v-nigerii-osvobodili-800-detej.html (Дата обращения: 15.12.2018.)

2. Кадыров: более 100 российских детей планируется вернуть в Россию из Сирии // ТАСС. 2018. 29 авг. URL: https://tass.ru/obschestvo/5504108 (Дата обращения: 18.12.2018.)

3. Куракин М. Дерадикализатор сломался. Власти Франции признались в провале программы социализации джихадистов // Lenta.ru. 2017. 4 апр. URL: https://lenta.ru/articles/2017/04/04/deradicalisationfranceoblom/ (Дата обращения: 18.12.2018.)

4. Разоружение, демобилизация и реинтеграция. Операции ООН по поддержанию мира // Организация Объединенных Наций: Официальный сайт. URL: http://www.un.org/ru/peacekeeping/issues/ddr.shtml (Дата обращения: 11.01.2019.)

5. Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся участия детей в вооруженных конфликтах. Принят резолюцией 54/263 Генеральной Ассамблеи ООН 25 мая 2000 года // Организация Объединенных Наций: Официальный сайт. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/rightschild_protocol1.shtml (Дата обращения: 10.05.2018.)

6. African Charter on Rights and Welfare of the Child. URL: http://www.achpr.org/files/instruments/child/achpr_instr_charterchild_eng.pdf Дата обращения: 4.02.2019.)

7. Bagheri S. The military use of children by the syrian-iraqi salafi-jihadist group // Russian law journal. 2017. Vol. 5. Issue 1. P. 79–97. URL: https://www.russianlawjournal.org/jour/article/view/242?locale=en_US (Дата обращения: 10.05.2018.)

8. Benotman N., Malik N. The Children of Islamic State. London, Quilliam, 2016. 100 p. URL: https://f-origin.hypotheses.org/wp-content/blogs.dir/2725/files/2016/04/the-children-of-islamic-state.pdf (Дата обращения: 5.08.2017.)

9. Beyond Chibok. Regional office for West and Central Africa. 2016. April // UNICEF: Official Website. URL: https://www.unicef.org/infobycountry/files/Beyond_Chibok.pdf (Дата обращения: 15.12.2017.)

10. Building resilience among young children raised in extremist environments – specifically child returnees. Ran policy & practice event. Warsaw, 2018. 13 p. URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/what-we-do/networks/radicalisation_awareness_network/ran-papers/docs/ran_rvt-edu_building_resilience_classroom_using_testimonials_victims_formers_24–25052018_en.pdf (Дата обращения: 4.02.2019.)

11. Children and armed conflict. Report of the Secretary-General. 16 May 2018. A/72/865–S/2018/465. 42 p. // United Nations: Official Website. URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/2018/465&Lang=E&Area=UNDOC (Дата обращения: 24.18.2018.)

12. Convention on the Rights of the Child. Adopted and opened for signature, ratification and accession by General Assembly resolution 44/25 of 20 November 1989 entry into force 2 September 1990, in accordance with article 49 // United Nations. Office of the High Commissioner for Human Rights: Official Website. URL: http://www.ohchr.org/EN/ProfessionalInterest/Pages/CRC.aspx (Дата обращения: 10.10.2019.)

13. Correcting the course. Advancing juvenile justice principles for children convicted of violent extremism offenses. 2017. Sept. 14. 33 p. // International Centre for Counter-Terrorism: Official Website. URL: https://icct.nl/publication/correcting-the-course-advancing-juvenile-justice-principles-for-children-convicted-of-violent-extremist-offenses/ (Дата обращения: 24.18.2018.)

14. Council of the European Union. «Member Sates' approaches to dealing with accompanying family members of Foreign Terrorist Fighter Returnees, in particular children: Results of the questionnaire and follow-up». 6 March 2017 // Council of the European Union: Official Website. URL: http://statewatch.org/news/2017/mar/eu-ctc-report-foreign-fighters-children-6900-17.pdf (Дата обращения: 24.10.2017.)

15. Handbook on Children Recruited and Exploited by Terrorist and Violent Extremist Groups: The Role of the Justice System. United Nations Office on drugs and crime. Vienna, 2017. 149 p. URL: https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/HB%20Children/Handbook_on_Children_Recruited_and_Exploited_by_Terrorist_and_Violent_Extremist_Groups_the_Role_of_the_Justice_System.E.pdf (Дата обращения: 04.02.2019.)

16. Heide van der, L., Geenen J. Children of the Caliphate. Young IS Returnees and the Reintegration Challenge, ICCT Research Paper. 2017. Aug. 19 p. // International Centre for Counter-Terrorism: Official Website. URL: https://icct.nl/wp-content/uploads/2017/08/ICCT-vanderHeide-Geenen-Children-of-the-Caliphate-2.pdf (Дата обращения: 04.02.2019.)

17. Horgan J. The Lost boys // Crest Security Review. 2017. Spring. Issue 04. URL: https://www.crestsecurityreview.com/article/the-lost-boys (Дата обращения: 25.07.2018.)

18. Minimum ages of criminal responsibility in Europe, 2019 // Child rights international network. URL: https://archive.crin.org/en/home/ages/asia.html (Дата обращения: 4.02.2019.)

19. O'Brien K. Syrian refugee children and mental trauma: community-based approaches // ALLONS-Y. 2017. Vol. 2. August. 47 p. URL: https://www.childsoldiers.org/wp-content/uploads/2017/08/Syrian-Refugee-Children-and-Mental-Health-Trauma-min.pdf (Дата обращения: 22.03.2018.)

20. Rayan A., Jaradat A. Stigma of Mental Illness and Attitudes Toward Psychological Help-seeking in Jordanian University Students // Research in Psychology and Behavioral Sciences. 2016. Vol. 4. N 1. P. 7–14. URL: http://pubs.sciepub.com/rpbs/4/1/2 (Дата обращения: 10.10.2019.)

21. Rehabilitating juvenile violent extremist offenders in detention: Advancing a juvenile justice approach. Policy brief. 2016. Dec. // International Centre for Counter-Terrorism: Official Website. URL: https://icct.nl/wp-content/uploads/2016/12/16Dec6_JVEO_Policy-Brief_FINAL.pdf (Дата обращения: 05.06.2018.)

22. Singer P.W. Child soldiers. The New Faces of War // The Brookongs Institutution. 2005. Jan. 1. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/singer20051215.pdf (Дата обращения: 03.03.2017.)

23. Singer P.W. Facing Saddam's Child Soldiers // The Brookings institution. 2003. Jan. 14. URL: https://www.brookings.edu/research/facing-saddams-child-soldiers/ (Дата обращения: 03.03.2017.)

24. Symons E-K. The «Madam Deradicalization» of France is rehabilitating ISIS's youngest recruits // Women in the World. 2016. Jan. 01. URL: https://womenintheworld.com/2016/01/10/the-madame-deradicalization-of-france-is-rehabilitating-isiss-youngest-recruits/ (Дата обращения: 21.06.2018.)

25. The Children of ISIS. The indoctrination of minors in ISIS-held territory. A joint publication by the National Coordinator for Security and Counterterrorism (NCTV) and the General Intelligence and Security Service (AIVD). 2017. Apr. 20 p. // General Intelligence and Security Service: Official Website. URL: https://english.aivd.nl/publications/publications/2017/04/26/the-children-of-isis.-the-indoctrination-of-minors-in-isis-held-territory (Дата обращения: 18.05.2018.)

References

African Charter on Rights and Welfare of the Child. URL: http://www.achpr.org/files/instruments/child/achpr_instr_charterchild_eng.pdf (Data obrashhenija: 4.02.2019.)

Bagheri S. The military use of children by the syrian-iraqi salafi-jihadist group // Russian law journal. 2017. Vol. 5. Issue 1. P. 79–97. URL: https://www.russianlawjournal.org/jour/article/view/242?locale=en_US (Data obrashhenija: 10.05.2018.)

Benotman N., Malik N. The Children of Islamic State. London, Quilliam, 2016. 100 p. URL: https://f-origin.hypotheses.org/wp-content/blogs.dir/2725/files/2016/04/the-children-of-islamic-state.pdf (Data obrashhenija: 5.08.2017.)

Beyond Chibok. Regional office for West and Central Africa. 2016. April // UNICEF: Official Website. URL: https://www.unicef.org/infobycountry/files/Beyond_Chibok.pdf (Data obrashhenija: 15.12.2017.)

Building resilience among young children raised in extremist environments – specifically child returnees. Ran policy & practice event. Warsaw, 2018. 13 p. URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/what-we-do/networks/radicalisation_awareness_network/ran-papers/docs/ran_rvt-edu_building_resilience_classroom_using_testimonials_victims_formers_24–25052018_en.pdf (Data obrashhenija: 4.02.2019.)

Children and armed conflict. Report of the Secretary-General. 16 May 2018. A/72/865–S/2018/465. 42 p. // United Nations: Official Website. URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/2018/465&Lang=E&Area=UNDOC (Data obrashhenija: 24.18.2018.)

Convention on the Rights of the Child. Adopted and opened for signature, ratification and accession by General Assembly resolution 44/25 of 20 November 1989 entry into force 2 September 1990, in accordance with article 49 // United Nations. Office of the High Commissioner for Human Rights: Official Website. URL: http://www.ohchr.org/EN/ProfessionalInterest/Pages/CRC.aspx (Data obrashhenija: 10.10.2019.)

Correcting the course. Advancing juvenile justice principles for children convicted of violent extremism offenses. 2017. Sept. 14. 33 p. // International Centre for Counter-Terrorism: Official Website. URL: https://icct.nl/publication/correcting-the-course-advancing-juvenile-justice-principles-for-children-convicted-of-violent-extremist-offenses/ (Data obrashhenija: 24.18.2018.)

Council of the European Union. «Member Sates' approaches to dealing with accompanying family members of Foreign Terrorist Fighter Returnees, in particular children: Results of the questionnaire and follow-up». 6 March 2017 // Council of the European Union: Official Website. URL: http://statewatch.org/news/2017/mar/eu-ctc-report-foreign-fighters-children-6900-17.pdf (Data obrashhenija: 24.10.2017.)

Fakul'tativnyj protokol k Konvencii o pravah rebenka, kasajushhijsja uchastija detej v vooruzhennyh konfliktah. Prinjat rezoljuciej 54/263 General'noj Assamblei OON 25 maja 2000 goda // Organizacija Ob'edinennyh Nacij: Official Website. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/rightschild_protocol1.shtml (Data obrashhenija: 10.05.2018.)

Handbook on Children Recruited and Exploited by Terrorist and Violent Extremist Groups: The Role of the Justice System. United Nations Office on drugs and crime. Vienna, 2017. 149 p. URL: https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/HB%20Children/Handbook_on_Children_Recruited_and_Exploited_by_Terrorist_and_Violent_Extremist_Groups_the_Role_of_the_Justice_System.E.pdf (Data obrashhenija: 04.02.2019.)

Heide van der, L., Geenen J. Children of the Caliphate. Young IS Returnees and the Reintegration Challenge, ICCT Research Paper. 2017. Aug. 19 p. // International Centre for Counter-Terrorism: Official Website. URL: https://icct.nl/wp-content/uploads/2017/08/ICCT-vanderHeide-Geenen-Children-of-the-Caliphate-2.pdf (Data obrashhenija: 04.02.2019.)

Horgan J. The Lost boys // Crest Security Review. 2017. Spring. Issue 04. URL: https://www.crestsecurityreview.com/article/the-lost-boys (Data obrashhenija: 25.07.2018.)

Iz plena boevikov «Boko Haram» v Nigerii osvobodili 800 detej // Rossijskaja gazeta. 2018. Oct. 12. URL: https://rg.ru/2018/10/12/iz-plena-boevikov-boko-haram-v-nigerii-osvobodili-800-detej.html (Data obrashhenija: 15.12.2018.)

Kadyrov: bolee 100 rossijskih detej planiruetsja vernut' v Rossiju iz Sirii // TASS. 2018. Aug. 29. URL: https://tass.ru/obschestvo/5504108 (Data obrashhenija: 18.12.2018.)

Kurakin M. Deradikalizator slomalsja. Vlasti Francii priznalis' v provale programmy socializacii dzhihadistov // Lenta.ru. 2017. Apr. 4. URL: https://lenta.ru/articles/2017/04/04/deradicalisation-franceoblom/ (Data obrashhenija: 18.12.2018.)

Minimum ages of criminal responsibility in Europe, 2019 // Child rights international network. URL: https://archive.crin.org/en/home/ages/asia.html (Data obrashhenija: 4.02.2019.)

O'Brien K. Syrian refugee children and mental trauma: community-based approaches // ALLONS-Y. 2017. Vol. 2. August. 47 p. URL: https://www.childsoldiers.org/wp-content/uploads/2017/08/Syrian-Refugee-Children-and-Mental-Health-Trauma-min.pdf (Data obrashhenija: 22.03.2018.)

Rayan A., Jaradat A. Stigma of Mental Illness and Attitudes Toward Psychological Help-seeking in Jordanian University Students // Research in Psychology and Behavioral Sciences. 2016. Vol. 4. N 1. P. 7–14. URL: http://pubs.sciepub.com/rpbs/4/1/2 (Data obrashhenija: 10.10.2019.)

Razoruzhenie, demobilizacija i reintegracija. Operacii OON po podderzhaniju mira // Organizacija Ob'edinennyh Nacij: Official Website. URL: http://www.un.org/ru/peacekeeping/issues/ ddr.shtml (Data obrashhenija: 11.01.2019.)

Rehabilitating juvenile violent extremist offenders in detention: Advancing a juvenile justice approach. Policy brief. 2016. Dec. // International Centre for Counter-Terrorism: Official Website. URL: https://icct.nl/wp-content/uploads/2016/12/16Dec6_JVEO_Policy-Brief_FINAL.pdf (Data obrashhenija: 05.06.2018.)

Singer P.W. Facing Saddam's Child Soldiers // The Brookings institution. 2003. Jan. 14. URL: https://www.brookings.edu/research/facing-saddams-child-soldiers/ (Data obrashhenija: 03.03.2017.)

Singer P.W. Child soldiers. The New Faces of War // The Brookongs Institutution. 2005. Jan. 1. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/singer20051215.pdf (Data obrashhenija: 03.03.2017.)

Symons E-K. The «Madam Deradicalization» of France is rehabilitating ISIS's youngest recruits // Women in the World. 2016. Jan. 01. URL: https://womenintheworld.com/2016/01/10/the-madame-deradicalization-of-france-is-rehabilitating-isiss-youngest-recruits/ (Data obrashhenija: 21.06.2018.)

The Children of ISIS. The indoctrination of minors in ISIS-held territory. A joint publication by the National Coordinator for Security and Counterterrorism (NCTV) and the General Intelligence and Security Service (AIVD). 2017. Apr. 20 p. // General Intelligence and Security Service: Official Website. URL: https://english.aivd.nl/publications/publications/2017/04/26/the-children-of-isis.-the-indoctrination-of-minors-in-isis-held-territory (Data obrashhenija: 18.05.2018.)

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

DOI: 10.31249/rsm/2019.02.11

М.А. Фельдман

«ТРЕТЬЕ СРАЖЕНИЕ». ВОПРОС О ПУТЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СССР НА НОЯБРЬСКОМ (1928 г.) ПЛЕНУМЕ ЦК ВКП (б)

Аннотация. *Победа сторонников продолжения НЭПа на Апрельском и Июльском пленумах ЦК ВКП (б) 1928 г. была только одним выигранным сражением, только одним моментом прозрения части большевистской элиты, сумевшей понять и осознать доводы советских ученых-экономистов. Однако контролируемый Сталиным аппарат ЦК вел целенаправленную кампанию по обработке в нужном направлении руководителей республиканских и областных партийных организаций. Ноябрьский (1928) пленум ЦК ВКП (б) стал важным рубежом, развилкой двух возможных путей: превращения большевистской партии из организации авторитарного типа в тоталитарную либо сохранения в авторитарной партии демократических начал, движения страны по пути модернизации многоукладной экономики. Итогом далеко не однозначных дискуссий стало принятие резолюций компромиссного характера.*

Ключевые слова: *партия; пленум ЦК ВКП (б); НЭП; СССР; развитие; руководство; ученые; управленцы; хозяйственники; индустриализация; коллективизация.*

Фельдман Михаил Аркадьевич – доктор исторических наук,
профессор, Уральский институт управления –
филиал Академии народного хозяйства
и государственной службы при президенте РФ, Екатеринбург.
E-mail: feldman-mih@yandex.ru

M.A. Fel'dman. «The Third Battle». The Question of the Ways of Socio-Economic Development of the Soviet Union at the November (1928) Plenum of the Central Committee of the CPSU (b)

Abstract. *The victory of supporters of the continuation of the NEP in the April and July Plenums of the CPSU (b) 1928 was only one battle won by the Bolshevik elite, who managed to understand the arguments of Soviet scientists and economists. The November (1928) Plenum of the CPSU (b) became an important frontier – a fork in two possible ways: towards the transformation of the Bolshevik party from an authoritarian type of organization into a totalitarian one, or the preservation of democratic principles in the authoritarian party, the country's movement towards the modernization of a multicultural*

economy. The outcome of far from unambiguous discussions was the adoption of resolutions of a compromise nature.

Keywords: *Party; Plenum of the CPSU (b); NEP; USSR; development; leadership; scientists; managers; business executives; industrialization; collectivization.*

Fel'dman Mikhail Arkad'evich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Ural Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Yekaterinburg.
Email: feldman-mih@yandex.ru

В исторической литературе и в советскую эпоху [1, с. 112], и в постсоветскую [2, с. 284] дискуссии на Ноябрьском (1928) пленуме ЦК ВКП (б) рассматривались как безусловное поражение сторонников сохранения и продолжения нэповской политики. «В ноябре 1928 г. пленум ЦК единогласно осудил правый уклон, от которого отмежевались Бухарин, Рыков и Томский», – такой констатацией ограничивается Н. Верт [3, с. 184].

Вышедшие в свет в 2000 г. «Введения» к каждому тому пятитомника «Как ломали НЭП», написанные В.П. Даниловым, А.Ю. Ватлиным и О.В. Хлевнюком, и на сегодняшний день представляет собой самый глубокий анализ событий острой политической полемики на пленумах ЦК ВКП (б) 1928 г. между двумя группами участников пленума.

Однако насколько верно утверждение о том, что на Ноябрьском пленуме ЦК ВКП (б) из выступивших в прениях четырех десятков партийных деятелей «почти все оказались активными критиками “правого уклона”, который обнаруживали во всех основных положениях доклада А.И. Рыкова» [4, с. 22]? При всем глубочайшем уважении к выдающимся историкам – В.П. Данилову, А.Ю. Ватлину, О.В. Хлевнюку, поднявшим понимание советской истории конца 1920-х годов на качественно иной уровень, трудно согласиться с утверждением о поддержке на Ноябрьском (1928) пленуме ЦК ВКП (б) сталинского курса со стороны подавляющего большинства членов и кандидатов в члены ЦК.

Апрельский и Июльский пленумы ЦК ВКП (б) 1928 г. стали полем размежевания сторонников и противников продолжения НЭПа. Острые противоречия между сторонниками И.В. Сталина их оппонентами, поддерживающими А.И. Рыкова – Н.И. Бухарина, правомочно назвать борьбой двух фракций внутри верхушки правящей партии – и в силу примерно равного их соотношения, и в силу последовательности занимаемой позиции членов ЦК («цекистов») на протяжении весны-лета 1928 г. Победа сторонников продолжения НЭПа на Апрельском и Июльском пленумах ЦК ВКП (б) 1928 г. была только одним выигранным сражением, только одним моментом прозрения

части большевистской элиты, сумевшей понять и осознать доводы, по оценке Н. Ясного, лучших советских ученых-экономистов [5, с. 28].

Главные вопросы, вынесенные на обсуждение Апрельского и Июльского пленумов ЦК ВКП (б), – о хлебозаготовках – завершились принятием резолюций, близких по содержанию к тезисам группы Рыкова – Бухарина. В резолюциях говорилось об «опасности разрыва между городом и деревней», о том, что индивидуальное хозяйство «значительное время будет еще базой зернового хозяйства в стране», признавались ошибки при проведении хлебозаготовительной кампании 1927–1928 гг., провозглашалась недопустимость нового применения «чрезвычайных мер» [6, с. 588–592]. Возможность продолжения новой экономической политики как пути перспективного и доказавшего свою эффективность была признана участниками пленума ЦК ВКП (б) в апреле и в июле 1928 г.

Однако практическая реализация принятых на пленумах обоснованных решений затягивалась и с самого начала приняла характер словесных деклараций, ограниченных к тому же рамками борьбы с тем, что называлось «перегибами и извращениями». На деле Сталин и его последователи заняли позицию скрытого саботажа [4, с. 19].

Очевидная двойственность содержания циркуляров Наркомюста, включавшая как осуждение «чрезвычайных мер», так и требования «подготовить следственный и судебный аппарат к быстрому продвижению дел в отношении скупщиков и торговцев хлебом», ставила в затруднительное положение местных работников [4, с. 6].

Параллельно контролируемый Сталиным аппарат ЦК вел целенаправленную кампанию по обработке в нужном направлении руководителей республиканских и областных партийных организаций [7, с. 155–158].

В тех случаях, когда сталинцы получали отпор – готовились и применялись «организационные меры». Как отмечает О.В. Хлевнюк, опираясь на своих клиентов и недовольных карьеристов, Сталин в 1928 г. организовал «бунты» в аппарате профсоюзов, которыми руководил М.П. Томский, и в московской партийной организации, возглавляемой Н.А. Углановым [7, с. 157]. К ноябрю 1928 г. политическое влияние Томского и Угланова заметно ослабло.

Отталкиваясь от содержания сообщений и докладов, всех выступающих на партийном форуме в ноябре 1928 г. (как и на двух предшествующих пленумах ЦК) можно подразделить на четыре категории: сторонников продолжения НЭПа, управленцев, ограничившихся обсуждением ведомственных проблем, партийцев, частично поддержавших курс Сталина, и функционеров, полностью солидаризовавшихся с обличением «правого уклона».

Вместе с тем возрастание остроты внутрипартийной борьбы на заседаниях Ноябрьского пленума ЦК ВКП (б) 1928 г. обусловило и расширение политической мимикрии: характерная для многих выступающих осторожность

выражений зачастую дополнялась ритуальной критикой «правого уклона». В обстановке развернутого с сентября 1928 г. в печати ожесточенного обличения «правого уклона» (пропагандистской кампании, находившейся под личным контролем В.М. Молотова), внимательного отслеживания каждого слова членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК ВКП (б), уже само отсутствие солидарности с противниками (пока еще обезличенного) «правого уклона» в выступлениях на Ноябрьском пленуме ЦК можно рассматривать как косвенную поддержку группы Рыкова – Бухарина.

Тон работы Ноябрьского пленума ЦК ВКП (б) 1928 г. задали три доклада о контрольных цифрах народного хозяйства на 1928/29 гг. – Рыкова, Г.М. Кржижановского и В.В. Куйбышева. Без прямой полемики в них излагались позиции противоборствующих сторон. В исторической литературе отмечалось, что предварительное сближение плановых установок Госплана и ВСНХ на деле означало в большей степени уступки госплановцев директивам ВСНХ под руководством В.В. Куйбышева и стоящего за его спиной Сталина [8, с. 231, 233]. Тем не менее предел уступок не коснулся критической черты – сохранения многоукладной экономики. Отсюда справедливо замечание исследователей о достигнутом компромиссе как «единственном случае в истории пленумов большевистского ЦК» [4, с. 19].

Насыщенный статистическими выкладками, доклад главы СНК СССР А.И. Рыкова [9, с. 36–52] имел как конкретное содержание, так и политическое звучание. Лейтмотивом доклада стал тезис о возможности нэповской экономики успешно совершить новый индустриальный рывок. В чем же заключалось обоснование такого тезиса?

За последние периоды (1925/26–1927/28 гг.), подчеркивал руководитель правительства, стремительно росли ассигнования на капитальные работы в промышленности: с 811 млн руб. в 1925/26 гг. до 1318 млн руб. в 1927/28 гг. Всего же на эти цели за три последних года было направлено около 3220 млн руб. [9, с. 36].

При этом капитальные затраты в тяжелой индустрии за указанный период практически удвоились: с 500 млн руб. до 939 млн руб., а их доля в общих ассигнованиях на капитальные работы в промышленности выросла с 61 до 72%. Согласно плану на 1928/29 гг., капитальные затраты в промышленности увеличивались еще на 340 с лишним млн руб. и должны были составить 1659 млн руб. Из этой суммы 1173 млн руб. направлялись на производство средств производства, а 365 млн руб. – на производство предметов потребления [там же].

Еще одним достижением нэповской экономики Рыков назвал достигнутое в 1927/28 гг. (впервые за 1920-е годы) снижение себестоимости продукции промышленности приблизительно на 5%, что тем не менее значительно отставало от плановых директив. С учетом того что «каждый процент сниже-

ния себестоимости приносил приблизительно 100 млн руб.», докладчик эту задачу рассматривал как первостепенную [9, с. 36].

В сельском хозяйстве, по мнению главы СНК, имелись все предпосылки для запланированного роста аграрной продукции, поскольку «крепнущая кооперация является уже такой организацией в деревне, за которую мы можем уцепиться в деле рационализации сельскохозяйственного производства» [9, с. 42].

В весьма осторожной (чисто информационной) форме Рыков указал на важность сочетания централизованных (т.е. государственных и кооперативных) и децентрализованных (частных) закупок (заготовок) зерна. Однако последующий пассаж главы СНК не оставлял уже никаких сомнений: сочетание централизованных и децентрализованных заготовок зерна позволило «совершить удачно переход от “чрезвычайных” методов собирания хлеба к нормальным, рыночным методам заготовок» [9, с. 38].

В свою очередь расширение возможностей сельскохозяйственной кооперации было связано с «мерами помощи основной бедняцко-середняцкой массе крестьянства путем обслуживания агрономией, землеустройства, кредита, снабжения машинами и улучшенными семенами, борьбой с вредителями. <…> Государство может лишь подталкивать процесс подъема, давая ему определенное направление и организуя его». Основные же экономические трудности, подчеркнул Рыков, были связаны в СССР не с сопротивлением предпринимателей-нэпманов и кулаков, а носили объективный характер [9, с. 43, 48].

Едва ли не ключевым моментом в докладе Рыкова стало осуждение произвольного причисления к категории «кулаков» умелых и инициативных крестьян [9, с. 44, 45]. Тем самым один из лидеров советского государства поставил под сомнение тезис об антагонистичности индивидуального предпринимательства и строительства нового общества.

Были ли услышаны мысли Рыкова участниками пленума? Судя по содокладу Кржижановского [9, с. 53, 76] – были. Руководитель Госплана отметил, что в 1928/29 гг. по уровню затрат на капитальное строительство страна должна выйти на запланированные на предстоящее пятилетие показатели. В индустриализации Кржижановский выделил главное направление – механизацию и автоматизацию производственных процессов. В представлении Кржижановского, одного из первых марксистов России, социализм означал освобождение человека от тяжелого физического труда, т.е. раскрепощение [9, с. 57, 59].

Важным местом в содокладе Кржижановского стало заявление о том, «что СССР на весьма льготных условиях может получить внешний кредит на 700 млн руб.». Такая мысль явно шла вразрез с утверждениями Сталина об экономической блокаде СССР и нарастании военной опасности [10, с. 58].

Впрочем, не желая сильно выделяться из общего ряда партийных работников, Кржижановский привел ленинскую цитату о том, что «наши отношения в капиталистическом окружении могут носить только характер временной передышки» [9, с. 54].

Это отвечало практике советской действительности: цитирование классиков вне исторического контекста придавало наукообразный характер любым политическим акциям.

Взгляд главы Госплана на аграрную проблему совпадал с позицией Рыкова: механизация сельского хозяйства, широкий диапазон мер по повышению урожайности должны были касаться как колхозов и совхозов, так и индивидуальных крестьянских хозяйств. Развитие совхозов должно было определяться степенью электрификации деревни [9, с. 61–67, 75].

Как видно, и первый, и второй доклады прозвучали не в том направлении, которое тщательно готовил Сталин.

Содоклад В.В. Куйбышева [9, с. 76–87] в целом носил технократический, деловой характер. Куйбышев указал на диспропорции в народном хозяйстве и выделил пути их устранения, связанные, по его утверждению, с «быстрыми темпами роста». Вера в универсальность высоких показателей («большевистских темпов» роста) как метода регулирования экономики пронизывала все выступление Куйбышева. Вне поля зрения докладчика остались проблемы соотношения и взаимодействия государственного и частного секторов, вопросы ценообразования, социальная политика. Тем самым обеспечение «большевистских темпов» роста переходило в сферу администрирования, оторванного от экономических реалий. Одной из основных задач экономики провозглашалась ликвидация зависимости от импорта [9, с. 77], но без обоснования возможностей и целесообразности этого.

Вместе с тем в содокладе руководителя Госплана значительное место было уделено успешному началу нового этапа индустриализации страны, в том числе ходу подготовительных работ к строительству Магнитогорского комбината и Уралмаша, Сталинградского тракторного, Луганского паровозостроительного заводов, срокам завершения строительства Днепрогэса.

Завершая доклад, Куйбышев призвал «к снижению себестоимости продукции как обязательному условию выполнения плана капитальных работ и полного обеспечения того темпа индустриализации, который намечен контрольными цифрами, одобренными Политбюро» [9, с. 101–102]. С учетом отсутствия в речи Куйбышева какой-либо критики в адрес «правого уклона» чисто технократическое содержание содоклада вряд ли могло обрадовать Сталина и его приверженцев.

Как и на Апрельском пленуме ЦК того же 1928 г. обсуждение докладов начал член Оргбюро ЦК, нарком земледелия РСФСР Н.А. Кубяк. Выступление на Апрельском пленуме против применения «чрезвычайных мер» в ходе

хлебозаготовок [9, с. 78] стоило ему должности секретаря ЦК. Однако и на сей раз Н.А. Кубяк не выполнил того, чего от него ожидало сталинское окружение: он заявил о важности выполнения решений Июльского пленума ЦК, где говорилось о «необходимости максимального развития или максимальной поддержки индивидуального крестьянского хозяйства» [9, с. 102].

Практика же 1928 г. показывала, что расходы на сельское хозяйство были существенно сокращены. Заявки на поставки тракторов были выполнены только на 20%, что явно не позволяло приступить к строительству новых колхозов и совхозов. Исходя из этого, принципиально важным был вывод Кубяка: акцент в работе в деревне следует сделать не на *количественном* росте колхозов и совхозов, а на качественном и организационном укреплении уже имеющихся. В условиях, когда финансовая дисциплина колхозов и совхозов оставляет желать лучшего, отметил нарком земледелия, вопрос о возврате кредитов – куда более важен, чем создание новых совхозов. В силу этого отказ от организации новых совхозов, позволяющий сэкономить свыше 65 млн руб., пойдет на пользу селу [9, с. 103, 106].

Выступление Н.А. Кубяка показало: у сторонников продолжения НЭПа на пленуме не иссякли убедительные аргументы.

Контрдоводы были приведены в речи управляющего ЦСУ СССР В.П. Милютина. Начав с подтверждения успехов развития экономики страны в годы НЭПа, Милютин отнес трудности функционирования сельского хозяйства *к воздействию климатических условий*, «еще не подчиненных Госплану и не подлежащих планированию». Избежав, таким образом, обсуждения роли «чрезвычайных» методов хлебозаготовок, Милютин подвел и «теоретическую базу» под подобное утверждение: по его словам, на пленуме нельзя ставить вопрос о кризисе сельского хозяйства, поскольку это «означало бы вопрос об изменении нашей политики партии, правильность которой не подлежит обсуждению» [9, с. 111]. Надо отметить, что запрет на дискуссии уже применялся в практике большевистской партии в 1920-е годы, затрудняя поиск оптимальных вариантов развития и порождая институциональные ловушки [11].

После этого Милютин перешел к обсуждению опасности «правого уклона». Как функционер, связавший свою судьбу с фракцией Сталина, он видел проявление «правого уклона» в допущении «развития капиталистических отношений в деревне» [9, с. 113].

Используя ленинские цитаты из работ 1890-х годов, он догматически относил к кулакам *любых крестьян*, *совершающих торговые сделки*. Преодоление антисоциалистических тенденций на селе, по его мнению, должны были совершить колхозы и совхозы.

Но вот парадокс: убеждая резко ускорить темпы коллективизации, управляющий ЦСУ СССР честно признал: «тракторами совершенно не обес-

печены ни старые, ни новые колхозы», а с «агрономическим обслуживанием дело обстоит скандально» [9, с. 114].

Собственно говоря, выступление Милютина отчетливо продемонстрировало двойственность, а зачастую, и сюрреалистичность мышления тех сталинских чиновников, кто пытался сочетать большевистские догмы и экономические реалии.

Выступивший в поддержку доводов Милютина, генеральный секретарь КП Украины С.В. Косиор выделил как верные, так и неверные положения доклада Рыкова. К неверным была отнесена «чрезмерно сгущенная» характеристика трудностей в сельском хозяйстве [9, с. 116].

Но баланс оценок был тут же восстановлен фразой Косиора о согласии с премьером в том, что «переход от "чрезвычайных мер" к нормальным был совершен удовлетворительно». Более того, Сталина и его сторонников явно огорчила сентенция Косиора: «Я считаю, что эти "чрезвычайные меры" развратили не только наш заготовительный, но и партийный аппарат» [9, с. 117–118].

Тем более поразительно резким оказался переход Косиора к критике доклада Рыкова за якобы сглаживание «бешенного классового сопротивления кулака и нэпмана социалистическому строительству». Люди, идущие по такому оппортунистическому пути, предупредил Косиор, могут быть исключены из партии [9, с. 118–119].

Как видно, «капкан» абсолютизации роли классовой борьбы для ряда участников пленума сработал. Спокойный ход обсуждения проблем на пленуме ЦК остался позади. Третий день работы пленума проходил уже по иному сценарию. Незначительные, по большому счету, замечания по докладу Рыкова в выступлениях руководителей региональных партийных организаций – Р.И. Эйхе, Ф.И. Голощекина, М.М. Хатаевича – при упоминании даже теоретической возможности критики партийного курса и самой допустимости существования зажиточных крестьян стремительно перерастали в гневные обличения «правого уклона». Параллельно, словно в другой жизни, профсоюзные лидеры (Н.М. Анцелович, И.И. Шварц) рассуждали о проблемах, далеких от обсуждаемой тематики. Обилие плоских шуток и отвлеченных рассуждений находили понимание у участников пленума ЦК, судя по частоте в стенограмме ремарки «смех». В то же время А.П. Серебровский и Я.Б. Гамарник сконцентрировались на чисто ведомственных проблемах, не забывая в конце речи проговорить несколько слов, обличающих «правый уклон».

В такой ситуации речь секретаря Сибирского крайкома ВКП (б) С.И. Сырцова о проблемах Сибирского края, лишенная полемики с «правыми оппортунистами», говорила о мужестве и стойкости сибирского лидера. Казалось, полемика становится односторонней и сталинцы методично «дожмут» своих оппонентов.

Однако на четвертый день работы пленума картина изменилась: в выступлениях цэкистов возобладало конкретное обсуждение народнохозяйственных проблем в рамках многоукладной экономики. Так, в речи заместителя председателя Госплана СССР М.Ф. Владимирского говорилось о преобладающей роли и задачах сельскохозяйственной кооперации (но не коллективизации) [9, с. 167–169].

Председатель Центросоюза И.Е. Любимов сделал упор на достижениях кооперации в СССР за годы НЭПа: если в 1925/1926 гг. кооперацией в промышленное строительство было вложено 7,5 млн руб. собственных средств, то сейчас кооперация вложила 56,5 млн руб., и в связи с этим она могла бы развиваться более быстрым темпом, чем она развивается сейчас. Если кооперация в 1926/27 гг. имела в обороте только 36,5%, собственных средств, а заемных – 63,5%, то к настоящему времени она имеет собственных средств в своем торговом обороте 63%, а заемных средств 37%. Постепенно, по мере развития и расширения своей деятельности, кооперация собирала собственные средства и путем торговых накоплений, и путем собирания паевых капиталов. Сейчас кооперация имеет своих средств до 760 млн руб. При соответствующей хотя бы небольшой поддержке развития кооперативной промышленности, она могла бы шагнуть гораздо дальше, заявил И.Е. Любимов [9, с. 199]. Ритуальные слова об абстрактном «правом уклоне» звучали фактически как довесок.

Показательным можно считать выступление председателя СНК Украины В.Я. Чубаря. Солидаризовавшись с докладом Рыкова по принципиальным вопросам – общим оценкам экономики, характеристикам кризисных явлений, необходимости сочетания процессов коллективизации и механизации, осуждения гонений на специалистов [9, с. 172], – Чубарь в то же время внезапно совершил своеобразный разворот логики, заявив о возможности сочетания процессов коллективизации «без тракторов». Такой смысловой кульбит выступления не был единственным: председатель СНК Украины завершил выступление своеобразным видением «правого уклона»: под ним кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП (б) понимал отсутствие подлинного служения народу, т.е. доминирование бюрократической практики. Дословно это звучало так: «Нас прогонят к черту, если мы не научимся лучше обслуживать массы рабочих и крестьян, чем обслуживал капитализм» [9, с. 176, 178].

Перелом должны были выполнить «тяжелые фигуры». Вечером 19 ноября 1928 г. слово было предоставлено Сталину. Тезисы выступления Сталина, посвященные вопросу об индустриализации страны, очень скоро вошли во все учебники истории на долгие десятилетия, став «классическими». Многие сталинские утверждения, например о том, что только «быстрый темп развития индустрии вообще, производства в особенности, представляет основное начало и ключ индустриализации страны, основное начало и ключ преобра-

зования всего нашего народного хозяйства на базе социалистического развития» позволит преодолеть технико-экономическую отсталость страны [9, с. 203–204] – могли либо базироваться на экономических расчетах и выкладках, либо воплотиться форме волюнтаристских директивных методов управления.

По мнению Генерального секретаря ЦК, быстрый темп развития индустрии обеспечивался прежде всего вложением в промышленность денежных средств. «Побольше капитальных вложений в промышленность», – отчеканил свой подход Сталин. Абсолютизация роли и возможностей одного экономического инструмента – в данном случае, денег – не редкость в деятельности «революционеров от экономики». Другие экономические инструменты в выступлении Сталина даже не обсуждались.

В своей речи Сталин неоднократно цитировал резолюции Июльского пленума 1928 г., но каждый раз по-своему расставлял акценты. Так, укрепление «старых» колхозов и совхозов и строительство «новых» совхозов, которые в резолюции были только одним из многих путей развития деревни, у Генерального секретаря ЦК превратилось в оптимальный и наиболее «социалистический» путь развития [9, с. 210].

Требуя от партийных работников усилить борьбу с кулачеством, Сталин, стремясь «успокоить» цекистов, говорил о необходимости соблюдения законности в работе в деревне и дальнейшего стимулирования индивидуальных бедняцко-середняцких хозяйств [9, с. 211–212]. Генеральный секретарь ЦК ВКП (б) много времени уделил попыткам подвести теоретическую базу под оформление концепции «правого уклона».

Заявление Сталина о том, что социальная база уклонов связана с наличием мелкого производства в экономике и социальной структуре СССР [9, с. 213], вытекало из марксистской теории и не вызвало сомнений у участников пленума. Далее Сталин сознательно направил все острие своей критики на отдельных партийцев (Я.М. Шатуновского, М.И. Фрумкина), отделив от них Бухарина и Рыкова.

Более того, после ожесточенной проработки руководства Московского горкома партии в сентябре-октябре 1928 г. за примиренчество к «правому уклону», Сталин «миролюбиво» заявил: «Среди московских руководящих товарищей мы правых не имели» [9, с. 221]. С учетом того что уже через неделю (27 ноября 1928 г.) руководители Московского горкома будут освобождены от работы за «пособничество правым», сталинское «миролюбие» может быть оценено однозначно: двуличие и коварная подготовка к устранению оппонентов стали фирменным сталинским почерком политической деятельности. В том же ключе следует понимать и заключительные слова Сталина: «мы все в Политбюро едины до конца и будем едины», вызвавшие дружные аплодисменты [9, с. 223].

После выступления Сталина у членов ЦК наверняка вырвался вздох облегчения: «правых» среди них не оказалось; фракции «правых уклонистов», как заверил Генеральный секретарь ЦК, не существует [9, с. 221]. Есть отдельные ошибки (незначительные и серьезные) теоретического характера у отдельных партийцев, но им противопоставлен верный курс единой партии и единого Политбюро ЦК во главе со Сталиным. Только немногие присутствующие догадывались о предстоящей организационной расправе над сторонниками сохранения курса, выработанного Апрельским и Июльским пленумами ЦК ВКП (б) 1928 г.

Характерно, что в следующем выступлении председателя Совета Союзов сельскохозяйственной кооперации и председателя Хлебоцентра Г.Н. Каминского слова о «правом уклоне» отсутствовали. Выделив главную проблему экономики – низкую товарность ряда отраслей сельского хозяйства и низкую урожайность технических культур, Каминский в качестве пути решения проблем предложил поголовное кооперирование крестьянских хозяйств и контрактацию [9, с. 223–225]. Имеющийся опыт Союзов сельскохозяйственной кооперации и Хлебоцентра по кооперированию крестьянских хозяйств и контрактации, созданию тракторных колонн, заявил Каминский, позволяет «осуществить серьезный подъем сельского хозяйства» [9, с. 225–227].

Возвращение работы пленума к обсуждению чисто деловых вопросов вне их идеологизации явно не устраивало Сталина: рациональный, научный подход к решению экономических проблем не сочетался с догматическими конструкциями марксизма и их пониманием «продолжателем дела Ленина».

20 ноября 1928 г., на пятый день работы пленума, завершающий обсуждение докладов о контрольных цифрах народного хозяйства на 1928/29 гг., с жесткой критикой письма М.И. Фрумкина членам Политбюро ЦК[1] выступили сторонники Сталина – секретарь Северо-Кавказского крайкома партии В.И. Иванов и член президиума ИККИ В.В. Ломинадзе. Характерно, что в вину Фрумкину были поставлены сама допустимость критики линии партии, игнорирование признания обострения классовой борьбы по мере развития советского общества [9, с. 223, 238]. Конкретное содержание письма Фрумкина оказалось за пределами обсуждения вопроса.

Однако доводы сталинистов встретили и на сей раз не менее ожесточенное сопротивление. В речи М.И. Фрумкина несколько раз рефреном прозвучал тезис: «тов. Сталин приписал мне…». Используя стенограммы пленумов, другие документальные источники, Фрумкин последовательно показывал ложь и сознательное искажение мысли оппонента со стороны Сталина и его

1. Письмо заместителя наркома финансов М.И. Фрумкина в Политбюро ЦК ВКП (б) от 15 июня 1928 г. содержало критику отступлений от курса XV съезда ВКП (б); автор письма призывал нормализировать рыночные отношения.

сторонников. Так, после слов «тов. Сталин приписал мне, что я требую или настаиваю на свободном развитии кулацких хозяйств» был воспроизведен подлинный текст письма Фрумкина: «Мы должны бороться с кулаком путем снижения его накоплений, путем увеличения налогов, путем высвобождения из-под его экономического (отсюда и политического) влияния середняка и бедноты, мы не должны поддерживать его нашими скудными кредитами, но не должны “раскулачивать”, доколачивать его хозяйство, его производство, в течение ряда лет еще нужное нам» [9, с. 250, 251].

Точно так же были опровергнуты утверждения Сталина о пособничестве «теоретика правых» в сфере мелкого предпринимательства в промышленности. Фрумкин указал на сходство своих тезисов с фрагментом резолюций XV съезда, где подчеркивалось: «Наступление на частника в области промышленности мы ведем путем развития промышленности, укрепляя кооперацию, вытесняя мелкокапиталистические формы хозяйства», только «в меру наших организационных и материальных возможностей» [9, с. 252].

Казалось бы доводы Фрумкина, подтвержденные документально, опровергнуть было невозможно. Но поразительная особенность большевизма, состоящая в умении превращать дискуссионный вопрос во фракционную борьбу, сыграла и на сей раз свою незавидную роль. Руководитель одной фракции, контролирующий аппарат ЦК, уже назначил оппонента на «закланье». Законы фракции в ВКП (б) не позволяли разделить иное мнение.

Если в речи секретаря Нижневолжского крайкома ВКП (б) Б.П. Шеболдаева Фрумкин был только «отлучен» от плеяды борцов за «социалистическую реконструкцию сельского хозяйства» [9, с. 280], то в выступлении Л.А. Шацкина (недавнего сторонника «правых») были изложены основные постулаты сталинской идеологии. Само существование частного сектора в промышленности и хозяйств зажиточных крестьян объявлялось недопустимым в пролетарском государстве. Приоритет классовой борьбы над возможностью укрепления экономики и повышения уровня жизни для комсомольского лидера был бесспорен [9, с. 255–259].

Иное решение этого вопроса для марксистов придет только через полвека и, к сожалению, не в нашей стране, но по «нэповским лекалам» [12, с. 413]. В ноябре 1928 г. тезис «лишь бы страна богатела, лишь был бы хлеб» [9, с. 257] (т.е. при сохранении нэповской экономики) был отнесен к разряду антипартийных и оппортунистических.

Тем не менее в ноябре 1928 г. большевистские функционеры, верные «курсу партии» как абсолютной истине, еще были способны услышать альтернативную позицию. Нарком финансов СССР Н.П. Брюханов, охарактеризовав Фрумкина как квалифицированного и «очень дисциплинированного, проводящего в своей практической работе директивы партии, товарища», указал на недостатки своего заместителя – «излишнее упрямство» и катего-

ричность. Более того, Брюханов «предостерег товарищей» от навешивания ярлыков «уклонистов» за те или иные подходы к количественным показателям, в частности финансовым [9, с. 275–276].

Еще одна манера политического поведения была продемонстрирована региональными лидерами – Д.Е. Сулимовым, И.Д. Кабаковым и И.П. Жуковым [9, с. 259–273]. Они подчеркнуто не касались дискуссии и говорили о частностях отраслевых программ.

Заключительное слово по всем трем докладам было предоставлено Рыкову. Председатель СНК ответил на все вопросы и реплики участников пленума, повторив многие положения своего выступления. Вновь прозвучала оптимистическая оценка состояния советской экономики, позволившей выработать «план громадного сдвига в перераспределении материальных ресурсов страны». Не менее важным стало его резюме по поводу характера дискуссии на пленуме: «От многих выступлений у меня создалось не совсем хорошее впечатление, не потому, конечно, что в них критиковался мой доклад, но потому, что эта критика била не в цель. … *По поводу этого конкретного плана никто из "критиков" не сказал буквально ни одного слова* (курсив мой. – *М. Ф.*). В этом, по-моему, заключается основной недостаток прений. Подход к оценке контрольных цифр с точки зрения правой или "левой" опасности должен базироваться не на словесной трескотне, а на добросовестном анализе конкретного плана хозяйственного развития с учетом опыта мест и знания хозяйства всего Союза» [9, с. 283].

Рыков предостерег членов ЦК от произвольного штампования «уклонов», заявив: «Нам в своей среде нельзя из-за отдельных ошибок в формулировках воссоздавать сразу целую идеологию. Это было бы огромной ошибкой». Председатель СНК указал на недопустимость мер по «удушению» частного капитала в кустарной промышленности, поскольку «мелкие товаропроизводители ремесленно-кустарного типа» еще долгий срок способны дополнять госсектор и взаимодействовать с ним [9, с. 287].

Последнее слово в сражении осталось за лидером группы сторонников сохранения нэповской экономики. Но в той дискуссионной борьбе, которая весь 1928 г. шла по нарастающей, логические доводы были только одним видом оружия.

Обсуждение второго вопроса на пленуме ЦК «О первых итогах и дальнейшем проведении 7-часового рабочего дня» современные авторы рассматривают как «достаточно откровенное», но подчеркивают: «Принятые решения носили скорее декларативный характер» [4, с. 24].

Откровенность обсуждения указанного вопроса не вызывает сомнений: в выступлении наркома труда СССР и РСФСР В.В. Шмидта была дана объективная картина хаотичного введения семичасового рабочего дня на рабочих

местах в ряде отраслей и предприятий, где в общей сложности трудились 17% советских рабочих [9, с. 310].

Недостаточная организационная и техническая подготовка к введению семичасового рабочего дня, неготовность технического персонала к столь масштабному мероприятию в сочетании с низким квалификационным уровнем большинства рабочих дали поразительный результат – резкий скачок объемов бракованной продукции и числа аварий на производстве [9, с. 305–306, 317].

В докладе Шмидта, в выступлениях профсоюзных работников не просто воссоздавалась картина подлинного положения рабочего класса в СССР, весьма далекая от представлений о социалистическом обществе. Приведенные факты тяжелых условий труда женщин (в том числе беременных и кормящих матерей) в ночную смену, жуткие детали быта рабочих в переполненных рабочих казармах [9, с. 315–318, 321–322] напоминали участникам пленума о тех особенностях дореволюционного положения рабочих, которые так активно обличали большевики-подпольщики до 1917 г.

«Вводя ночную работу для женщин, мы не только нарушаем программу нашей партии, мы нарушаем и трудовое законодательство», – подчеркнула А.В. Артюхина, заведующая Отделом по работе среди женщин ЦК ВКП (б), член Оргбюро ЦК ВКП (б) и кандидат в члены Секретариата ЦК ВКП (б), – «и это было сделано, вопреки мнения профсоюзных организаций» [9, с. 321]. Трудно найти более яркие характеристики несоответствия реальной жизни в СССР и мифов советской пропаганды, чем те, которые приводились в докладах при рассмотрении «выдающегося достижения» социалистического строя, «имеющего гигантское международное значение» [9, с. 302].

Однако происходящее на пленуме ЦК на утреннем заседании 21 ноября 1928 г. может быть понятым только в контексте всей работы партийного форума, задуманного Сталиным и его фракцией для «разоблачения» и разгрома «правых». Обсуждение второго вопроса превратилось в разоблачение идеологической завесы, скрывающей условия труда и быта «класса-гегемона» в СССР. Фактически тезисы выступлений профсоюзных лидеров и представителя аппарата ЦК Артюхиной подтверждали правоту доводов Рыкова и его сторонников о серьезных проблемах советского общества.

В очередной раз выявилось: если на региональном уровне руководители профсоюзов фактически слились с партийно-хозяйственной верхушкой [13], то на союзном уровне руководство ВЦСПС и Наркомата труда проявляли определенную самостоятельность [14].

Показательно, что через пять дней после окончания работы пленума в Наркомате труда появится новый руководитель, а вскоре кардинально поменяется и секретариат ВЦСПС.

Характер обсуждения второго вопроса, жесткие организационные меры, предпринятые вскоре Сталиным по отношению к участникам обсуждения, рациональность предлагаемых резолюций [9, с. 574–576] не позволяют согласиться с мнением о «декларативном характере» состоявшихся 21 ноября 1928 г. прений и принятых пленумом решений.

Третий вопрос, обсуждаемый на пленуме ЦК, должен был окончательно расставить точки над i в утверждении сталинской парадигмы «революционных изменений» в деревне.

Главными в докладе верного сторонника Генерального секретаря ЦК ВКП (б) – секретаря Северо-Кавказского крайкома ВКП (б) А.А. Андреева должны были стать доказательства (на примере Северного Кавказа) безальтернативности ускоренной коллективизации [9, с. 337–367]. Система аргументов Андреева базировалась на том, что «измельчание» крестьянских хозяйств как результат аграрной революции привело к появлению огромной армии крестьян без пахотного инвентаря: если в среднем по РСФСР этот показатель составлял 35,6%, то на Северном Кавказе он достигал 56%. Безысходность положения этой армии бедняков, категорично заявил Андреев, могла быть преодолена только на путях коллективизации, поскольку существующая дробность хозяйств делает невозможным использование машинной техники. «Массив безлошадных (48% всех крестьян) и безынвентарных (41% всех крестьян) – в основном готовый массив для коллективизации», – утверждал партийный функционер. Доказательством такого положения, по его мнению, являлся и тот факт, что на Северном Кавказе были достигнуты наибольшие успехи коллективизации по сравнению с другими регионами СССР [9, с. 351]. Для начала кампании дальнейшей коллективизации Андреев допускал возможность использования «известного элемента принудительности и общественности <…> чтобы ее провести, эту самую принудительность, надо общественностью подкрепить, чтобы мобилизована была крестьянская общественность на проведение этих мероприятий» [9, с. 346]. Тем самым сторонники Сталина заявили о том, что считают возможным и необходимым применение принудительности по отношению к крестьянству в целом.

Доступность и открытость статистики в годы НЭПа, однако, сослужила плохую службу радикальному течению большевизма. Доклад Андреева воспроизводил поразительную картину, раскрывающую масштаб трагедии Гражданской войны. Андреев признался, что эмиграция 300 тыс. казаков, умелых земледельцев, крайне негативно сказалась на состоянии сельского хозяйства Северного Кавказа. Валовой сбор зерна во «всероссийской житнице» в 1928 г. составил только 54% от довоенного уровня. В то же время наделение землей, принадлежавшей до революции 1917 г. казачьим общинам, иногородних при отсутствии тяглового скота и инвентаря фактически законсервировало бедность этой категории жителей кубанского села. При этом

Андреева не смущало, что, несмотря на значительные капиталовложения в закупку сельскохозяйственной техники и рост агрономического обслуживания, удельный вес крестьянских хозяйств, вступивших в колхозы и машинные товарищества, был поразительно мал – всего 7%. Принципиально иными были показатели численности крестьян Северного Кавказа, вступивших в простейшие виды кооперации (44%), что показывало реальный вектор устремлений жителей деревни [9, с. 338–339].

Обсуждение доклада Андреева пошло совсем не по тому пути, который был намечен изначально. Г.И. Петровский, не без сарказма отметив глубину падения сельскохозяйственной продукции («какая глубокая разница, как богат Северный Кавказ и как он опустился до современного состояния») в крае с «наибольшими успехами коллективизации», сделал вывод о необходимости опоры на главного производителя – индивидуальные хозяйства [9, с. 369].

Содоклад Я.А. Яковлева, заместителя наркома РКИ, оказался двойственным. По его словам, положительный эффект от комплекса мер по повышению урожайности на Кубани, от расширения выпуска промышленных товаров (прежде всего, машин и пахотного инвентаря) для нужд многоукладной деревни мог обеспечить прирост продукции на 31%, позволяя решить многие народнохозяйственные задачи [9, с. 373–389]. В то же время Яковлев заявил, что хлеб кулачества «дурно пахнет», а сохранение кулаков может привести в конечном итоге к «потере власти» Советами. По приведенным им данным, почти четверть крестьянских хозяйств Северного Кавказа могли быть отнесены к категории «кулацких» [9, с. 373–375]. И это после эмиграции целого социального слоя дореволюционных зажиточных крестьян.

Однако дальнейшее обсуждение вопроса прочно перешло к разряду чисто производственных проблем. Участники пленума (В.Я. Чубарь, М.И. Калинин, К.Я. Бауман и др.) допускали возможность договорных отношений с кулаками («глупо <…> отказываться принципиально от получения кулацкого хлеба»), указывали на возможность коллективизации только по мере машинизации села, акцентируя слабое внимание Северо-Кавказского крайкома ВКП (б) к проблемам сельского хозяйства [9, с. 412–415, 421].

Примечательной можно считать реплику Чубаря: не лозунгами, а «на практике власти должны доказать выгодность (для массы индивидуальных крестьянских хозяйств) колхозов и совхозов» [9, с. 421]. Резолюция пленума называла работу крайкома удовлетворительной, но содержала и немало критических замечаний. Намеченные ею мероприятия сохраняли курс НЭПа. Называя вещи своими именами, обсуждение третьего вопроса стало провалом сталинского замысла.

Все события девяти дней работы пленума были подчинены внутрипартийной борьбе. Очевидная затянутость выступлений В.М. Молотова, В.П. Милютина, недавно избранного секретаря МК ВКП (б) В.П. Полонского

была только прикрытием для нанесения ударов по Рыкову, Угланову, Фрумкину и другим «правым». Это был явный сигнал к присутствующим о том, какой тональности выступлений следует держаться.

Но 23–24 ноября 1928 г., т.е. в последние два дня работы пленума, сталинский призыв еще не носил императивного характера для членов и кандидатов в члены ЦК. Большинство выступающих говорили по существу проблемы, размышляя над невысокой политической активностью рабочих масс. Под сомнение были поставлены тезисы и об «обострении классовой борьбы по мере социалистического строительства» [9, с. 497–498] и о повсеместном распространении «правого уклона» [9, с. 496].

Резюмируя, стоит заметить: анализ выступлений участников Ноябрьского пленума ЦК ВКП (б) 1928 г. позволяет сделать вывод об очередном проявлении феномена двойственности большевизма: курс на продолжение эволюционного развития многоукладной экономики в рамках авторитарного государства, отстаиваемый Рыковым и его сторонниками, столкнулся со сталинской линией утверждения жесткой централизации управления и тотальной национализации как организационной и экономической основы тоталитаризма.

В труднейшей ситуации Ноябрьского пленума, когда разделяющие взгляды Рыкова члены Политбюро Бухарин и Томский уклонились от дискуссии, председатель правительства СССР проявил стойкость и мужество. Победив на Апрельском и Июльском пленумах ЦК, сторонники продолжения нэповской политики *не проиграли* и «третье» сражение в ноябре. Спустя два месяца, в январе 1929 г., и недрогнувший на Ноябрьском пленуме Рыков, и пережившие на нем психологический шок Бухарин и Томский отбили попытку контрнаступления Сталина и сталинистов [2, с. 286–290].

В условиях нарастающей пропагандистской кампании по обличению «правого уклона» и реализуемых накануне пленума жестких организационных мер по удалению коммунистов, близких к «правым», из партийных учреждений [4, с. 10], часть большевистской верхушки продемонстрировала способность к получению и переработке информации с позиции рационализма и научности.

Само восприятие советского индустриального проекта участниками пленума было различно. Однако имеющиеся к ноябрю 1928 г. варианты пятилетнего плана [15] конструировали ту информационную среду, в которой противоречия между догмой и социальной практикой могли еще решаться в формате открытой дискуссии, и «сила давления» сверху могла быть уравновешена «силой аргументов».

В течение нескольких последующих месяцев победит «сила давления». Но «сила аргументов» не иссякает совсем – она перейдет в иное качество. В данном случае сила аргументов воплотилась в документы V съезда президиумов Госпланов СССР (апрель 1929 г.), которые содержали план создания

постоянно меняющейся экономической многоукладной системы, включавшей как личную инициативу в определенных хозяйственных формах, так и регулирование «сверху» нормативной, фискальной и контрольно-надзорной деятельности [16].

Сравнение итоговых показателей первой пятилетки и индикаторов проекта Госплана свидетельствует о реалистичности прогнозов ученых. Лишь некоторые достигнутые результаты советской экономики в 1932 г. оказались близки к построениям, изложенным в документах Госплана [17].

Библиография

1. Бухарин: человек, ученый, политик. М.: Политиздат, 1990. 414 с.
2. Великанова О.В. Разочарованные мечтатели. Советское общество 1920-х гг. М.: РОССПЭН, 2017. 295 с.
3. Верт Н. История Советского государства. 1900–1991. М.: Прогресс; Прогресс-Академия, 1992. 480 с.
4. Данилов В.П., Ватлин А.Ю., Хлевнюк О.В. Введение // Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП (б) 1928–1929 гг. М.: МФ Демократия, 2000. Т. 3: Пленум ЦК ВКП (б) 16–24 ноября 1928 г. С. 4–23.
5. Звездин З.К. От плана ГОЭРЛО к плану первой пятилетки. М.: Наука, 1979. 269 с.
6. Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП (б) 1928–1929 гг. Т. 2: Пленум ЦК ВКП (б) 4–12 июля 1928 г. М.: МФ Демократия, 2000. 719 с.
7. Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП (б) 1928–1929 гг. М.: МФ Демократия, 2000. Т. 3: Пленум ЦК ВКП (б) 16–24 ноября 1928 г. 663 с.
8. Кун М. Бухарин: его друзья и враги. М.: Республика, 1992. 478 с.
9. Панцев А.В. Дэн Сяопин. М.: Молодая гвардия, 2013. 558 с.
10. Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/1927–1930/31 гг.: Мат. Центральной комиссии по пятилетнему плану. М.: Госплан СССР, 1927. 455 с.
11. Проблемы реконструкции народного хозяйства СССР на пятилетие: Пятилетний перспективный план на V съезде Госпланов. М.: Плановое хозяйство, 1929. 650 с.
12. Рогачевская Л.С. Альтернативы первому пятилетнему плану развития народного хозяйства // Россия в XX веке. Историки мира спорят: [Сб. ст.]. М.: Наука, 1994. С. 319–328.
13. Скоробогацкий В.В. Институциональные ловушки в политике // Вопросы политологии и социологии. 2011. № 1. С. 65–72.
14. Фельдман М.А. «Рабочий журнал»: такая короткая жизнь (судьба профсоюзного журнала в контексте отношений власти и рабочего социума Урала в 1922–1924 гг.) // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. Вып. 18. С. 330–339.
15. Фельдман М.А. Власть и труд: теоретические споры в верхнем эшелоне большевиков по рабочему вопросу (осень 1927 г.) // Уральский исторический вестник. 2005. № 10. С. 136–144.
16. Хлевнюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя. М.: АСТ, 2015. 461 с.
17. Ясный Н. Советские экономисты 1920-х годов. Долг памяти. М.: Дело, 2012. 344 с.

References

Buharin: chelovek, uchenyj, politik. Moscow: Politizdat, 1990. 414 p.

Velikanova O.V. Razocharovannye mechtateli. Sovetskoe obshhestvo 1920-h gg. Moscow: ROSSPJeN, 2017. 295 p.

Vert N. Istorija Sovetskogo gosudarstva. 1900–1991. Moscow: Progress; Progress-Akademija, 1992. 480 p.

Danilov V.P., Vatlin A.Ju., Hlevnjuk O.V. Vvedenie // Kak lomali NJeP. Stenogrammy plenumov CK VKP (b) 1928–1929 gg. Moscow: MF Demokratija, 2000. Vol. 3: Plenum CK VKP (b) 16–24 nojabrja 1928 g. P. 4–23.

Zvezdin Z.K. Ot plana GOJeRLO k planu pervoj pjatiletki. Moscow: Nauka, 1979. 269 p.

Kak lomali NJeP. Stenogrammy plenumov CK VKP (b) 1928–1929 gg. Vol. 2: Plenum CK VKP (b) 4–12 ijulja 1928 g. Moscow: MF Demokratija, 2000. 719 p.

Kak lomali NJeP. Stenogrammy plenumov CK VKP (b) 1928–1929 gg. Moscow: MF Demokratija, 2000. Vol. 3: Plenum CK VKP (b) 16–24 nojabrja 1928 g. 663 p.

Kun M. Buharin: ego druz'ja i vragi. Moscow: Respublika, 1992. 478 p.

Pancev A.V. Djen Sjaopin. Moscow: Molodaja gvardija, 2013. 558 p.

Perspektivy razvertyvanija narodnogo hozjajstva SSSR na 1926/1927–1930/31 gg.: Mat. Central'noj komissii po pjatiletnemu planu. Moscow: Gosplan SSSR, 1927. 455 p.

Problemy rekonstrukcii narodnogo hozjajstva SSSR na pjatiletie: Pjatiletnij perspektivnyj plan na V s'ezde gosplanov. Moscow: Planovoe hozjajstvo, 1929. 650 p.

Rogachevskaja L.S. Al'ternativy pervomu pjatiletnemu planu razvitija narodnogo hozjajstva // Rossija v XX veke. Istoriki mira sporjat: [Sb. st.]. Moscow: Nauka, 1994. P. 319–328.

Skorobogackij V.V. Institucional'nye lovushki v politike // Voprosy politologii i sociologii. 2011. N 1. P. 65–72.

Fel'dman M.A. «Rabochij zhurnal»: takaja korotkaja zhizn' (sud'ba profsojuznogo zhurnala v kontekste otnoshenij vlasti i rabochego sociuma Urala v 1922–1924 gg.) // Dokument. Arhiv. Istorija. Sovremennost': Sb. nauch. tr. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2018. Is. 18. P. 330–339.

Fel'dman M.A. Vlast' i trud: teoreticheskie spory v verhnem jeshelone bol'shevikov po rabochemu voprosu (osen' 1927 g.) // Ural'skij istoricheskij vestnik. 2005. N 10. P. 136–144.

Hlevnjuk O.V. Stalin. Zhizn' odnogo vozhdja. M.: AST, 2015. 461 p.

Jasnyj N. Sovetskie jekonomisty 1920-h godov. Dolg pamjati. M.: Delo, 2012. 344 p.

DOI: 10.31249/rsm/2019.02.12

Е.В. Гиголаева

СОВЕТСКАЯ ПОХОРОННАЯ ИНДУСТРИЯ В 1920-е ГОДЫ: НОВЫЙ БЫТ В КОНТЕКСТЕ ЗАПАДНЫХ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫХ ИДЕЙ

Аннотация. *В начале 1918 г. советская власть вывела из-под юрисдикции церкви практически все действия, связанные с похоронами человека. Историография связывает изменяющийся ритуал с попытками создания нового человека и нового быта, где связанные с похоронами действия происходят согласно большевистским, и в том числе конкретно антицерковным идеологическим установкам. Но вместе с тем на Западе уже совершилась революция в градостроительной политике, и конкретно в похоронной индустрии. Советские учреждения получили возможность перенимать западный опыт, а их западные коллеги могли наблюдать, как развивается похоронная индустрия в условиях послереволюционной Советской России.*

Ключевые слова: *урбанистика; кремация; повседневная жизнь; наука о смерти; НЭП.*

Гиголаева Евгения Валерьевна – младший научный сотрудник Государственного академического университета гуманитарных наук, младший научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук. E-mail: limonza@mail.ru

E.V. Gigolaeva. Funeral Industry in the 1920s: Soviet New Life in Context Western Urbanism

Abstract. *Soviet power withdrew from the jurisdiction of the Orthodox Church almost all activities related to the funeral in the 1918. The main historiography connects changes in the funeral sphere with attempts to create a new person and a new life. At the same time, in the West, the revolution in town-planning policy took place, specifically in the funeral industry. The topography of big soviet cities started to change and the expansion of some old cemeteries could disturb the road laying and the water supply system. Therefore, a question of the construction of new cemeteries, and also of the first crematorium, was raised.*

Keywords: *urbanism; death studies; cremation; everyday life; New economic policy.*

Gigolaeva Evgeniya Valerievna – Junior Research Fellow;
State Academic University for the Humanities;
Institute of World History, RAS. E-mail: limonza@mail.ru

Историография и методы

В конце XIX в. Российская империя стала активно развивать свой индустриальный потенциал, начал меняться облик российских городов. Империя стала перенимать западные идеи градостроительства, адаптируя их с учетом местных особенностей. Сначала отражением этого становились городские агломерации Москвы и Санкт-Петербурга, затем новые поселения, возникавшие на пути строительства железных дорог. В советское время активно стали строиться города нового типа вокруг новых заводов. Эти новые города, несмотря на то что они были сделаны, что называется, на скорую руку, были менее архаичны и более рационально спланированы. Советская власть, перерабатывая западный градостроительный опыт, старалась по возможности привносить туда идеологическую составляющую.

В Москве основной проблемой было то, что большая часть города представляла историческую ценность и, следовательно, нельзя было все просто снести, а затем построить или проложить что-то заново. Поэтому в таких случаях приходилось полагаться на западный опыт. В начале 1920-х годов перед работниками Наркомата здравоохранения во главе с Н.А. Семашко и работниками Московского коммунального хозяйства особенно остро встала проблема продвижения альтернативного способа погребения – кремации и кризиса, связанного с кладбищами. Первые работы, затрагивающие тему советских крематориев и кладбищ, выходили в США и Великобритании с начала 80-х годов XX в. и моделировали создание новой ритуальной обрядности в новом обществе через социоантропологические процессы. Проблема отсутствия более или менее основательной источниковой базы при этом не ставилась [25; 26; 29].

Отечественная историография этой темы делится на четыре направления. Одно из них связано с историей повседневности и быта. Здесь выводы в значительной степени совпадают с тем, что пишут западные коллеги: кремация была одним из элементов отказа от старого быта и принятием принципиально новой, советской идеологии [1; 10; 16; 18]. Второе направление связано с исследованиями по истории Русской православной церкви (РПЦ). В этих работах кремация рассматривается как антирелигиозный обряд в контексте не просто новой идеологии большевиков, но как особо циничный метод борьбы с РПЦ [4; 6; 24]. Эти направления не исключают, а скорее дополняют друг друга. Третье направление современной историографии – это исследования с попытками интеграции социокультурных кодов, изменения отношения

к телу [30; 11; 13]. Ученые, работающие в рамках этого направления, зачастую базируются на исследованиях, упомянутых в начале статьи. Однако в данном случае принципиальное отличие состоит в том, что советская похоронная практика рассматривается в общемировом контексте. И наконец, работа советских крематориев изучается в связи с политическими репрессиями в СССР, поскольку большое количество жертв репрессий было кремировано [16; 17].

События, связанные с темой смерти в СССР, почти всегда описывались через яркие события, связанные с погребальными ритуалами. Это могли быть заявления политиков или деятелей культуры, статьи в честь открытия крематория, высказывания похоронных теоретиков Е. Ярославского или В. Вересаева или такого же рода выступления в прессе советских граждан, ратовавших за кремацию. Однако реальная практика развития похоронных услуг в 1920-е годы довольно сильно отличалась от заявлений в газетах.

В данной статье основное внимание уделяется тому, как введение кремации выглядело с точки зрения градостроителей и инженеров, вдохновленных западными идеями и старавшихся вписать российские города в мировой урбанистический контекст. Если в западной, особенно скандинавской историографии [28; 31], кладбищенский менеджмент и проблемы функционирования крематориев и кладбищ с точки зрения встраивания в городское пространство давно и плодотворно изучается, то в России эта тема еще только начинает изучаться [19]. В статье анализируются статистика и внутренняя документация работников крематория, а также документация московского коммунального хозяйства (далее – МКХ), в чье ведение входило курирование работы крематория и кладбищ.

Первые шаги

В XIX в. градостроительные представления о кладбищах стали меняться. Развивалась гигиенистика, и стало ясно, что нельзя слишком часто хоронить большое количество людей на маленьких клочках земли, скрытых от посторонних глаз, и, как правило, глубоко сакральных. Все более очевидной становилась идея, что кладбище должно быть довольно большим, особенно если дело касалось крупных городов. Соответственно, большое пространство было сложно скрыть, организация большого кладбища, кроме того, требовала больших затрат. Таким образом, похоронная индустрия постепенно входит в сферу интересов градостроителей, которым стало важно продумать структуру города так, чтобы кладбищенское пространство гармонично и логистически верно вписывалось в пространство города. Желательной была и прибыльность кладбища.

В крупных городах Европы и Америки, там где церковь позволяла, в конце 1870-х – начале 1880-х годов появляются крематории. К началу Первой мировой войны Америка и европейские страны особенно ощутили своевременность данного нововведения. В первой четверти XX в. статистика распространения крематориев выглядела примерно так: США и Канада – 87 крематориев, Германия – 69, Италия – 37, Швейцария – 17, Англия – 16, Чехословакия – семь, Франция – шесть, Швеция – три, Норвегия – три, Дания, Голландия, Австрия, Австралия, Аргентина, Испания, Мексика, Чили, Португалия, Румыния – по одному [2, с. 16]. Первая мировая война способствовала тому, что развитые страны начали все более активно обзаводиться своими крематориями. К этому времени кремация в крупных городах (в Германии, Франции, Англии, Италии) уже не вызывала слишком сильного беспокойства среди населения, а увеличение числа крематориев в крупных городах помогало решить проблему быстрого погребения погибших в условиях военного времени.

В России похороны и почти все с ними связанное входило в ведение РПЦ, соответственно, в этом вопросе церковь была монополистом. Поэтому, несмотря на развитие медицины и гигиенистики, сфера похорон оставалась консервативной. Кладбища оказались почти полностью исключены из городского пространства, а взаимодействие городских властей и руководства церкви было слабым. Идея кремации к 1917 г. уже была известна в Российской империи. Основная часть населения царской России практически не сталкивалась с темой кремации, но эта идея обсуждалась на государственном уровне. «Накануне Первой мировой войны комиссия народного здравия при Государственной думе рассматривала законопроект постройки крематория. Идея была одобрена Министерством внутренних дел, но встретила сопротивление представителей Синода» [10, с. 100]. При этом образованная часть населения могла узнать о последних инновациях в кремационном деле из материалов периодической печати, например из статей известного журнала «Зодчий» [5]. В итоге из-за консервативной позиции церкви градостроительная мысль в похоронной сфере в России оставалась сугубо теоретической, но городские инженеры пристально наблюдали за передовыми идеями на Западе.

В начале 1919 г. в Петрограде была основана «Постоянная комиссия по постройке Первого Государственного крематория». В 1920 г. журнал «Церковь и революция» объявил конкурс на постройку первого в России крематория. Конкурс проходил под лозунгом: «Крематорий – кафедра безбожия» [10, с. 100]. Первоначально строительство Петроградского крематория планировалось на территории Александро-Невской лавры, что вызывало резкое неодобрение представителей православной церкви. Из-за сильного протеста со стороны духовенства, народа и нехватки рабочей силы крематорий начал свою работу в переделанном здании бывшей бани. Питерская система трупо-

сжигания просуществовала недолго. Уже в 1921 г. Петроградский крематорий закрылся. Информации о его работе не очень много, и поэтому трудно делать выводы об интенсивности внедрения кремации в первые годы Советской власти. Скорее всего, численность кремированных была невелика, а основной контингент составляли неизвестные бродяги [10, с. 100].

Крематорий и новое городское планирование

После революции похоронная сфера почти полностью была выведена из-под юрисдикции церкви. 23 января 2018 г. вступил в силу декрет Совета народных комиссаров «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». По условиям этого декрета организация похорон переходила в юрисдикцию уездных советов, коммунального хозяйства и частично в Пятый отдел Наркомюста. Таким образом, развитию градостроительной мысли в похоронной сфере был дан старт.

Одной из причины резких изменений в похоронной сфере была нехватка мест для погребения в столице нового государства – Москве. Рост населения столицы зависел прежде всего от миграционных потоков из деревни. Рост приостановился из-за войн (как Первой мировой, так и Гражданской), но уже к середине 1920-х годов стало ясно, что население Москвы заметно увеличивается и, как следствие, увеличивается смертность [8]. Между тем в Москве было всего 33 кладбища, 11 из которых были закрыты по причине переполнения. Оставшиеся кладбища были заполнены более чем на 90% [9].

Годы войны и революции и связанные с ними эпидемии и в конечном итоге высокая смертность в 1919–1920 гг. нанесли кладбищенскому хозяйству тяжкий удар. В Москве и в других крупных городах возник так называемый кладбищенский кризис. Основная проблема, по мнению сотрудников Коммунального хозяйства, состояла в нерациональном использовании кладбищ. Земли под захоронения было достаточно, но из-за нерациональности использования, а затем и возросшей в результате войны смертности этот фонд исчерпался. Идеи о расширении кладбищ не встречали большой поддержки: территория Москвы стала расти, начала изменяться топография города, кладбища могли бы помешать прокладке дорог, водопровода и т.д. [21].

В 1920-х годах начала расширяться и московская агломерация. Активно появлялись рабочие поселки, и в 1926 г. уже говорилось о том, что все эти поселения должны в скором времени стать частью Москвы [7]. В связи с этим большие кладбища могли очутиться среди жилых кварталов. Это являлось большой проблемой, так как старые кладбища не соответствовали санитарным нормам, а это было бы крупным градостроительным упущением. В этих условиях и встал вопрос о постройке крематория. При этом позицию церкви

уже можно было не учитывать, однако конфронтация по поводу способа погребения между церковью и большевиками сменилась поисками компромисса [20].

В эти годы стали появляться исследования, подобные тем, которые на Западе существовали уже несколько десятилетий: о том, что кладбищенское пространство необходимо вписать в пространство города. Соответственно, на первый план выходит идея кремации. Однако кремация в Москве задумывалась не как безальтернативный способ погребения. И полной замены традиционного погребения кремацией не предполагалось, хотя в историографии такой тезис присутствует [4]. Традиционные кладбища представлялись в печати в негативном свете, как не удовлетворяющие санитарно-гигиеническим нормам, но в 1926 г. велась работа над проектом четырех новых кладбищ и – одновременно – Московского крематория [21]. Новые кладбища планировалось разместить на окраинах уже разросшейся Большой Москвы, а крематорий, занимающий меньше пространства, предполагалось расположить хоть и не в самом центре Москвы, но все-таки в пределах исторических границ города. С точки зрения логистики это было бы приемлемым решением для Москвы.

Но проблема переноса и реформирования кладбищ была важна и с точки зрения формирования паркового ландшафта и рекреационных городских пространств. В Москве и в других крупных городах в результате роста жилой и индустриальной застройки стали сокращаться общественные пространства и зеленые насаждения. Было много попыток восстановить зеленый фонд в городах, но они не увенчались успехом в полной мере. Недостаток общественных пространств заставил людей использовать для отдыха любые более или менее облагороженные зеленые участки, в том числе и кладбища. Авторы дневников 1920–1930-х годов часто упоминают кладбища как места прогулок как в одиночестве, так и в компании друзей [19]. Постепенно это могло бы стать столь же популярным, как и в ряде Европейских стран, где кладбища также выполняли функции парков.

Деятельность ОРРИК

Одной из главных идей западной урбанистики в вопросах, связанных со смертью, было создание и функционирование крематориев, которые воплощали собой идею рациональности и гигиены. И это была основная идея, которую наши инженеры перенесли с Запада, полностью переложив на советский новый быт. Началом эпохи кремации в СССР послужила выставка, которая прошла в Москве 19 октября 1924 г., а затем была повторена и в других городах страны.

Одним из руководителей выставки стал Гвидо Бартель, немец, активный пропагандист кремации, автор научных и агитационных статей на эту тему. На открытии выставки он выступил с речью, в которой остановился на истории кремации в России и на Западе. В выступлении он подчеркивал, что главными поборниками кремации на Западе были ученые и гигиенисты. Экспонаты выставки были разнообразны. Вначале зал, знакомящий с разными видами погребения: египетские мумии, выбрасывание трупов в поле, выбрасывание в воду, сжигание на кострах, захоронение в землю. Была продемонстрирована эстетика кладбищ на Западе: все могилы ровно расположены, все чисто и аккуратно, трава подстрижена, цветы, где нужно, посажены. Центральное место в этом отделе занимали плакаты с кладбищенской, вернее, могильной, фауной. Главные представители этой фауны были изображены в раскрашенных картинках. Фотографии знакомили посетителей с картиной разложения трупов после годичного и пятилетнего пребывания в земле [2, с. 6–16].

В ходе работы выставки стало ясно: кремация в советской России будет развиваться именно западным путем. В 1925 г. на страницах журнала «Коммунальное хозяйство» периодически выходили заметки Бартеля о достижениях кремации в США, Англии, Германии и Японии. Бартель как будто пытался постепенно приучить читателей к мысли, что кремация – это нечто повседневное и привычное во всем цивилизованном мире.

21 июня 1926 г. инициативная группа в составе Бартеля, С.С. Войта и П.И. Нестренко написала письмо в НКВД. В письме обосновывалась необходимость создания крематория в Москве. В письме также сообщалось, что необходимо создание добровольного общества, которое будет агитировать за кремацию. Авторы письма ссылались на то, что подобная агитация активно велась за границей – когда в западных странах вводили крематории [23].

В 1927 г. в Москве заработал Донской крематорий. Он был переделан из храма святых Серафима Саровского и Анны Кашинской. Выбрав для размещения крематория Донской монастырь, власти облегчили адаптацию человека к новым условиям погребения. Человек шел хоронить своего близкого на ту же святую землю, куда ходил ранее, отпевание, хоть и в несколько иной форме, проводилось, а прах можно было захоронить на территории церкви [там же]. Поскольку догматами церкви кремация не запрещена, а отпевание не является таинством, то даже для верующих людей изменения оказывались не столь уж сильными.

Тогда же, в 1927 г., в СССР было учреждено Общество развития и распространения идеи кремации (ОРРИК, с 1932 г. – Всероссийское кремационное общество), одним из его создателей был Бартель. Все члены – учредители общества были рабочими или представителями интеллигенции, работавшими в области медицины и инженерного дела. Никого из Агитационно-пропаган-

дистского отдела ЦК среди членов – учредителей общества не было [22]. Крематорий был отдан в попечение именно ОРРИК, а не Моссовету или Московскому коммунальному хозяйству (МКХ); это вполне соответствовало утопическим идеям «города-сада» Эбензера Говарда. Градостроительные идеи Говарда в 1920-е годы пользовались популярностью в советской России, и даже иногда их пытались претворять в реальность [12, с. 18–53].

Члены ОРРИК вели агитацию прежде всего на страницах журнала «Коммунальное хозяйство». В статьях всячески подчеркивается, что крематорий – плод развития цивилизованной Европы. Приводится статистика, связанная с работой европейских крематориев: сколько и где крематориев открылось, общее количество кремируемых в год, соотношение среди кремируемых мужчин, женщин и детей и т.п. Странами, где кремация развита лучше всего, называются Англия, Япония и Германия, поскольку именно в этих странах наблюдался самый большой процент кремируемых от общего количества умерших. Так, Бартель писал: «В Германии великолепно поставленное дело пропаганды этой идеи. Умелая, неустанная, хорошо организованная и культурная пропаганда многочисленных (более 200) кремационных ферейнов, со стоящими во главе энергичными неутомимыми и опытными борцами за идею кремации, дала блестящие успехи» [14].

В этом журнале также приводятся результаты опроса 47 человек (из них 40 светских деятелей, семь религиозных деятелей). Треть из них (включая религиозных деятелей), говоря о кремации, употребляют термины «культурно» и «эстетично». Естественно, описывая кремацию, авторы журнала пропагандировали прежде всего западный опыт: кремация на Востоке представлялась как страшная антисанитария.

ОРРИК пытались акцентировать агитацию не только на религиозной, но и на экономической составляющей. Дешевизна кремации была одним из главных лозунгов. Тут советские инженеры и популяризаторы кремации также опирались на западный опыт. Однако советская практика поначалу этому опыту не соответствовала: в Европе было очевидно, что кремация может быть дешевой только при условии, если она будет популярной [27, p. 516]. И в первое время работы крематория в Москве для населения кремация стоила примерно столько же, сколько и обычное погребение [14].

Агитация велась не только через статьи в журналах, она велась, прежде всего, через лекции, которые устраивались членами ОРРИК. Через год после начала работы крематория и ОРРИК на заседаниях общества решался вопрос о том, что доклады для лекций нужно дополнить цифровыми данными о кремации в Западной Европе [23]. То есть члены общества знакомились с западной кремацией не только для технических целей, но и для решения агитационных задач. И в статьях, и в лекциях они объясняли обычным людям

в советской России, которые считали кремацию варварством, что в Европе уже давно существует этот способ погребения и что это нормально.

Но технический аспект кремации был тоже очень важен – особенно для работников крематория, большинство из которых состояли в ОРРИК. В Европе кремация развивалась постепенно, методом проб и ошибок. То, что имелось в Европе к 1927 г., формировалось на протяжении 40 лет. Московскому крематорию нужно было пройти этот путь гораздо быстрее. Сталкиваясь с техническими проблемами, работники крематория изучали, каким образом эти проблемы решались на Западе, и использовали соответствующие методы в повседневной деятельности. Так, возникла проблема транспортировки трупов к крематорию: из протокольных записей ОРРИК следует, что члены общества сошлись на необходимости ввести специальные автомобили, т.е. поступить так же, как поступали за рубежом [23].

ОРРИК установило связи с зарубежными, в первую очередь немецкими, сторонниками кремации: изначально кремационные печи в страну Советов завозили именно из Германии. Общество пригласило вступить в собственные ряды представителя западноевропейских кремационных обществ профессора Цейса; Цейсу писались соответствующие письма [там же].

В июне 1928 г. становится известно, что в городе Бремен состоится очередной конгресс по кремации. С этого момента энтузиасты кремации стремились получить разрешение на командировку в Германию – и в итоге советская делегация приняла участие в конференции. Из командировки Бартель привез множество новой информации о похоронных тенденциях на Западе [там же]. На основе новой информации были устроены открытые лекции. В немецких журналах стали появляться статьи о работе Московского крематория. Хотя в этих статьях не всегда приводились правильные данные, сам факт появления таких статей свидетельствовал о возросшем интересе немцев к советскому опыту.

Агитация была столь успешной, что упоминания о кремации попали даже в роман И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок». Приобретали все большую популярность экскурсии в крематорий; сотрудникам крематория пришлось сократить их число, поскольку на основную работу не оставалось времени [там же].

Однако к началу 1930-х годов энтузиазм реформаторов стал иссякать. С середины 1930-х крематорий все чаще стал использоваться для кремации останков расстрелянных [17]. Вопрос о реорганизации кладбищ сошел с повестки дня: у коммунального хозяйства не оставалась на это времени и средств, к тому же вопрос о ведомственной принадлежности кладбищ так и не был окончательно решен.

* * *

В 1920-х годах в советской России начали формироваться собственные урбанистические практики, основанные и на западном опыте, и на новой советской идеологии. Одной из таких практик была кремация: в СССР она была симбиозом западных идей и идеологии борьбы с церковью. Внедрение кремации было успешным: Первый Московский крематорий стал реализованной идеей западной градостроительной мысли, воплощенной в реалиях советского нового быта. Успех этот во многом обеспечили энтузиасты кремации, объединившееся в ОРРИК. Именно ОРРИК подчинялся в конце 1920-х годов крематорий. Однако с началом эпохи репрессий в СССР энтузиазм сошел на нет, а крематорий стал использоваться по преимуществу для захоронения жертв репрессий.

Библиография

1. Андреевский Г.В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1920–1930-е годы. М.: Молодая гвардия, 2008. 592 с.

2. Бартель Г. К 50-летнему юбилею кремации // Коммунальное хозяйство. 1926. № 6. С. 6–16.

3. Бартель Г. К истории постройки в Москве первого крематория // Коммунальное хозяйство. 1926. № 15–16. С. 35–38.

4. Головкова Л.А. «Ударим кремацией по ветхозаветным кладбищам»: Крайности атеистической пропаганды // Официальный сайт ПСТГУ. [М., 2011] URL: http://pstgu.ru/ scientific/newest/news_hist_RPC2/2011/02/08/27827/ (Дата обращения: 21.06.2017.)

5. И.Т. Современные крематории // Зодчий. 1904. № 35. С. 391–393.

6. Кашеваров А.Н. Государство и Церковь. Из истории взаимоотношений советской власти и Русской православной церкви. 1917–1945. СПб.: Санкт-Петербургский государственный технический университет, 1995. 138 с.

7. Красин Г. К вопросу о будущей «Большой Москве» // Коммунальное хозяйство. 1926. № 2. С. 17–20.

8. Лавров Ф. Итоги поездки делегации Моссовета за границу // Коммунальное хозяйство. 1925. № 1. С. 53–56.

9. Лавров Ф. Надо строить крематорий // Коммунальное хозяйство. 1925. № 9. С. 42–43.

10. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930-е годы. СПб.: ИТД «Летний Сад», 1999. 320 с.

11. Малышева С.Ю. Врезано в камень, врезано в память: (вос)производство советской идентичности в пространствах смерти // Диалог со временем. 2016. Вып. 54. С. 181–206.

12. Меерович М. Градостроительная политика СССР 1917–1922. От города-сада к ведомственному рабочему поселку. М.: НЛО, 2017. 440 с.

13. Мохов С. Рождение и смерть похоронной индустрии: от средневековых погостов до цифрового бессмертия. М.: Common place, 2018. 360 с.

14. Наша анкета о кремации // Коммунальное хозяйство. 1927. № 11–12. С. 21–43.

15. Паперный В.З. Культура два. М.: НЛО, 1996. 384 с.

16. Петров Н.В. Награждены за расстрел. 1940. М.: Международный фонд «Демократия», 2016. 368 с.

17. Расстрельные списки: Москва, 1935–1953: Донское кладбище, (Донской крематорий): книга памяти жертв политических репрессий. М.: О-во «Мемориал»: Звенья, 2005. 596 с.

18. Соколова А.Д. «Нельзя, нельзя новых людей хоронить по-старому!»: Эволюция похоронного обряда в Советской России // Отечественные записки. 2013. № 5 (56). С. 191–209.

19. Соколова А.Д. Новый мир и старая смерть: судьба кладбищ в советских городах 1920–1930-х годов // Неприкосновенный запас. 2018. № 117 (1). С. 74–94.

20. Тарасютина Е.В. Создание Первого Московского крематория: проблемы диалога и конфронтации с РПЦ (1920-е – начало 1930-х гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Вып. 3 (57).

21. Федынский В. Кладбищенский кризис в Москве и кремация // Коммунальное хозяйство. 1926. № 9–10. С. 23–30.

22. Центральный муниципальный архив Москвы (ЦМАМ). Ф. 2512. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–6.

23. Центральный муниципальный архив Москвы (ЦМАМ). Ф. 2512. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–46.

24. Шкаровский М.В. Строительство Петроградского (Ленинградского) крематория как средство борьбы с религией // Клио. 2006. № 3. С. 158–163.

25. Binns Ch. The Changing Face of Power: Revolution and Accommodation in the Development of the Soviet Ceremonial System: Part I // Man. 1979. New Series. Vol. 14. N 4. P. 585–606.

26. Binns Ch. The Changing Face of Power: Revolution and Accommodation in the Development of the Soviet Ceremonial System: Part II // Man. 1980. New Series. Vol. 15. N 1. P. 170–186.

27. Douglas J.D., Lewis H.M. Encyclopedia of Cremation. London: Ashgate Publishing, Ltd., 2010. 488 p.

28. Kjøller C.P. Managing green space of the deceased greenspaces of the deceased: Characteristics and dynamics of Danish cemetery administration // Urban Forestry and Urbm greening. 2012. N 11(3). P. 339–348.

29. Lane C. The Rites of Rulers: Ritual in Industrial Society: The Soviet Case. New York: Cambridge University Press, 1981. 308 p.

30. Malyševa S. Der rote Thanatos: Nekrosymbolismus in der sowjetischen Kultur // Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung 2015. Berlin, Metropol Verlag, 2015. S. 181–197.

31. McClymont K. ‘That eccentric use of land at the top of the hill’: Cemeteries and stories of the city // Mortality. 2016. N 21(4). P. 378–396.

References

Andreevskij G.V. Povsednevnaja zhizn' Moskvy v stalinskuju jepohu. 1920–1930-e gody. Moskow: Molodaja gvardija, 2008. 592 p.

Bartel' G. K 50-letnemu jubileju kremacii // Kommunal'noe hozjajstvo. 1926. N 6. P. 6–16.

Bartel' G. K istorii postrojki v Moskve pervogo krematorija // Kommunal'noe hozjajstvo. 1926. N 15–16. P. 35–38.

Binns Ch. The Changing Face of Power: Revolution and Accommodation in the Development of the Soviet Ceremonial System: Part I // Man. 1979. New Series. Vol. 14. N 4. P. 585–606.

Binns Ch. The Changing Face of Power: Revolution and Accommodation in the Development of the Soviet Ceremonial System: Part II // Man. 1980. New Series. Vol. 15. N 1. P. 170–186.

Central'nyj municipal'nyj arhiv Moskvy (CMAM). F. 2512. Op. 1. D. 1. L. 2–6.

Central'nyj municipal'nyj arhiv Moskvy (CMAM). F. 2512. Op. 1. D. 3. L. 1–46.

Douglas J.D., Lewis H.M. Encyclopedia of Cremation. London: Ashgate Publishing, Ltd., 2010. 488 p.

Fedynskij V. Kladbishhenskij krizis v Moskve i kremacija // Kommunal'noe hozjajstvo. 1926. N 9–10. P. 23–30, 32.

Golovkova L.A. «Udarim kremaciej po vethozavetnym kladbishham»: Krajnosti ateisticheskoj propagandy // PSTGU: Official Website. [M., 2011] URL: http://pstgu.ru/scientific/newest/news_hist_RPC2/2011/02/08/27827/ (Data obrashhenija: 21.06.2017.)

I.T. Sovremennye krematorii // Zodchij. 1904. N 35. P. 391–393.

Kashevarov A.N. Gosudarstvo i Cerkov'. Iz istorii vzaimootnoshenij sovetskoj vlasti i Russkoj pravoslavnoj cerkvi. 1917–1945. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj tehnicheskij universitet, 1995. 138 p.

Kjøller C.P. Managing green space of the deceased greenspaces of the deceased: Characteristics and dynamics of Danish cemetery administration // Urban Forestry and Urbm greening. 2012. N 11(3). P. 339–348.

Krasin G. K voprosu o budushhej «Bol'shoj Moskve» // Kommunal'noe hozjajstvo. 1926. N 2. P. 17–20.

Lane C. The Rites of Rulers: Ritual in Industrial Society: The Soviet Case. New York: Cambridge University Press, 1981. 308 p.

Lavrov F. Itogi poezdki delegacii Mossoveta za granicu // Kommunal'noe hozjajstvo. 1925. N 1. P. 53–56.

Lavrov F. Nado stroit' krematorij // Kommunal'noe hozjajstvo. 1925. N 9. P. 42–43.

Lebina N.B. Povsednevnaja zhizn' sovetskogo goroda: Normy i anomalii. 1920–1930 gody. Saint Petersburg: ITD «Letnij Sad», 1999. 320 p.

Malyševa S. Der rote Thanatos: Nekrosymbolismus in der sowjetischen Kultur // Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung 2015. Berlin, Metropol Verlag, 2015. S. 181–197.

Malysheva S.Ju. Vrezano v kamen', vrezano v pamjat': (vos)proizvodstvo sovetskoj identichnosti v prostranstvah smerti // Dialog so vremenem. 2016. Is. 54. P. 181–206.

McClymont K. 'That eccentric use of land at the top of the hill': Cemeteries and stories of the city // Mortality. 2016. N 21(4). P. 378–396.

Meerovich M. Gradostroitel'naja politika SSSR 1917–1922. Ot goroda-sada k vedomstvennomu rabochemu poselku. Moscow: NLO, 2017. 440 p.

Mohov S. Rozhdenie i smert' pohoronnoj industrii: ot srednevekovyh pogostov do cifrovogo bessmertija. Moscow: Common place, 2018. 360 p.

Nasha anketa o kremacii // Kommunal'noe hozjajstvo. 1927. N 11–12. P. 21–43.

Papernyj V.Z. Kul'tura dva. Moscow: NLO, 1996. 384 p.

Petrov N.V. Nagrazhdeny za rasstrel. 1940. Moscow: Mezhdunarodnyj fond «Demokratija», 2016. 368 p.

Rasstrel'nye spiski: Moskva, 1935–1953: Donskoe kladbishhe, (Donskoj krematorij): kniga pamjati zhertv politicheskih repressij. Moscow: O-vo «Memorial»: Zven'ja, 2005. 596 p.

Shkarovskij M.V. Stroitel'stvo Petrogradskogo (Leningradskogo) krematorija kak sredstvo bor'by s religiej // Klio. 2006. N 3. S. 158–163.

Sokolova A.D. «Nel'zja, nel'zja novyh ljudej horonit' po-staromu!»: Jevoljucija pohoronnogo obrjada v Sovetskoj Rossii // Otechestvennye zapiski. 2013. N 5 (56). P. 191–209.

Sokolova A.D. Novyj mir i staraja smert': sud'ba kladbishh v sovetskih gorodah 1920–1930-h godov // Neprikosnovennyj zapas. 2018. N 117 (1). P. 74–94.

Tarasjutina E.V. Sozdanie Pervogo moskovskogo krematorija: problemy dialoga i konfrontacii s RPC (1920-e – nachalo 1930-h gg.) // Jelektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istorija». 2017. Vol. 8. Vyp. 3 (57).

DOI: 10.31249/rsm/2019.02.13

С.Б. Брилёв

ОПЕРАЦИЯ «ОРАНЖ». ЗАГАДОЧНЫЕ ИСПАНЦЫ – УЧАСТНИКИ АНГЛО-СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-ДИВЕРСИОННОЙ СХЕМЫ «ЛЕДОРУБ» В 1943 г.

Аннотация. *Статья посвящена советским агентам, отправленным в Испанию в 1943 г. по схеме «Ледоруб», осуществляемой Разведывательным управлением советского НКВД и британским Управлением специальных операций.*

Ключевые слова: *СССР; Великобритания; НКВД; УСО; Испания; Коминтерн.*

Брилёв Сергей Борисович – кандидат исторических наук, заместитель генерального директора телеканала «Россия», ведущий программы «Вести в субботу» (телеканалы «Россия-1» и «Россия-24»), Москва. E-mail: sbrilev@yahoo.com

S.B. Brilev. Operation «Orange». Spaniards Participating in the Anglo-Soviet Intelligence and Sabotage Scheme «Pickaxe» in 1943

Abstract. *The article identifies Soviet agents sent to Spain in 1943 within the «Pickaxe» scheme carried out by the intelligence branch of Soviet NKVD and Britain's Special Operations Executive.*

Keywords: *USSR; Britain; NKVD; SOE; Spain; Comintern.*

Brilev Sergey Borisovich – Candidate of Historical Sciences, Deputy Director and Anchor of the TV Channel «Russia», Host of the Program «Vesti on Saturday» (TV Channels «Russia-1» and «Russia-24»), Moscow. E-mail: sbrilev@yahoo.com

По советским паспортам, которые они предъявили британским иммиграционным властям, их звали «Михаил Белов», «Антон Марсов» и «Иван Русаков».

Однако, во-первых, в Лондоне сразу поняли, что это никакие не славяне, а выходцы с Пиренейского полуострова. Ровно это следует из характеристик,

составленных во время их пребывания в Англии британской спецслужбой, которая именовалась *SOE, Special Operations Executive*[1] (в российской историографии – УСО, Управление специальных операций; в документах НКВД / НКГБ – «Секта» [3, с. 286]). Не так давно эти характеристики рассекречены британскими Национальными архивами (*The National Archives*, TNA).

Про 27-летнего «Михаила Белова» в SOE написали, что он «испанский француз с ярко выраженным испанским акцентом; возможно, баск; жизнелюбивый, болтливый» [50; 51; 45, p. 85; 44, p. 136]. В 28-летнем «Антоне Марсове» разглядели «возможно испанца, но хорошо владеющего французским и имеющего родственников во Франции». «Весёлый, общительный» 30-летний «Иван Русаков» был описан «маленьким, чернявым, похожим на испанца; владел лишь азами французского или русского» [51; 44, p. 136].

Во-вторых, в SOE знали с самого начала, что все прибывшие – не просто не славяне, а испанцы и советские агенты. Однако их пустили в страну. Тому, как это могло произойти, кто на самом деле были эти люди и что этому предшествовало, посвящена данная статья.

Схема «Ледоруб»

Эта загадочная троица – часть списка из *трех десятков* советских агентов, которых можно описать как «нелегалы наоборот», в смысле не иммигранты-«нелегалы», а «нелегалы»-*разведчики*. Они были не русскими, вжившимися в образ иностранцев, а выходцами из Австрии, Германии, Польши, Франции и других европейских стран, въезжавшими в Соединенное Королевство по паспортам, выписанным московскими ОВИРами.

Все они были привлечены к целой *схеме* по переброске советских агентов через Британию на европейский континент. Такая схема (в британских документах она проходит как *«Pickaxe»*) была согласована в августе 1941 г. политической разведкой советского НКВД и SOE [9, с. 663]. Ничего подобного между Москвой и Лондоном не было ни до, ни после, но в суровую годину войны, когда встал вопрос о дальнейшем независимом существовании

1. SOE появилось в результате слияния трех секретных подразделений, существовавших ранее. До этого в лондонском «Электра-Хаус» (EH) уже работал «Департамент-EH», созданный после аншлюса Австрии в 1938 г. для ведения пропаганды. «Сикрет инделлидженс сервис» создала Секцию D с целью исследования возможностей саботажа, пропаганды и прочих вспомогательных средств для ослабления противника, Военное министерство – службу, призванную исследовать возможности партизанской войны (параллельно с которым существовала и служба, занимавшаяся как заброской агентов, так и вывозом из оккупированной Европы разведчиков и VIP-персон). Окончательно SOE была сформирована уже при Черчилле летом 1940 г. [см.: 34; 42, p. 88; 44, p. 10; 45, p. 5].

наших народов, мы пошли на беспрецедентный шаг, наладив сотрудничество не только вооруженных сил, но и спецслужб. Это – поистине самоценный эпизод. В рамках договоренностей SOE и НКВД советские «нелегалы наоборот» проходили в Англии через дополнительные курсы по парашютным прыжкам, радиоделу и т.п. После этого их переправляли в Австрию и Бельгию, Италию и Нидерланды, Францию и Германию, другие страны. В 1941–1942 гг. отдельно взятые операции чаще всего обозначали по названиям напитков (белое вино «Сотерн», «Ром», «Кофе», «Виски» и др.).

До недавнего времени в российских источниках встречались только самые скупые намеки и только самые поверхностные описания этой схемы [см., напр.: 2, 3; 9; 10; 11; 13; 14; 30]. Да и на Западе отголоски этой «саги» звучали как факультативный сюжет – в мемуарах ветеранов спецслужб или в исследованиях по истории SOE [34; 38; 42; 43; 47]. По образному выражению автора первой научной монографии об этом эпизоде Донала О'Салливана, в холодную войну Лондон и Москва «как опозорившиеся любовники предпочли замести этот эпизод под ковер». Еще он добавил: «Так, как если бы они были незаконнорожденными детьми, агенты исчезли из поля зрения» [45, p. 2]. Однако с тех пор, как в последние два десятилетия в TNA в лондонском Кью были рассекречены соответствующие документы британских спецслужб, эта история действительно стала предметом уже намного более детальных и нюансированных исследований (правда, до поры до времени только западных авторов) [30; 40; 44; 45; 52].

Тем не менее в 2017–2018 гг. автор этой статьи и его английский коллега Бернард О'Коннор первыми сопоставили западные документы с документами из фонда Коминтерна в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). В результате нашла подтверждение версия о том, что бóльшая часть советских агентов – участников схемы «Pickaxe» были не кадровыми сотрудниками разведки НКВД / НКГБ или разведуправления Красной армии, а завербованными агентами из числа коминтерновцев. Предварительные результаты наших исследований были оформлены в серию журнальных статей [5; 6; 7; 8] и специальных репортажей для телеканалов «Россия-1» и «Россия-24».

Публикация этих материалов была анонсирована, во-первых, на научном и медиасеминаре «Сотрудничество советских и британских спецслужб в годы Второй мировой войны», который прошел 10 мая 2018 г. в московском Доме журналиста с приглашением ученых, представителей СМИ, а также аккредитованных в Москве дипломатов и военных атташе из Британии, Испании и Франции. Во-вторых, 14 сентября 2018 г. в МГИМО на Международной научной конференции «Советско-испанские отношения в период Гражданской войны в Испании 1936–1939 гг.» [26 а]. Стоит особо подчеркнуть, что в числе соорганизаторов конференции была и Ассоциация республиканской

авиации (ADAR – Associació d'Aviadors de la República, Барселона), которая сегодня объединяет потомков тех, кто учился на пилотов советских самолетов в СССР. К президенту этой ассоциации, Акилино Мате Миеру, мы еще вернемся отдельно.

Всё это привело к тому, что в Службе внешней разведки России (СВР) в свою очередь пришли к пониманию того, что необходимо, как там выразились, «предать гласности» материалы об этой схеме, имеющиеся и там у СВР.

Результатом «гласности» стала недавняя книга об отдельно взятых операциях схемы «Pickaxe» 1941–1942 гг. [4]. Данная статья – первая попытка заглянуть и в следующий, 1943 г. Впрочем, сначала – дополнительные штрихи к периоду 1941–1942 гг.

Испанский след

Так или иначе большинство участников схемы «Pickaxe» были связаны с Испанией. Из 15 советских агентов, готовившихся к переброске через Британию в 1941–1942 гг., без малого девять либо отвоевали в составе Интербригад, либо служили в организованной Коминтерном пароходной компании «Франс Навигасьон», которая везла в Испанию советское оружие, а позже вывезла из Испании золотой запас Республики.

Обратим внимание прежде всего на тех, кто впервые попал в объектив московских спецслужб именно на «испанском направлении» и был привлечен к работе на них.

Начнем с такой участницы операции «Ром», как французская коммунистка Франсин Фромон, которая с началом войны прошла дополнительные курсы в спецшколе Коминтерна в Кушнаренково в Башкирии [16, с. 119–120], затем была переброшена через Англию под Монпелье и героически погибла в застенках коллаборационистов Виши. Единственная запись из ее биографии в фонде Коминтерна (о том, что в апреле 1938 г. она была освобождена от своих предыдущих обязанностей в партаппарате «в связи с характером той работы, которую она вела с т. Алларом» [22, л. 20–21]) позволила – «потянуть ниточку». Упомянутый «Пьер Аллар» – псевдоним Джулио Черетти. Ставший после войны депутатом итальянской Конституционной ассамблеи, министром в недолго просуществовавшей коалиции итальянских христианских демократов и коммунистов (1947) [1, с. 170, 221, 225], а под конец жизни еще и сенатором Итальянской республики [32, p. 208], в 1930-х годах именно он возглавлял ту самую компанию «Франс Навигасьон» [35, p. 315]. Как следует из справки в ее личном деле в РГАСПИ, именно под началом «Аллара» Франсин Фромон получила «навыки конспиративной работы» [24, л. 20]. В материалах мемориального портала французского Сопротивления это называется «несколькими деликатными миссиями» (plusieurs missions délicates) [33].

Таким образом, Фромон можно назвать подручной курьерско-разведывательной службы Коминтерна, известной как ОМС, Отдел международных связей.

Еще один пример, в отношении которого не требуется даже применять каких-либо допусков, – это известный по картотеке СВР как «капитан» Франц Лёшль. Участник операции «Виски», он погиб в 1942 г. в горах Германии во время выполнения спецзадания, направляясь в родную Австрию. Но до войны он был одним из «нелегалов наоборот». Из СССР в Испанию он выехал 23 ноября 1936 г. [21, л. 12]. Из его автобиографии: «В декабре 37 получил командировку в Барселону: Servicio Investigación Militar (государственная безопасность)»; «В январе 38 получил командировку в советскую дипмиссию в Барселоне: С июня-июля был в спецшколе (Escuela especial)». В отчете Франца Лёшля о его пребывании в Испании особо оговаривалось: «Подтвердить работу в Испании может МИХАЙЛОВИЧ ОРЛОВ» [21, л. 38–40]. Странность в этой цитате из дела Лёшля в РГАСПИ очевидна: наличествуют отчество и фамилия «поручителя», но нет его имени. Речь идет, конечно же, об *Александре* Михайловиче Орлове. Это – знаковый советский разведчик, который представлял в Испании НКВД.

Справедливости ради стоит заметить, что хотя и в разрозненном виде, но значительная часть этого «испанского досье» уже опубликована на страницах книги «Нелегалы наоборот». В то же время невозможно не обнародовать те замечания к книге, которыми после ее опубликования в частной переписке с автором этой статьи поделился французский исследователь Гийом Буржуа (автор самой последней на Западе монографии о «Красной капелле») [30].

Для начала стоит еще раз пояснить, что, присваивая потом отдельно взятым операциям этой схемы названия напитков, всю ее целиком британская SOE обозначала, как *«Pickaxe»,* т.е. – «Кирка», «Кайло» или «Ледоруб». Как предполагает Б. О'Коннор, со стороны SOE это было своего рода «подначкой»: намеком на организованное перед войной НКВД убийство Льва Троцкого (ведь именно таким инструментом советский агент Рамон Меркадер нанес вождю революции смертельный удар).

Но если вынести за скобки «внутрицеховые шутки», в SOE оказались близки к истине: к организаторам убийства Троцкого имела отношение участница одной из первых двух операций в рамках схемы «Ледоруб», у которой тогда не было обозначения по какому-либо напитку (она была обозначена как «Ледоруб-I»). В рамках этой операции уже в январе 1942 г. из Англии во Францию была заброшена советский агент, польская еврейка Шифра Липшиц (по картотеке СВР «Хуанита»). А в своей автобиографии для Коминтерна она рассказала о таком эпизоде в Барселоне (орфография и пунктуация сохранены): «В декабре 1937 г. через товарища Меркадер я имела разговор с тов. Котовым… [Он] предложил мне выехать в Польшу с целью вести нам работу в пользу Советского Союза; я конечно согласилась на это» [26, л. 10].

«Котов» – это советский разведчик Наум Эйтингон, который в 1930-е годы работал в Испании, а в 1940 г. выступил организатором убийства Троцкого [см., напр.: 27, с. 56–65, 102–132]. В то же время, как следует из комментария Г. Буржуа, в книге «Нелегалы наоборот» недостаточно продуманным выглядит предположение, что «тов. Меркадер» – это *Рамон* Меркадер, т.е. непосредственный убийца Троцкого [4, с. 97]. Советское бесполое «тов. Меркадер» вполне может означать не Рамона, а его мать *Каридад* Меркадер. В принципе это же следует из изложенного детьми Н. Эйтингона [15, с. 29–59].

Другое дело, что, «отшлифовав» теперь «испанское досье» участников схемы «Ледоруб», следует признать, что с описанием советских агентов – участников этой схемы – испанцев по происхождению – есть куда бóльшие методологические проблемы.

Испанские интересы Лондона

Если Сталин и Франко были открытыми врагами (в июле 1941 г. в СССР даже выдвинулась франкистская «Голубая дивизия»), то Британия в течение всей Второй мировой войны поддерживала с Испанией дипломатические отношения [29, p. 68]. Однако с началом Второй мировой войны (и особенно после вторжения Гитлера в Югославию и Грецию) в Лондоне с тревогой ожидали германской экспансии и в Юго-Западную Европу [53, p. 158]. Британский исследователь Денис Смит отмечал: «Стратегическое положение Испании “верхом” на морских, [британских] имперских и межконтинентальных коммуникациях делало ее отношение к войне ключевым для борьбы Британии за выживание» [46, p. 2].

После того как Германия «завязла» в СССР, Британия могла перейти в таких нейтральных странах от политики «ограничения урона» к «инвестированию политического капитала на будущее» [53, p. 162]. Однако в тот период британские дипломаты были фактически лишены доступа к испанским левым, которые после окончания Гражданской войны в Испании подверглись массовым репрессиям и находились в лучшем случае в подполье. В итоге в SOE «могли оправданно заявлять, что представляют уникальную нишу для общения с [такими кругами] в нейтральных странах» [53, p. 161], а контакты с НКВД расширяли сеть знакомств.

Тем не менее еще в 1941–1942 гг. все операции SOE в Испании должны были получать визу британского военно-морского атташе Алана Хиллгарта (на предмет того, чтобы не испортить отношения с режимом Франко) [53, p. 166]. Но уже к 1943 г. (когда из Англии на континент выдвинулась группа испанцев – участников операции «Оранж») SOE была нацелена на куда более активные действия, связанные с необходимостью не допустить поставки из

Испании в Германию вольфрама, необходимого Рейху для производства оружия [41].

Иными словами, к моменту отправки группы «Оранж» стратегические интересы Москвы и Лондона на этом направлении совпадали.

Пробелы с испанцами

Метод определения истинных личностей агентов – участников схемы «Ледоруб» за 1941–1942 гг. состоял в следующем. Во-первых, на основе документов TNA был составлен список из всех их имен и псевдонимов, известных британским иммиграционным властям, SOE и «Сикрет интеллидженс сервис» (которая после расформирования SOE допрашивала плененных британцами гестаповцев, в свою очередь, во время войны допросивших пленных советских агентов). На следующем этапе этот список был сопоставлен с набором личных дел в РГАСПИ. Наконец, письмом из ВГТРК в СВР было запрошено наличие таких имен в картотеке советской / российской нелегальной разведки.

В итоге из 15 советских участников схемы «Ледоруб» за 1941–1942 гг. удалось достоверно определить 14 (за исключением загадочного «Петра Кульбицкого», принятого в Лондоне самим премьер-министром Черчиллем, но погибшего при неудачном приземлении на аэродроме «Темпсфорд» перевозившего его самолета британских Королевских ВВС).

При этом можно было ожидать, что известный организационный хаос, который сопровождал операции схемы «Ледоруб» на начальном этапе англо-советского сотрудничества в 1941–1942 гг., должен был к 1943 г. уступить место аккуратной и рациональной регистрации всего происходившего на пике сотрудничества SOE и НКВД / НКГБ. Реальность, впрочем, оказалась иной.

Операция «Оранж» с участием советских агентов-испанцев – одна из последних во всей схеме «Ледоруб». Однако по западным источникам выходит, что все, что о ней толком известно, – лишь то, что она была. Три агента-испанца были парашютированы в ночь с 14 на 15 сентября 1943 г. в районе французского Авиньона [36; 48]. И это, по сути, все (если не считать настоятельных британских просьб к советской стороне о предоставлении доказательств того, что это к тому времени уже очередное парашютирование советских агентов во Францию было согласовано со штабом Де Голля. Доказательства были предоставлены [44, p. 137]).

Не менее удивительно, что, согласно официальному ответу СВР на запрос ВГТРК, *ни одно* из известных SOE имен советских агентов-испанцев не обнаружилось в картотеке внешней разведки.

Тем не менее в том же ответе СВР содержится информация поистине системная для данного исследования: «Основное задание для всех [участников

схемы «Ледоруб» было] восстановить и наладить связь с нелегальными резидентурами НКВД и ГРУ Г[енерального] Ш[таба] и подпольными организациями Коминтерна, обеспечить их бесперебойную связь с Центром и координацию с ними своей деятельности».

Именно этот пассаж заставил по-новому взглянуть на сведения об этих людях, которые все-таки удалось обнаружить в Коминтерновском фонде РГАСПИ.

«Михаил Белов» и другие «однофамильцы»

О «Михаиле Белове» в британских документах говорится как о том, кто готовился к отправке в континентальную Европу и под французским именем «Michel Belfort», и под испанским именем «Miguel Gonzalez» (правда, без полагающегося в таком случае по правилам правописания испанского языка знаком ударения над буквой «а»; впрочем, англо-саксы «не грешат» такими «мелочами»), и со смешанной франко-испанской фамилией «Belfort Gonzalez» [44, p. 136]. Очевидно, в том числе это заставило британцев предположить в нем «испанского француза».

К сожалению, как и в СВР, в РГАСПИ материалов на людей с такими иностранными именами не обнаружилось. Зато в РГАСПИ нашелся Михаил Белов. Это – не первый случай, когда у советских агентов из числа урожденных иностранцев – участников схемы «Ледоруб» заграничный паспорт гражданина СССР был выписан на имя когда-либо реально существовавших сотрудников Коминтерна.

Например, участник операций «Ледоруб-II» и «Сотерн», родной брат будущей первой леди ГДР Лотте Кюн-Ульбрихт, Бруно Кюн, прибыл в Британию по загранпаспорту СССР на имя «Пётр Кузнецов». Человек с таким именем и фамилией действительно состоял в рядах Коминтерна. Тот «Пётр Кузнецов» родился в деревне Хорево Пружанского уезда [23], земли которого попеременно входили то в Российскую империю, то в Речь Посполитую, то в СССР, а сегодня – это территория Республики Беларусь. Тот «Пётр Кузнецов» был активистом теперь уже почти всеми забытой Компартии Западной Белоруссии, которая, в свою очередь, числилась «филиалом» Компартии Польши[2].

2. В истории спецслужб эта партия мелькает в мемуарах «большого босса» советской разведсети, известной как «Красная капелла», польского еврея Леопольда Треппера. Он писал: «Сталин, готовивший сближение с нацистской Германией, твердо знал, что коммунисты Польши никогда не согласятся с этим противоестественным пактом, ибо он мог быть осуществлен только ценой ликвидации их страны. Тогда же были распущены западноукраинская и западнобелорусская партии» [см.: 28, с. 58].

Для Бруно Кюна очень кстати было как то, что к моменту его прибытия в Британию Компартия Западной Белоруссии была распущена, так и то, что реальный «Пётр Кузнецов» очень вовремя «исчез с радара», будучи осужденным за некую «аморалку»: в его личном деле в архиве Коминтерна находим намеки на какой-то аборт у какой-то его прислуги, с которой он сожительствовал. Кстати, западнобелорусский «Пётр Кузнецов», в свою очередь, – псевдоним человека, известного как «Мишка Брестский», настоящее имя которого Новик Михаил Михайлович [23]. Больше того, год его рождения – 1900, а у Кюна – 1901. То есть в данном случае Коминтерн явно постарался и помог советскому агенту прибыть в Британию под именем де-факто ровесника, до подноготной которого из Западной Европы было уже совершенно невозможно докопаться.

А что же Михаил Белов, под именем которого в Британию прибыл некий испанец – участник операции «Оранж»? Проблема с ним заключается в том, что тот «Михаил Белов», который добрался до Соединенного Королевства, должен был родиться (по паспорту) в 1917 г. Однако в картотеке Коминтерна Михаил Белов – это некий уроженец деревни Глинки (на карте России деревни с таким названием две: в Истринском районе Подмосковья и Тосненском районе Ленинградской области). Тот Белов был… *самокатчиком* Коминтерна, а дело на него было заведено в 1921 г. [20, л. 1] «Нашему» Белову в тот момент должно было быть четыре года. То есть это – совершенно точно два разных человека.

И тем не менее не будем отказывать и «Михаилу Белову», прибывшему в Британию, в, скажем так, коминтерновском происхождении. В конце концов в истории схемы «Ледоруб» есть и еще один человек, которого снабдили личностью сотрудника Коминтерна, чья биография не очень соотносилась с носителем соответствующего советского паспорта. А именно: участник операции «Ром» француз Даниэль Жорж, снабженный паспортом на имя «Иван Данилов». Настоящий сотрудник Коминтерна Иван Данилов – рабочий по происхождению [24] был женат на неграмотной посудомойке Анастасии Константиновне с похожей на его деревенской фамилией Данилкина [25]. Недостаток этой «легенды» – в том, что когда настоящий Иван Данилов проявился на горизонте международного коммунистического движения (при своем командировании на III Конгресс Коминтерна Карельским обкомом РКП (б)), о нем сообщалось, что он владеет только русским языком [24].

В целом стоит признать, что никаких дополнительных сведений об участнике операции «Оранж» «Михаиле Белове» нет.

«Антон Марсов»

Напомним, что в 28-летнем «Антоне Марсове» британцами был замечен «возможно испанец, но хорошо владеющий французским и имеющий родственников во Франции, веселый, общительный». Также из документов SOE следует, что из Британии на континент он собирался под именем «Antoine Martin».

Ни то, ни другое имя не значится ни в личных делах коминтерновцев, хранящихся в РГАСПИ, ни, как уже сказано, в картотеке разведчиков – нелегалов СВР.

Тем не менее стоит обратить внимание на то приводящееся в западных источниках обстоятельство, что ни о «Марсове»-«Martin», ни о ком-либо другом из участников операции «Оранж» ничего не знали и в Лондоне: в смысле информации о том, чем обернулась их миссия и какова была их послевоенная судьба. Между тем почти обо всех остальных участниках схемы «Ледоруб» сведения есть: одни погибли при переброске (операции «Ледоруб-II» и «Виски»), другие, поработав в оккупированной Европе, были схвачены и казнены гестапо (операции «Ледоруб-I», девушка из группы «Ром», «Бургундское», «Тоник»), третьи пережили войну и сделали карьеру в политике (мужчины из группы «Ром»).

А что же участники таких операций, как «Оранж»? Почему о них нет никаких сведений?

Первый предварительный вывод: речь идет об *удачной* операции, чьи участники выполнили задание.

«Иван Русаков». Он же Артуро Кабо Мартин?

Упомянутый выше Донал О'Салливан предположил в «Иване Русакове» небезызвестного коминтерновца Артуро Кабо Мартина [45, p. 85] (в некоторых документах Марина без «т»; такая испанская фамилия также существует). Разберем эту версию.

На этого человека в РГАСПИ есть весьма детальное досье. Например, перед Великой Отечественной войной он был прописан в Москве по такому престижному адресу, как ул. Горького, 36, комната 378 [17, л. 18], влившись в ряды тех, кого называли «совиспанцами». Заглянем, однако, и в «глубины» его биографии, когда он жил еще на Пиренейском полуострове.

Артуро Кабо Мартин родился 9 июля 1909 г. в Мадриде [17, л. 1], происходил из рабочей семьи, сам в 1931–1932 гг. также был рабочим – типографом. В Коммунистический союз молодежи Испании вступил в 1928 г., в Компартию Испании в 1930 г. [17, л. 2].

Из ранней партийной биографии: провел в СССР «полтора месяца в 1933–1934 гг. на пленуме К[оммунистического] И[нтернационала] М[олодежи] и на VI Конгрессе КИМ» [17, л. 24]. Очевидно, в тот же приезд в Советский Союз «окончил краткосрочный курс М[еждународной] Л[енинской] Ш[колы]» [17, л. 2], т.е. главного учебного заведения Коминтерна. Из автобиографии: «Занял должность секретаря организации ЦК КСМ в 1933–34 гг.». Еще до начала Гражданской войны в Испании «в октябре 1934 г. по решению ЦК был послан в Севилью, где занимал руководящую должность в Союзе коммунистической молодежи до марта 1938 г.» [17, л. 12].

Там же в Севилье была его семья. Из справки кадровиков от 1939 г.: «Женат на Марии дель Кармен Альварес Перальто. [Она] проживает в Севилье с 2-летней дочерью» [17, л. 22]. Сам он писал: «Моя жена – коммунистка. В 1931 г. ее задерживали в Малаге» [17, л. 24].

В марте 1938 г. Артуро бежал из Севильи, «так как город находился в руках фашистов». Перебравшись к республиканцам, «с апреля 1938 г. по март 1939 г. работал в Исполнительной Комиссии объединенной социалистической молодежи как ответственный за профсоюзную работу военной авиации в качестве главного администратора» [17, л. 12].

Но все явно было не так просто. Уже не из автобиографии, а из оценок кадровиков: «Характеризуется очень преданным и способным, но в связи с тем, что долгое время пробыл в фашистской зоне, – несколько отстал от развития и постановки вопросов молодежи в Испании» [17, л. 2]. Кстати, трудно удержаться от того, чтобы хотя бы в скобках не задать вопрос: не такие ли ремарки стали предтечей появления в советских анкетах приснопамятного пункта о пребывании на оккупированных территориях?

Пожалуй, самая интригующая часть из автобиографии: «В Севилье скрывался, хотя вел одновременно организационную работу, а также информационную и был связан с П. через Гибралтар (недолгое время находился под арестом)» [17, л. 22].

Кто такой «П»?

Кто такой «П», обозначенный лишь инициалом даже в закрытом документе Исполкома Коминтерна?

В подробнейшей работе о Гибралтаре во время испанской Гражданской войны, которую подготовил испанский исследователь Хулио Понсе Альберка, приводится довольно обширный список тех, кто, будучи в британской колонии Гибралтар, со всех сторон окруженной франкистским сектором Испании, оставался верен Республике или испытывал к ней симпатии. В 1936 г. это – и.о. консула Испании Альфонсо Диас Паче, а также консулы Рамон Пенья Орельяна и Пласидо Альварес Буйлья. Из местных деятелей к симпатизи-

рующим Республике отнесен профсоюзный лидер Хуарт [29, p. 68]. Из числа британских журналистов, базировавшихся на Гибралтаре и относившихся к «прогрессивным» СМИ, – корреспондент лондонской «Дэйли экспресс» Ноэл Монкс [29, p. 73]. Кроме этого отмечается, что «Республика могла положиться на шпионские услуги таких способных профессионалов, как Харолд Филби, Херберт Грин и Артур Кёстлер». В последнем случае речь идет о позже осевшем в Британии писателе венгерского происхождения, который, будучи эмиссаром Коминтерна, в 1937 г. был арестован франкистами как раз в Севилье [29, p. 74], где одно время базировался Артуро Кабо Мартин. Однако его имя не таково, чтобы его можно было обозначить инициалом «П».

По сути, единственные из всего приведенного списка, у кого в начале имени или основной фамилии имеется буква «П», – это два последних республиканских консула: *П*енья Орельяно и *П*ласидо Альварес. Но первый из них в этой должности пробыл недолго, а последний, насколько известно, был «разочарован репрессиями на республиканской стороне» [29, p. 68].

Впрочем, кем бы ни был загадочный «П», из биографии Артуро следует много еще чего интересного.

Артуро в СССР

Из дела РГАСПИ: «20. III. 1938 на американском пароходе пробрался из Севильи через Касабланка, Оран, порт Вендес в Барселону» [17, л. 34]. Из автобиографии от 22 октября 1940 г. в том же деле: «Уехал из Испании 28. III. 1939 на пароходе. На пароходе находился один месяц в Оране, откуда был направлен в концлагерь в Алжир. В VII. 1939 прибыл в СССР» [17, л. 12]. Согласно лаконичной записи в электронной базе данных французских «маки», в 1939 г. (правда, почему-то в мае, а не летом, о котором шла речь в документах Коминтерна) он прибыл в Ленинград из Гавра [31].

Однако ему доверяли, несмотря и на такие зигзаги биографии, и даже на крамольное для СССР наличие родственников за границей (в справке кадровиков Коминтерна от 6 декабря 1940 г. подчеркнуто, что «все родственники находятся в Испании, в том числе его жена» [17, л. 11]; из еще одной рукописной справки без подписи: «Родственники остались в Испании. Сведений о них не имеет с 1939 г.» [17, л. 31]).

В Москве Артуро получил работу в «Издательстве литературы на иностранных языках», где у него стала устраиваться карьера. По крайней мере, 7 декабря 1940 г. встал вопрос о переводе его в штат как корректора [17, л. 9]. Но, судя по всему, в Москве у него была и, скажем так, параллельная жизнь, в которой он занимался не только идеологической, но и весьма особой подготовкой.

От руки в справку о нем под грифом «Секретно» было внесено: «Был командирован на спецкурсы по усвоению нелегальной техники (у т. Соркина). Белов. Благоева» [17, л. 32]. И далее: «С XI. 1939 г. в С[оветском] С[оюзе] для спецучебы. Хороший отзыв от тт. Соркина и Каца. Благоев» [17, л. 33]. Эти курсы, как следует из даты еще одной «справки» (29 мая 1940 г.), где упоминается такая «спецучеба» [17, л. 6], продолжались как минимум полгода.

Для разъяснения того, что это была за «спецучеба», процитируем три документа. Первый:

«Заключение: Тов. КАБО АРТУРО МАРИН… имеет опыт работы в нелегальных условиях. Подготовлен в части нелегальной парттехники. Политически развитый преданный член партии. На работе в СССР проявил себя положительно. Белов. Благоева. 9 сентября 1942» [17, л. 27]. Стоит обратить внимание на выражение «*парт*техника». Речь идет явно не о НКВД или ГРУ, а все о том же Коминтерне.

В то же время после начала Великой Отечественной в дело Артуро подшивают и такой документ:

«Секретно.
Генеральному секретарю ИККИ
Тов. Димитрову.
Отдел кадров ИККИ представляет на Ваше разрешение предложение о командировании на участок No. 15 испанских тов. АРТУРО КАБО и ЛУИС ГУЙОН.
Эти двое товарищей настаивают быть мобилизованными в особых отрядах *НКВД* (курсив мой. – *С. Б.*). Ввиду того, что АРТУРО КАБО является партийно-комсомольским работником с нелегальным опытом (1936–1938 в Севильи [так в тексте. – *С. Б.*]) <…> мы считаем более целесообразным их сохранение в качестве партийного резерва и подготовки их в партшколе.
Наше предложение согласовано с т. ДОЛОРЕС ИБАРРУРИ и ХЕЗУС ЭРНАНДЕС (так в тексте. – *С. Б.*).
Зав. отделом кадров ИККИ
ГУЛЯЕВ
10 октября 1941 г.
N/ 42995
17377» [17, л. 30].

И совершенно очевидно, к какому его прикомандировывают *направлению:*

«Тов. Димитрову.

Товарищ АРТУРО КАБО, член К[оммунистической] П[артии] *Испании*, утвержден для использования на партработу в *стране* (курсив мой. – *С. Б.*), явился в наше распоряжение <…>

Белов.

16 октября 1942 г.

No. 2784/с» [17, л. 25].

Обратим внимание на дату последнего из процитированных документов: 16 октября 1942 г. Примечательно, что как раз около этого времени, а именно 3 октября 1942 г., миссия связи SOE в Москве сообщила в Русскую секцию SOE в Лондоне о необходимости подготовить инфильтрацию четырех «ледорубов» в район Марселя [44, p. 136], откуда до границы с Испанией всего около 300 км по суше и около 200 по морю. Правда, согласно записям SOE, в Британию анонсированная группа прибыла в составе лишь трех человек и только 17 июня 1943 г. [44, p. 136; 50, sh. 18; 51]. Но район высадки остался, по сути, прежним: Авиньон северо-западнее Марселя, и он также «смотрит» на Испанию.

Итак, с одной стороны, как и предполагает Донал О'Салливан, 34-летний Артуро Кабо Мартин вполне мог быть 30-летним «Иваном Русаковым», которого через НКВД прислали в Британию для переброски на континент в рамках операции «Оранж». Сходятся даже косвенные детали. Например, британцы описывали «Ивана Русакова» как испанца, владевшего лишь азами французского или русского. В справке кадровиков Коминтерна о том, что касается знания Артуро других языков, кроме родного, сказано, что «[он] знает немного французский» [17, л. 22], а про русский вообще не говорится. При этом его французский явно был лишь базовым: в анкете сам он писал, что «знаю только испанский язык» [17, л. 1].

И тем не менее версия Донала О'Салливана становится шаткой при изучении целого ряда других обстоятельств.

Во-первых, в той же характеристике на «Ивана Русакова» из SOE говорится, что он «маленький, чернявый». И хотя рост Артуро неизвестен, с его фотографии в личном деле в РГАСПИ на нас смотрит человек, конечно, южного типа, но не тот, кого можно описать «чернявым». Допустим, что это – субъективный взгляд.

Во-вторых, объективно также, что британцам «Иван Русаков» был известен и как «Jean Roussel» [45, p. 85; 50]. Личные дела из фондов РГАСПИ на людей с такими (или почти такими) именами нами еще не были изучены, но такие дела есть.

«Иван Русаков». Он же «Jean Roussel»?

В фонде «Коминтерн» в РГАСПИ есть Rousselet Jean. Очень похоже! На русском – Русс[е]ле Жан [19, л. 1].

Отдельная тема в его личном деле – то, что он подал заявление о приеме (точнее о возвращении) в Компартию Франции (ФКП). Дело в том, что он был «исключен из партии за то, что подал заявление о выходе из партии в знак солидарности с Андрес… Признает свою политическую ошибку» [19, л. 1–2]. Возможно, знатоки микро-эпизодов в истории ФКП знают, кто такой этот Андрес (скорее, конечно, «Андрэ»). Как бы то ни было, случилась эта история в 1929 г.

Строго говоря, о личном деле «Русселе» в РГАСПИ можно было бы забыть (ибо больше там ничего и нет), если бы не одно «но». Незадолго до описываемых событий в 1927 г. из ФКП вышел еще один ее активист. До сих пор по линии СВР он проходил как «Густав» [9, с. 236]. Однако к тому, что несколько лет назад написали о нем в «Истории российской внешней разведки», теперь можно добавить сведения, изложенные в ответе СВР на запрос ВГТРК. А именно: «Густав» – это «Генри», «Кулаков», еще конкретнее – Мариус Онель.

Приведем цитату из ответа СВР:

«С 1927 по 1940 гг. под руководством Серебрянского "Генри" создал во Франции группу агентов и стал резидентом этой группы. Он также руководил нелегальными резидентами в Румынии и Польше, и через него осуществлялась связь с нелегалами-одиночками в Латинской Америке, США и Италии.

За этот период под его руководством и при личном участии был выполнен ряд специальных заданий органов ОГПУ-НКВД, в том числе:

1. Ликвидация руководителя РОВСа генерала Кутепова, за что "Генри" был награжден в 1930 г. орденом Красного Знамени и принят в совгражданство;

2. Похищение архива Троцкого;
3. Перлюстрация корреспонденции Седова (сына Троцкого);
4. Подготовка к похищению Седова (в связи с его смертью задание отпало);
5. Установка микрофона на квартире у Лана;
6. Создание авиафирмы с двумя пассажирскими самолетами».

В самом же начале этой справки из СВР значится следующее: «В 1927 г. "Генри" был завербован в Париже Серебрянским ("Яша") и по его указанию отошел от партии». Вот и герой по имени «Jean Roussel». Возможно, его повторное вступление в ФКП связано именно с тем, что на самом деле он начинал работать на советскую разведку.

Впрочем, в фондах РГАСПИ имеется и никак не менее интересное личное дело на того участника схемы «Ледоруб» и участника операции «Оранж», кто изначально числился как «Иван Русаков».

«Иван Русаков». Он же Хуан Руис Гомес?

«Иван Русаков» в РГАСПИ – это псевдоним, присвоенный в СССР выходцу из Испании Хуану Руису Гомесу [20].

Этот «Иван» / Хуан – пилот испанской республиканской авиации, еще точнее – авиатор – *курсант* авиашколы в городе Кировабад (ныне г. Гянджа) тогдашней Азербайджанской ССР.

Через ту школу прошли четыре *набора* испанских летчиков-республиканцев, отправленных в СССР, чтобы *спешно* научиться пилотировать советские самолеты, которые в Испании называли «Моска» (созвучно с «Моск*в*а», но на самом деле «Муха» или «Мошка») и «Катюшка» (т.е. советский истребитель Поликарпова И-16 и советский бомбардировщик Туполева АНТ-40).

Первые три набора успели пройти обучение и вернуться из СССР в Испанию. Четвертый набор попал в СССР на закате Гражданской войны, и, когда под ударами франкистов пали Мадрид и Барселона, остался в стране Советов. Кого-то из них ждала по-настоящему звездная карьера. Например, в незаслуженно забытом теперь советском документальном фильме «Тревожное небо Испании» по сценарию Бориса Добродеева-ст. впервые было рассказано о том, как в 1943 г. в том числе испанские летчики – выпускники авиашколы в Кировабаде – сопровождали самолет Сталина при перелете из Баку на конференцию в Тегеране.

Но изучим биографию того, кто нас интересует в контексте данной статьи.

Хуан Руис Гомес родился 25 августа 1918 г. в Андалусии[3]. Из его автобиографии, написанной уже в Москве, но на испанском (кстати, без тех самых

3. Переписка автора с президентом ADAR Акилино Матой.

ударений, наличие которых на письме отличает образованного испаноязычного), узнаем, что образование у него было начальным, а по профессии он – цирюльник [18, л. 3–5].

На фронтах Гражданской войны в Испании он находился с 7 октября 1936 г. [18, л. 3]: доброволец народного ополчения в составе 1-й группы артиллерии [18, л. 7]. Как он попал в авиацию, неясно. Но в 1938 г. Гомес отправился в авиашколу с СССР в составе нескольких групп, отплывших из Барселоны в Ленинград на борту советских пароходов «Кооперация», «Мария Ульянова» и «Смольный»[4]. 8 октября 1938 г. он прибыл в СССР [18, л. 6] и учился в Кировабадской летной школе [18, л. 3], где про него было замечено, что он «недисциплинирован и [отличается] отсутствием интереса»[5]. Возможно, поэтому он оставался беспартийным [18, л. 3–5], но это обстоятельство Хуан «исправил» уже к началу Великой Отечественной войны. Как гласит архив города Саламанка, в 1940 г. в СССР он вступил если не в коммунистическую партию, то хотя бы в комсомол[6]. Материалы РГАСПИ уточняют, что произошло это, когда он работал в Ростове-на-Дону, на «Ростсельмаше» [18, л. 6–7] (к сожалению, довоенный архив отдела кадров завода не сохранился[7]).

По информации президента ADAR Акилино Маты, многие экс-курсанты авиашколы в Кировабаде оказались тогда и на других предприятиях советской социалистической индустрии: в Ростове-на-Дону и Харькове, в Коломне и Челябинске, в Одессе, Симферополе, Брянске, Ворошиловграде, Самарканде, Киеве, Орджоникидзе и Москве[8].

В полном соответствии с этим краткая биография Хуана Руиса Гомеса, опубликованная недавно в испанской газете «Ла Опинион де Малага», гласит, что он работал в Ростове и Орджоникидзе, а в годы Второй мировой сражался в партизанах [39]. Словом «партизаны» в СССР кодировали участие и в таких операциях, как «Ледоруб».

«Иван Русаков» – Хуан Руис Гомес?

«Иван» – Хуан

Никаких сомнений не остается при сравнении двух фотографий: той, что была сделана британцами при транзите «Ивана Русакова» через Британию, и той, что еще в 1981 г. была опубликована в Испании как фотография Хуана

4. Переписка автора с президентом ADAR Акилино Матой.

5. Fondo Enrique Zafra depositado en el Archivo de Salamanca (CDMH). (Переписка автора с Луизой Иордаче.)

6. Там же.

7. Переписка автора с собственным корреспондентом ВГТРК в Ростове-на-Дону Вероникой Богмой.

8. Переписка автора с президентом ADAR Акилино Матой.

Руиса Гомеса (она была любезно предоставлена автору через ADAR доктором Университета Барселоны Давидом Иньигесом).

Fotografía que aparece en el libro de SERNA MARTÍNEZ, ROQUE: Heroismo español en Rusia. Autoeditado en 1981[9].

Не нужно быть экспертом-физиономистом, чтобы, несмотря на низкое качество фото, сделанного в Британии, увидеть: это – безусловно один и тот же человек. Главная примета – сросшиеся брови. Кстати, они дают ощущение той самой «чернявости», о которой писалось в характеристике SOE. И еще одна деталь: 25-летний Хуан выглядит, конечно, значительно старше своих лет. Впрочем, не будем забывать, что южане раньше взрослеют и мужают. Их возраст определить сложнее.

Правда, подпись к фотографии, опубликованной в Испании, гласит, что на ней – «партизан, который сражался в Крыму и других местностях СССР». Впрочем, это не означает, что в 1940-х годах он не мог появиться в Британии. Тем более что в 1981 г., когда было опубликовано это фото, ни советские, ни даже британские документы о схеме «Ледоруб» еще не были рассекречены.

Что касается биографии вчерашнего курсанта авиашколы в Кировабаде испанца Хуана Руиса Гомеса в период до начала Великой Отечественной войны, то на этот счет имеем еще одно важное уточнение от президента ADAR: «Из примерно ста курсантов 4-го набора авиашколы в Кировабаде, изъявив-

9. Переписка автора с Давидом Иньигесом.

ших желание остаться в СССР, 44 были отобраны для развед- и политического обучения в спецшколе наркомата обороны неподалеку от Москвы»[10].

Для нашего исследования это – важное уточнение. Если речь идет о наркомате обороны Союза ССР, то не удивительно, что в картотеке СВР нет ничего ни об «Иване Русакове», ни о Хуане Руисе Гомесе. Получается, что он был агентом не НКВД / НКГБ, а разведуправления Красной Армии, т.е. ГРУ. Архивы этого ведомства остаются недоступными.

«Ниша» для Артуро

Точно распознав Хуана Руиса Гомеса в «Иване Русакове», вернемся ненадолго к вопросу о том, мог ли быть участником операции «Оранж» Артуро Кабо Мартин. В базе данных французских «маки» содержится запись, сообщающая, что в 1941 г. Артуро выдвинулся в Англию, откуда был переправлен во Францию с целью осуществления «тайных миссий» в Испании [31]. Как уже отмечено выше, по документам SOE в TNA выясняется, что группа «Оранж» прибыла в Британию только в 1943 г. Впрочем, если допустить, что Артуро отправился на континент именно в составе группы «Оранж» (допустим, дождавшись ее в Англии), то теоретически «кандидатами» на то, чтобы оказаться им, могут быть два других участника операции, известные, как «Михаил Белов» и «Антон Марсов».

Практически же, во-первых, учитывая упомянутые выше особенности возмужания южан, 34-летний Артуро вполне мог выдавать себя и за 27-летнего «Белова», и за 28-летнего «Марсова». Во-вторых, характеристика кадровиков Коминтерна гласила, что Артуро «имеет склонность к созданию личных дружеских связей» [17, л. 2]. Характеристика же SOE, напомним, называла «Михаила Белова» «жизнелюбивым, болтливым», а «Антона Марсова» «веселым, общительным». То есть он мог быть и тем, и другим.

Однако «Марсова» все-таки исключим. Британцы о нем писали как о человеке, «хорошо владеющим французским и имеющим родственников во Франции». К Артуро это не относится. Иными словами, можно осторожно допустить, что в группе «Оранж» агент «Михаил Белов» – это Артуро Кабо Мартин.

Если это так, то нет ничего удивительного, что в одной группе могли оказаться и подготовленный ГРУ Хуан Гомес, и коминтерновец Артуро Кабо Мартин, в чьем досье в РГАСПИ прослеживается связь с НКВД. Такие смешанные межведомственные группы встречаются на многих этапах осуществления схемы «Ледоруб». Возможно, самым ярким примером является то, как с разницей в несколько дней в 1942 г. в Европу были заброшены разведчики –

10. Переписка автора с президентом ADAR Акилино Матой.

отец и сын Круйты. Отец, пастор Вилли Круйт, представлял разведку НКВД (в картотеке СВР – агент «Электрик»). О его сыне Нико в ответе СВР на запрос ВГТРК выдвигается предположение, что «в тыл врага [он] был по-видимому направлен по линии ГРУ ГШ». Собственно, как хорошо известно, несмотря на все формальные запреты по линии ЦК, совместные операции (и даже резидентуры) разведок ОГПУ–НКВД, РУ РККА и Коминтерна не были чем-то единичным еще до войны [см., напр.: 9, с. 313–314; 10; 12; 13; 14; 29; 30].

Из базы данных «маки» следует, что в 1946 г. Артуро был в Тулузе администратором журнала испанской компартии «Mundo Obrero» («Рабочий мир»). То есть, очевидно, выполнив «тайную миссию» в Испании, Артуро не стал возвращаться в СССР, осев на Западе [31]. Между тем в его личном деле в РГАСПИ есть загадочная рукописная пометка: «Совершенно секретно. Согласно сообщению К[оммунистической] П[артии] [Испании], см. N ОП-11655 от 11 декабря 1951 г. Артуро Кабо оказался провокатором. А. Орлов. 17 декабря 1951 г.» [17, л. 1].

Никаких пояснений в деле не содержится. И все-таки, зная послевоенный «крутой маршрут» Хуана Руиса Гомеса, можно предположить, о какой «провокации» речь шла и в случае с Артуро.

Судьбы

Как и Артуро, Хуан выжил в войну, после которой работал в Москве на некой «фабрике № 30». Однако осенью 1948 г. его… арестовали и дали десять лет лагерей [39]. Попробуем разобраться, за что он получил такой суровый приговор.

По просьбе президента ADAR Акилино Маты справки о том периоде в жизни испанской общины в СССР подготовили для автора этой статьи Роса Санс (дочь последнего из пилотов-республиканцев Анхеля Санса, кто еще оставался в живых в XXI в. и хранил память о своих товарищах по авиашколе) и барселонская исследовательница Луиза Иордаче, которая, несмотря на свое румынское происхождение, считается в сегодняшней Испании главным экспертом по теме «совиспанцев».

Из данных от Росы Санс: «Аресты 1946–1949 гг. и приговоры на восемь, десять и пятнадцать лет лагерей последовали за “антисоветскую пропаганду” и “шпионаж”. В эти сети попались пилоты Хуан Беллоби Роиг, Хосе Туньон Альбертос, Мигель Гомес Сапатеро, Хосе Антонио Рамирес Рейес, Хуан Бласко Кобо и *Хуан Руис Гомес*»[11].

Из пояснений Луизы Иордаче: «Аресты 1946–1949 гг. последовали в годы, когда [в среде “совиспанцев”] возродилось желание уехать из СССР. Как

11. Переписка автора с президентом ADAR Акилино Матой

объяснял один из беженцев, “к сожалению, в советских органах и испанской [Коммунистической] партии [в изгнании] не было недостатка в тех, кто политизировал проблему, интерпретируя желания воссоединиться с семьями как преступление, связанное с неблагодарностью к родине пролетариата”. К приговорам приводили критика советского режима и визиты в иностранные посольства» [37, p. 98].

Судя по всему, «провокация» со стороны таких людей, как Хуан Руис Гомес и Артуро Кабо Мартин, и состояла в желании вернуться на историческую родину или хотя бы быть к ней поближе (не будем забывать, что в 1946 г. Артуро был во Франции). Хуан же в итоге работал как заключенный номер 5110/37 на лесоповале под Иркутском [39]. По иронии судьбы, в ГУЛАГе соседями испанцев-республиканцев оказывались взятые в плен на советско-германском фронте испанцы-франкисты из «Голубой дивизии» [39].

По данным и Росы Санс, и Луизы Иордаче, все перечисленные выше испанцы были после смерти Сталина реабилитированы и смогли вернуться в Испанию. Но не Хуан Руис Гомес. В постановлении Комиссии по выездам за границу при ЦК КПСС от 27 ноября 1958 г., хранящемся в РГАСПИ, читаем: «Считать нецелесообразным выезд его и жены РУИС / ПЕТРОВОЙ / ВАИСЯЦКОЙ Ольги Михайловны с сыном Энрико 1957 г. р.». Против выступил КГБ, так как они «работают на предприятиях, имеющих особый режим» [18, л. 1–2].

По информации Акилино Маты и газеты «Ла Опинион де Малага», в 1960 г. Хуан вступил в партию, а потом работал переводчиком в Баку [39]. Судя по всему, именно в ГУЛАГе он и освоил русский язык в той степени, что смог стать переводчиком.

Вполне вероятно, к этой «саге» еще можно будет вернуться: она требует дополнений. Так, до сих пор непонятно как то, с каким *заданием* эта троица была направлена на континент, так и *куда конкретно направилась* после приземления на юге Франции. Британцы, боясь конфликта с Де Голлем, специально оговорили в своей внутриведомственной переписке, что «если возникнут вопросы, мы скажем, что наше понимание состояло в том, что группа направлялась в Испанию» [49; 44, p. 136]. Больше того, в Лондоне и исходили из того, что для «Оранжа» юг Франции – лишь транзитная зона на пути в Испанию [49; 44, p. 137].

Возможно, группа «Оранж» действительно добралась до родной Испании, и Хуан Гомес повидал своих родственников. Возможно, уже после выполнения задания, будучи выведенным в СССР, он захотел вернуться на родину окончательно, но вместо этого попал в ГУЛАГ, а потом стал невыездным.

По отрывочным данным, Хуан скончался в СССР в 1970 г.[12] Об Артуро известно, что он дожил до 1992 г. [31].

Библиография

1. Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Ширина К.К. Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. М.: РОССПЭН, 1997. 287 с.

2. Антонов В. Секретные миссии Ивана Чичаева. Консул, резидент, посланник // Военно-промышленный курьер. 2009. № 39 (305). 7 окт. С. 11.

3. Бондаренко А. Фитин. М.: Молодая гвардия, 2015. 398 с.

4. Брилёв С.Б., О'Коннор Б. Разведка. «Нелегалы» наоборот: сотрудничество спецслужб Лондона и Москвы времен Второй мировой. М.: АСТ, 2019. 502 с.

5. Брилёв С.Б., О'Коннор Б. «Нелегалы наоборот». Разведка. Девушки // Международная жизнь. 2018. № 3. С. 109–124.

6. Брилёв С.Б., О'Коннор Б. «Нелегалы» наоборот. Многоликая француженка // Международная жизнь. 2018. № 6. С. 106–119.

7. Брилёв С.Б.. «Мундиаль» – слово все-таки и русское // Международная жизнь. 2018. № 7. С. 164–181.

8. Брилёв С.Б. Настоящий пастор Шлаг. «Электрик» // Международная жизнь. 2019. № 1. С. 172–196.

9. История российской внешней разведки: Очерки: в 6 т. М.: Международные отношения, 2014. Т. IV: 1941–1945. 694 с.

10. Колпакиди А.И., Север А. Разведка в Великой Отечественной войне. М.: Яуза: Эксмо, 2010. 732 с.

11. Колпакиди А.И. ГРУ в Великой Отечественной войне. М.: Яуза: Экспо, 2010. 603 с.

12. Колпакиди А.И., Прохоров Д.П. Империя ГРУ. Очерки истории российской военной разведки: в 2 кн. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999.

13. Коминтерн и Вторая мировая война: в 2 т. М.: Памятники исторической мысли, 1994.

14. Линдер И., Чуркин С. Красная паутина. Тайны разведки Коминтерна 1919–1943. М.: РИПОЛ классик, 2005. 686 с.

15. Малиновская М.Н., Эйтингон Л.А. На предельной высоте. Великий Новгород: Великолукская гор. тип., 2009. 254 с.

16. Марданов М.Х. Коминтерн в Башкирии в годы Великой Отечественной войны: интернационализм и содружество ради Великой Победы // Вестник ВЭГУ, 2015. № 3 (77). С. 114–123.

17. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 220. Д. 1422.

18. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 220. Д. 794.

19. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 270. Д. 7526.

20. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 65 а. Д. 5078.

21. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 187. Д. 2631.

22. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 270. Д. 6853.

23. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 65 а. Д. 11581.

24. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 65 а. Д. 270.

25. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 65 а. Д. 271.

26. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 252. Д. 9560.

12. Переписка автора с президентом ADAR Акилино Матой.

26 а. Советско-испанские отношения в период Гражданской войны в Испании 1936–1939 годов (12–14 сентября, Москва): программа междунар. конф. М.: ИВИ РАН; МГИМО, 2018. 13 с. URL: http://igh.ru/system/events/programs/000/000/179/original/198ffd2368e13688c33f40ec059ee4342c3b8cb8.pdf?1536258735 (Дата обращения: 12.01.2018.)

27. Судоплатов П.А. Разведка в годы Великой Отечественной войны // Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1998. 688 с.

28. Треппер Л. Большая игра. М.: Политиздат, 1990. 382 с.

29. Alberca J.P. Gibraltar and the Spanish Civi War, 1936–1939. Local, National and International Perspectives / Transl. I.S. González. London & New-York: Bloomsbury Academic, 2015. 198 p.

30. Bourgeois G. La véritable histoire de l'Orchestre rouge. Paris: Nouveau monde éditions, 2015. 584 p.

31. Bulletin de l'Amicale des anciens guérilleros espagnols en France. 2006. n°104. 31 décembre // Los de la sierra 1936–1975. URL: http://losdelasierra.info/spip.php?article8919 (Дата обращения: 12.05.2018.)

32. Cerreti G. Con Togliatti e con Thorez. Quarant'anni di lotte politiche. Milano: Feltrinelli, 1973. 387 p.

33. Dreyfus M., Lemarquis R., Pennetier C., Ravery J.P. Fromond Francine, Albertine [Pseudonyme à Moscou: Madeleine DUPUY] // Le Maitron: Dictionaire biographique des fusillés guilotinnés et exécutés massacrés 1940–1944. URL: http://maitron-fusilles-40-44.univ-paris1.fr/spip.php?article24419 (Дата обращения: 15.02.2017.)

34. Foot M.R.D. SOE. The Special Operations Executive 1940–1946. London: Pimlico, 1999. 401 p.

35. Gubern R., Hammond P., Buñel L. The Red Years 1929–1939. The University of Wisconsin Press, 2012. 445 p.

36. History of military operational parachute jumps // Special Forces Association. URL: http://www.specialforcesassociation.org/wp-content/uploads/2013/03/Combat_Jump_Record_03.07.2013.pdf (Дата обращения: 16.04.2017.)

37. Iordache Cârstea L. Instituto de ciencias políticas y sociales // Trocadero, (2013) n 25. P. 81–101.

38. Kitchen M. SOE's Man in Moscow // Intelligence and National Security. 1997. Vol. 12. N 3. P. 95–109.

39. Los nombres de la ignominia que mira al sur // La Opinión de Málaga. 2013. 03 de noviembre. URL: https://www.laopiniondemalaga.es/malaga/2013/11/03/nombres-ignominia-mira-sur/628722.html (Дата обращения: 18.08.2018.)

40. McLoughlin B. Proletarian cadres en route: Austrian NKVD agents in Britain 1941–43 // Labour History Review. 1997. January. P. 296–317.

41. Messanger D. Fighting for Relevance. Economic Intelligence and Special Operation Executive in Spain, 1943–1945 // Intelligence & National Security. 2000. Vol. 15. Is. 3. P. 33–54.

42. Milton G. The Ministry of Ungentlemanly Warfare: The Secret Organisation that Changed the Course of the Second World War. London: John Murray, 2016. 368 p.

43. Nollau G., Zindel L. Gestapo rift Moskau: Sowjetische Fallschirmagenten im 2. Weltkrieg. München: Heyne, 1980. 286 S.

44. O'Connor B. Churchill and Stalin's Secret Agents. Operation Pickaxe at RAF Tempsford. London: Fonthill, 2012. 224 p.

45. O'Sullivan D. Dealing with the Devil. Anglo-Soviet Intelligence Cooperation During the Second World War. New York: Peter Lang, 2010. XI, 337 p.

46. Smyth D. Diplomacy and Stategy of Survival. British policy and Franco's Spain 1940–1945, Cambridge: Cambridge University Press, 1986. XI, 335 p.

47. Stafford D. Churchill and the Secret Service. London: John Murray, 1997. 386 p.

48. Tillet P. History of infiltrations into France // Le plan sussex. URL: http://www.plan-sussex-1944.net/anglais/infiltrations_into_france.pdf (Дата обращения: 02.12.2018.)

49. The National Archives, United Kingdom, London (TNA). HS 4/337.

50. The National Archives, United Kingdom, London (TNA). HS 7/278.

51. The National Archives, United Kingdom, London (TNA). KS 2/2827.

52. Tyas S. SS-Major Horst Tyas. From the Gestapo to British Intelligence. London: Fonthill, 2017. 272 p.

53. Wylie N. SOE and the Neutrals // Special Operations Executive. A new instrument of war. London: Rouledge, 2006. P. 157–178.

References

Adibekov G.M., Shahnazarova Eh.N., Shirinya K.K. Organizacionnaya struktura Kominterna. 1919–1943. M.: ROSSPEHN, 1997. 287 p.

Alberca J.P. Gibraltar and the Spanish Civi War, 1936–1939. Local, National and International Perspectives / Transl. I.S. González. London & New-York: Bloomsbury Academic, 2015, ix, 198 p.

Antonov V. Sekretnye missii Ivana Chichaeva. Konsul, rezident, poslannik // Voenno-promyshlennyj kur'er. 2009. N 39 (305). 7 oktyabrya. P. 11.

Bondarenko A. Fitin. 2-e izd. M.: Molodaya gvardiya, 2015. 398 [2] p.: il. (Zhizn' za-mechatel'nyh lyudej: ser. biogr.; vyp. 1554).

Bourgeois G. La véritable histoire de l'Orchestre rouge. Paris: Nouveau monde éditions, 2015. 584 p.

Brilev S.B. Nastoyashchij pastor Shlag. «Ehlektrik» // Mezhdunarodnaya zhizn'. 2019. N 1. P. 172–196.

Brilev S.B., O'Konnor B. «Nelegaly» naoborot. Mnogolikaya francuzhenka // Mezhdunarodnaya zhizn'. 2018. N 6. P. 106–119.

Brilev S.B., O'Konnor B. Razvedka. «Nelegaly» naoborot: sotrudnichestvo specsluzhb Londona i Moskvy vremen Vtoroj mirovoj. Moscow: AST, 2019. 502 p.

Brilev S.B., O'Konnor B. «Nelegaly naoborot». Razvedka. Devushki // Mezhdunarodnaya zhizn'. 2018. N 3. P. 109–124.

Brilev S.B. «Mundial'» – slovo vse-taki i russkoe // Mezhdunarodnaya zhizn'. 2018. N 7. P. 164–181.

Bulletin de l'Amicale des anciens guérilleros espagnols en France. 2006. n°104. 31 décembre // Los de la sierra 1936–1975. URL: http://losdelasierra.info/spip.php?article8919 (Data obrashhenija: 12.05.2018.)

Cerreti G. Con Togliatti e con Thorez. Quarant'anni di lotte politiche. Milano: Feltrinelli, 1973. 387 p.

Dreyfus M., Lemarquis R., Pennetier C., Ravery J.P. Fromond Francine, Albertine [Pseudonyme à Moscou: Madeleine DUPUY] // Le Maitron: Dictionaire biographique des fusillés guilotinnés et exécutés massacrés 1940–1944. URL: http://maitron-fusilles-40-44.univ-paris1.fr/spip.php?article 24419 (Data obrashhenija: 15.02.2017.)

Foot M.R.D. SOE. The Special Operations Executive 1940–1946. London: Pimlico, 1999. 401 p.

Gubern R., Khammond P., Buñel L. The Red Years 1929–1939. The University of Wisconsin Press, 2012. 445 p.

History of military operational parachute jumps // Special Forces Association. URL: http://www.specialforcesassociation.org/wp-content/uploads/2013/03/Combat_Jump_Record_03.07.2013.pdf (Data obrashhenija: 16.04.2017.)

Iordache Cârstea L. Instituto de ciencias políticas y sociales // Trocadero. 2013. N 25. P. 81–101.

Istoriya rossijskoj vneshnej razvedki: Ocherki: 6 vol. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2014. Vol. IV: 1941–1945. 694, [1] p., [16] l. il., portr., faks.

Kitchen M. SOE's Man in Moscow // Intelligence and National Security. 1997. Vol. 12. N 3. July. P. 95–109.

Kolpakidi A.I., Sever A. Razvedka v Velikoj Otechestvennoj vojne. Moscow: Yauza: Ehksmo, 2010. 732, [2] p.

Kolpakidi A.I. GRU v Velikoj Otechestvennoj vojne. Moscow: Yauza: Ehkspo, 2010. 603, [3] p.; tabl.

Kolpakidi A.I., Prohorov D.P. Imperiya GRU. Ocherki istorii rossijskoj voennoj razvedki: 2 vol. Moscow: OLMA-PRESS, 1999. 2 vol.

Komintern i Vtoraya mirovaya vojna: 2 vol. Moscow: Pamyatniki istoricheskoj mysli, 1994. 2 vol.

Linder I., Churkin S. Krasnaya pautina. Tajny razvedki Kominterna 1919–1943. Moscow: RIPOL klassik, 2005. 686, [1] p.; il., portr., faks.

Los nombres de la ignominia que mira al sur // La Opinión de Málaga. 2013. 03 de noviembre. URL: https://www.laopiniondemalaga.es/malaga/2013/11/03/nombres-ignominia-mira-sur/628722.html (Data obrashhenija: 18.08.2018.)

Malinovskaya M.N., Ehjtingon L.A. Na predel'noj vysote. Velikij Novgorod: Velikolukskaya gor. tip., 2009. 254 p.

Mardanov M.H. Komintern v Bashkirii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: internacionalizm i sodruzhestvo radi Velikoj Pobedy // Vestnik VEHGU. 2015. N 3 (77). P. 114–123.

McLoughlin B. Proletarian cadres en route: Austrian NKVD agents in Britain 1941–43 // Labour History Review. 1997. January. P. 296–317.

Messanger D. Fighting for Relevance. Economic Intelligence and Special Operation Executive in Spain, 1943–1945 // Intelligence & National Security. 2000. Vol. 15. Is. 3. P. 33–54.

Milton G. The Ministry of Ungentlemanly Warfare: The Secret Organisation that Changed the Course of the Second World War. London: John Murray, 2016. 368 p.

Nollau G., Zindel L. Gestapo rift Moskau: Sowjetische Fallschirmagenten im 2. Weltkrieg. München: Heyne, 1980. 286 S.

O'Connor B. Churchill and Stalin's Secret Agents. Operation Pickaxe at RAF Tempsford. London: Fonthill, 2012. 224 p.

O'Sullivan D. Dealing with the Devil. Anglo-Soviet Intelligence Cooperation During the Second World War. New York: Peter Lang, 2010. XI, 337 p.

RGASPI. F. 495. Op. 220. D. 794.

RGASPI. F. 495. Op. 270. D. 7526.

RGASPI. F. 495. Op. 65 a. D. 5078.

RGASPI. F. 495. Op. 187. D. 2631.

RGASPI. F. 495. Op. 220. D. 1422.

RGASPI. F. 495. Op. 252. D. 9560.

RGASPI. F. 495. Op. 270. D. 6853.

RGASPI. F. 495. Op. 65 a. D. 11581.

RGASPI. F. 495. Op. 65 a. D. 270.

RGASPI. F. 495. Op. 65 a. D. 271.

Smyth D. Diplomacy and Stategy of Survival. British policy and Franco's Spain 1940–1945, Cambridge: Cambridge University Press, 1986. XI, 335 p.

Sovetsko-ispanskie otnoshenija v period Grazhdanskoj vojny v Ispanii 1936–1939 godov (12–14 sentjabrja, Moskva): programma mezhdunar. konf. M.: IVI RAN; MGIMO, 2018. 13 s. URL: http://igh.ru/system/events/programs/000/000/179/original/198ffd2368e13688c33f40ec059ee4342c3b8cb8.pdf?1536258735 (Data obrashhenija: 12.01.2018.)

Stafford D. Churchill and the Secret Service. London: John Murray, 1997. 386 p.

Sudoplatov P.A. Razvedka v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Specoperacii. Lubyanka i Kreml' 1930–1950 gody. Moscow: OLMA-PRESS, 1998. 688 p.

The National Archives, United Kingdom, London (TNA). HS 4/337.

The National Archives, United Kingdom, London (TNA). HS 7/278.

The National Archives, United Kingdom, London (TNA). KS 2/2827.

Tillet P. History of infiltrations into France // Le plan sussex. URL: http://www.plan-sussex-1944.net/anglais/infiltrations_into_france.pdf (Data obrashhenija: 02.12.2018.)

Trepper L. Bol'shaya igra. Moscow: Politizdat, 1990. 382 p.; il.

Tyas S. SS-Major Horst Tyas. From the Gestapo to British Intelligence. London: Fonthill, 2017. 272 p.

Wylie N. SOE and the Neutrals // Special Operations Executive. A new instrument of war. London: Rouledge, 2006. P. 157–178.

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

DOI: 10.31249/rsm/2019.02.14

И.К. Богомолов

РАПОРТЫ УЕЗДНЫХ ЗЕМСКИХ ИСПРАВНИКОВ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ О НАСТРОЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ В 1914–1915 гг.

Аннотация. *В статье анализируются рапорты уездных земских исправников о настроении населения Московской губернии в начале Первой мировой войны. Исследованы основные особенности и приемы формулирования рапортов, их информативность, отношение к ним московского губернатора и Министерства внутренних дел. В качестве примера в конце статьи представлен рапорт уездного земского исправника Верейского уезда за август 1915 г.*

Ключевые слова: *Первая мировая война; русская полиция; уездные земские исправники.*

Богомолов Игорь Константинович – кандидат исторических наук, научный сотрудник ИНИОН РАН, Москва.
E-mail: boga_igor@mail.ru

I.K. Bogomolov. Reports of District County Governors of the Moscow Province About the Mood of the Population in 1914–1915

Abstract. *The article analyzes reports of county governors about the mood of the population in the Moscow province at the beginning of the First World War. The main features and methods of formulating reports, their informativeness, the attitude of the Moscow governor and the Ministry of Internal Affairs to them have been studied. At the end of the article, a report of the county governor of Vereisky County for August 1915is presented.*

Keywords: *First World War; Russian police; county governors.*

Bogomolov Igor Konstantinovitch – Candidate of Historical Sciences, Researcher, INION RAN. Moscow.
E-mail: boga_igor@mail.ru

В должностной иерархии русской дореволюционной полиции уездный исправник занимал особое место. Должность исправника была введена еще в 1862 г. с принятием «Временных правил об устройстве полиции в городах и уездах губерний». Одним из главных нововведений было объединение городской и уездной полиции в единое уездное полицейское управление. Глава уездной полиции – уездный исправник – отныне подчинялся только губернатору. Полномочия исправника в уезде изначально распространялись далеко за пределы чисто полицейских функций. Как представитель Министерства внутренних дел уездный исправник входил в различные уездные административные органы: присутствия по крестьянским делам и воинской повинности, уездный комитет общественного здравия, уездный распорядительный комитет и др. [2, с. 121]. Исправник был обязан не только пресекать и расследовать правонарушения, но и вникать в хозяйственные проблемы уезда, внимательно следить за общественными настроениями. Благодаря этому уездные исправники были весьма ценным источником информации для губернских и столичных чиновников, имевших, как правило, слабое представление о социально-экономических тенденциях в провинции. Среди «особенных» обязанностей уездного исправника были, например, такие: «Уездный исправник, объезжая уезд… старается своими расспросами и советами вразумлять сельских обывателей насчет их обязанностей и польз и поощряет их к трудолюбию, указывая им выгоды распространения и усовершенствования земледелия, рукоделия и торговой промышленности, особливо же сохранения добрых нравов и порядка» [1, с. 37].

В период революции 1905 г., на фоне ослабления власти на местах, роль уездных исправников только возрастала. Крестьянские бунты, рабочие выступления, оппозиционные настроения интеллигенции – обо всем этом в губернский центр и Министерство внутренних дел был уполномочен доносить только исправник. Однако эти донесения в большинстве случаев носили ситуативный, спорадический характер, их частота напрямую зависела от ответственности исправника и заинтересованности губернатора. Несмотря на подавление основных очагов революции, ситуация оставалась взрывоопасной, и без ясной информации «с мест» правительство могло быть вновь застигнуто врасплох. Решение поначалу виделось в систематизации сообщений исправника и в постоянном донесении обобщающих сведений по губернии до министра внутренних дел. Циркуляры П.А. Столыпина от 8 мая и 16 ноября 1907 г. предписывали уездным исправникам ежемесячно посылать рапорты о настроении населения губернатору, который, в свою очередь, также ежемесячно должен был присылать обобщающий отчет в Министерство [3, л. 261].

На первый взгляд это предписание выполнялось регулярно и без особых задержек. Уездные исправники обычно отчитывались в начале, а губернаторы – ближе к концу месяца. Фактически же рапорты и донесения очень скоро

стали банальными отписками. Однажды сформировав один типовой текст, исправники высылали его губернатору, внося в него минимальные правки, а нередко – меняя только месяц и год в заглавии рапорта. В подавляющем большинстве рапортов исправников содержались заверения в «спокойствии» населения, отсутствии политических объединений, рабочих и крестьянских волнений. Губернаторы были более «изобретательны» и однотипных донесений в МВД не отправляли. Тем не менее, получая от исправников малоинформативные бумаги, и губернаторы были вынуждены из месяца в месяц переставлять слова в предложениях, чтобы нынешнее донесение не было слишком похоже на предыдущее.

Высшие чиновники Департамента полиции видели все недостатки системы рапортов, но реальные шаги по их исправлению были предприняты уже после убийства Столыпина. В циркуляре губернаторам и градоначальникам от 17 ноября 1911 г. новый министр внутренних дел А.А. Макаров отметил, что посылаемые исправниками и губернаторами донесения «отличаются крайним однообразием, а наряду с этим и не дают точного представления о положении дел на местах, которое необходимо Министерству внутренних дел при современных политических условиях» [3, л. 261]. Рапорты исправников в большинстве случаев «вылились в форму повторяемых ежемесячных шаблонов», не отличаясь при этом единообразием по форме. Отныне от губернаторов и уездных исправников требовалось ежемесячное предоставление конкретных сведений, уже перечисленных в циркуляре. Обязательными были пункты о настроении крестьянства, пролетариата и интеллигенции. Кроме того, исправники должны были делать краткий обзор печати, настроения «просветительских организаций и обществ частной инициативы, лиц свободных профессий, учащейся молодежи, профессиональных обществ, инородческого населения» [3, л. 261]. Вводились и строгие временны́е рамки предоставления отчета: не позднее, чем в первые три дня месяца. Министр призывал исправников не замалчивать «действительную» ситуацию в уезде и более внимательно наблюдать за населением.

Однако и эти указания из Петербурга не привели к заметным изменениям. Перечисленные в циркуляре «обязательные» темы были так же шаблонно прописаны и перемещались из одного рапорта в другой. В значительной степени это было вызвано спецификой русского дореволюционного уездного города. В повседневной рутине далеко не все исправники были способны ощутить перемены в общественных настроениях, приметить события, которые заинтересовали бы начальство. Большая часть новостей касалась естественного хода провинциальной жизни: посевная и уборочная кампании, слухи о росте цен, жалобы на неустройство дорог и канализаций и т.п.

Первая мировая война поначалу не внесла в этот порядок существенных изменений. Напротив, патриотический подъем дал основания для более бодрых

донесений: в условиях войны старые повседневные проблемы отходили на второй план. В полной мере это относилось и к уездам Московской губернии. Несмотря на высокую плотность населения, многочисленность пролетариата, традиционно сильные позиции земства, распространенность либеральных идей в интеллигентской среде – рапорты исправников подмосковных уездов мало чем выделялись на общеимперском фоне. Так, в рапорте за июль 1914 г. исправник Серпуховского уезда писал: «Ни одна из партий какой-либо агитационной деятельности не проявляла. Недовольства существующим порядком вещей или действиями Правительства не замечалось. Напротив, все слои общества, охваченные патриотическим чувством, объединились, дабы принести посильную помощь Царю и родине» [2, л. 172]. Оптимистично рапортовал и исправник Богородского уезда: «Население всех слоев общества к объявлению войны относится сочувственно и, несмотря на тяжелый год в смысле урожайности хлебов и трав и на уход из семьи работников, никакого недоброжелательства к действиям правительственной власти не проявляется» [2, л. 183].

Тезис о «приподнятом настроении» населения рефреном проходил по всем рапортам во второй половине 1914 г. Некоторые исправники и здесь сумели сформировать шаблонные фразы для их ежемесячного воспроизводства. Клинский исправник к испытанному еще до войны шаблону отныне регулярно прибавлял несколько фраз о патриотическом подъеме, об интересе к войне и благотворности отрезвления [2, л. 224]. Бронницкий исправник в рапорте за август 1914 г. заверял губернатора, что «все внимание крестьян сосредоточено исключительно на военных событиях... победы русских вызывают в населении восторг и проявление особого патриотизма» [2, л. 191]. По мере угасания патриотических настроений содержание рапортов постепенно менялось. Вместе с заверениями в «спокойствии» населения все чаще появлялись сообщения о недовольстве населения ростом цен, о забастовках, разгромах продуктовых магазинов [3, л. 67].

Отражались в отчетах и антинемецкие настроения, особенно в тех уездных городах, где с довоенных времен работали предприятия с германским капиталом и с этническими немцами в правлении. Под влиянием беспорядков в Москве в конце мая 1915 г. выступления против «немца» прокатились и в других городах губернии. Рапорт Подольского исправника за май 1915 г. был весьма характерен для того времени: «События в Москве очень сильно отразились на населении Подольска и его уезда, особенно же на фабричном населении. Между рабочих фабрик и заводов, особенно завода Зингера, еще с вечера 28 мая началось глухое брожение, а 29 числа утром я был вызван на завод Зингера, где в чайной собрались уполномоченные от всех мастерских, которые заявили мне, что они не ручаются за сохранение на заводе нормальной жизни, если с завода и из уезда не будут удалены немцы и не будут

удержаны торговцы от повышения цен на предметы первой необходимости» [3, л. 118].

Исправники других уездов также сообщали о «брожениях», «глухом недовольстве» и даже о попытках поджога имущества германских подданных [3, л. 134]. Однако большинство рапортов по-прежнему оставались довольно лаконичными и малоинформативными. Подробное описание тех или иных происшествий давалось редко, в основном они перечислялись, заносились в отдельные списки, или же только подразумевались под общими фразами о «тревожных настроениях» [3, л. 127]. Некоторые рапорты высылались в виде таблиц, где настроения групп населения заносились в отдельные колонки. Так делал, например, Звенигородский исправник, прибавлявший еще и колонку со случаями «грабительской деятельности в смысле кратного и точного указания на уменьшение или увеличение ее в сравнении с предыдущим месяцем» [3, л. 306].

Из всех рапортов исправников Московской губернии за 1914–1916 гг. лишь несколько представляли собой аналитический обзор общественных настроений уезда. В этом смысле выделяются докладные записки – приложения к рапортам, которые исправник Верейского уезда А. Федоров направил московскому губернатору Н.Л. Муравьеву во второй половине 1915 г. Это тем более примечательно в сравнении с более ранними рапортами Федорова, мало чем отличавшимися от рапортов других исправников. Вместе с тем первые тревожные сигналы о настроениях населения Федоров подавал еще за полгода до «Великого отступления». Рапортуя о «патриотическом подъеме», Федоров изначально был сдержан и не выходил за рамки шаблонных фраз. С января 1915 г. он неоднократно указывал, что тема войны в общественном сознании видоизменяется, становясь не столько «громоотводом» оппозиционных настроений, сколько их новым катализатором. Немецкий погром в Москве только усилил Федорова в этом мнении, и он высказывал опасение, что подобные события могут в любой момент повториться [3, л. 257].

В рапортах Федорова отразились основные события политической жизни страны в середине 1915 г.: «Великое отступление» русской армии, созыв Думы, отставка великого князя Николая Николаевича с поста Верховного главнокомандующего, быстрый рост цен, кампания по борьбе с «немецким засильем». Рапорт не отличается стройностью и последовательностью, изобилует лексическими ошибками. Однако эти наблюдения исправника дают представление о повседневной жизни и настроениях в русской провинции в годы Первой мировой войны. Ниже мы приводим полный текст рапорта А. Федорова за август 1915 г. [3, л. 237, 237 об., 238].

Конфиденциально.
Московскому Губернатору,
Верейского Исправника
Рапорт

К № 55 от 7 сего сентября[1], для сведения Вашего Сиятельства, докладываю:

К перемене Верховного Командования почти все население сначала отнеслось недоверчиво, сожалея об уходе В[еликого] К[нязя] Николая Николаевича, но после первых же газетных сведений о наших победах – переменило свой взгляд, не выражая, впрочем, при этом особого патриотического подъема по такому важному случаю, как командование армиями самим Государем.

К роспуску Думы население отнеслось разно. Крестьяне-землевладельцы – частью подавленно, частью почти безразлично, но крестьяне-рабочие, а в особенности фабричные, которые еще до роспуска Думы, благодаря речам «левых ораторов», находились в приподнятом настроении, с момента роспуска Думы находятся в сильно нервном настроении, так что возможны с их стороны какие-либо выступления. Внушить им путем бесед, что выступление будет в ущерб России – напрасный труд, ибо большая часть их отлично сознает это, т[о] е[сть] ущерб России, но рабочее население всегда недружелюбно было настроено против Правительства, а последние речи думских ораторов настроили их еще хуже. По их мнению, Правительство всегда стоит на стороне хозяев в ущерб им, рабочим.

Вообще роспуск Думы на все население произвел тягостное, угнетенное состояние. Население замкнулось в самом себе, скрывая даже друг от друга свои, по сему поводу, размышления. Про патриотизм населения и говорить не приходится. Насколько с начала войны был ярок и высок патриотизм населения, настолько он теперь упал, если не сказать больше. Особенно это наблюдается при приеме как новобранцев, так и ратников. Если еще что охотно население давало для войны – это лошадей и повозки, потому что цены были хорошие, а корм очень дорог. Во всем остальном население относится к Правительству с большим недоверием, без расположения, но с критикой. Как только началась сдача наших крепостей, население усиленно стало выбирать из сберегательных касс свои вклады. По частным сведениям, из нашего Казначейства взято около 60 000 рублей. Никакой в данном случае агитации, кроме газетных известий о поражениях, не было.

1. Имеется в виду рапорт о настроении населения Верейского уезда за август 1915 г.

В конце августа (1915 г. – *И. Б.*), когда Верейский Воинский Начальник, образовав Комиссию, осматривал в городе свободные квартиры для размещения батальона солдат, то свободных домов оказалось на 600 человек. Это дома, владельцы коих в них живут только летом, зимой же постоянно живут в Москве. После осмотра сказанные домовладельцы стали возвращаться из Москвы на жительство в оставленные ими дома, лишь бы не поставили к ним солдат. Словом, патриотизма и желания прийти на помощь Правительству в это переживаемое тяжелое время почти не замечается. Население, за очень малым исключением, разделилось на две категории: 1-я – унывающие, недовольные войной, и 2-я – извлекающие пользу из обстоятельств в связи с войной. К 1-й категории относятся все отцы, матери, жены, у которых призваны дети, мужья, хотя почти каждый из призванных на войну старается, так или иначе, если не отделаться совсем от войны, то по крайней мере остаться в тылу. И таких «счастливых» в Москве много.

Ко 2-й категории следует отнести наш торговый и промышленный класс, который, несмотря на всю тяготу войны для России и ее верных сынов, живет и чувствует себя превосходно. Пользуясь настоящим моментом, кто покупает дом, кто – процентные бумаги, не скрывая источников такого быстрого обогащения. Прирост процентных бумаг особенно наблюдается при ежемесячных ревизиях казначейства. Безусловно, такое быстрое обогащение получается исключительно не всегда добросовестным отношением как к казне, так и к обывателю. Замечается это больше в крупных предприятиях, чем у мелких. Так, уже неоднократно замечается, что при поставке сапог от крупных сапожников у них почти всегда половина сапог бракуется, однако они находят способ сдать и эти бракованные сапоги в Москве. Вообще, Москва, по мнению многих преданных России людей, представляет из себя скорее обогащающий, нежели спасающий-патриотический лагерь.

Все вышеизложенное дает мне [основание сделать] следующее заключение:

Переживаемый ныне Россией момент очень напоминает 1905-й год, с тою лишь разницей, что тогда революционные беспорядки произошли по окончании Японской войны, а теперь с[оциалисты]-р[еволюционеры], видимо, желают воспользоваться нашими неудачами на фронте и устроить таковые даже во время войны, не считаясь с последствиями. И если они, т[о] е[сть] с[оциалисты]-[революционеры] и с[оциал]-д[емократы], до сего времени успеха не имели, то лишь благодаря некоторым препятствиям, одно из которых – твердость Правительства, а также преданность Престолу чинов полиции. В частности – стражников, которые, несмотря на всю тяготу настоящего времени, не только в служебном, но и в чисто житейском отношении, ввиду вздорожания жизни, службу несут по долгу присяги, твердо и безропотно. Кроме стражников имеется еще, хотя и небольшая, но зато здравомыслящая

часть населения, которая к реформам с[оциал]-д[емократов] и с[оциалистов]-р[еволюционеров] относится отрицательно, а по некоторым вопросам, как о равноправии евреев и автономии окраин – даже недружелюбно.

Принимая во внимание, что в Нарском районе вверенного мне уезда, кроме большой фабрики Т[оварищест]ва В[ерейск]ой М[ануфакту]ры находятся несколько имений г[оспод] Шлиппе, коих население считает за немцев, относилось и относится к ним недружелюбно в связи с газетными заметками о немецком засилье, и считаясь с майскими слухами, что в случае призыва ратников 2-го разряда население посчитается со Шлиппами, возможно ожидать повторения волнения. Посему, преподав надлежащим исполнит[ельным] чинам должные указания, я временно командировал в Нару десять конных стражников, сам же с остальными десятью остаюсь в городе, так как 8, 9 и 10 сентября ожидается большое скопление ратников со всего уезда, настроение которых, как мне известно, в связи с Московской забастовкой, приподнято.

В интересах общего государственного дела считаю долгом присовокупить: было бы очень желательно и своевременно назначить, по усмотрению Вашего Сиятельства, съезд всех Исправников для обмена мнениями о текущих событиях и для выработки общего плана действий чинов Полиции вверенной Вам губернии.

До подписания сего рапорта мною получены сведения, что ратники, из фабричных рабочих, а также и не работающие на фабриках, по прибытии в город Верею предлагают предъявить требование и о призыве ратников, работающих на фабриках, а в случае неудовлетворения их требования – учинять в городе беспорядок 8-го или 9-го сентября. Приняв общие меры к предупреждению могущих возникнуть беспорядков, настоящее донесение отсылаю с нарочным, прося по последнему обстоятельству дать мне знать, как поступать с буйствующими. Верейскому Воинскому начальнику одновременно с сим сообщается.

Подписано: Исправник А. Федоров

№ 55
7 сентября 1915 г.
Верея.

Библиография

1. Тарасов И.Т. Полиция России. История, законы, реформы. М.: Книжный мир, 2011. 256 с.
2. Центральный государственный архив города Москвы (ЦГАМ). Ф. 17. Оп. 84. Д 551.
3. Центральный государственный архив города Москвы (ЦГАМ). Ф. 17. Оп. 84. Д. 680.
4. Ялтаев Д.А. Уездная полиция в Казанской губернии в 1862–1917 годах: по материалам чувашских уездов / Дис… канд. ист. наук. Чебоксары, 2004. 289 с.

References

Tarasov I.T. Politsiya Rossii. Istoriya, zakony, reformy. Moscow: Knizhnyj mir, 2011. 256 p.
Central'nyj gosudarstvennyj arhiv goroda Moskvy (CGAM). F. 17. Op. 84. D 551.
Central'nyj gosudarstvennyj arhiv goroda Moskvy (CGAM). F. 17. Op. 84. D. 680.
Yaltaev D.A. Uezdnaya politsiya v Kazanskoj gubernii v 1862–1917 godah: po materialam chuvashskih uezdov / Dis… kand. ist. nauk. Cheboksary, 2004. 289 p.

DOI: 10.31249/rsm/2019.02.15

И.С. Ильин

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВЛАСТИ И ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. *В статье рассмотрены причины, по которым государственная власть Российской Федерации заинтересована в активной деятельности Русской православной церкви (РПЦ), направленной на укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей (ТДНЦ). Понятие ТДНЦ появляется в риторике власти в результате осознания необходимости религиозной компоненты для сохранения русской культурной идентичности и политической независимости страны. Развитие государственно-церковных отношений (ГЦО) отвечает интересам государственного суверенитета, поскольку привносит духовно-нравственное измерение в политику.*

Ключевые слова: *государство; власть; суверенитет; РПЦ; Русская православная церковь; традиционные духовно-нравственные ценности.*

Ильин Игорь Сергеевич – аспирант кафедры истории общественных движений и политических партий исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (МГУ им. М.В. Ломоносова).
Email: igor20 vek@yandex.ru

I.S. Ilin. Relations Between the Authorities and the Orthodox Church in Modern Russia

Abstract. *The article considers the reasons why the state power of the Russian Federation is interested in a wide activity of the Russian Orthodox Church (ROC) aimed at strengthening traditional spiritual and moral values (TSMV). The concept of TSMV appears in the rhetoric of power as a result of the awareness of the need for a religious component to preserve the Russian cultural identity and political independence of the country. The development of state-church relations (SCR) meets the interests of state sovereignty, as it brings a spiritual and moral dimension to politics.*

Keywords: *State; power; sovereignty; ROC; Russian Orthodox Church; traditional spiritual and moral values.*

Ilin Igor Sergeevich – Post-Graduate Student of the Department of History of Social Movements and Political Parties of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University. Email: igor20 vek@yandex.ru

Российское общество, пережив за последние четверть века коренные изменения во всех сферах жизни, вышло на качественно иной уровень государственно-церковных отношений (далее – ГЦО). Государство определяет законодательно-правовую базу взаимоотношений с Русской православной церковью (далее РПЦ) и выстраивает с ней систему взаимодействия.

Православие для современного гражданина России является знаковой ценностью национальной идентичности, формой культурной, исторической, этнической самоидентификации [23]. 67% граждан РФ полагают, что защищенность чувств верующих важнее свободы самовыражения. Такой показатель является адекватным критерием мягко-традиционалистского общества, оберегающего свои базовые ценности [7]. В настоящее время доля граждан, считающих себя православными, составляет 70–80% [11; 13; 20]. По словам В.В. Путина, «страна наша, переживая непростые, турбулентные процессы с момента развала Советского Союза, не могла (и страна, и каждый конкретный человек) опираться морально ни на что другое, кроме как на религиозные ценности» [27].

Вопросы, связанные с государственно-церковными отношениями и ролью РПЦ в формировании духовно-нравственных ценностей, находятся в центре различных общественных дискуссий и рассматриваются в политологической, исторической, социологической литературе. Выделим некоторые основные точки зрения.

Ряд авторов утверждает, что одной из основных причин тесного сотрудничества государства с Церковью является поиск ценностного обоснования задач и направлений общественного развития [1]. Отмечается, что лидеры государства видят в православии основу русской цивилизации и национальной идентичности народа [12; 3]. Подчеркивается, что безопасность государства зависит от системы духовно-нравственных ценностей, господствующей в обществе [17]. Более того, утверждается, что поддержка традиционных ценностей со стороны российского правительства определяет особое место России в глобальной борьбе за традиционные ценности в рамках прав человека на международной арене [35].

В то же время исследователи отмечают тенденцию прагматического подхода государства по отношению к Церкви: оно может как вовлекать ее в свою орбиту в кризисных ситуациях, так и нейтрализовать ее активность в угоду политической конъюнктуре [15]. Использование базовых ценностей в прагматических интересах государства воспринимается частью общества как

навязывание Церковью идеологического концепта, что противоречит конституции и официальной политической доктрине [33]. По мнению исследователей, этому способствует обмирщение религии, которое сопровождает десекуляризацию общества [34]. Также исследователи отмечают, что СМИ искусственно сформировали «образ монолитной государствообразующей Церкви», который зачастую используется в качестве идеологического инструмента в руках политического режима [18].

Согласно другой точке зрения, Церковь выражает нравственную оценку положенных в основу политики ценностей и принципов, открыто утверждает свою социально-политическую позицию, которая не пересекается с политической конъюнктурой, формирует мировоззрение и взгляды на социальные явления. Государственные лидеры не ставят целью секуляризацию общества, но, наоборот, поддерживают, в том числе лично, Русскую православную церковь. Существует общая заинтересованность Церкви и власти в духовно-нравственном воспитании молодежи [12].

Отметим еще одно наблюдение современных авторов. Церковь «нащупала» роль «доверенного посредника» и представителя интересов русского народа [5]. Поэтому поддержка государства со стороны РПЦ придает легитимность светской власти даже без опоры на формальные демократические институты [34].

Исследователи подчеркивают социально-миротворческую миссию РПЦ, называют патриарха «социальным проповедником общероссийского национального масштаба», чья проповедь направлена на успокоение общественного сознания [18]. Подчеркивается, что в постсоветский период Церковь становится активным субъектом гражданского общества [15; 18; 34].

Итак, можно видеть, что исследование проблем ГЦО, в том числе отношения государства к деятельности РПЦ в духовно-нравственной сфере, активно развивается. Вместе с тем остается целый круг проблем, оставшихся без должного внимания авторов. Для объективного исследования необходимо расширять и круг изучаемых вопросов, и источниковую базу. В этой статье сделана попытка установить причины, по которым деятельность РПЦ по укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей отвечает интересам верховной власти. Также предстоит осмыслить роль РПЦ в сфере развития ТДНЦ российского общества.

* * *

После развала СССР в постсоветской России перед властью встал вопрос о том, как выстраивать диалог с обществом. Государству для диалога был необходим признанный большинством выразитель интересов населения с высоким кредитом доверия. Этим выразителем была Церковь, которая с лета

1993 до конца 1999 г. занимала первое место среди социальных институтов по уровню доверия россиян, опередив Президента и постоянно опережая армию [26].

На современном этапе Церковь играет значимую роль в обществе, ее влияние продолжает укрепляться. Если в 1989 г. православными верующими считали себя только 30%, в 1994 г. таких было 56%, а в 2008 г. уже 75% [11], после чего этот показатель стабилизировался. До 75% респондентов уверены, что в современном социуме религия играет «большую конструктивную и созидательную» роль. При этом, как считают современные исследователи, структура религиозных предпочтений россиян показывает, что их сознание однозначно склоняется в пользу исторической веры русского народа [23].

На разработку законодательно-правового поля ГЦО значительное влияние оказывает практический опыт их реализации, политическая культура населения. Так, Конституция 1993 г. зафиксировала предельно общие принципы взаимоотношений государства и Церкви [16]. Однако уже Федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях» (1997), подтверждая светскость государства, тем не менее признал «особую роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры» [32]. Первоначально вызывая споры, этот тезис в итоге стал общепринятым [30].

К 2015 г. в лексиконе власти все чаще встречаются такие понятия, как духовные ценности, культурно-нравственные ценности, общие ценности [30], традиционные нравственные ценности народов Российской Федерации [29] и др. Однако собственно понятие ТДНЦ впервые входит в лексику государственных документов только в 2015 г. Правительство определяет содержание ТДНЦ как «человеколюбие, справедливость, честь, совесть, воля, личное достоинство, вера в добро и стремление к исполнению нравственного долга перед самим собой, своей семьей и своим Отечеством» [25], затем президент добавляет к этому свой список: «приоритет духовного над материальным, защита человеческой жизни, прав и свобод человека, семья, созидательный труд, служение Отечеству, нормы морали и нравственности, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь, коллективизм, историческое единство народов России, преемственность истории нашей Родины» [31].

Власть демонстрирует устойчивый интерес к укреплению ТДНЦ, сохранение и развитие которых находится в центре внимания действующей Стратегии национальной безопасности. В соответствии с документом, основой российского общества и общероссийской идентичности народов Российской Федерации провозглашается исторически сложившаяся система единых духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, а национальным интересом на долгосрочную перспективу – повышение качества преподавания основ религиозных культур, повышение роли школы в воспитании молодежи на основе ТДНЦ [там же].

В.В. Путин регулярно подчеркивает роль РПЦ в «упрочении нравственных опор» [8]. На встрече с патриархом Кириллом и участниками Архиерейского Собора Русской православной церкви в Кремле в 2013 г. он так обозначил свое ви́дение предпосылок и перспектив ГЦО в сфере ТДНЦ: «Русская православная церковь во все времена и эпохи всегда была со своим народом. Делила с ним все беды и все радости, поддерживала его и вдохновляла, скрепляла нравственный каркас общественной жизни, да и всей нашей национальной государственности… Мы рассчитываем на продолжение многогранного партнерства… Будем вместе с вами работать в деле укрепления согласия в нашем обществе, в укреплении его нравственного стержня… Это ответ на живую потребность людей в нравственной опоре, в духовном наставничестве и поддержке» [9]. Более того, президент называет семью и материнство, воспитание и образование детей, молодежную политику, присутствие при армии – сферами, в которых Церковь должна получить все возможности для полноценного служения.

Обратим внимание, что не только первые лица, но и региональные лидеры также заинтересованы в деятельности РПЦ в сфере ТДНЦ. Например, мэр Москвы С.С. Собянин поддержал программу строительства православных храмов в столице, подчеркнув, что они становятся не только местами богослужений, но также общественными и социальными центрами для местных жителей: «Церковные общины ведут большую социальную работу, проводят благотворительные акции, помогают многодетным семьям, одиноким и пожилым людям, инвалидам и людям, страдающим алкогольной и наркотической зависимостью» [28]. Неслучайно в стратегии национальной политики города Москвы говорится о намерении сформировать культуру межнационального общения в соответствии с традиционными духовно-нравственными ценностями жителей [24].

Однако такой подход не встречает единодушной поддержки той части российской элиты, которая идентифицирует себя с частью глобального управляющего класса, обладая при этом финансовыми ресурсами, политическими и информационными рычагами внутри страны. В своей деятельности представители этой части общества склоняются к прагматическим интересам глобальной элиты [10; 4]. Интересы такой элиты – десуверенизация государств, стирание культурных и религиозных отличий, глобальное разделение труда, приватизация государственной собственности и природных ресурсов и т.п.

Среди представителей российской правящей элиты просматриваются два противоположных, но ситуативно пересекающихся вектора в их отношении к ГЦО. Государственники стремятся поддерживать Церковь, чтобы использовать ее растущее влияние для достижения властью мировоззренческого суверенитета. Глобалисты же стремятся редуцировать влияние Церкви на общество, максимально ослабить авторитет РПЦ. Но при этом глобалисты

усматривают функциональную полезность Русской православной церкви в том, чтобы использовать ее влияние для смягчения социальной напряженности, вызванной радикальным имущественным расслоением общества [15]. Государственники видят в Русской православной церкви основания ТДНЦ, драйвер национального возрождения. Глобалисты же усматривают в ней успокоителя протестных настроений, прибежище беднеющей части общества, которой необходима психологическая и социальная помощь.

Однако в любом случае именно РПЦ представляется союзником власти в современной России, определяя ядро базовых ценностей и традиций, без которых невозможно долгосрочное поступательное развитие Российского государства и общества [14]. Кроме того, Церковь как носитель исторической памяти о единстве Российского государства оказывает цементирующее воздействие на свою каноническую территорию, замедляя процесс дезинтеграции некогда единого культурного, экономического, политического и языкового пространства.

Поскольку власть возлагает на Церковь большие надежды, у ряда исследователей сложилось мнение, что современная РПЦ крайне политизирована, что «Церковь предлагает государству и обществу политико-идеологические концепты, например идеологему “русский мир”» [2]. Конечно, отдельные иерархи так или иначе включены в политический процесс, кроме того, субъектом политики РПЦ делает ее большая недвижимость. Однако официально Церковь дистанцируется от политической активности.

Политические методы взаимодействия с государством и обществом не являются частью православного богословия. Православие не может быть втиснуто в рамки государственной идеологии, потому что идеология подразумевает разделение общества по политическим взглядам, Церковь же стремится к объединению людей. «Русская православная церковь не даст втянуть себя в политическую борьбу. Церковь должна сохранять автономность по отношению к государству, не должна становиться частью государственной машины или государственной политики. Она должна оставаться свободной, чтобы иметь возможность давать нравственную оценку, в том числе и деятельности власти», – утверждает патриарх Кирилл [19]. В «Основах социальной концепции Русской православной церкви» и в «Основах учения Русской православной церкви о свободе, достоинстве и правах человека» формулируется аналогичная позиция – от имени всей «церковной полноты»: Русская православная церковь лояльна государству, патриотична, аполитична, инклюзивна, миролюбива и социально полезна, отказывается брать на себя светскую власть, проповедует мир и соработничество людей с различными политическими взглядами. Патриотизм православного христианина должен быть действенным, проявляться в защите Отечества, труде на его благо, развитии национальной культуры и народного самосознания, а также в устроении

народной жизни, и для мирян «в том числе, путем участия в делах государственного управления» [21; 22].

Многие аспекты цивилизационного проекта России в XXI в. еще формируются. Но точно можно сказать, что в его основании лежат традиционные духовно-нравственные ценности. При этом, конечно, РПЦ не является единственным носителем этих ценностей. Так, В.В. Путин отмечал: «Наши традиционные конфессии – и буддисты, и христиане, и иудеи, и мусульмане, они в целом придерживаются, что касается базовых ценностей, нравственных, моральных ценностей, по сути, одних и тех же позиций. И, безусловно, это то, что нам вместе подлежит укреплять» [6].

Основные законодательные и концептуальные документы власти и практика их реализации показывает, что государству необходимо укрепление этих ценностей, поскольку именно они формируют жизненные идеалы и поведенческие установки граждан, структурируют социальные отношения, гармонизируют общественные и личные интересы. Соответственно, укрепление и развитие ТДНЦ – в интересах государственной безопасности [17]. В этом смысле деятельность РПЦ может способствовать консолидации общества и власти вокруг идеала сильного, справедливого государства, которое обеспечивает развитие национальных приоритетов, право граждан на свободу и человеческое достоинство.

Библиография

1. Алексеев А.В. Эволюция государственно-церковных отношений в условиях социально-политической трансформации российского общества (на примере Русской православной церкви). Автореф. дис. на канд. полит. наук. Орел: Среднерусский ин-т управления, 2018. 28 с.

2. Алексеев А.В. Гибридная модель государственно-церковных отношений в современной России // Власть. 2018. Т. 26. № 4. С. 25–28.

3. Багаева К.А., Чагдурова Э.Д. Государственно-религиозное взаимодействие в современном российском обществе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 4 (66). Ч. 1. С. 25–28.

4. Брега А.В., Копылов И.А. Транснационализация политической элиты и влияние этого процесса на суверенитет государства // Власть. 2014. № 11. С. 77–83.

5. Верховский А. Национализм руководства Русской православной церкви в первое десятилетие XXI века // Православная церковь при новом патриархе. М.: РОССПЭН, 2012. С. 161–163.

6. Вопрос прот. Максима Козлова Владимиру Путину // Православие и мир. 2011. 15 декабря. URL: https://www.pravmir.ru/vopros-prot-maksima-kozlova-vladimiru-putinu-o-razvitii-obrazovaniya/ (Дата обращения: 25.12.2018.)

7. ВЦИОМ: Большинство россиян считают чувства верующих важнее свободы слова // Взгляд. 2015. 13 августа. URL: http://vz.ru/news/2015/8/13/761023.html (Дата обращения: 26.05.2018.)

8. Выступление Президента России В.В. Путина на торжествах по случаю 1030-летия Крещения Руси // Московский патриархат: Официальный сайт. 2018. 28 июля. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/5244465.html (Дата обращения: 25.12.2018.)

9. Выступление Президента РФ В.В. Путина на встрече с участниками Архиерейского Собора Русской православной церкви // Московский патриархат: Официальный сайт. 2013. 1 фев. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/2767741.html (Дата обращения: 26.05.2018.)

10. Гончаров В.В. Влияние процессов глобализации на организацию и деятельность национальных политических элит // Российский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 3. С. 264–269.

11. Дубин Б., Малашенко А. Образ православного верующего в современной России // Московский центр Карнеги. 2012. 08 июня. URL: http://carnegie.ru/events/?fa=3725 (Дата обращения: 26.05.2018.)

12. Ершов Б.А. Социально-политическая деятельность Русской православной церкви на современном этапе развития общества // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2013. Серия «Гуманитарные науки». Т. 9. № 2. С. 157–160.

13. Здоровец Я.И., Мухин А.А. Конфессии и секты в России. Религиозная, политическая и экономическая деятельность. М.: Алгоритм, 2005. 285 с.

14. Калгин М.В. Политические элиты и проблема национальной безопасности // Вопросы элитологии: философия, культура, политика. Сб. статей. Астрахань: Сорокин Р.В. 2015. С. 132–141.

15. Катин В.И. Взаимоотношения Церкви и государства: статус-кво, перспективы // Теория и практика общественного развития. Краснодар: Издательский дом ХОРС, 2013. № 1. С. 277–282.

16. Конституция РФ: Официальный сайт. URL: http://www.constitution.ru/index.htm (Дата обращения: 26.05.2018.)

17. Кудин В.А. Возможности использования духовного потенциала традиционных религий в воспитании будущих сотрудников правоохранительных органов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 1 (57). С. 4–8.

18. Лункин Р. Образ РПЦ в светских массмедиа // Православная церковь при новом патриархе. Сб. статей. М.: РОССПЭН, 2012. С. 171–222.

19. Мельников А., Мальцев В. Церковь дорожит свободой // НГ-Религия. 2011. 14 марта. URL: http://www.ng.ru/politics/2011-03-14/2_church.html (Дата обращения: 15.05.2017.)

20. Носовский Ю. Русь крещеная, но не просвещенная // Правда. ру. 2012. 19 декабря. URL: https://www.pravda.ru/faith/religions/orthodoxy/19-12-2012/1139329-levada_opros-0/ (Дата обращения: 26.05.2017.)

21. Основы социальной концепции Русской православной церкви. М.: Отдел внешних церковных связей Московского патриархата ОВЦС МП, 2008. 174 с.

22. Основы учения Русской православной церкви о свободе, достоинстве и правах человека // Московский патриархат: Официальный сайт. 2008. 26 июня. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/428616 (Дата обращения: 15.12.2018.)

23. Перепелкин Л.С., Стэльмах В.Г. Человек верующий: Религия и идентичность // Вопросы социальной теории. 2010. Т. IV С. 373–395. URL: http://iphras.ru/uplfile/root/biblio/vst/2010/19.pdf (Дата обращения: 15.12.2018.)

24. Постановление Правительства Москвы от 6 июня 2016 г. № 312-ПП «О Стратегии национальной политики города Москвы на период до 2025 года» // ГАРАНТ. РУ. 2016. 14 июня. URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71317676/#ixzz5ZmbFaJzT (Дата обращения: 15.12.2018.)

25. Распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_180402/ (Дата обращения: 15.12.2018.)

26. Синелина Ю.Ю. Атака на РПЦ? // Социс. 2001. № 11. С. 100–104. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/461/704/1217/016Sinelina.pdf (Дата обращения: 06.12.2018.)

27. Стенограмма встречи председателя Правительства РФ В.В. Путина со Святейшим Патриархом Кириллом и лидерами традиционных религиозных общин России // Московский патриархат: Официальный сайт. 2012. 8 февр. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/2005767.html (Дата обращения: 26.04.2018.)

28. Тезисы из выступления мэра Москвы С.С. Собянина на VIII заседании Попечительского совета Фонда «Поддержки строительства храмов города Москвы». 2018. 20 сент. // РПЦ. Финансово-хозяйственное управление: Официальный сайт. URL: http://www.fedmp.ru/news/tezisy-iz-vystupleniya-mera-moskvy-sergeya-semenovicha-sobyanina-na-viii-zasedanii-popechitelskogo-soveta-fonda-podderzhki-stroitelstva-hramov-goroda-moskvy/ (Дата обращения: 15.12.2018.)

29. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // ГАРАНТ. URL: http://base.garant.ru/70284810/#ixzz5ZmV8vFsL (Дата обращения: 15.12.2018.)

30. Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // ГАРАНТ. URL: http://base.garant.ru/70828330/#ixzz5ZmhhM9XR (Дата обращения: 15.12.2018.)

31. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (Дата обращения: 15.12.2018.)

32. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 № 125-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218 (Дата обращения: 15.12.2018.)

33. Филатов С. Патриарх Кирилл: два года планов, мечтаний и неудобной реальности // Православная церковь при новом патриархе. М.: РОССПЭН, 2012. С. 9–10.

34. Шишков А. Некоторые аспекты десекуляризации в постсоветской России // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2. С. 165–177.

35. Штёкль К. Постсекулярные конфликты и глобальная борьба за традиционные ценности (лекция) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. № 4. С. 222–240.

References

Alekseev A.V. Jevoljucija gosudarstvenno-cerkovnyh otnoshenij v uslovijah social'no-politicheskoj transformacii rossijskogo obshhestva (na primere russkoj pravoslavnoj cerkvi). Avtoref. dis. na…. kand. polit. nauk. Orel: Srednerusskij in-t upravlenija, 2018. 28 p.

Alekseev A.V. Gibridnaja model' gosudarstvenno-cerkovnyh otnoshenij v sovremennoj Rossii // Vlast'. 2018. Vol. 26. N 4. P. 25–28.

Bagaeva K.A., Chagdurova Je.D. Gosudarstvenno-religioznoe vzaimodejstvie v sovremennom rossijskom obshhestve // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2016. N 4 (66). Ch. 1. P. 25–28.

Brega A.V., Kopylov I.A. Transnacionalizacija politicheskoj jelity i vlijanie jetogo processa na suverenitet gosudarstva // Vlast'. 2014. N 11. P. 77–83.

Verhovskij A. Nacionalizm rukovodstva Russkoj pravoslavnoj cerkvi v pervoe desjatiletie XXI veka // Pravoslavnaja cerkov' pri novom patriarhe. Moscow: ROSSPJeN, 2012. P. 161–163.

Vopros prot. Maksima Kozlova Vladimiru Putinu // Pravoslavie i mir. 2011. Dec. 15. URL: https://www.pravmir.ru/vopros-prot-maksima-kozlova-vladimiru-putinu-o-razvitii-obrazovaniya/ (Data obrashhenija: 25.12.2018.)

VCIOM: Bol'shinstvo rossijan schitajut chuvstva verujushhih vazhnee svobody slova // Vzgljad. 2015. Aug. 13. URL: http://vz.ru/news/2015/8/13/761023.html (Data obrashhenija: 26.05.2018.)

Vystuplenie Prezidenta Rossii V.V. Putina na torzhestvah po sluchaju 1030-letija Kreshhenija Rusi // Moskovskij patriarhat: Official Website. 2018. 28 July. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/5244465.html (Data obrashhenija: 25.12.2018.)

Vystuplenie Prezidenta RF V.V. Putina na vstreche s uchastnikami Arhierejskogo Sobora Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi // Moskovskij patriarhat: 28 July. 2013. Feb. 1. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/2767741.html (Data obrashhenija: 26.05.2018.)

Goncharov V.V. Vlijanie processov globalizacii na organizaciju i dejatel'nost' nacional'nyh politicheskih jelit // Rossijskij gumanitarnyj zhurnal. 2017. Vol. 6. N 3. P. 264–269.

Dubin B., Malashenko A. Obraz pravoslavnogo verujushhego v sovremennoj Rossii // Moskovskij centr Karnegi. 2012. July 8. URL: http://carnegie.ru/events/?fa=3725 (Data obrashhenija: 26.05.2018.)

Ershov B.A. Social'no-politicheskaja dejatel'nost' Russkoj pravoslavnoj cerkvi na sovremennom jetape razvitija obshhestva // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tehnicheskogo universiteta. 2013. Serija «Gumanitarnye nauki». Vol. 9. N 2. P. 157–160.

Zdorovec Ja.I., Muhin A.A. Konfessii i sekty v Rossii. Religioznaja, politicheskaja i jekonomicheskaja dejatel'nost'. Moscow: Algoritm, 2005. 285 p.

Kalgin M.V. Politicheskie jelity i problema nacional'noj bezopasnosti // Voprosy jelitologii: filosofija, kul'tura, politika. Sb. statej. Astrahan': Sorokin R.V. 2015. P. 132–141.

Katin V.I. Vzaimootnoshenija Cerkvi i gosudarstva: status-kvo, perspektivy // Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija. Krasnodar: Izdatel'skij dom HORS, 2013. N 1. P. 277–282.

Konstitucija RF: Official Website. URL: http://www.constitution.ru/index.htm (Data obrashhenija: 26.05.2018.)

Kudin V.A. Vozmozhnosti ispol'zovanija duhovnogo potenciala tradicionnyh religij v vospitanii budushhih sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2013. N 1 (57). P. 4–8.

Lunkin R. Obraz RPC v svetskih massmedia // Pravoslavnaja cerkov' pri novom patriarhe. Sb. statej. Moscow: ROSSPJeN, 2012. P. 171–222.

Mel'nikov A., Mal'cev V. Cerkov' dorozhit svobodoj // NG-Religija. 2011. March 14. URL: http://www.ng.ru/politics/2011-03-14/2_church.html (Data obrashhenija: 15.05.2017.)

Nosovskij Ju. Rus' kreshhenaja, no ne prosveshhennaja // Pravda.ru. 2012. Dec. 19. URL: https://www.pravda.ru/faith/religions/orthodoxy/19-12-2012/1139329-levada_opros-0/ (Data obrashhenija: 26.05.2017.)

Osnovy social'noj koncepcii russkoj pravoslavnoj cerkvi. Moscow: Otdel vneshnih cerkovnyh svjazej Moskovskogo Patriarhata OVCS MP, 2008. 174 p.

Osnovy uchenija Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi o svobode, dostoinstve i pravah cheloveka // Moskovskij patriarhat: Official Website. 2008. Jun 26. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/428616 (Data obrashhenija: 15.12.2018.)

Perepelkin L.S., Stjel'mah V.G. Chelovek verujushhij: Religija i identichnost' // Voprosy social'noj teorii. 2010. Vol. IV. P. 373–395. URL: http://iphras.ru/uplfile/root/biblio/vst/2010/19.pdf (Data obrashhenija: 15.12.2018.)

Postanovlenie Pravitel'stva Moskvy ot 6 ijunja 2016 g. N 312-PP «O Strategii nacional'noj politiki goroda Moskvy na period do 2025 goda» // GARANT.RU. 2016. June 14. URL:

http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71317676/#ixzz5ZmbFaJzT (Data obrashhenija: 15.12.2018.)

Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 29.05.2015 № 996-r «Ob utverzhdenii Strategii razvitija vospitanija v Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda» // Konsul'tantPljus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_180402/ (Data obrashhenija: 15.12.2018.)

Sinelina Ju.Ju. Ataka na RPC? // Socis. 2001. N 11. P. 100–104. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/461/704/1217/016Sinelina.pdf (Data obrashhenija: 06.12.2018.)

Stenogramma vstrechi predsedatelja Pravitel'stva RF V.V. Putina so Svjatejshim Patriarhom Kirillom i liderami tradicionnyh religioznyh obshhin Rossii // Moskovskij patriarhat: Official Website. 2012. Feb. 8. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/2005767.html (Data obrashhenija: 26.04.2018.)

Tezisy iz vystuplenija mjera Moskvy S.S. Sobjanina na VIII zasedanii Popechitel'skogo soveta Fonda «Podderzhki stroitel'stva hramov goroda Moskvy» // RPC. Finansovo-hozjajstvennoe upravlenie: Official Website. 2018. Sept. 20. URL: http://www.fedmp.ru/news/tezisy-iz-vystupleniya-mera-moskvy-sergeya-semenovicha-sobyanina-na-viii-zasedanii-popechitelskogo-soveta-fonda-podderzhki-stroitelstva-hramov-goroda-moskvy/ (Data obrashhenija: 15.12.2018.)

Ukaz Prezidenta RF ot 19 dekabrja 2012 g. N 1666 «O Strategii gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda» // GARANT. URL: http://base.garant.ru/70284810/#ixzz5ZmV8vFsL (Data obrashhenija: 15.12.2018.)

Ukaz Prezidenta RF ot 24 dekabrja 2014 g. N 808 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj kul'turnoj politiki» // GARANT. URL: http://base.garant.ru/70828330/#ixzz5ZmhhM9XR (Data obrashhenija: 15.12.2018.)

Ukaz Prezidenta RF ot 31.12.2015 N 683 «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» // Konsul'tantPljus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (Data obrashhenija: 15.12.2018.)

Federal'nyj zakon «O svobode sovesti i o religioznyh ob'edinenijah» ot 26.09.1997 N 125-FZ // Konsul'tantPljus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218 (Data obrashhenija: 15.12.2018.)

Filatov S. Patriarh Kirill: dva goda planov, mechtanij i neudobnoj real'nosti // Pravoslavnaja cerkov' pri novom patriarhe. Moscow: ROSSPJeN, 2012. P. 9–10.

Shishkov A. Nekotorye aspekty desekuljarizacii v postsovetskoj Rossii // Gosudarstvo, religija, cerkov' v Rossii i za rubezhom. 2012. N 2. P. 165–177.

Shtjokl' K. Postsekuljarnye konflikty i global'naja bor'ba za tradicionnye cennosti (lekcija) // Gosudarstvo, religija, cerkov' v Rossii i za rubezhom. 2016. N 4. P. 222–240.

DOI: 10.31249/rsm/2019.02.16

Д.А. Волкова

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В ЧЕШСКУЮ РЕСПУБЛИКУ ИЗ УКРАИНЫ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Аннотация. *Статья посвящена анализу миграционных потоков из Украины в Чешскую Республику с целью трудовой и профессиональной деятельности. Особое внимание направлено на предоставленные Чешским статистическим ведомством и Министерством внутренних дел данных о количестве украинских мигрантов в Чехии на конец 2016 г.*

Ключевые слова: *трудовая миграция; международная миграция; Чешская Республика; Европейский союз; Украина.*

Волкова Дарья Андреевна – аспирант,
Российский государственный гуманитарный университет,
Москва. E-mail: dvolkova44@gmail.com

D.A. Volkova. Labour Migration to the Czech Republic From Ukraine Nowadays

Abstract. *The article is devoted to the analysis of migration flows from Ukraine to the Czech Republic with the purpose of labour and professional activity. Based on the data from the Czech Statistical Office and the Ministry of Internal Affairs, particularly on the number of migrants from Ukraine to the Czech Republic at the end of 2016.*

Keywords: *labour migration; international migration; Czech Republic; European Union; Ukraine.*

Volkova Daria Andreevna – Post-Graduate Student,
Russian State University for the Humanities, Moscow.
E-mail:dvolkova44@gmail.com

Международная миграция стала широко обсуждаемой темой в начале XXI в. Рост мобильности населения и социально-трансформационных процессов способствует повышению значения феномена международной миграции. Новости о ситуации в области миграции на территории Чешской Рес-

публики, регулярно публикуемые Министерством внутренних дел Чехии, указывают на то, что миграционный вопрос в настоящее время один из важнейших в политике страны.

В последние годы растет доля приезжих, желающих остаться в Чехии навсегда. Вступление Чехии в Европейский союз в 2004 г., вхождение в Шенгенскую зону в конце 2007 г., а также принятие соглашения об упрощении визового режима между Украиной и Европейским союзом, вступившее в силу в июле 2017 г., существенно повлияли на развитие миграционной ситуации в Чешской Республике. Последнее десятилетие характеризуется постепенным изменением миграционных тенденций. Чехия превратилась из преимущественно транзитного государства в страну назначения. И сегодня миграционное законодательство стремится всеми силами регулировать данный вопрос.

Актуальность миграционного вопроса в контексте изменяющихся демографических характеристик населения постоянно растет. Правительство Чешской Республики признает значение страны в качестве целевого направления международной миграции и необходимость гибкого реагирования на ситуацию с мигрантами для реализации активной экономической и демографической политики государства.

Украинское население – одна из самых многочисленных групп мигрантов. Трудовая миграция на чешские территории, в частности из западных частей Украины, существовала еще в период Габсбургской монархии. Миграционные процессы между Украиной и Чехией поддерживались рядом факторов, в частности географической, культурной и языковой близостью, экономической ситуацией в обеих странах, а также доброжелательным отношением чешского правительства к украинской миграции после Первой мировой войны. Кроме того, в 1918–1939 гг. Закарпатье входило в состав Чехословакии.

Прекращение миграционных процессов (и параллельно подавление украинского меньшинства в чешских землях) произошло с наступлением коммунизма. Образование Украинской ССР и сдвиг советско-польской границы на запад после Второй мировой войны сделало невозможными для жителей Украины поездки за пределы территории СССР. С другой стороны, в рамках Советского Союза происходили значительные внутренние, управляемые государством, миграционные процессы [2, p. 112].

После распада Советского Союза из-за безработицы волна трудовой миграции из Украины за рубеж оказалась высокой. Для середины и конца 90-х годов характерна нелегальная миграция, позднее осуществлялись попытки ее институционализации.

За последнее десятилетие, в период с 2006 по 2016 г., количество мигрантов, получивших право на постоянное место жительства, увеличилось почти в 2 раза, а мигрантов, получивших право на долгосрочное пребывание, – на треть [1]. На конец декабря 2016 г. число мигрантов, проживающих на терри-

тории Чешской Республики, составило 493 441 человек, при этом количество мигрантов из Украины – 22% (109 850 человек) [3, p. 37].

За 2016 г. в консульстве Чешской Республики в общей сложности было принято 489 911 заявок на оформление краткосрочных виз (т.е. на 41 540 больше, чем в 2015 г.) [3, p. 38].

Наибольшее количество заявок на краткосрочные визы подали в 2016 г. граждане России (197 871 человек), им было предоставлено в общей сложности 196 323 виз (по сравнению с предыдущим годом это снижение на 2,7%). Вторую, наиболее многочисленную, группу составляют граждане Украины – 89 267 заявления (предоставлено 82 653 визы, т.е. на 30,6% больше, чем в 2015 г.). Далее следуют граждане Китая, Турции, Индии и Казахстана [там же].

Важно отметить, что украинские мигранты также лидируют по количеству поданных на получение краткосрочной визы заявлений с целью визита к семье. Так, количество таких заявлений от граждан Украины составило 26 074, а это 55,2% от общего числа. Данная цифра растет год от года, скорее всего, это связано с политическим и экономическим кризисом на Украине, а также с тем, что многие украинцы на законном основании уже длительное время пребывают на территории Чешской Республики, давно покинув родную страну.

Украина доминирует по количеству мигрантов, получивших право на временное пребывание на территории Чехии. Так, общее число мигрантов с правом на временное пребывание на декабрь 2016 г. составило 92 374 человек, из них 28 744 человек – граждане Украины (31%). Популярность Чехии как страны назначения растет [3, p. 117].

Что касается непосредственно трудовой миграции, следует отметить: по количеству зарегистрированных в бюро по трудоустройству иностранцев из стран, не входящих в Европейский союз, мигранты из Украины занимают первое место по количеству – 14% от общего числа, второе место мигранты из России – 2% от общего числа [3, p. 57]. Украинские трудовые мигранты, без сомнения, представляют собой наибольшую долю иностранных работников на чешском рынке и важный источник дешевой рабочей силы в чешской экономике. После упрощения визового режима между Украиной и Европейским союзом среди граждан Украины пользуется популярностью следующий способ миграции на территорию Чехии: сначала они уезжают на территорию соседней с Украиной Польши, получают там разрешение на работу, а с ним отправляются в соседнюю с Польшей Чехию.

В настоящее время к нормативно-правовым документам, регулирующим трудовую занятость иностранцев на территории Чешской Республики, относятся: Закон № 435/2004 «О занятости населения» [9], Закон № 326/1999 «О пребывании иностранцев в Чешской Республике» [8], Трудовой кодекс [7], Закон № 73/2011 «О Департаменте по трудоустройству Чешской Республики»

[5], Закон № 221/2003 «О временной защите иностранных граждан» [6] и некоторые другие законодательные акты.

Согласно Трудовому кодексу, принять иностранца на территории Чешской Республики можно в том случае, если будущий работодатель приобрел разрешение привлекать сотрудников из-за рубежа, иностранцам было предоставлено индивидуальное разрешение на трудоустройство, а также разрешение на пребывание в стране. Ситуация на рынке труда является одним из самых важных факторов в данном вопросе, так как привлекать иностранную рабочую силу чешские компании могут только в том случае, когда в стране не хватает рабочего ресурса, т.е. нет местных специалистов.

Упростить процесс доступа к чешскому рынку труда может полученная иностранцем зеленая карта, выдающаяся иностранцам, обладающим квалификацией, на которую в Чешской Республике существует спрос. Зеленая карта позволяет находиться на территории Чехии, а также работать на той должности, на которую она была выдана. Такая карта предназначена для граждан стран, не относящихся к Европейскому союзу, а именно Австралии, Черногории, Хорватии, Японии, Канады, Южной Кореи, Новой Зеландии, Боснии и Герцеговины, Македонии, Соединенных Штатов Америки, Сербии, Украины. Срок действия карты – два-три года [9, p. 37].

Зеленую карту, дающую право трудовой деятельности на территории Чехии, получили 65 украинцев, что составляет 54% от общего числа иностранцев, из них 58% получили зеленую карту типа «A», которая выдается работникам с высшим образованием на срок три года, 20% – зеленую карту типа «B», предназначенную для работников со средним образованием или профессионально-техническим образованием, выдается сроком на два года, 22% – зеленую карту типа «C», предназначенную для неквалифицированных работников. Анализируя количество мигрантов из других рассматриваемых государств, отметим, что всего четыре представителя Российской Федерации получили зеленую карту типа «A», что составляет 3% от общего числа иностранных мигрантов [3, p. 48].

При трудоустройстве в Чехии мигранты могут получить и синюю карту. Синяя карта может быть выдана жителям стран, не входящих в Европейский союз. Такой документ выдается под конкретное вакантное рабочее место, получатель синей карты должен иметь высшее или высшее специальное образование. Синяя карта была выдана Министерством внутренних дел Чехии в 2016 г. в 120 случаях. 67 карт получили граждане России, 29 карт – граждане Украины, четыре карты – граждане Казахстана [3, p. 48]. Синяя карта – это документ двойного характера, включающий в себя разрешение на длительное пребывание на территории Чешской Республики, а также разрешение на осуществление трудовой деятельности на рабочем месте, специально для которого карта была выпущена.

В настоящий момент трудовая миграция в Чешскую Республику приобретает необратимый характер. Еще в конце XX в. граждане Украины, уехавшие на заработки в Европу, собирались вернуться на родину после улучшения там экономической ситуации. Однако сейчас украинские трудовые мигранты не собираются возвращаться, что естественным образом влияет на рынок труда и потерю рабочей силы для Украины.

Согласно анализу, среднестатистический украинский трудовой мигрант, ищущий работу в Чешской Республике, – это хорошо образованный работник, происходящий из бедной украинской семьи, который должен содержать свою жену и детей. Но вполне возможно, что отсутствие рабочих мест заставляет и молодых людей без семьи искать работу за рубежом – хотя и с меньшей интенсивностью [2, p. 12]. Люди с высшим образованием имеют меньше шансов сделать карьеру у себя дома, в связи с этим они принимают решение трудиться на неквалифицированной работе в других странах – например в Чехии.

Украинские трудовые мигранты чаще всего участвуют во вторичном секторе экономики и, как правило, не представляют конкуренцию местным работникам. Занимаемые украинскими мигрантами позиции на чешском рынке труда распределились следующим образом: 52% работают в сфере строительства, 16 – в домашнем хозяйстве, 9 – нашли свое призвание в сфере сельского хозяйства, 8 – занимаются торговлей, 5% мигрантов работают в промышленной сфере, 3 – в области транспорта и связи, около 3 – в сфере гостиничного и ресторанного бизнеса, остальные 4% распределились по другим областям трудового рынка [4, p. 6].

Одной из характерных черт украинской миграции является наличие цепочки посредников, которые занимаются широким спектром услуг по подбору персонала, помощи в получении визы, жилья, кредита на территории Чехии. Посредниками в основном выступают агентства по трудоустройству. Компании таким образом уменьшают количество своих обязательств перед сотрудниками, а также избегают административных проблем, связанных с подбором иностранных кадров напрямую. По данным Чешского статистического управления, около 47% мигрантов имели дело с посредническими организациями [3, p. 134].

Открытым остается вопрос, какое влияние на эту систему оказывает увеличение количества агентств по трудоустройству в последние годы. К сожалению, государство на сегодняшний день не способно эффективно контролировать их деятельность, поэтому существенная часть работодателей действует вне рамок закона. Кроме того, существование взаимосвязанных сетей поиска рабочей силы формируют огромный слой нелегальных трудящихся, а также находящихся на территории Чешской Республики трудовых

мигрантов, чаще всего приехавших по туристической визе и оставшихся на нелегальной основе.

После вступления Чехии в Европейский союз правительство борется с незаконной миграцией, с каждым годом правила для мигрантов ужесточаются. Чехия присоединяется и к мировым усилиям для решения миграционных последствий гуманитарных кризисов, в том числе по устранению их причин путем развития и помощи. Тем не менее Чехия продолжает оставаться одним из самых популярных направлений трудовой, образовательной и бизнес-миграций. И в первую очередь – для граждан Украины.

Библиография

1. Cizinci: Počet cizinců // Český statistický úřad. URL: https://www.czso.cz/csu/cizinci/cizinci-pocet-cizincu (Дата обращения: 12.12.2017.)

2. Čermáková D., Nekorjak M. Ukrainian middleman system of labour organization in the Czech Republic // Journal of Economic and Social Geography. 2009. № 100 (1). P. 33–43.

3. Foreigners in the Czech Republic // Český statistický úřad. Czech Statistical Office, Praha. Prague, 2017. URL: https://www.czso.cz/documents/10180/45709982/29002717.pdf/770a1c14-6ea7-4c47-831e-3936e3ca1ab3?version=1.2 (Дата обращения: 12.12.2017.)

4. Richtermocová T. Migrace v České Republice, jejíklady a zápory // Zpracovala: Bc. Tamara Richtermocová, 2010. 16 p. URL: http://docplayer.cz/56443-Migrace-v-ceske-republice-jeji-klady-a-zapory.html (Дата обращения: 12.12.2017.)

5. Zákon č. 73/2011 Sb., o Úřadu práce České republiky ze dne 9. února 2011 // Zákony pro lidi. cz. URL: http://www.zakonyprolidi.cz/cs/2011-73 (Дата обращения: 13.12.2017.)

6. Zákon č. 221/2003 Sb., o dočasné ochraně cizinců ze dne 26. června 2003 // Zákony pro lidi. cz. URL: http://www.zakonyprolidi.cz/cs/2003-221 (Дата обращения: 14.12.2017.)

7. Zákon č. 262/2006 Sb., zákoník práceze dne 21. dubna 2006 // Zákony pro lidi. cz. URL: http://www.zakonyprolidi.cz/cs/2006-262 (Дата обращения: 14.12.2017.)

8. Zákon č. 326/1999 Sb., o pobytu cizinců na území České republiky ze dne 23. dubna 2014 // Zákony pro lidi. cz. URL: http://www.zakonyprolidi.cz/cs/1999-326 (Дата обращения: 13.12.2017.)

9. Zákon č. 435/2004 Sb., o zaměstnanosti ze dne 13. května 2004 // Zákony pro lidi. cz. URL: http://www.zakonyprolidi.cz/cs/2004-435 (Дата обращения: 13.12.2017.)

References

Cizinci: Počet cizinců // Český statistický úřad. URL: https://www.czso.cz/csu/cizinci/cizinci-pocet-cizincu (Data obrashhenija: 12.12.2017.)

Čermáková D., Nekorjak M. Ukrainian middleman system of labour organization in the Czech Republic // Journal of Economic and Social Geography. 2009. N 100 (1). P. 33–43.

Foreigners in the Czech Republic // Český statistický úřad. Czech Statistical Office, Praha. Prague, 2017. URL: https://www.czso.cz/documents/10180/45709982/29002717.pdf/770a1c14-6ea7-4c47-831e-3936e3ca1ab3?version=1.2 (Data obrashhenija: 12.12.2017.)

Richtermocová T. Migrace v České Republice, jejíklady a zápory // Zpracovala: Bc. Tamara Richtermocová, 2010. 16 p. URL: http://docplayer.cz/56443-Migrace-v-ceske-republice-jeji-klady-a-zapory.html (Data obrashhenija: 12.12.2017.)

Zákon č. 221/2003 Sb., o dočasné ochraně cizinců ze dne 26. června 2003 // Zákony pro lidi. cz. URL: http://www.zakonyprolidi.cz/cs/2003-221 (Data obrashhenija: 14.12.2017.)

Zákon č. 262/2006 Sb., zákoník práceze dne 21. dubna 2006 // Zákony pro lidi. cz. URL: http://www.zakonyprolidi.cz/cs/2006-262 (Data obrashhenija: 14.12.2017.)

Zákon č. 73/2011 Sb., o Úřadu práce České republiky ze dne 9. února 2011 // Zákony pro lidi. cz. URL: http://www.zakonyprolidi.cz/cs/2011-73 (Data obrashhenija: 13.12.2017.)

Zákon č. 326/1999 Sb., o pobytu cizinců na území České republiky ze dne 23. dubna 2014 // Zákony pro lidi. cz. URL: http://www.zakonyprolidi.cz/cs/1999-326 (Data obrashhenija: 13.12.2017.)

Zákon č. 435/2004 Sb., o zaměstnanosti ze dne 13. května 2004 // Zákony pro lidi. cz. URL: http://www.zakonyprolidi.cz/cs/2004-435 (Data obrashhenija: 13.12.2017.)

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

DOI: 10.31249/rsm/2019.02.17

Л.А. Можаева

ПРОСТРАНСТВО НАРОДНОЙ ДИПЛОМАТИИ: ТУРИЗМ

Аннотация. *В статье анализируются основные документы и исследования, посвященные современному туризму. Отмечается, что в эпоху политической турбулентности в мире связанная с туризмом народная дипломатия выходит на первый план, способствует смягчению кризисных явлений, препятствует перерождению этих явлений в открытые вооруженные конфликты.*

Ключевые слова: *Россия; народная дипломатия; туризм; международные конфликты; имидж страны за рубежом.*

Можаева Любовь Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета, Москва. E-mail: lamozh@mail.ru

L.A. Mozhaeva. Space of People's Diplomacy: Tourism

Abstract. *The article analyzes the main documents and studies on modern tourism. It is noted that in the era of political turbulence in the world, national diplomacy linked to tourism is coming to the fore, helping to mitigate crisis phenomena, and prevents the transformation of these phenomena into open armed conflicts.*

Keywords: *Russia; national diplomacy; tourism; international conflicts; the image of the country abroad.*

Mozhaeva Lyubov Alekseevna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Russian State University for the Humanities, Moscow. E-mail: lamozh@mail.ru

Современный период можно считать переломным в международных отношениях. Глобальная турбулентность оказывает влияние на функционирование такой весьма формализованной и ритуализированной сферы, как традиционная дипломатия. Размываются ее стандартные нормы и каноны, что нередко сопровождается высылкой дипломатов и ограничением работы него-

сударственных и некоторых государственных структур. Обычным явлением становится политизация многих сторон общественной жизни и деятельности. Обострение отношений ряда крупных стран мира с Россией, характер политического и экономического давления на нее отражают кризис современной мировой системы.

В этой ситуации возрастает значение других рычагов межгосударственного взаимодействия и общения народов, в частности туризма.

Современная идеология туризма строится на ряде международных документов. Так, декларация, принятая Второй Всемирной конференцией по туризму в Маниле (октябрь 1980 г.), Резолюция № 36/41 Генеральной Ассамблеи ООН (ноябрь 1981 г.) характеризуют туризм как важный инструмент стратегии международного развития. Манильская декларация зафиксировала принципиальное положение о мировом туризме как существенном факторе обеспечения мира во всем мире, который способен закладывать моральные и интеллектуальные основы для международного взаимопонимания и сотрудничества. Туризм, согласно Манильской декларации, представляет собой положительный и постоянный фактор содействия взаимному познанию и пониманию между народами, закладывает основы для повышения степени международного уважения и доверия [5].

Генассамблея ООН акцентировала внимание на том факте, что туризм, являясь средством улучшения качества жизни людей, представляет собой мощную силу в борьбе за мир и международное взаимопонимание.

Основополагающие документы международного туризма – Хартия туризма и входящий в нее Кодекс туриста, принятые в 1985 г., – призывают туристскую сферу интенсифицировать контакты с местным населением в целях повышения взаимопонимания и взаимного обогащения. Кодекс ориентирует туристов на поведение, способствующее взаимопониманию и дружеским отношениям между народами, и, соответственно, – делу сохранения мира.

Роль туризма в деле сохранения мира специально обсуждала Международная конференция 1988 г. в Ванкувере (Канада). На ней присутствовали более 500 делегатов, представлявшие 65 стран мира. Конференция приняла итоговый документ «Кредо миролюбивого путешественника». В нем сформулированы важнейшие нормы поведения туристов: разнообразие мира, с которым турист сталкивается в поездках, необходимо воспринимать с благосклонностью и признательностью; следует уважать и защищать природную среду, уважать представителей всех культур и те культурные ценности, с которыми знакомятся туристы, благодарить хозяев за гостеприимство, предлагать руку дружбы всем, с кем встречается турист в путешествиях, поддерживать словами и поступками туристское обслуживание, содействующее достижению взаимопонимания, побуждать других мирно путешествовать по миру [7]. Ванкуверская конференция подтвердила положение о том, что

у туризма имеется богатый потенциал для выполнения миссии гаранта мира и безопасности.

Количество исследований, посвященных туризму, в настоящее время неуклонно растет. Современные аналитики подчеркивают, что туризм, напрямую зависящий от степени остроты международных и межнациональных конфликтов и невозможный в зонах политической и военной нестабильности, тесно связан с проблемами международной безопасности. В таком ключе проблему развития туристской отрасли ставят специалисты этой сферы приблизительно с 2010 г. Здесь следует назвать работы Е. Трофимова, Т. Черевичко, А. Мищенко, И. Орлова, А. Попова, Г. Никифоровой и А. Мазуренко [8; 9; 10; 16; 17]. Появились и первые диссертационные исследования по данной проблеме [13].

Исследователи отмечают, что публичная дипломатия в традиционном представлении означает комплекс мер, направленных на установление контактов с зарубежными странами, строительство долгосрочных отношений. При этом исследователи подчеркивают, что туризм как инструмент современной публичной дипломатии является открытой сферой, ориентированной, главным образом, на диалог.

По существу туризм дает возможность сформировать глобальное коммуникативное пространство в целях реализации контактов между людьми. Исследователи подчеркивают, что бренд территории посылает своеобразный месседж об открытости данного общества для бизнеса и туризма. Поэтому брендинг туристических территорий, мягко воздействуя на общественное мнение, способствует повышению эффективности народной дипломатии [17, с. 93]. Отдельные ученые даже вводят термин «туристская дипломатия», понимая под ней инструмент, помогающий государству рассказать миру о себе [17, с. 94], определенным образом сформировать общественное мнение.

* * *

Конечно, сфера туризма, как и многие другие сферы современной жизни, сегодня подвергается политизации; такое явление характерно для большинства стран мира. Государственная система внутреннего и международного туризма нацелена не только на отдых и оздоровление людей. Внутренний туризм дает возможность людям более широко и обстоятельно узнать собственную страну, ее регионы с их культурными особенностями.

Международный же туризм, который, в свою очередь, может быть въездным и выездным, служит продвижению позитивного образа государства за рубежом, формирует представления об образе мыслей граждан этого государства, об их политической и культурной жизни, ценностных устремлениях.

Все это применимо и к России. Данные Росстата говорят о том, что в 2017 г. российские туристы совершили 40 млн поездок за границу (на 25% больше, чем в 2016 г.). Наиболее часто они посещали Турцию (более 4 млн выездов). Затем – Абхазию, Финляндию, Казахстан, Украину и Китай. Список завершают Эстония, Польша, Германия, Таиланд, Грузия, Испания и Италия. В 2018 г. Ростуризм планировал увеличение выездного туристического потока на 15–17% [1]. При этом выездной туристический поток за девять месяцев 2018 г., по данным Турстата, превысил соответствующий объем за аналогичный период 2017 г. почти на 2 млн человек [2]. Ассоциация туроператоров России высказала мнение о том, что 2019 год станет рекордным по числу путешественников, въехавших в Россию: планируется встретить в России на 20% больший по объему поток иностранных туристов, т.е. более 30 млн человек [4].

С октября 2011 г. в соответствии с Указом Президента Российской Федерации работает программа «Новое поколение» [12]. В ее рамках осуществляются краткосрочные ознакомительные поездки в Российскую Федерацию молодых представителей политических, общественных, научных и деловых кругов иностранных государств. Программу реализуют Федеральные агентства по делам СНГ и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество). Поездки в Россию знакомят приезжающих с общественно-политической, социально-экономической, научно-образовательной, культурной жизнью в России. Цель организации таких поездок состоит, в частности, в том, чтобы по их итогам подготовить предложения по сотрудничеству (прежде всего, по сотрудничеству туристическому) России с государствами, которые представляют туристы.

Богатым и весьма плодотворным для развития сферы туризма в осуществлении программы стал 2015 год. В октябре в Москве состоялся Форум путешественников. Для участия в нем прибыли специалисты в области менеджмента, сервиса и туризма из Австрии, Армении, Германии, Италии, Канады, Китая, Франции, Южной Африки. В старинном здании Института географии РАН прошла конференция, посвященная деятельности выдающегося немецкого и русского ученого и путешественника Петера Палласа (1741–1811). Иностранные гости поделились на ней нестандартными идеями и проектами, связанными с Россией. Молодой австрийский спортсмен Михаэль Шрассер рассказал о совершенном им с товарищами в 2013 г. рекордном велопробеге от Москвы до Владивостока, в ходе которого они преодолели более 10 000 км. Он поделился планами о намерении совершить велопробег от Каира до Кейптауна и установить новый мировой рекорд.

В ноябре 2015 г. в Москве в рамках программы «Новое поколение» прошел XVII Конгресс Европейской федерации ассоциаций туристических гидов (создана в 1986 г.). Для участия в его работе приехали молодые гиды из

Франции, Германии, Австрии, Кипра, Ирана, Грузии, Армении и других стран. В работе конгресса участвовали более 200 представителей из 28 стран мира. 100 человек представляли 17 регионов Российской Федерации и стран СНГ. Это мероприятие было направлено на максимальную реализацию профессиональных ожиданий участников проекта при тесном взаимодействии со специалистами – партнерами из конкретных областей. Помимо официальной программы (пленарных заседаний, панельных дискуссий, семинаров, мастер-классов, воркшопов и тематических конференций) были проведены экскурсии, которые дали возможность делегатам познакомиться с туристическими возможностями столицы. Превратившись на некоторое время из гидов в туристов, делегаты побывали в Московском Кремле, на Красной площади, в Третьяковской галерее, Троице-Сергиевой Лавре, посетили Музей космонавтики, познакомились с архитектурой московского метро. Постигая историю и культуру России, участники организовали интерактивный мастер-класс методом глубокого погружения в русскую классическую живопись XIX в. Они воспроизводили в лицах сюжеты таких выдающихся полотен, как «Три богатыря» В. Васнецова, «Боярыня Морозова» И. Сурикова, «Иван Грозный и сын его Иван» И. Репина.

Обсуждая проблему совершенствования системы туристско-экскурсионного обслуживания на состоявшейся тогда же международной конференции, гиды и экскурсоводы разных стран рассмотрели вопросы организации работы ассоциации гидов в различных государствах, сформировали программы повышения квалификации и переподготовки специалистов в этой области. Были внесены предложения о совершенствовании законодательства стран в отношении регламентации работы гидов, в том числе и в случае их работы в экстремальных ситуациях. Молодые гиды – участники программы высоко оценили поездку в Россию. По их словам, как туристам им удалось многое понять в российской жизни. Как профессионалы они смогли подняться на новые ступени мастерства, получив новые знания и обменявшись опытом с коллегами. Участники встречи отметили сильное воздействие на них российского культурно-исторического наследия и стремление использовать приобретенные знания в работе при организации туров из их стран в Российскую Федерацию [11].

Периодический характер в рамках программы «Новое поколение» приобрели поездки молодых специалистов различных сфер деятельности именно с туристическими целями. Так, в конце лета 2017 г. группа молодых иностранных гостей посетила города Золотого кольца России. Они смогли изнутри посмотреть жизнь людей в Российской Федерации и составить свое представление о стране. В ноябре 2017 г. более 70 участников программы «Новое поколение» из государств СНГ, Абхазии, Южной Осетии, Германии, Швеции, Вьетнама в ходе туристической поездки в Россию познакомились

с культурными достопримечательностями Москвы и Владимира. В этом культурно-ознакомительном путешествии участвовали молодые активисты, журналисты, преподаватели и другие работники сферы образования [15].

Формированию положительного имиджа России на мировой арене способствует и современный агротуризм в Россию [14]. Перспективными представляются и идеи развития отечественного медицинского туризма.

Однако исследователи, изучающие туризм как общественный и политический феномен, сталкиваются не только с его позитивными, но и с негативными последствиями. Такого рода последствия наблюдаются, в частности, в вопросе о туристических связях России и Китая. В 1994 г. между этими странами было подписано соглашение о культурном сотрудничестве, актуальное до сего дня.

С одной стороны, туристический поток из Китая является одним из самых мощных, проявляющим тенденцию к постоянному росту. По данным, приведенным на VI Саммите Российско-Китайского туристического форума в Москве (март 2018 г.) главой дипломатического представительства Государственного управления туризма КНР в Москве госпожой Ван Сяося и заместителем руководителя российского Федерального агентства по туризму Н. Королёвым, взаимный турпоток между РФ и Китаем составляет почти 4 млн человек [3].

Однако в вопросе о туризме китайских граждан в Россию проявились и сложности: под видом развития туристической отрасли стала разрастаться нелегальная китайская миграция на российский Дальний Восток. В связи с этим министр иностранных дел России С.В. Лавров заявил о необходимости пересмотреть ряд соглашений, допускающих безвизовый въезд для туристов из Китая [6, с. 401].

Впрочем, проблемы с турпотоком из Китая – это скорее исключение, чем правило. Огромные возможности туризма, в том числе и возможности политические, осознаются руководством страны: в 2014 г. утверждена Стратегия развития туризма до 2020 г.; в настоящий момент разрабатывается аналогичная Стратегия – до 2035 г. В условиях кризиса мировой политической системы туризм является важным связующим звеном между государствами, способствует – посредством контактов рядовых граждан – смягчению кризисных явлений, препятствует перерождению этих явлений в открытые вооруженные конфликты.

Библиография

1. Игнатова О. Российские туристы побывали за границей в прошлом году 40 млн раз // Российская газета. 2018. 16 марта. URL: https://rg.ru/2018/03/16/rossijskie-turisty-pobyvali-za-granicej-v-proshlom-godu-40-mln-raz.html (Дата обращения: 20.02.2019.)

2. Итоги VI Саммита Российско-Китайского туристического форума в Москве // Profi+Travel. 2018. 16 марта. URL: http://profi.travel/news/33918/details (Дата обращения: 20.02.2019.)

3. Итоги выездного туризма в России в 2018 // ТурСтат. 2019. 20 февр. URL: http://turstat.com/outboundtravelrussia9month2018 (Дата обращения: 20.02.2019.)

4. Количество иностранных туристов в России в 2019 году превысит 30 млн // Ведомости. 2018. 18 июля. URL: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2018/07/18/775848-inostrannih-turistov (Дата обращения: 20.02.2019.)

5. Манильская декларация по мировому туризму (Извлечения). Принята Всемирной конференцией по туризму, проходившей в Маниле (Филиппины) с 27 сентября по 10 октября 1980 года // Российский союз туриндустрии. Официальный сайт. URL: http://www.rostourunion.ru/proekty_v_rst/megdunarodnye_pravovye_akty/manil_skaya_deklaraciya_po_mirovomu_turizmu_i zvlecheniya.html (Дата обращения: 20.02.2019.)

6. Матвиенко В.В. Народная (общественная) дипломатия в китайско-российских отношениях // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 8. С. 400–403.

7. Международный туризм // Индустрия туризма. Информационный сайт. URL: http://tur.portal-1.ru/mejdunartur.html (Дата обращения: 20.02.2019.)

8. Міщенко А.Г. Туризм як бизнес, народна дипломатія і наука // Економіка. Менеджмент. Бізнес. 2016. № 1. С. 48–53.

9. Никифорова Г. Ю., Мазуренко А.В. Брендинг и публичная дипломатия как факторы устойчивого развития территории в условиях глобализации // Проблемы современной экономики. 2013. № 2 (46). С. 187–189.

10. Орлов И.Б., Попов А.Д. Сквозь «железный занавес». Руссо туристо. Советский выездной туризм, 1955–1991. М.: Высшая школа экономики, 2016. 351 с.

11. Отчет о проведении XVII Конгресса FEG: Информационное письмо от 04.12.2015 // Ассоциация гидов-переводчиков, экскурсоводов и турменеджеров: Официальный сайт. URL: http://www.agipe.ru/docs/?ELEMENT_ID=959 (Дата обращения: 20.02.2019.)

12. Программа «Новое поколение» // Россотрудничество: Официальный сайт. URL: http://rs.gov.ru/ru/activities/4/projects/23 (Дата обращения: 20.02.2019.)

13. Савельев Н.С. Международный туризм и народная дипломатия в середине 1950-х – конце 1970-х годов. (На примере Новгородской обл.). Дис... канд. истор. наук: 07.00.02. СПб.: СПбИИ РАН, 2017. 284 с.

14. Сельский туризм – это общественная дипломатия // Rata: ежедневная электронная газета Российского союза туриндустрии. 2009. 21 мая. URL: http://www.ratanews.ru/news/news_21052009_5.stm (Дата обращения: 20.02.2019.)

15. Субоч Д. Делегаты «Нового поколения» оценили туристический потенциал России // Международная жизнь. 2017. 13 ноября. URL: https://interaffairs.ru/news/show/18744 (Дата обращения: 20.02.2019.)

16. Трофимов Е.П. Туризм как бизнес и народная дипломатия // Международная жизнь. 2010. № 2. URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/191 (Дата обращения: 20.02.2019.)

17. Черевичко Т.В. Туризм как инструмент публичной дипломатии // Известия Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. 2014. Сер. История. Международные отношения. Вып. 4. С. 93–95.

References

Cherevichko T.V. Turizm kak instrument publichnoj diplomatii // Izvestija Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.G. Chernyshevskogo. 2014. Ser. Istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija. Is. 4. P. 93–95.

Ignatova O. Rossijskie turisty pobyvali za granicej v proshlom godu 40 mln raz // Rossijskaja gazeta. 2018. March 16. URL: https://rg.ru/2018/03/16/rossijskie-turisty-pobyvali-za-granicej-v-proshlom-godu-40-mln-raz.html (Data obrashhenija: 20.02.2019.)

Itogi VI Sammita Rossijsko-Kitajskogo turisticheskogo foruma v Moskve // Profi+Travel. 2018. March 16. URL: http://profi.travel/news/33918/details (Data obrashhenija: 20.02.2019.)

Itogi vyezdnogo turizma v Rossii v 2018 // TurStat. 2019. Feb. 20. URL: http://turstat.com/outboundtravelrussia9month2018 (Data obrashhenija: 20.02.2019.)

Kolichestvo inostrannyh turistov v Rossii v 2019 godu prevysit 30 mln // Vedomosti. 2018. July 18. URL: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2018/07/18/775848-inostrannih-turistov (Data obrashhenija: 20.02.2019.)

Manil'skaja deklaracija po mirovomu turizmu (Izvlechenija). Prinjata Vsemirnoj konferenciej po turizmu, prohodivshej v Manile (Filippiny) s 27 sentjabrja po 10 oktjabrja 1980 goda // Rossijskij sojuz turindustrii. Official Website. URL: http://www.rostourunion.ru/proekty_v_rst/megdunarodnye_pravovye_akty/manil_skaya_deklaraciya_po_mirovomu_turizmu_izvlecheniya.html (Data obrashhenija: 20.02.2019.)

Matvienko V.V. Narodnaja (obshhestvennaja) diplomatija v kitajsko-rossijskih otnoshenijah // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2010. N 8. P. 400–403.

Mezhdunarodnyj turizm // Industrija turizma. Informacionnyj sajt. URL: http://tur.portal-1.ru/mejdunartur.html (Data obrashhenija: 20.02.2019.)

Mishhenko A.G. Turizm jak biznes, narodna diplomatija i nauka // Ekonomika. Menedzhment. Biznes. 2016. N 1. P. 48–53.

Nikiforova G. Ju., Mazurenko A.V. Brending i publichnaja diplomatija kak faktory ustojchivogo razvitija territorii v uslovijah globalizacii // Problemy sovremennoj jekonomiki. 2013. N 2 (46). P. 187–189.

Orlov I.B., Popov A.D. Skvoz' «zheleznyj zanaves». Russo turisto. Sovetskij vyezdnoj turizm, 1955–1991. M.: Vysshaja shkola jekonomiki, 2016. 351 p.

Otchet o provedenii XVII Kongressa FEG: Informacionnoe pis'mo ot 04.12.2015 // Associacija gidov-perevodchikov, jekskursovodov i turmenedzherov: Official Website. URL: http://www.agipe.ru/docs/?ELEMENT_ID=959 (Data obrashhenija: 20.02.2019.)

Programma «Novoe pokolenie» // Rossotrudnichestvo: Official Website. URL: http://rs.gov.ru/ru/activities/4/projects/23 (Data obrashhenija: 20.02.2019.)

Savel'ev N.S. Mezhdunarodnyj turizm i narodnaja diplomatija v seredine 1950-h – konce 1970-h godov. (Na primere Novgorodskoj obl.). Dis... kand. istor. nauk: 07.00.02. Saint Petersburg: SPbII RAN, 2017. 284 p.

Sel'skij turizm – jeto obshhestvennaja diplomatija // Rata: ezhednevnaja jelektronnaja gazeta Rossijskogo sojuza turindustrii. 2009. May 21. URL: http://www.ratanews.ru/news/news_21052009_5.stm (Data obrashhenija: 20.02.2019.)

Suboch D. Delegaty «Novogo pokolenija» ocenili turisticheskij potencial Rossii // Mezhdunarodnaja zhizn'. 2017. Nov. 13. URL: https://interaffairs.ru/news/show/18744 (Data obrashhenija: 20.02.2019.)

Trofimov E.P. Turizm kak biznes i narodnaja diplomatija // Mezhdunarodnaja zhizn'. 2010. N 2. URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/191 (Data obrashhenija: 20.02.2019.)

DOI: 10.31249/rsm/2019.02.18

Т.Г. Биткова

РЕЦ. НА СБ.: РОССИЯ И РУМЫНИЯ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. БУХАРЕСТ, 2018

Аннотация. *Рецензия посвящена совместному труду румынских и российских историков, изданному на двух языках в Румынии на средства румынского фонда «Анастасия». Дается краткий обзор статей, представленных в издании, подчеркивается, что некоторые темы, касающиеся участия Румынии в Первой мировой войне, трактуются в России и Румынии с противоположных позиций. Отмечается, что Первая мировая война – лишь одно из многих исторических событий XIX–XX вв., которые не только объединяют, но и разъединяют Румынию и Россию в оценке их значения для национального самоутверждения. Выделяется мысль, что совместная публикация такого рода – явление уникальное для румыно-российских научных контактов. Сборник вносит заметный вклад в поиски точек соприкосновения в позициях не только историков наших стран, но и политиков, что должно способствовать большему взаимопониманию между Россией и Румынией.*

Ключевые слова: *Румыния; Россия; Первая мировая война; общественное мнение; внешняя политика; малые государства; великие державы; «румынское золото»; Бессарабия.*

Биткова Татьяна Георгиевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИНИОН РАН.
E-mail: tgbitkova@mail.ru

T.G. Bitkova. Review on: Rusia şi Romania in Timpul Primului Razboi Mondial. Bucureşti, 2018

Abstract. *The review is devoted to the joint work of Romanian and Russian historians, published in two languages in Romania sponsored by the Romanian Fund «Anastasia». A brief overview of the articles presented in the publication is given, it is emphasized that some topics related to Romania's participation in the First world war are treated in Russia and Romania from opposite positions. It is noted that the First world war is only one of many historical events of the XIX–XX centuries, which not only unite but also divide Romania and Russia in assessing their importance for national self – affirmation. The idea that a joint publication of this kind is a unique phenomenon for the Romanian – Russian scientific contacts is highlighted. The collection makes a significant contribution to the*

search for common ground in the positions of not only historians of our countries, but also politicians, which should contribute to greater understanding between Russia and Romania.

Keywords: *Romania; Russia; World War I; public opinion; foreign policy; small states; great powers; «Romanian gold»; Bessarabia.*

Bitkova Tatiana Georgievna – Candidate of Philological Science, Senior Researcher, INION RAN. E-mail: tgbitkova@mail.ru

Совместный труд румынских и российских историков явился исключительным событием в сфере румыно-российских научных контактов. Издание подготовлено на основе докладов и дискуссий конференции, прошедшей в Посольстве Румынии в Москве в сентябре 2016 г. Конференция стала одним из многочисленных научных мероприятий, прошедших по всей Европе и приуроченных к 100-летию трагического события в истории континента. Следует подчеркнуть, что некоторые темы, касающиеся участия Румынии в Первой мировой войне, трактуются в наших странах с противоположных позиций. Эта война – одно из многих исторических событий XIX–XX вв., которые не только объединяют взгляды научного сообщества Румынии и России, но и порождают расхождения в оценке их значения для национального блага и самоутверждения. Сборник «Россия и Румыния во время Первой мировой войны» вносит вклад в поиски точек соприкосновения в позициях не только историков, но и политиков России и Румынии. Проект финансировался фондом «Анастасия» благодаря инициативе румынской стороны. Ведущей российской организацией, поддержавшей инициативу, стал Институт славяноведения РАН.

Среди тем сборника – оценка российским общественным мнением политики Румынии перед войной, политическое положение Румынии в 1916 г., проблемы румыно-российских дипломатических отношений в 1914–1916 гг., Румыния в контексте российско-германских дипломатических отношений во время и после войны, положение Бессарабии в этот период, судьбы румынских военнопленных в России, эвакуация в Россию властей и государственного золотого запаса Румынии, образ Первой мировой войны в румынской литературе и т.п.

В этом совместном труде отражены самые разные аспекты военного, дипломатического, политического, экономического взаимодействия между Россией и Румынией. Координатор проекта, видный румынский историк К. Хлихор, отмечает, что мир сегодняшний и мир начала прошлого века имеют несомненное сходство. В начале XX в. не было такой всеобъемлющей глобализации, как сегодня, но мир того времени уже был тесно взаимосвязан. Это создавало ощущение невозможности крупномасштабных конфликтов,

однако не помешало политическим элитам великих держав ввергнуть Европу в кровопролитную бойню: «Милитаризм с идеологией наступления преобладал в конце XIX – XX вв. в коллективном мышлении политических лидеров великих держав» [1, с. 283–284].

Основополагающим вопросом, который занимает румынских историков, являются мотивы участия малых и средних государств в войне. Как подчеркивал К. Хлихор, интересы этих стран не совпадали с интересами великих держав, но они были вынуждены выбирать сложившиеся союзы исходя из рациональных расчетов. Румыния в своей тактике преследовала «цели национального объединения», в частности включения части территорий Австро-Венгрии, населенных румынами, что «требовало возобновления дружеских отношений с Россией, которая в течение трех десятилетий после аннексии Буджака в 1878 г. воспринималась дипломатией Бухареста в качестве главного противника» [1, с. 281][1]. Имея в виду цель присоединения Бессарабии, Румыния могла блокироваться и с Центральными державами, но после двух лет нейтралитета выбор в 1916 г. был сделан в пользу Антанты[2].

Обстоятельства длительного нейтралитета Румынии, ее долгого неприсоединения ни к одному из воюющих блоков, как подчеркнул Г. Преда, связаны с тем, что она искала наиболее выгодные условия для будущих переговоров о заключении мира. Этим объясняется и сложность переговоров с Антантой, которая, по мнению румынского историка, была крайне заинтересована в присоединении Румынии. «Привлечение людского, военного и экономического потенциала Румынии к войне стало важным политическим успехом Антанты» [1, с. 433]. Дальнейшие же неудачи Румынской армии автор объясняет тем, что неудачным оказался момент вступления: резервы русских после Брусиловского прорыва иссякли. Кроме этого, румынское командование постоянно наталкивалось на непонимание и противодействие стран Антанты своим намерениям. Между тем в советской / российской историографии преобладает убеждение, что присоединение Румынии, чья армия оказалась слабой, не усилило, а ослабило Антанту. Именно поэтому Россия

1. Речь идет о возвращении России трех уездов южной Бессарабии по условиям Берлинского конгресса 1878 г., завершившего Русско-турецкую войну 1877–1878 гг., в которой Россия и Румыния были союзниками.

2. См. также: «Впервые после образования независимого румынского государства в этой войне открылась перспектива воссоединения Румынии с провинциями, находившимися под иностранным господством. Но была деликатная проблема: за какую провинцию румынское государство должно было сражаться и какую должно было принести в жертву? Трансильванию под австро-венгерским господством или Бессарабию, отторгнутую от Молдовы Царской империей? Идеальная возможность полной реинтеграции, которая произошла после войны, тогда не ожидалась, будучи исключенной из публичного дискурса» [2].

вынуждена была направить на помощь новой союзнице значительные силы, обескровив собственные ресурсы.

Как известно, австро-венгерским и германским войскам удалось не только занять большую часть румынской территории, но и захватить Бухарест. В ожидании катастрофы румынский королевский дом и правительство решают вслед за эвакуацией в царскую Россию государственного золотого запаса и других ценностей, имеющих общекультурное значение, переместить туда же королевскую семью, правительство, парламент, министерства и другие государственные структуры, а также предприятия военно-промышленного комплекса и т.д.

Детали подготовки последней операции подробно описывает И. Скипор, который подчеркивает, что это одна из наименее изученных тем. «…Есть, по крайней мере, два мотива, которые способствовали в течение целого века, прошедшего после окончания войны, сохранению того непрофессионального и неестественного подхода, в соответствии с которым румынские исследователи предпочитали заниматься светлыми и героическими сторонами национального прошлого, как бы стыдясь того, что кажется не таким героичным и не столь достойным для национальной истории» [1, с. 376]. Эвакуация государственных учреждений и королевского двора, как известно, не состоялись как из-за проволочек со стороны российских учреждений, так и из-за последовавших вскоре революционных событий в России. Приводя архивные источники, автор предполагает, что проволочки с российской стороны могли быть намеренными, ибо эшелоны с государственными ценностями уже были отправлены.

Судьба же перемещенных сокровищ до сих пор остается неизвестной. Этот вопрос, по-прежнему актуальный для взаимоотношений между Россией и Румынией, также рассматривался в рамках конференции. Как известно, часть архивов и предметов из румынского государственного хранилища позже была возвращена, но многие годы Россия по разным причинам отказывается от дальнейшего обсуждения этой темы. Ознакомление с архивными документами, подчеркивала Т.А. Покивайлова, пока не дает оснований для конкретных заключений в связи с этой до сих пор острой проблемой.

Среди тем, которые трактуются с прямо противоположных позиций, – «бессарабский вопрос» (присоединение Бессарабии к Румынии в результате Первой мировой войны), который исследуется в статье российского историка В.Я. Гросула.

Яркая картина происходившего предстает в работах, посвященных отражению общественного мнения в печати, а также в образном мире художественной литературы того времени.

Издатели успешно справились с подготовкой столь сложного издания, организовав перевод румынских статей на русский язык и российских – на

румынский. При всем многообразии тем создается целостная картина событий, а различие подходов побуждает еще и еще раз обратиться к непредвзятому рассмотрению трагических уроков Первой мировой войны. Ценное начинание румынских историков имеет неоспоримое значение для сформирования объективных представлений о прошлом России и Румынии, – представлений, выходящих за рамки академической науки и соприкасающихся с политической реальностью. Здесь уместно также обратить внимание на то, что в российских СМИ очень мало сведений о жизни Румынии, а в нашем общественном сознании бытует весьма смутное представление о том, что же за народ «румыны» и какова на самом деле история их страны.

Библиография

1. Россия и Румыния во время Первой мировой войны / под ред. К. Хлихора, Г.Д. Шкундина, В. Соаре, В. Стыкалина. Бухарест, Ed. Formă superioară, 2018. 501 с.

2. Sirghi V. Imaginea Rusiei în presa românească (1914–1916) şi idealul naţional. Transilvania sau Basarabia? // Historia. Ro. URL: https://www.historia.ro/sectiune/general/articol/imaginea-rusiei-in-presa-romaneasca-1914-1916-si-idealul-national-transilvania-sau-basarabia (Дата обращения: 23.03.2018.)

References

Rusia şi România în timpul primului război Mondial / Red.: Hlihor K., Shukdin G.D., Soare B., Stykalin A.C. Bucureşti: Ed. Formă superioară, 2018. 501 p.

Sirghi V. Imaginea Rusiei în presa românească (1914–1916) şi idealul naţional. Transilvania sau Basarabia? // Historia. Ro. URL: https://www.historia.ro/sectiune/general/articol/imaginea-rusiei-in-presa-romaneasca-1914-1916-si-idealul-national-transilvania-sau-basarabia (Data obrashhenija: 23.03.2018.)

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПОСТУПАЮЩИМ В ЖУРНАЛ «РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР»

I

Ежеквартальный мультидисциплинарный научный журнал «Россия и современный мир» публикует статьи по социально-экономическим, историко-культурным и политическим проблемам России, а также статьи, анализирующие роль и место России в современной системе международных отношений. Сайт журнала расположен в сети Интернет по адресу: www.rossovmir.ru

Журнал не перепечатывает материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях или в сети Интернет. Все права на материалы, опубликованные в журнале, принадлежат редакции и авторам. Перепечатка публикаций журнала в других изданиях возможна лишь с указанием автора, названия журнала, номера и года публикации.

При публикации материала редакция заключает с автором лицензионный договор, согласно которому автор предоставляет редакции неисключительные права на свою статью; это означает, что редакция получает право распространять печатные экземпляры журнала с этой статьей вплоть до полной реализации, размещать на ресурсах журнала в сети Интернет. Автор также имеет право републиковать текст в другом печатном или сетевом издании, включить в книгу, выложить в сети Интернет.

Плата за публикацию не взимается. Гонорары не выплачиваются.

II

Объем присылаемых рукописей не должен превышать 1 п.л.

В имени файла необходимо указать фамилию и инициалы автора статьи на русском языке, например Иванов П.С. Рукописи принимаются по электронной почте на официальный адрес редакции: rossovmir@gmail.com. Кроме того, на сайте журнала предусмотрена специальная форма, заполнив которую, также можно прислать рукопись в редакцию.

Редакция организует экспертизу материалов. Если статья требует доработки, автору посылается письмо с соответствующими рекомендациями по

доработке текста на основании рецензии. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ с использованием материалов рецензии.

Главные требования к публикациям: наличие научной проблематики, соответствующей профилю журнала, новизна, хороший литературный язык. Редакция оставляет за собой право сокращать и редактировать материалы рукописи, не меняя смысла представленной информации. Автор несет ответственность за содержание своей работы, за точность цитат, за корректность цитирования и отсутствие в тексте плагиата. Мнение автора может не совпадать с позицией редакции и членов редколлегии.

III

В «шапке» рукописи сначала ставятся инициалы и фамилия автора; с новой строки – заголовок. После этого приводится краткая аннотация и ключевые слова, употребляемые в тексте. Далее указываются фамилия, имя и отчество автора полностью, ученая степень, ученое звание, место работы и должность, город, e-mail.

Далее инициалы и фамилия автора, аннотация, ключевые слова (не более 10) и сведения об авторе (авторах) даются в переводе на английский язык.

Цитируемые источники и литература оформляются однотипно. Список цитированных источников и литературы располагается после текста статьи, предваряется словом «Библиография» и располагается в алфавитном порядке под номерами. Сначала указываются русскоязычные издания, а затем иноязычные; нумерация сплошная. Для источников и литературы из электронных изданий указывается URL и дата обращения.

Список источников и литературы должен быть транслитерирован латинскими буквами; на английский язык переводятся только названия городов в библиографическом описании и буква р. – обозначение страницы. Транслитерированной список помещается в списке под названием «References». Этот список также располагается по алфавиту, но без нумерации. Для транслитерации допускается использование специализированных сайтов в сети Интернет, например: http://translit.net/

Опубликованные источники и литература описываются следующим образом: фамилия автора, инициалы, название публикации, место публикации, издательство (для изданий книжного типа), год публикации, общее количество страниц (для изданий книжного типа) или те страницы, на которых помещена публикация (для статей в журналах и сборниках). Примеры: 1) Иванов И.И. Проблемы науки. М.: Наука, 2010. 250 с.; 2) Петров П.П. К вопросу о… // Россия и современный мир. М., 2011. № 4. С. 5–25.

В транслитерированном виде описание выглядит так: 1) Ivanov I.I. Problemy nauki. Moscow: Nauka, 2010. 250 p.; 2) Petrov P.P. K voprosu o… // Rossiya i sovremenny mir. Moscow, 2011. N 4. P. 5–25.

Архивные источники описываются так: фамилия автора, инициалы, название рукописи, название архива, в котором хранится рукопись, указание на опись (если есть), номер дела и общее количество страниц в деле (или те страницы, на которых помещен цитируемый документ). Или: название дела, название архива, в котором хранится рукопись, указание на опись (если есть), номер дела и общее количество страниц в деле. Например: 1) Багрицкая Л.Г. Письмо В.П. Катаеву от 7.10.1947 г. // РГАЛИ. Ф. 1399. Оп. 2. Д. 81. Л. 1–4 об.; 2) Жаворонков Б.И. Слово о Московском государственном историко-архивном институте // ГАРФ. Ф. Р8370. Оп 2. Д. 3. 3 л.; 3) Следственное дело А.Н. Гарри, 1930 г. // ЦА ФСБ. Д. Р-3346. 119 л.

В транслитерированном виде это описание будет выглядеть следующим образом: 1) Bagritskaya L.G. Pismo V.P. Kataevy, 7.10.1947 г. // RGALI. F. 1399. Op. 2. D. 81. P. 1–4 ob.; 2) Javoronkov B.I. Slovo o Moscovskom Gosudarstvennom istorico-arhivnom institute // GARF. F. R8370. Op. 2. D. 3. 3 p.; 3) Ugolovnoe delo A.N. Harry // CA FSB. D. P-3346. 119 p.

Источники и литература в электронном виде описываются по следующему образцу: 1) Всеобщая декларация прав человека. 1948. 10 декабря. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (Дата обращения: 25.12.2015.); 2) Vseobshhaya deklaratsiya prav cheloveka. 1948. URL: http://www.un.org/en/universal-declaration-human-rights/index.html (Data obrashheniya: 25.12.2015.)

Фамилии зарубежных авторов даются в оригинальном написании.

В тексте статьи ссылки на каждую позицию списка приводятся в скобках, где указывается номер ссылки и через запятую те страницы, к которым отсылается читатель. Например: [5, с. 38]. Отсылки к нескольким позициям приводятся в одних скобках через точку с запятой. Примеры: [1, с. 23–33; 2, с. 15]. Ссылки на тексты, размещенные в сети Интернет, даются без указания страниц. Например: [8].

Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты приводятся в сноске на первой странице. Авторские комментарии и примечания возможны как в тексте статьи, так и в подстрочных (постраничных) сносках.

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1 п.л.

Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел.: +7(925) 517-3691
E-mail: inion@bk.ru

Россия и современный мир № 2 – 2019 (103)

Дата регистрации 23.06.2009

Номер регистрационного свидетельства ПИ № ФС 77-36650

Верстка Н.М. Власова

Корректор
О.П. Дормидонтова

Гигиеническое заключение № 77.99.6.953.П.5008.8.99
от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 06.06.2019 г.
Формат 70x100/16
Бум. офсетная № 1
Печать офсетная
Усл. печ. л. 21,1 Уч.-изд. л. 16,2
Тираж 870 экз. (1–200 экз. – 1-й завод)
Заказ № 43

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
в ООО «Амирит»
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88, литера У
Тел.: 8-800-700-86-33 / (845-2) 24-86-33